А. Я. МАНУСЕВИЧ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

УЧПЕДГИЗ
1952

Библиотека
учителя

А. Я. Манусевич

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА · 1952

Книга А. Я. Манусевича является научно-популярной работой, освещающей важнейшие этапы истории польского народа. В книге прослеживается образование и развитие польского феодального государства, его развал и разделы, борьба польского народа против чужеземного гнёта, решающее значение Великой Октябрьской социалистической революции в восстановлении Польского государства, борьба польских трудящихся во главе с рабочим классом против помещиков и капиталистов, предавших страну гитлеровским захватчикам, создание народно-демократического Польского государства в результате победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и его развитие на пути к социализму.

Книга предназначена для учителей средней школы.

ОТ АВТОРА

Давно назревшая задача создания марксистско-ленинского учебника истории Польши ещё ждёт своего разрешения. Одной из необходимых предпосылок успешного выполнения этой задачи должно явиться глубокое изучение ряда отдельных проблем польской истории, крупнейших социальных движений, роли отдельных классов в истории польского народа. Подлинно научная марксистско-ленинская разработка многих сторон истории польского народа ещё только начинается.

Большим счастьем для каждого исследователя истории Польши является то, что в трудах классиков марксизма-ленинизма содержатся основополагающие суждения о главных и специфических процессах исторического развития польского народа. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, И. В. Сталин многократно обращались к истории Польши. Их труды позволяют дать стройную картину развития польского народа с древних времён и до наших дней.

Настоящая работа представляет собой попытку осветить на основе марксистско-ленинского учения общую линию исторического развития Польши. Работа предназначена служить пособием лишь для первого знакомства с историей братского, свободолюбивого и героического польского народа, с глубокой древности связанного тесными узами с народами Советского Союза и при их помощи победно идущего по пути строительства социализма.

Естественно, что далеко не все вопросы истории Польши освещены в настоящем очерке, не всем освещённым вопросам автор смог отвести заслуживаемое ими место и внимание. В частности, обзору истории польского народа в дофеодальный и феодальный период вплоть до образования Речи Посполитой придан весьма фрагментарный характер; обзор этот служит лишь введением к последующим разделам очерков. Шире в очерках представлена история польского народа в новое время. Особое внимание уделено истории польского народа в новейшее время, когда победа Великой Октябрьской социалистической революции создала условия для образования Польского государства, а победа Советского Союза в Великой Отечественной войне против гитлеровской Германии освободила польский народ от чужезем-

ного гнёта и социального порабощения и открыла перед ним возможность строительства социализма.

Автор считает своим долгом выразить признательность научным сотрудникам сектора истории Института славяноведения Академии наук СССР и другим лицам, прочитавшим очерк в рукописи и сделавшим автору ряд ценных указаний. Много полезного автор извлёк из обстоятельных замечаний на рукопись со стороны С. С. Дзержинской, которой приносит здесь искреннюю благодарность.

Карты в книге исполнены ныне покойным научным сотрудником Института истории Академии наук СССР Н. А. Киселёвым.

Москва. 1948—1949.

ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКАЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

ГЛАВА I

Образование и развитие польского феодально-крепостнического государства с древнейших времён до середины XVIII в.

История польского народа восходит ко временам глубокой древности. Славянские племена, являющиеся предками современных поляков, составляли исконное население обширных пространств в бассейне Одры (Одера), Вислы и Варты.

С начала X в. известны следующие наиболее крупные польские племена: поляне, жившие в бассейне Варты, мазовшане (мазуры), занимавшие земли в среднем течении Вислы, слезяне (силезяне) — в районе верхней и средней Одры, висляне (малополяне), жившие в верховьях Вислы и имевшие основными опорными пунктами Краков и Сандомеж, и др.

Развитие польских племён шло в целом тем же путём, что и развитие их восточных единокровных соседей — русских племён.

Материалы археологических раскопок свидетельствуют о наличии у польских племён к середине первого тысячелетия нашей эры плужного земледелия и развитого ремесла. В результате роста производительных сил первобытно-общинный строй распадался. Родовая община превращалась в сельскую, территориальную, основанную на индивидуальной обработке земли и индивидуальном владении наделами. Известное значение приобрёл труд рабов.

Однако основное направление социально-экономического развития шло по линии становления феодального способа производства и формирования классов феодалов и крепостных крестьян. Процесс классообразования находил своё внешнее выражение в возвышении отдельных родов и военных вождей, превращавшихся в племенных князей. Вместе с появлением антагонистических

классов складывалось и государство. Обособление отдельных племён сменялось постепенным слиянием их в единый народ.

Сохранилось предание о возвышении рода Попелей, распространившего свою власть над довольно большим кругом польских племён. Видимо, борьба между складывавшимися классами и между различными группами формировавшегося класса феодалов объясняет сведения о переходе власти от Попелидов к Пястам — династии, возглавившей большую часть племён Великой Польши и имевшей центром Гнезно.

Сравнительно быстрый процесс образования польского государства был связан не только с ростом классовых противоречий, но и с серьёзной внешней опасностью: польские земли подвергались частым нашествиям викингов Скандинавии и немецких феодалов.

Уже первый исторически достоверный польский князь — Мешко, правивший около 960—992 гг., упорно боролся против германских маркграфов, захватывавших польские земли.

В 966 г. Мешко принял христианство по латинскому (римскому) обряду. Принятие христианства отражало глубину социальных противоречий, не совмещавшихся более с дофеодальной языческой религией. Христианская религия и католическая церковь стали сильным орудием дальнейшей феодализации раннего польского государства.

Принятие христианства по римскому обряду помешало самобытному развитию польской культуры, так как надолго задержало развитие письменности на родном языке и создало привилегированное положение для официального и единственного языка церкви — латинского, открыло страну для происков папской курии и немецких духовных и светских феодалов, ослабило элементы культурной общности Польши с возвышавшейся Киевской Русью.

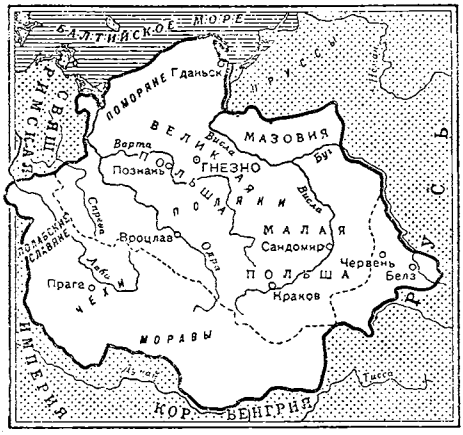
Мешко I вёл упорную борьбу с киевским князем Владимиром Святославичем, пытаясь отнять у него Червенские города.

При сыне и преемнике Мешко Болеславе I Храбром (992—1025 гг.) произошло расширение польского государства, охватившего все основные польские земли. Дальнейшее развитие феодальных отношений в Польше привело к тому, что барщинная повинность распространилась на значительные группы крестьян.

Укрепление и собирание польского феодализирующегося государства происходили в ожесточённой борьбе с немецкими феодалами. В результате почти 15-летней непрерывной войны с римско-германским императором Генрихом II Болеслав I по миру, заключённому в 1018 г. в Будишине, добился признания польской границы, проходившей западнее нижнего течения Одры, западнее Спревы (Шпрее), западнее земель лужичан. Одно время власть Болеслава распространялась на соседние Моравию и Чехию.

Своё положение на западе Болеслав несколько ослабил авантюристическим походом на Русь. Незадолго до своей смерти Болеслав принял королевский титул.

Феодализация страны, закрепощение крестьян наталкивались на упорное сопротивление непосредственных производителей. Как указывает И. В. Сталин, борьба эксплоатируемых крестьянских масс с феодалами-эксплоататорами составляет «...основную черту феодального строя»[1]. Против складывавшегося класса феодалов и духовенства не раз поднимались народные восстания. В 1035 г. произошло крупное восстание впадавших в крепостную зависимость крестьян-кметей, рабов и других зависимых групп населения. Восстание было подавлено объединёнными усилиями польских землевладельцев, киевского князя и германского императора. Разгром восстания ускорил процесс закрепощения крестьян, победу феодальных отношений над остатками родо-племенных отношений. Класс землевладельцев-эксплоататоров, поддерживавших ранее княжескую власть, превращаясь в феодалов, начинает стремиться к децентрализации, к политической независимости, соответствовавшей экономической самостоятельности своей вотчины. По мере того как новые для своего времени феодальные отношения становились господствующими, всё явственнее обнаруживалась непрочность наспех сколоченной и незрелой монархии Пястов.



Польша при Болеславе Храбром в 1018—1025 гг.

Государство первых Пястов явилось переходным этапом от племенной организации, от строя «военной демократии» к феодальному строю. Характерное для феодализма господство натурального хозяйства вело к экономической раздроблённости страны и обусловливало её политический распад. Во второй половине XII в., подобно тому как это произошло и в Киевской Руси, единое польское государство уступило место отдельным самостоятельным полугосударствам — удельным княжествам. Наступил период, когда Польша, как и другие феодальные государства, была раздроблена «...на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз...»[1].

Феодальный распад Польши попытались использовать в своих интересах немецкие феодалы.

В середине XII в. один из немецких князей, Альбрехт Медведь, захватил земли, расположенные вдоль Спревы, и основал маркграфство Бранденбургское. Тогда же другой немецкий феодал, Генрих Лев, подчинил своей власти часть земель поморских славян. А в 1226 г. мазовецкий князь Конрад, находившийся в длительной и безуспешной для него борьбе с соседним народом пруссов, пригласил к себе на помощь разбойничий военно-феодальный Тевтонский орден, созданный немецкими крестоносцами. Так рядом с польскими уделами, за счёт польских земель и даже при помощи отдельных польских феодалов, вырастали очаги германской феодальной агрессии против славян.

Обосновавшись на земле, выделенной ему мазовецким князем, Тевтонский орден вскоре истребил прусский народ и превратился в мощное захватническое государство, пользовавшееся широкой поддержкой папства, императоров и немецких феодалов. В 1237 г. к Тевтонскому ордену присоединился Ливонский орден, или Орден меченосцев, владевший землями в Прибалтике. Немецкие рыцари попытались развернуть наступление на русские земли. Но псы-рыцари, как их называл К. Маркс, были наголову разбиты в 1242 г. новгородским князем Александром Невским. По-иному складывались отношения ордена с Польшей и другим соседом — литовцами: крестоносцы постоянно вмешивались в их дела, провоцировали у них усобицы, натравливали друг на друга отдельные группы феодалов.

Новому возвеличению грабительского Тевтонского ордена благоприятствовало монгольское вторжение. Ослабленные предшествующим героическим сопротивлением Руси и вынужденные бо́льшую часть своих сил выделить для обеспечения захваченных позиций на непокорной русской земле, монголы не смогли распространить своё иго на Польшу. Но их грабительские наезды на Польшу в 1241, 1259 и 1287 гг. привели к разорению и ослаблению страны. Воспользовавшись этим, расширили свою агрессию немецкие феодалы. Они пытались отрезать Польшу и возвысившееся великое княжество Литовское от Балтийского моря, захватили Любушскую и другие земли. Политика немецкого феодального «натиска на Восток» приобрела и новые формы: развернулась колонизация немецкими выходцами опустошённых польских земель. Хотя большинство немецких переселенцев само уходило от феодального гнёта, однако за ними шли, часто используя их в своих интересах, немецкие феодальные захватчики. Немецкие колонисты добивались особых прав и привилегий.

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 11, стр. 336.

Немецкая колонизация помешала сложиться национальному польскому городу. Немцы, писал Энгельс, «...помешали созданию в Польше польских городов и польской буржуазии. Своим особенным языком, своей отчуждённостью от польского населения, тысячью своих различных привилегий и городских статутов, они затруднили осуществление централизации — этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны»[1]. Тогда как на Руси, во Франции и большинстве других феодальных стран города настоятельно стремились к установлению единства страны, в Польше, вследствие господства в городах немецкого элемента, опасавшегося, что централизация государства поможет сложиться и окрепнуть польскому мещанству, польской буржуазии, города часто активно противодействовали всякой попытке сплочения страны.

Между тем развивавшееся разделение труда, оживление экономических отношений между отдельными польскими землями, создание международных торговых путей, пересекавших Польшу, превращение Вислы в основную внутреннюю торговую артерию, заинтересованность феодалов в сплочении своих сил как в целях дальнейшего нажима на непосредственных производителей, так и для отпора внешним врагам создавали предпосылки к сплочению польских земель в единое государство. Народные массы сочувствовали и содействовали борьбе за единство страны, поскольку надеялись таким путём добиться уменьшения разорявших их феодальных усобиц и чужеземных нашествий. К тому же некоторые соседи Польши — Орден, маркграф бранденбургский и чешский король Вацлав II — пытались разделить между собой значительную часть польских земель.

В начале XIV в. владетелю небольшого княжества Брест-Куявского Владиславу Локотку после упорной и продолжительной борьбы удалось подчинить своей власти значительную часть страны. В 1319 г. он был провозглашён польским королём.

Ввиду неослабевавшего противодействия верхушки феодального класса — удельных князей и крупнейших феодалов, магнатов-«можновладцев», — и отсутствия поддержки со стороны городов королевская власть в Польше не смогла добиться ни преодоления обособленности признававших её формальное верховенство владений, ни полного воссоединения польских земель. Более того, сын Локотка Казимир III (1333—1370 гг.) уступил в 1335 г. Силезию чешскому королю Яну Люксембургскому, а за Тевтонским орденом в 1336 г. признал Поморье с Гданьском и некоторые смежные земли.

Казимир попытался вознаградить себя за потери на Западе захватом юго-западных русских земель. В 40-х годах ему при помощи местного боярства удалось овладеть Галицкой и Белзско-Холмской Русью.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 370.

При Казимире были выработаны первые своды законов — Вислицкий статут (1347 г.) для Малой Польши и Петроковский для Великой Польши. Нормы этих статутов говорят о том, что барщина вытеснялась более высокими формами феодальной ренты — оброком и чиншем. Оформление оброчной системы до известной степени облегчало положение зависимого крестьянства. Казимир, в целях обеспечения налоговых поступлений в казну, препятствовал закрепощению оставшихся незакрепощёнными групп кметей; он ограничил срок розыска беглых крепостных одним годом. Крупные магнаты, ненавидевшие Казимира за централизаторские стремления, прозвали его «королём хлопов». В действительности политика Казимира имела целью укрепить феодальное государство и полностью диктовалась интересами класса феодалов. Это не исключало того, что крупные феодалы, ущемлённые налаженным Казимиром управлением отдельными областями страны через особых представителей — старост, и другими мерами королевской власти, не раз поднимали мятежи. В 1352 г. Казимир разгромил конфедерацию (вооружённый союз) крупных магнатов.

При Казимире был сделан важный шаг вперёд к объединению центрального массива польских земель: в 1355 г. князь мазовецкий признал себя вассалом польского короля.

В интересах усиления государства Казимир разрешил создать в 1364 г. в Кракове университет.

Ко второй половине XIV в. окончательно определились основные особенности и результаты объединительной политики, проводившейся под руководством Владислава Локотка и Казимира. Эта объединительная политика не смогла собрать в состав восстановленного единого польского феодального государства всех западных польских земель; наконец, самое единство этого государства было незавершённым ещё и потому, что внутри страны сохранили полунезависимое положение многие уделы; действительная власть на местах принадлежала не агентам королевской власти, а магнатам и съездам феодалов. Незавершённость процесса создания польского единого феодального государства в немалой степени явилась результатом как слабости городов, так и стремлений феодалов к захватам соседних восточных земель.

Начиная с Казимира III, проведшего ряд мер по внутреннему укреплению польского государства и улучшению его тогдашней столицы — Кракова, польские феодалы, не покидая, как правило, оборонительной политики на западе, не переставали домогаться соседних восточных земель.

Бездетный Казимир, последний польский государь из рода Пястов, завещал польскую корону своему племяннику, королю Венгрии, Людовику Анжуйскому. Правитель обширной державы Людовик был кровно заинтересован в сотрудничестве с польскими феодалами и широко шёл навстречу их требованиям.

Вид Кракова.

В 1374 г. в Кошицах он предоставил польским феодалам новые привилегии, ограничивавшие их обязанности по отношению к королевской власти уплатой небольшого налога с земли и несением военной службы на условиях вознаграждения за убытки, понесённые в походах вне пределов государства. В интересах магнатов Людовик вёл начавшиеся ещё при Казимире войны с Литвой за обладание Волынью. После смерти Людовика в 1382 г. «можновладцы», магнаты, пригласили в 1384 г. на польский престол его дочь Ядвигу и вскоре навязали ей в мужья великого князя литовского Ягайлу (Ягелло). При помощи этого брака и связанной с ним польско-литовской унии, заключённой в 1385 г. в Кревe, польские феодалы рассчитывали облегчить себе проникновение в обширное литовско-русское государство. Наряду с антирусской направленностью, особенно сказавшейся в дальнейшем, польско-литовская уния в первую очередь была вызвана необходимостью объединения сил обоих государств для борьбы против захватнической политики Тевтонского ордена.

В интересах польских феодалов Ядвига возглавила поход, закрепивший в 1387 г. всю Галицкую Русь за Польшей. В том же году господарь Молдавии принёс ленную присягу польской короне. Присоединение Галицкой Руси к Польше в качестве её колонии явилось одним из этапов превращения феодально-крепостнического польского государства в многонациональное угнетательское государство.

Расчёты польских феодалов на то, что Кревская уния откроет им доступ в литовско-русские земли, первоначально не оправдались: литовские феодалы, особенно в русско-украинско-белорусской части великого княжества Литовского, упорно противодействовали притязаниям польских магнатов. Борьба между польскими феодалами, с одной стороны, и русскими, украинскими,

«Грюнвальд». Репродукция картины Я. Матейки.

белорусскими и литовскими феодалами великого княжества Литовского — с другой, была одной из важнейших сторон развития событий при Ягайле и его потомках — Ягеллонах.

Между тем над Польшей и литовско-русским государством нависла грозная опасность: Тевтонский орден сколачивал коалицию с тем, чтобы лишить славян и литовцев государственности и низвести их до положения рабов немецких псов-рыцарей. Для отпора врагу Литва и Польша выставили более 100 тыс. войска, состоявшего из полков польских, литовско-белорусско-украинского и русских, в том числе трёх смоленских полков. На стороне славянско-литовской коалиции выступал отряд чешской пехоты, в составе которого находился Ян Жижка, а также отряд татарской конницы.

Орденское войско, основной костяк которого составляли лучшие по тем временам военные силы всей Европы, превышало 80 тыс. человек. В составе орденской армии находились представители 22 феодальных государств.

Историческая битва славян и немецких феодалов, поддерживаемых папой и большинством западноевропейских стран, произошла 15 июля 1410 г. у Грюнвальда, на правом берегу нижнего течения Вислы, вблизи Мальборка (Мариенбурга).

Битва началась нападением литовской конницы на крестоносцев. Литовцы не смогли причинить вреда тяжеловооружённым рыцарям, отступили и рассыпались. Воспользовавшись замешательством противника, крестоносцы начали наступать. Им удалось уничтожить несколько польских отрядов и потеснить чехов.

Напор крестоносного воинства остановили смоленские полки под начальством Юрия Лингвиениевича. Один смоленский полк был полностью уничтожен, но его героическая гибель и стойкость двух других полков позволили польской коннице ударить во фланг рыцарям, а литовцам — оправиться от неудачи. Великая битва закончилась полным разгромом крестоносцев.

Победа у Грюнвальда имела огромное историческое значение — она остановила натиск псов-рыцарей на славянские народы и на литовцев, объединившихся для отпора захватчикам. Но соперничество между польскими и литовскими магнатами, вмешательство Бранденбурга в пользу Ордена, стремление польских панов к захвату украинских и белорусских земель спасли немецкое военно-феодальное государство крестоносцев от полного уничтожения. Несколько оправившись от страшного разгрома, Орден вскоре возобновил свою грабительскую политику, но он уже не пытался покушаться на самое существование Польши и литовско-русского государства. В 1413 г. договором в Городле на Буге Польша и Литва возобновили унию.

Победа при Грюнвальде способствовала значительному росту международного престижа Польши. Вскоре же, начав революционные гуситские войны, чехи обратились к Ягайле с предложением занять чешский престол в целях объединения польско-литовско-чешских сил для дальнейшей борьбы против захватнической политики немецких феодалов. Магнаты, а особенно католическое духовенство, ненавидевшие гуситов, воспрепятствовали осуществлению этих планов.

Воспользовавшись крупной феодальной усобицей в Литве, Польша в 1430 г. захватила у неё западную Подолию с Каменцем. Украинское население Подолии поднялось против захватчиков, которым, однако, удалось установить своё иго и над этой украинской землёй.

Тем временем над странами Центральной и Восточной Европы нависла новая опасность, не менее страшная, чем немецкий феодальный «натиск на Восток»: закрепившись на Балканском полуострове, турки угрожали независимости ряда стран. Ещё в 1396 г. они в битве при Никополе на Дунае разбили соединённые силы многих европейских государств, в том числе и Польши. Их временно приостановившееся продвижение вскоре возобновилось и создало угрозу существованию Венгрии. Венгерские паны избрали королём сына и преемника Ягайлы Владислава III (1434—1444 гг.). Объединение обоих государств усилило сопротивление туркам. Во главе огромного войска Владислав совершил поход до Чёрного моря. Но в битве при Варне он потерпел сокрушительное поражение и сам был убит. Польско-венгерская уния распалась. Польский престол перешёл к другому сыну Ягайлы — Казимиру IV (1444—1492 гг.).

Неудачей Польши в борьбе с Турцией попытался воспользоваться в своих интересах Тевтонский орден.

После тринадцатилетней войны с Польшей Орден по миру, заключённому в 1466 г. в Торуне, возратил Польше часть захваченных ещё до Грюнвальда земель: Гданьск с прилежащей территорией, Вармию и др. Ордену пришлось признать себя вассалом польских королей. Новое поражение Ордена делало Польшу желанным союзником для её теснимых немецкими феодалами и турецкими завоевателями чешских и венгерских соседей. В 1471 г. чешские дворяне избрали королём Чехии сына Казимира, Владислава. Владислав Ягеллон (1471—1516 гг.) закрепился на чешском престоле после длительной борьбы со своим соперником — венгерским королём Матвеем Гуниади. Добившись территориальных уступок со стороны Владислава, Матвей заключил с ним договор о взаимном наследовании. В основе этого договора лежала общность интересов обеих стран перед лицом немецкой и турецкой опасностей. В 1490 г., после смерти Матвея, венгерский престол перешёл к Владиславу. Чешско-венгерская уния сохранялась при сыне Владислава Людовике (1516—1526 гг.). Таким образом, дом Ягеллонов в конце XV — начале XVI в. объединял под своей властью Польшу, Литву с русскими, украинскими и белорусскими землями, Чехию и Венгрию. Ягеллоны этого времени являлись одной из самых могущественных династий Европы.

Ослабление внешней опасности открыло полосу нового нажима польских феодалов на литовских. В то же время резко обострилась борьба между основными прослойками польского феодального класса: его верхушкой, магнатами, и средними и низшими группами — шляхтой. Королевская власть, лавируя между многочисленной шляхтой и могущественными магнатами, делала уступки то одной, то другой группе феодалов.

По ходу борьбы различных прослоек феодального класса сложились основные черты государственного строя польского феодально-крепостнического государства. Слабость королевской власти, проистекавшая в решающей степени от слабости городов, привела к закреплению политической децентрализации страны. В отдельных уделах и землях значительную роль стали играть сеймики — съезды местных феодалов. В соответствии со статутами, или привилегиями, данными королём Казимиром IV в лагере под Нешавой в 1454 г., издание законов, затрагивавших права шляхты, и объявление войн могло иметь место только с согласия сеймиков. Нешавские статуты были важным этапом на пути превращения Польши в дворянскую республику.

Постепенно в практику вошли созывы представителей от сеймиков смежных или близких уделов, а в дальнейшем — съезды представителей, или, как их называли, послов, от отдельных сеймиков всего королевства. На таком общем, «вальном», сейме, состоявшемся в 1496 г. в Петрокове, был принят новый статут, имевший далеко идущие последствия. Петроковский статут резко ограничивал право выхода для крестьян от одного

феодала к другому, или в города, отменял существовавшие ограничения сроков розыска беглых крестьян; освобождал феодалов от уплаты таможенных сборов при вывозе сельскохозяйственных продуктов и при ввозе заграничных товаров, ограничивал права горожан. Продиктованный своекорыстными интересами феодалов, Петроковский статут и вытекавшие из него мероприятия привели к завершению закрепощения непосредственных производителей, подрыву ремесла, упадку городов. Прямым последствием этой политики явилось ослабление польского государства.

Одним из признаков ослабления Польши являлось дальнейшее падение авторитета и значения королевской власти. Магнаты вынудили короля согласиться на формальное ограничение своей власти королевским советом, радой или сенатом, в состав которого входили крупнейшие духовные и светские феодалы. В свою очередь, шляхта в 1505 г. добилась принятого в Радоме постановления, в силу которого отныне для утверждения законов требовалось согласие съезда послов от всех сеймиков. Радомское постановление свидетельствовало о некотором равновесии сил, о некотором компромиссе между магнатством и шляхтой.

Таким образом, умаление королевской власти приводило к установлению своеобразной парламентской формы диктатуры польских крепостников.

Парламентская форма диктатуры польских крепостников получила развитие в период правления Сигизмунда (Зыгмунда) I (1506—1548 гг.). Внешние и внутренние потрясения вынуждали королевскую власть всё чаще созывать представительства всего класса феодалов. Представительный орган — общий, вальный сейм, состоял из двух основных частей — сената, королевской рады, и съезда послов от сеймиков — посольской палаты, посольской избы. Города почти никогда не привлекались к участию в сеймах. Поэтому, в отличие от Генеральных штатов во Франции, Земского собора в России и других аналогичных средневековых учреждений, польские сеймы были органами исключительного представительства класса феодалов.

Обычно сеймы представляли собой арену ожесточённых столкновений враждовавших между собой феодальных группировок. В основе этого лежала своекорыстная вражда шляхты и магнатов, препятствовавшая сплочению и централизации государства.

Социально-экономическое развитие польского государства проходило по линии усиления феодальной эксплоатации непосредственных производителей. Открытие Америки (1492 г.) и морского пути в Индию, перемещение европейских торговых путей, «революция цен», ускорившие в большинстве европейских стран развитие капиталистического уклада, основным своим последствием в Польше имели усиление крепостничества. Стремясь использовать некоторое расширение внутреннего рынка, явив-

шееся результатом известного роста городского ремесла, а также увеличение вывоза хлеба за границу, помещики заменяли чинш и дани барщиной, захватывали крестьянские наделы. Крепостнический гнёт охватывал всё более широкие группы крестьян и приобретал самые чудовищные формы. Помещик неограниченно распоряжался жизнью и собственностью своих крепостных. Сеймы принимали злодейские статуты, направленные против крестьян. Помещики присвоили себе монополию на производство спиртных напитков, на содержание мельниц, кузниц, корчм, облагали поборами каждый шаг крестьян. С особой жестокостью они угнетали крестьян восточной и юго-восточной частей государства. Крестьянское сопротивление наступлению крепостников находило выражение в многочисленных волнениях, бегстве на Русь, на украинские земли, в уходе в казаки. В 1490 г. в Галичине и Подолии произошло крупное крестьянское восстание под руководством Мухи, подавленное лишь объединёнными усилиями украинских и польских шляхтичей.

Домогаясь новых земельных угодий, шляхта и особенно магнаты расхищали «староства» (государственные, королевские) земли. Воспользовавшись реформационными учениями, распространявшимися из Чехии и Германии, они захватывали церковные земли. Реформационное движение, охватившее Польшу в XV—XVII вв., в основном приняло характер борьбы за землю между светскими и духовными феодалами. Укрепив свои позиции за счёт церкви, шляхта и магнаты большей частью возвращались в лоно католицизма.

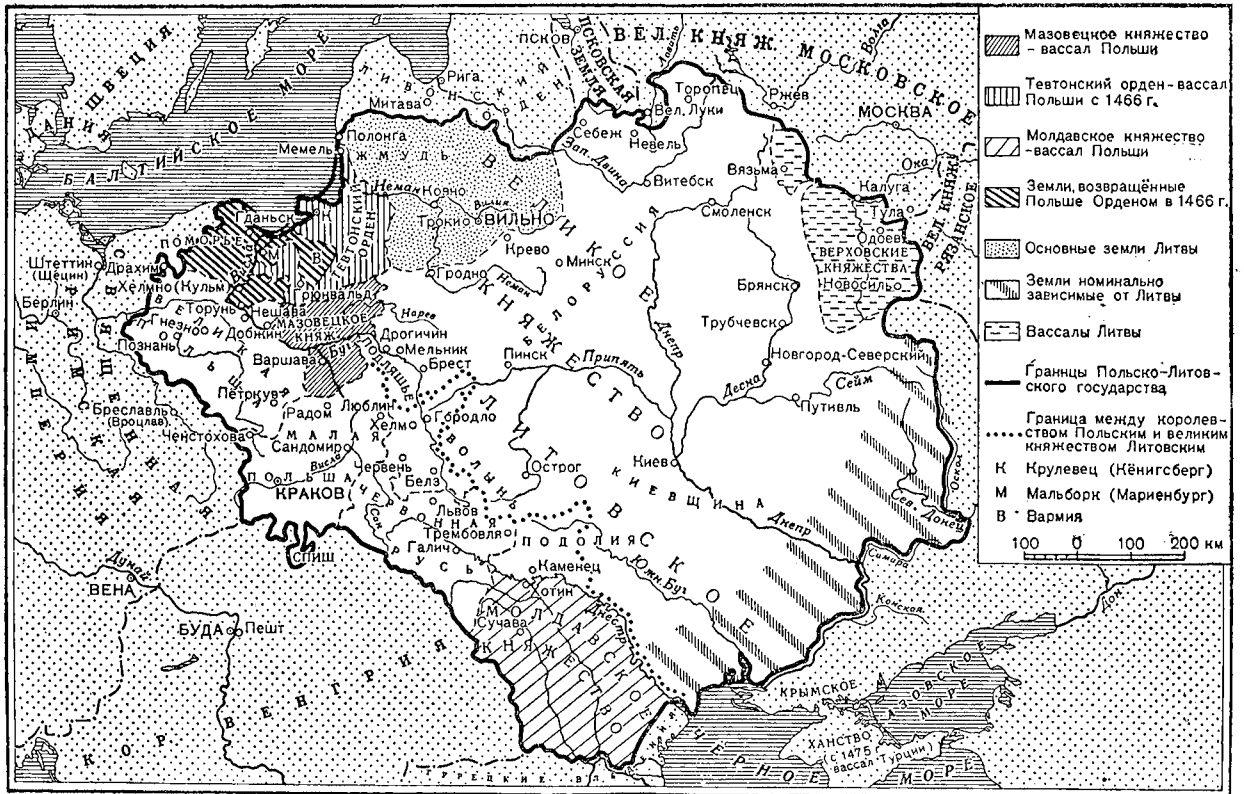
Левое крыло польской реформации представляли ариане-антитринитарии, анабаптисты, польские братья и др. В лоне этих течений шла острая борьба между умеренными группами, выражавшими интересы прогрессивных кругов шляхты и части буржуазии, и радикальным крылом, приближавшимся к отражению антифеодальных позиций плебейства и крестьянства. Но и наиболее радикальные идеологи чуждались народных масс и сторонились народных движений. Ввиду слабости польской буржуазии и непоследовательности прогрессивных элементов шляхты, переходивших в моменты острых классовых битв на сторону самой чёрной реакции, народные движения в Польше, вызванные реформацией, не вылились в события, подобные гуситским революционным войнам в Чехии или крестьянской войне XVI в. в Германии.

Реформация в Польше, несмотря на её поражение, оказала положительное влияние на развитие национальной культуры, формирование литературного языка.

Некоторые сдвиги в экономике и в сознании людей благоприятствовали подъёму национального самосознания и национальной культуры, великим завоеваниям в науке, совершённым польским астрономом Николаем Коперником (1473—1543 гг.). Им было создано гелиоцентрическое учение о строении вселенной.

Николай Коперник.

Существенные изменения во внутреннем положении польского государства происходили на фоне глубоких перемен, происходивших во всей Европе. Важнейшее значение для последующего развития всего человечества имело быстрое и успешное развитие процесса формирования единого национального Русского государства, возглавленного Москвой. Возвышение Москвы происходило в ожесточённой борьбе с Литвой, стремившейся помешать усилению соседа и сохранить за собой обширные русские земли, попавшие в состав великого княжества Литовского после разгрома Руси монголами. В столкновениях и войнах с Москвой Литва терпела поражение за поражением. Победы Москвы до известной степени являлись прямым следствием тяготения к Руси русского, белорусского и украинского населения литовского государства. Пытаясь предотвратить развал своего большого государства, не обладавшего экономической, культурной и этнической общностью, литовские феодалы искали помощи и поддержки у польских крепостников. В отношениях Литвы и Польши происходили существенные сдвиги. Польско-литовская уния, возобновлявшаяся при помощи ряда актов и поддерживавшаяся тем, что после Ягайлы почти все польские короли являлись и великими князьями ли-



Польша и Литва в 1492 г.

товскими, постепенно приобретала характер прямой зависимости Литвы от Польши. Польские феодалы стремились использовать затруднения литовских феодалов для осуществления грандиозных великодержавных планов подчинения себе всей Восточной Европы.

Эти великодержавные захватнические планы находились в явном несоответствии с внутренней слабостью польского государства и с непрерывно нараставшими внешними осложнениями.

Овладев в 1453 г. Константинополем и укрепившись на Балканском полуострове, турки подорвали транзитную торговлю через Польшу, стали угрожать владениям Польши и Литвы. Они подчинили себе господаря Молдавии, находившегося одно время в ленной зависимости от польского короля, вторглись в Галичину и совместно с подчинившимися им крымскими татарами совершали опустошительные набеги на юго-восточные польские земли.

Серьёзная опасность угрожала Польше и с юго-запада. В 1526 г. чешско-венгерский король Людовик Ягеллон погиб в битве с турками при Могаче. Значительная часть Венгрии попала под турецкое господство. Королём Чехии и части Венгрии стал Фердинанд Габсбург, брат могущественного римско-германского императора и испанского короля Карла V. Польша тем охотнее мирилась с дальнейшим усилением Габсбургов, что рассчитывала выиграть от их неизбежных столкновений с турками и отказывалась от планов создания обширного центральноевропейского многонационального государства под своим главенством в пользу планов нового натиска на восточных соседей. Могущество австрийских Габсбургов, создавших мировую империю, подчинивших себе Чехию вместе с польской Силезией и подбиравшихся к другим польским землям, сулило Польше серьёзные испытания.

Но самая грозная опасность надвигалась на Польшу с запада и севера, где продолжал укрепляться Бранденбург. С согласия короля Сигизмунда I магистр Ордена Альбрехт Гогенцоллерн в 1525 г. преобразовал Орден в светское наследственное государство, названное герцогством Пруссия. Герцогство считалось состоявшим в ленной зависимости от польской короны, но эта зависимость была лишь фиктивной. Через некоторое время после создания герцогства Сигизмунд согласился с тем, что в случае отсутствия или пресечения у Альбрехта потомства право наследования герцогской короны перейдёт к другим ветвям дома Гогенцоллернов, в том числе — к маркграфам бранденбургским. Так при попустительстве польских крепостников, поглощённых планами захватов русских, украинских, белорусских, литовских земель, крепли силы немецких феодальных хищников, стремившихся к порабощению польского народа.

Непосредственным районом первоочередных столкновений Москвы и Польши оказались Прибалтийские земли.

Через некоторое время после секуляризации Тевтонского ордена, в 1557 г., Ливонский орден, находившийся в состоянии полной феодальной раздроблённости, постоянно проводивший враждебную Москве политику, заключил союз с государем Польши и Литвы Сигизмундом II Августом (1548—1572 гг.). Вскоре Иван IV Грозный нанёс ордену сокрушительное поражение. Орден распался. Часть его земель вошла в состав герцогства Курляндского, признавшего себя в вассальной зависимости от Польши; Лифляндию с Ригой захватили совместно Польша и Литва, другие бывшие ливонские владения расхитили Швеция и Дания. В войну против Москвы открыто вступила Литва. Поражения, понесённые Литвой в так называемой Ливонской войне с Русским государством, делали её всё более слабой по отношению к союзной ей Польше.

В 1569 г. в Люблине состоялся совместный польско-литовский сейм. Несмотря на противодействие части литовских феодалов, главным образом панов-магнатов, сейм завершился новой польско-литовской унией, покончившей с независимостью великого княжества Литовского, создавшей двуединое польско-литовское государство с общим польско-литовским сеймом и общей внешней политикой. Польские феодалы отделили от великого княжества и насильственно включили в состав «короны», польского королевства, Подляшье (часть Белоруссии), Волынь, Брацлавщину и Киевщину с частью Левобережной Украины. Великое княжество и королевство составляли на федеративной основе одно нераздельное государство — Речь Посполитую (Республику).

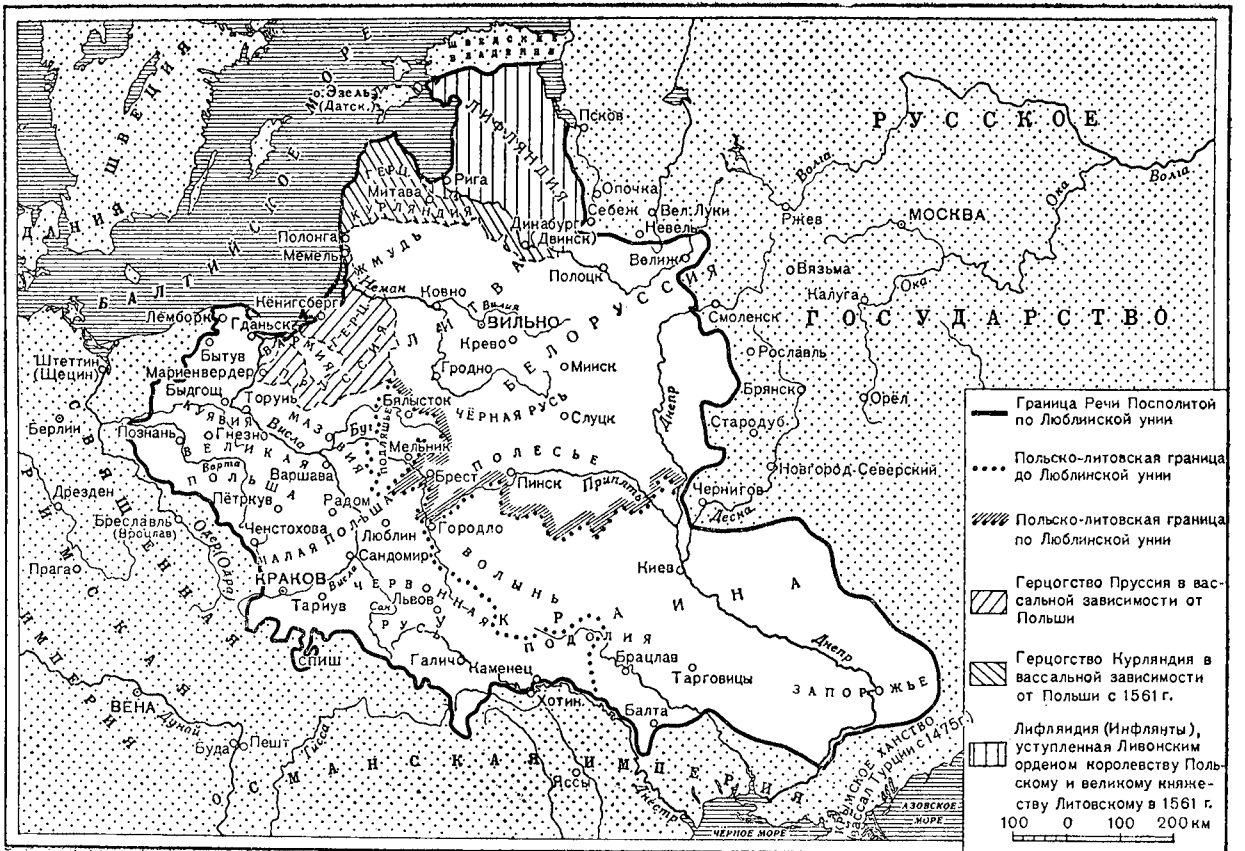
Заключение Люблинской унии 1569 г. являлось важнейшим этапом польского феодального натиска на восток. Вновь образованное обширное государство — Речь Посполитая — представляло собой неизмеримо расширившуюся область господства польских феодалов. Как и некоторые другие феодально-крепостнические государства Восточной Европы, Речь Посполитая представляла собой государство, охватывавшее несколько народностей. В этом отношении к Речи Посполитой полностью может быть отнесено указание И. В. Сталина о том, что на востоке Европы «...образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, ещё не сложившихся в нации, но уже объединённых в общее государство»[1].

Как и в России, в Речи Посполитой «...капиталистического развития ещё не было, оно, может быть, только зарождалось...»[2].

Этим, в сущности, исчерпывается сходство в процессе создания многонационального Русского государства и многонациональной Речи Посполитой.

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 5, стр. 34.
[2] Там же.



Образование Речи Посполитой (Люблинская уния 1569 г.).

В России основой создания многонационального государства, точнее — государства, состоявшего из нескольких народностей, ещё не сложившихся в нации, — явилось уничтожение феодальной раздроблённости, создание централизованной феодальной монархии и развитие городов. В Польше созданию Речи Посполитой предшествовали ослабление городов и победа феодальной децентрализации, своеобразной феодальной, дворянской «демократии». В России созданию многонационального государства предшествовало укрепление и сплочение основного ядра русских земель. В Польше основное ядро польских земель сужалось и уменьшалось под натиском немецких феодалов, добивавшихся успеха в своей захватнической политике в силу того, что польские феодалы всё в большей степени погрязали в политике, направленной к закабалению своих восточных соседей. Для народов, оказавшихся в составе Русского многонационального государства, создавались прочные гарантии от нашествий турок, татар и других народов Востока; одно лишь это обстоятельство создавало относительно благоприятные условия развития народов, находившихся в составе Русского государства. Превращение Польши в многонародную Речь Посполитую не спасло включённые в её состав народности от нашествий турок и татар. Наконец, включение в состав Речи Посполитой создавало смертельную угрозу историческому самобытному развитию складывавшихся в народности украинцев, белорусов, а также литовцев. Польские паны, а вместе с ними и шляхта, ринулись на вновь приобретённые территории, захватывая города, сёла, земли, неся с собой крепостнический гнёт и разорение. Вся Украина, особенно Приднепровье, Киевская и другие земли были расхищены и превращены в ряд крупнейших феодальных владений. Вместе с польскими панами после Люблинской унии в поход на украинские и белорусские земли, на обычаи их населения, на его культуру, на его духовную жизнь, на самые основы его существования двинулась католическая церковь.

Речь Посполитая не могла не оказаться и действительно оказалась плохо сколоченным, слабым государством, раздираемым глубочайшими внутренними противоречиями.

Создание Речи Посполитой, возвеличив могущество магнатов, расхитивших украинские и белорусские земли, привело к ещё большему падению значения королевской власти, ускорило и усилило распад польского государства на огромные полунезависимые феодальные владения. Общность интересов господствовавших в этих владениях феодальных групп не выходила за пределы сотрудничества в целях обеспечения крепостнической эксплоатации польского крестьянства и угнетения литовцев, белорусов, украинцев.

Углубив и расширив противоречия, взрывавшие изнутри польское феодально-крепостническое государство, Люблинская уния приводила к резкому обострению противоречий между

Польшей и Россией. Самое существование последней являлось мощным фактором, ускорявшим нарастание освободительного движения украинского и белорусского народов. Дальнейшее развитие Русского государства требовало возвращения в его состав исконных западных русских земель, являвшихся совместной колыбелью развития русского, украинского и белорусского народов. Единственный путь к удержанию своего господства над землями огромной децентрализованной Речи Посполитой польские феодалы видели в сокрушении Русского государства. Люблинская уния делала неизбежной длительную и острую борьбу между Польшей и Русью.

В прямом выигрыше от обострения русско-польских отношений могли быть только немецкие захватчики. Характеризуя польско-русские отношения за обширный исторический период, восходящий ко времени образования Речи Посполитой, И. В. Сталин говорил: «Отношения между нашими странами в течение последних пяти веков, как известно, изобиловали элементами взаимной отчуждённости, недружелюбия и нередко открытых военных конфликтов. Такие отношения ослабляли обе наши страны и усиливали немецкий империализм»[1].

Порождённая захватническими, эксплоататорскими стремлениями польских феодалов, Люблинская уния сыграла роковую роль в истории польского народа. В конечном счёте, именно к Люблинской унии восходят многие из причин, приведших к краху польское феодально-крепостническое государство.

Другим важным явлением, также оказавшим весьма отрицательное влияние на последующее развитие польского государства, было полное торжество католической реакции в стране. Имели место случаи сожжения «еретиков» и иноверцев. Большое влияние на королевскую политику стал оказывать папский нунций, впервые появившийся в Польше в 1556 г. Огромный вред развитию польской науки и культуры нанесли привлечённые в страну в 1564 г. иезуиты. Своим религиозным фанатизмом, нетерпимостью ко всякой передовой мысли, глубочайшей ненавистью к гуманизму они ускорили культурный упадок страны. Воинствующая политика католической церкви усиливала национальные и религиозные противоречия, обостряла борьбу между феодально-католической эксплоататорской верхушкой и угнетёнными массами православного украинского и белорусского крестьянства.

После Люблинской унии усилился процесс ослабления центральной власти. В 1572 г. умер король Сигизмунд II Август, последний представитель династии Ягеллонов. После года интриг, политической и вооружённой борьбы между отдельными группировками феодалов и иностранных претендентов, среди

[1] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, стр. 182.

которых наиболее значительным был Иван IV Грозный, польский престол занял французский принц Генрих Валуа, ревностный католик, участник Варфоломеевой ночи — массового избиения французских протестантов. Французское правительство не жалело средств для обеспечения победы на выборах французского принца: в Париже надеялись использовать Речь Посполитую в своей борьбе с Габсбургами. При восшествии на престол Генрих Валуа утвердил положение, юридически закреплявшее основные черты государственного и общественно-политического устройства Речи Посполитой: устанавливалась полная власть помещика над крестьянами, признавалась свобода выбора королей, определялась роль короля как исполнителя предписаний сеймов, шляхте разрешалось в случае нарушения королём взятых на себя обязательств отказывать ему в повиновении и т. д.

Не пробыв в Польше и шести месяцев, Генрих Валуа сбежал в Париж, где занял освободившийся французский престол.

Новое «бескоролевье» в Речи Посполитой завершилось в 1576 г. переходом польской короны к воеводе трансильванскому Стефану Баторию, бывшему ленником турецкого султана. Баторий был приглашён на польский престол как носитель планов захватнической войны против Русского государства. Он привлёк на польскую службу наёмные немецкие и венгерские войска, учредил в Вильно иезуитскую коллегию и, чтобы обеспечить благожелательное отношение со стороны западного соседа, назначил маркграфа бранденбургского Фридриха Гогенцоллерна регентом герцогства Пруссии, владетель которой психически заболел. Соединение в одних руках Бранденбурга и Пруссии, носившее пока временный характер, создавало реальную угрозу безопасности польского государства, приносимой в жертву расчётам на успех в борьбе с Москвой.

В 1579 г. поддерживаемый и благословляемый папой, Баторий начал войну против Ивана IV Грозного. Истощившая обе стороны война вынудила Ивана IV в 1582 г. отказаться от приобретений, сделанных по ходу Ливонской войны, но не привела к осуществлению далеко идущих планов польских феодалов.

Восточные дела, поглощавшие все силы Речи Посполитой, облегчали агрессивные происки западных соседей Польши. В 1586 г., после смерти Батория, польский престол попытался захватить австрийский эрцгерцог Максимилиан Габсбург. После упорной борьбы различных группировок шляхты и магнатов польская корона досталась в 1587 г. наследнику шведского престола Сигизмунду Вазе. Избрание Сигизмунда Вазы было связано с расчётами на объединение сил польско-литовских и шведских феодалов для борьбы с Москвой. Но Сигизмунду не удалось закрепить за собой шведский престол, и он только втянул Речь Посполитую в ряд династических войн со Швецией. Эти войны обострили отношения между отдельными группами польских магнатов.

Съезд послов на сейм.

Междоусобная борьба феодалов, достигавшая предельной остроты в период «бескоролевий», являлась неотъемлемым и постоянным фактором политической жизни Речи Посполитой. Магнаты, в первую очередь из числа возвысившихся путём захватов украинских и белорусских земель, превращались в полновластных владетелей, располагавших своим войском, своей казной, своим придворным штатом, только им принадлежащими городами и т. п. Экономически независимые от других частей государства, обеспечивавшие покрытие всех своих потребностей трудом различных категорий многочисленного зависимого от них населения их владений, магнаты превращались и политически в почти независимых государей. В вальном сейме постепенно устанавливался порядок, сближавший его не с парламентскими учреждениями, а со съездом послов как бы независимых и суверенных феодальных республик. В 1589 г. было установлено, что постановления сейма получают законную силу лишь в том случае, если они приняты единогласно. Достаточно было хотя бы одному из послов-депутатов провозгласить на вальном сейме «не разрешаю» («nie pozwolam») для того, чтобы сорвать принятие любого решения. Вскоре выработался порядок, в соответствии с которым в случае, если какое-либо решение не получало единогласного утверждения, то и все принятые до того постановления данного сейма считались утратившими силу.

Право участия в избрании короля и право единоличным протестом останавливать законодательную деятельность являлись основными элементами шляхетской «злотой вольности». В действительности право «свободы запрета» («liberum veto»), будучи проявлением своеобразной феодальной дворянской демократии, отражало процессы распада Речи Посполитой и углубление феодальной анархии, происходившей в стране.

Для принудительного осуществления мероприятий, отвечавших интересам отдельных феодальных партий и группировок, но не получивших единогласных одобрений со стороны сеймов, служила практика создания конфедераций — чрезвычайных шляхетских союзов. Конфедерации созывали свои сеймы, решения на которых принимались большинством голосов и приводились в исполнение силой. Разновидностью конфедераций были рокоши — вооружённые выступления феодалов против королевской власти в связи с обвинением последней в мнимом или действительном нарушении вольностей шляхты. Конфедерации и рокоши со второй половины XVI в. стали обычным явлением в политической жизни Речи Посполитой.

Определяя государственный строй Речи Посполитой, Ф. Энгельс указывал, что он представлял собой «дворянскую демократию» с монархом во главе. «Покоящаяся на крепостной зависимости дворянская демократия, в том виде как она существовала в Польше, — писал он, — ... представляет из себя одну из самых грубых форм общества ...» [1].

Режим «дворянской демократии» практически сводился к всевластию панов-магнатов. Используя формы «дворянской демократии», опираясь на своё экономическое и политическое могущество, магнаты диктовали свою волю шляхте. Шляхта переживала глубокий моральный и политический упадок, отражавший эволюцию феодально-крепостнической экономики страны.

Вызревание капиталистических отношений в ряде стран Западной Европы, оживление мировой торговли, образование Речи Посполитой и некоторый связанный с этим временем рост внутреннего рынка вызвали увеличение спроса на изделия сельского хозяйства и городского ремесла. Возросло значение Варшавы, которая с 1596 г. стала официальной резиденцией короля. Некоторый экономический подъём происходил на основе усиления крепостнической эксплоатации. Добиваясь получения больших масс товарного хлеба, помещики проводили расширение барской запашки, повышение барщины, обезземеливали крестьян. В отличие от Англии, где обезземеливание сопровождалось вытеснением крестьян из деревни, в Речи Посполитой при господстве экстенсивных форм земледелия, обезземеленные крестьяне превращались в дворовых холопов, опускались до положения, мало чем отличавшегося от положения рабов.

Панщина, работа на господской земле, поглощала все силы крестьян. Размер панщины возрос с одного дня в неделю с лана земли в начале XVI в. до шести дней в неделю в конце того же века. Помимо панщины, все члены крестьянской семьи, за исключением одного, должны были в течение двадцати летних дней оказывать помещику специальную «помощь»; крестьяне несли

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 158.

сторожевую и подворную повинности, платили денежные чинши, заготовляли и доставляли помещику дрова, чинили мосты и дороги, давали обязательные «данины» (приношения) хлебом, мясом, овощами и т. п. На крестьян падали поборы в пользу духовенства, повинности при расквартировании войск и др. Крестьянство несло основные издержки феодальных войн.

В целях полного экономического подчинения крестьянства помещики допускали свободную торговлю только хлебом и солью, все же необходимые изделия ремесла крестьяне могли приобретать только через помещичьи лавки. Помещики устанавливали мельничную, кузнечную и другие монополии.

Таким образом, некоторое экономическое оживление в XVI в. было достигнуто в первую очередь и главным образом ценой разорения крестьян. Разорение крестьян — основного производительного класса Речи Посполитой — заводило развитие страны в экономический и политический тупик. Выход из нараставшего хозяйственного и политического упадка могла принести только ликвидация феодально-крепостнического строя.

Польское крестьянство, в соответствии со своими жизненными интересами, вело упорную и непрерывную борьбу против шляхты. Непрерывно происходили разрозненные крестьянские выступления. Но, не получая поддержки и руководства со стороны слабо развитых городских классов, польское крестьянство не смогло разбить устои феодализма и вывести страну на путь капиталистического развития.

Феодально-крепостнический гнёт, невыносимый в собственно Польше, принимал совершенно чудовищные формы и размеры на украинских и белорусских землях Речи Посполитой. Украина и Белоруссия покрылись магнатскими латифундиями, шляхетскими маетками, фольварками. Вместе с польскими магнатами и шляхтой, как потоп хлынувшими после Люблинской унии на украинские и белорусские земли, явились туда ксендзы и иезуиты. Свирепствовавшая в Польше при Сигизмунде III католическая реакция приобрела на Украине и в Белоруссии характер похода на культуру, язык, обычаи местного населения. В 1596 г. польские крепостники при содействии некоторых кругов украинских и белорусских феодалов провели так называемую Брестскую церковную унию, направленную к подчинению православной церкви католической, к подрыву самобытности украинского и белорусского народов, к ликвидации их культуры, к разрушению церковных и культурных связей Украины и Белоруссии с Россией.

На Украине и Белоруссии польский шляхетско-католический гнёт наталкивался на упорное противодействие широких кругов народа. Первоначально организационным центром борьбы украинского народа против польско-шляхетских захватчиков являлась Запорожская Сечь. В 1591—1596 гг. на Украине под руководством Косинского, Наливайки, Лободы произошёл ряд крупных

казацко-крестьянских восстаний. Большие крестьянские восстания произошли в 1590 и 1595 гг. в Белоруссии. В своей освободительной борьбе украинские и белорусские народные массы вдохновлялись ростом и укреплением единокровного, братского русского народа.

Огнём и мечом утверждая своё господство на Украине и Белоруссии, польские крепостники мечтали о покорении Москвы. Разгром Москвы представлялся им и средством к наживе и обогащению, и способом удушения украинского и белорусского освободительного движения, и путём к утверждению католичества и ликвидации православия, и условием упрочения феодально-крепостнической многонациональной Речи Посполитой и превращения её в могущественнейшее и обширнейшее феодальное государство Европы.

Ослабление Москвы в конце XVI — начале XVII вв., вызванное кризисом социальных отношений, польские феодалы попытались использовать для разрешения русско-польских противоречий, вытекавших из Люблинской унии, и польской феодальной агрессии против своих восточных соседей. Под видом борьбы с «узурпатором» — царём Борисом Годуновым, и возвращения власти «законному» представителю династии Рюриковичей, пресекшейся со смертью Ивана IV Грозного и его сына Фёдора, польско-литовские феодалы, вдохновляемые папой, католической церковью, иезуитами, Габсбургами, попытались нанести решающий удар Русскому государству и ликвидировать его самостоятельность.

Первоначально польскому ставленнику, прикрывавшемуся именем погибшего русского царевича Дмитрия, удалось достигнуть существенного успеха: 20 июня 1605 г. Лжедмитрий вступил в Москву. Приняв верховную власть в Русском государстве, самозванец способствовал наводнению русских земель польскими панами и иезуитами. Магнаты и шляхта вели себя на Руси как представители «высшей расы». Они помыкали народом, грабили и разоряли страну.

Польская интервенция вызвала мощный отпор со стороны русского народа. В освободительной войне русский народ казнил Лжедмитрия, разбил нового самозванца — Лжедмитрия II, преградил войскам Сигизмунда III путь к Москве. Многие годы польские разбойники опустошали и грабили Русь. С помощью бояр-изменников они добились провозглашения королевича Владислава русским царём. Но русское народное ополчение, созданное патриотическим призывом нижегородского купца Козьмы Минина и князя Пожарского, в ожесточённой, упорной, продолжительной борьбе отстояло независимость Руси и сокрушило силы изменников и польских и шведских интервентов. В 1618 г. Речь Посполитая оказалась вынужденной официально прекратить военные действия против Москвы. По заключённому в Деулине перемирию на 14½ лет, Речь Посполитая сохраняла Смо-

ленск, Новгород-Северский, Чернигов и некоторые другие русские земли. Однако эти непрочные, случайные захваты не могли вознаградить Речь Посполитую за все последствия интервенции в Русское государство. Интервенция и её последствия привели к дальнейшему ослаблению королевской власти, росту всевластия магнатов и шляхты.

Историческое столкновение Речи Посполитой и Руси, вызванное польской феодальной агрессией, завершилось крахом интервентов. Интервенция сопровождалась подрывом ограниченных сил Польши и обострила социальные, национальные, религиозные противоречия в Речи Посполитой. Как и всякая польская агрессия на восток в предшествующие времена, польская интервенция начала XVII в. была использована хищными соседями Речи Посполитой, поживившимися за её счет. Турецкий султан в 1617 г. навязал ослабевшей Речи Посполитой унизительный договор, обязывавший её выплачивать дань султану, в 1620 г. разгромил под Цецорой польские войска, и лишь победа, одержанная казаками в 1621 г. под Хотином, спасла Польшу от турецкого нашествия.

Существенно укрепил своё положение по отношению к Речи Посполитой Бранденбург: в 1618 г. Сигизмунд III согласился на переход так называемой герцогской Пруссии, находившейся в ленной зависимости от польской короны, к курфюрсту Иоганну-Сигизмунду Гогенцоллерну. Новый ленник, один из сильнейших германских государей, не желал мириться с зависимостью Пруссии от Речи Посполитой и стремился овладеть польскими землями, отделявшими его новые владения от Бранденбурга.

Швеция, с конца XVI в. находившаяся в частых войнах с Речью Посполитой, возобновила с ней вооружённую борьбу в 1617 г. Военные действия Швеции против Речи Посполитой являлись частью общеевропейской Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.). Результатом первого этапа этой войны явилась ликвидация в 1620 г. самостоятельности Чехии и превращение её в австрийскую провинцию. Так, вдоль юго-западных границ Речи Посполитой, путём разгрома давнишнего союзника Польши и родственного полякам чешского народа, укрепилась захватническая многонациональная антиславянская монархия Габсбургов. Только под давлением Русского государства, а также Англии и Франции, солидарно стремившихся втянуть Швецию в войну против Австрии и приостановить её захваты в Польше, Речь Посполитая добилась в 1629 г. прекращения военных действий со Швецией на весьма тяжёлых для себя условиях.

В 1632 г., при вступлении на престол Речи Посполитой Владислава IV возобновилась война с Москвой. По русско-польскому Поляновскому мирному договору 1634 г. Владиславу пришлось отказаться от царского титула, который он пытался оставить за собой со времени интервенции.

Продолжая сохранять постоянство лишь в своей антирусской политике, Речь Посполитая всё в большей степени лишалась самостоятельного значения в европейской жизни и искала поддержки либо у Франции, либо у Австрии.

Одним из величайших последствий поражений польских феодалов в борьбе с Москвой явилось усиление освободительной войны угнетённых народов Речи Посполитой. В широких кругах украинского и белорусского народов зрела надежда на возможность сбросить с помощью Руси польское феодально-католическое иго.

Усилившиеся и участившиеся с 20-х годов XVII в. разрозненные казацко-крестьянские восстания на Украине привели в 1648 г. к общенародной освободительной войне украинского народа. Освободительная борьба украинского народа послужила толчком к восстаниям в Белоруссии и на Смоленщине.

Народно-освободительная война на Украине, проходившая под руководством Богдана Хмельницкого, находила широкий отклик среди польского крестьянства. Под Варшавой действовали отряды повстанцев. В самой столице Польши был раскрыт и зверски подавлен заговор бедноты, намеревавшейся поддержать борьбу украинского народа с феодальным гнётом.

В то время как феодалы расправлялись с отдельными крестьянскими выступлениями, новый польский король иезуит Ян-Казимир, избранный в 1648 г. после смерти своего брата, пытался успокоить и дезориентировать крестьян лживыми обещаниями улучшить их положение.

Летом 1651 г., в связи с возобновившейся после временного перерыва борьбой украинского народа, в Малой Польше поднялось крупное восстание крестьян. Хмельницкий стремился оказать помощь повстанцам. Краковский епископ созвал шляхетское ополчение, которому удалось разбить крестьянские отряды. Руководитель восстания Костка Наперский был посажен на кол. Разгром восстания Костки Наперского, равно как и временные неудачи украинского народа, приостановили дальнейшее развёртывание крестьянской войны в Польше.

Самоотверженная борьба украинского народа против иссушавшего его душу господства польских феодалов, пользовалась горячим сочувствием со стороны русского народа. С самого начала восстания московское правительство оказывало помощь и поддержку Украине. 1 октября 1653 г. Земский собор, созванный в Москве, решил в соответствии с пожеланиями украинского народа осуществить присоединение Украины к Русскому государству. Такое же решение вынесла 8 января 1654 г. Украинская Рада, собравшаяся в Переяславле.

Польские феодалы не хотели мириться с потерей богатейших владений. В начавшейся русско-польской войне из-за Поднепровской Украины и возвращения Русскому государству его западных земель польские войска понесли ряд тяжёлых поражений.

Русский царь занял Вильно, затем Ковно и Гродно.

В 1655 г., воспользовавшись обессилившей Речь Посполитую борьбой с Украиной и Москвой, на Польшу напали шведский король Карл X Густав и бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм. Одновременно против Яна-Казимира восстали некоторые группы магнатов.

Литовский великий гетман Радзивилл объявил об унии со Швецией; шведы захватили Варшаву и Краков; курфюрст овладел польскими землями, отделявшими Бранденбург от его владений в Пруссии. Ян-Казимир искал спасения в Силезии. Польша была на грани потери независимости. Карл X Густав достиг соглашения с курфюрстом, трансильванским воеводой и Хмельницким о разделе Речи Посполитой.

Богдан Хмельницкий.

От полного распада и чужеземного порабощения Речь Посполитую спас польский народ: в ответ на грабёж и насилия, учинявшиеся шведами, и их политику, направленную к разделу страны, поднялось крестьянство. Часть польской шляхты, отстаивая свою «злотую вольность» от шведского абсолютистского режима, использовала крестьян и взяла в свои руки руководство народным движением. Сам король Ян-Казимир лицемерно обещал после изгнания шведов отменить крепостную зависимость.

Шведская интервенция вызвала ряд последствий международного порядка. Не желая способствовать шведским захватам, русский царь Алексей Михайлович не только прекратил войну с Речью Посполитой, но и заключил с ней в 1656 г. союз против Швеции, договорившись при этом, что ближайший сейм изберёт царя наследственным польским королём.

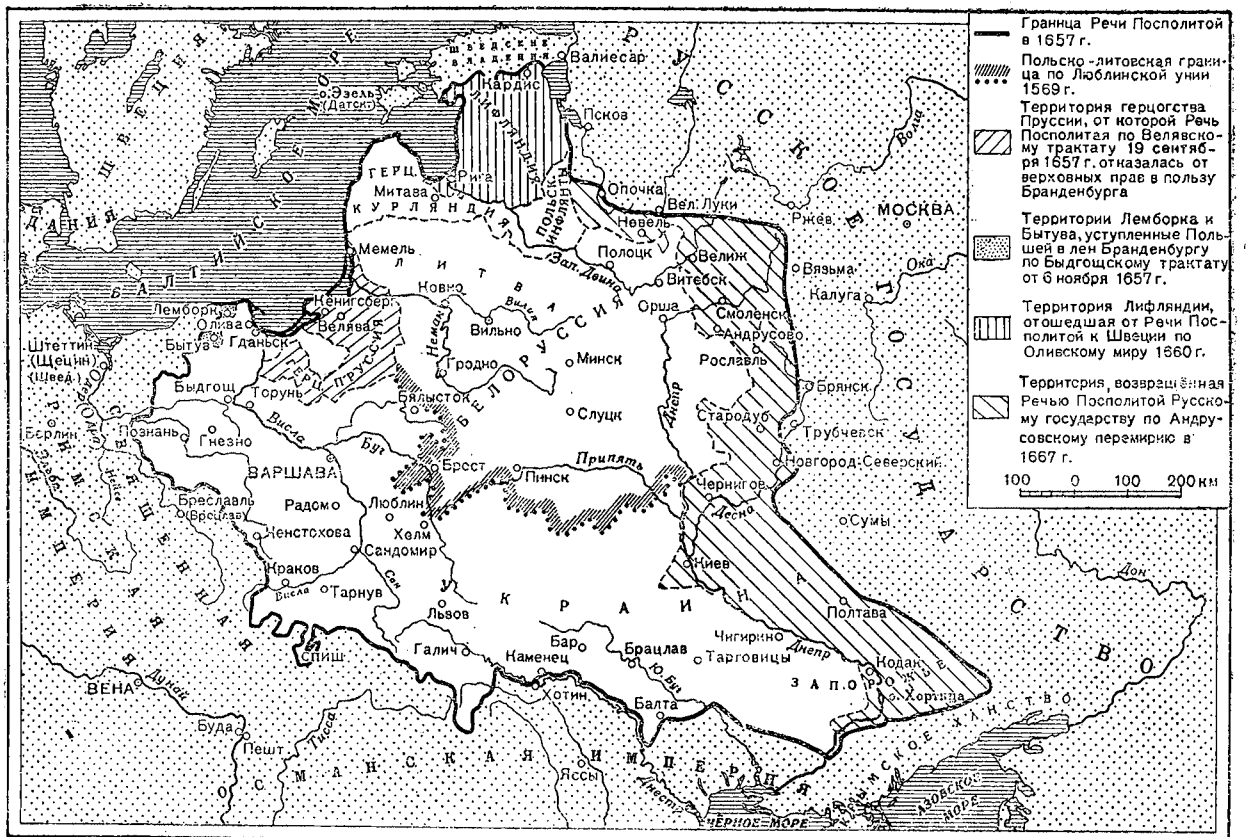
Ценой важных уступок поляки добились поддержки со стороны татар, Австрии и Дании. Курфюрст Бранденбурга, вынудив польское правительство по Велявско-Быдгощским трактам 1657 г. признать освобождение своих прусских владений от ленной зависимости польской короне, порвал союз со Швецией. Положение шведов, со всех сторон теснимых крестьянами, стало

затруднительным. Нападение на Речь Посполитую трансильванского воеводы Юрия II Ракоци, успевшего было захватить Краков, соединиться со шведским королём и вступить в Варшаву, закончилось неудачей.

После первых же успехов в борьбе со шведами польские феодалы обратились против своего крестьянства. Сразу же возобновили они и активную политику на Украине. Сговор польских магнатов с украинским гетманом-предателем Выговским, направленный против украинского народа и Русского государства, и отказ магнатов согласиться на избрание Алексея Михайловича королём, принудили царя возобновить в 1658 г. войну с Речью Посполитой и заключить со Швецией перемирие. Однако положение Швеции оказалось весьма затруднительным: против неё выступили вооружённые силы Речи Посполитой, Дании, Австрии, Бранденбурга, враждебную ей позицию заняли Англия и Голландия. Швеция оказалась заинтересованной в быстрейшем окончании войны.

Для того чтобы облегчить себе борьбу с Москвой, правительство Речи Посполитой при французском посредничестве заключило в 1660 г. в Оливе, под Гданьском, мир со Швецией. Король Ян-Казимир отказался от сохранявшегося за польскими королями из династии Ваза титула короля шведского, уступал Швеции большую часть Ливонии с Ригой и признал принадлежность Швеции Эстляндии и острова Эзель. Этим же договором подтверждалась полная независимость от польской короны бранденбургских владений в Пруссии. С подписанием Оливского мира Речь Посполитая теряла основные позиции на Балтийском море и мирилась с возвышением за её счёт Швеции и Бранденбурга.

Своекорыстные расчёты короля и магнатов компенсировать унизительный и тяжёлый для Речи Посполитой Оливский мир за счёт Москвы и Украины не оправдались: по Андрусовскому перемирию 1667 г. Речи Посполитой пришлось возвратить Русскому государству Смоленск, Северскую землю и признать соединение с ним всей Украины, лежащей на левом берегу Днепра; кроме того, к Русскому государству отходил на два года Киев. Некоторые внесённые в договор оговорки создавали основание для удержания Киева за Москвой. Заключение Андрусовского перемирия происходило в обстановке существенных сдвигов во внешнеполитическом положении как окрепшего Русского государства, так и ослабевавшей Речи Посполитой: им обоим угрожал извечный враг — Турция, пытавшаяся при помощи крымских татар овладеть Украиной и южными землями Польши. Вышедшая победительницей в борьбе с Речью Посполитой, Москва проявила широкое понимание своих государственных интересов и выразила готовность поддержать своего недавнего противника в его отношениях с султаном. Дружественная позиция Москвы позволила Речи Посполитой отказаться от навязанного ей Турцией в 1667 г. унизительного договора.



Территориальные потери Речи Посполитой в 1657—1667 гг.

Андрусовское перемирие завершало целую историческую полосу внешней политики Речи Посполитой. Оно фиксировало крах антимосковской политики Речи Посполитой и её политики денационализации, ополячивания, окатоличивания украинского народа. Однако эту политику с ещё бóльшим упорством продолжали проводить польские паны в Белоруссии, а также в Галичине, на Волыни и других оставшихся под их властью украинских землях. Историческое поражение Речи Посполитой в борьбе с Русским государством углубляло кризис польской феодально-крепостнической дворянской демократии.

Сеймы всё чаще переставали соглашаться с предложениями короля и высших сановников. «Liberum veto» получило широкое применение. Почти непрерывно происходили феодальные усобицы, рокоши, завязывались и распускались конфедерации. Религиозная нетерпимость по отношению к некатолическому, христианскому населению — диссидентам — стала превосходить гонения прежних столетий.

Политический распад страны, длившиеся почти в течение века непрерывные войны, опустошительные вторжения неприятельских армий, усобицы, мятежи нанесли непоправимый удар польской феодально-крепостнической экономике. Страна была совершенно истощена. Крестьянство подвергалось полному разорению. Города пришли в запустение. Внешняя торговля, вывоз хлеба сократились во много раз по сравнению с серединой XVI в. Бóльшая часть шляхты обеднела и разорилась. В деревне и городе расцвело ростовщичество.

В условиях общего экономического и политического кризиса только феодальная аристократия (магнаты), с относительно меньшими потерями прошедшая через полосу войн и крестьянских восстаний, сохранила известный достаток. Страна всё больше дробилась на отдельные феодальные республики, возглавлявшиеся могущественными магнатами. Известное единство государства поддерживалось только общностью эксплоататорских интересов всего феодального класса по отношению к закрепощённому крестьянству и продолжавшим томиться под польским феодальным игом украинцам Галичины и Правобережья, белорусам и литовцам.

ГЛАВА II

Распад и разделы феодально-крепостнической Речи Посполитой

В середине XVII в. открылся новый период всемирной истории: в передовых странах Западной Европы развился и окреп капиталистический уклад хозяйства, в Англии победила буржуазная революция. Существенные изменения происходили в развитии ближайших соседей Речи Посполитой: в Австрии, в Русском

государстве, в Бранденбурге утверждался абсолютизм. Только Речь Посполитая оставалась во власти феодальной анархии, обусловившей политический и экономический упадок, духовное одичание страны.

«Постепенная деморализация правящей аристократии, недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломили, наконец, силу Польши, — пишет Энгельс. — Страна, которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все её соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города, — такая страна была обречена на гибель»[1].

Производительные силы страны деградировали. К концу XVII в. категория крестьян-кметей, располагавших запашкой, способной покрыть самые скромные потребности крестьянской семьи, составляла только около $^1/_5$ всего крестьянства; свыше половины всех крестьянских хозяйств относилась к категории малоземельных, загродников; около $^1/_5$ крестьян была безземельными халупниками, имевшими избу, или принадлежала к деревенскому крепостному плебсу—каморникам, не располагавшим даже собственным жильём.

Стремясь к расширению своего хозяйства и не имея больше возможности увеличивать свои земельные фонды путём внешних захватов, помещики обезземеливали крестьян и повышали барщинные повинности. Постоянно увеличиваясь, отработочная рента достигла в XVIII в. 12 урочных дней в неделю с полного надела крестьянской земли, т. е. ежедневно 1—2 члена крестьянской семьи находились на барщине. Значительная часть крестьян перестала быть самостоятельными производителями и превратилась в подневольных работников фольварка.

Обширный размер многих магнатских поместий и стремление к освобождению от хозяйственных забот и к быстрейшему извлечению доходов побуждали крупных феодалов сдавать свои владения по частям управителям и арендаторам. Заинтересованные в выжимании максимального дохода, арендаторы-«державцы» довершали полное разорение крестьян.

Резкий упадок внешней торговли — вывоз хлеба сократился со 100 тыс. ластов (ласт — $2^1/_2$ тонны) в год в первой половине XVII в. до нескольких тыс. ластов в середине и 20—30 тыс. ластов к концу того же века — лишал феодалов основного источника денежных доходов. Внутренний рынок в условиях упадка городов и консервации феодальных порядков играл самую ничтожную роль в потреблении продукции фольварочного сельского хозяйства. Выход из затруднений феодалы нашли в переработке хлеба на водку. Для обеспечения сбыта водки помещиками, как правило, устанавливалась для крестьян пропойная

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 159.

Магнат и шляхтичи (начало XVII в.).

повинность. Корчма и корчмарь стали составным элементом феодально-крепостнического гнёта.

Крестьяне чаще и упорнее прежнего пытались сбросить ярмо крепостнической эксплоатации. Каждое имение, каждый фольварк восточной части государства не выходили из состояния гражданской войны между феодалами и крепостным крестьянством. Однако разрозненность крестьянских выступлений при полном упадке городов и феодальной раздроблённости страны обрекала их на неудачу.

Всевластие магнатов поистине не знало пределов. Их противоречивые взаимные интересы и упорное стремление шляхты отстоять свою «злотую вольность» создавали почти непреодолимое препятствие всяким попыткам королевской власти покончить с феодальной анархией на почве сохранения и укрепления феодальных отношений.

Анализируя процесс развития феодально-крепостнической Речи Посполитой, Энгельс писал, что возникновение крупной аристократии внутри дворянства и распад дворянской демократии, покоящейся на крепостном праве, был шагом вперёд. Но

следствием этого шага было то, что «Аристократия принуждена была заключить союз с заграницей, чтобы покончить с дворянской демократией»[1].

Не будучи в состоянии преодолеть дворянскую демократию, а также потерпев внешнеполитические неудачи, Ян-Казимир в 1668 г. отрёкся от престола. Выборы нового короля сопровождались междоусобной войной отдельных группировок магнатов, поддерживавших различных иностранных претендентов. Средние слои шляхты вообще противились иноземным кандидатурам, опасаясь, что, опираясь на связи с абсолютными монархами, короли-иностранцы покусятся на их «вольность». После ряда вооружённых столкновений во время элекционного сейма, собравшего до 80 тыс. шляхтичей, королём был провозглашён Михаил Вишневецкий (1669—1673), сын одного из крупнейших магнатов, лишившийся значительной части своих богатств после потери Речью Посполитой Левобережной Украины.

В течение непродолжительного правления бездарного Михаила Вишневецкого феодальная усобица не утихала. Внутренним развалом Речи Посполитой наиболее успешно, как и в предшествовавшие годы, пользовались татары и турки. Их отряды совершали частые набеги на польские земли, забирались вглубь страны, уводили многие тысячи пленных. В 1672 г. войска султана разорили Подолию и захватили считавшуюся неприступной крепость Каменец. Тогда московское правительство обратилось к английскому, испанскому, французскому и другим дворам с предложением о создании антитурецкой коалиции в помощь Польше. Это предложение не встретило благожелательного приёма. Речь Посполитая поспешила купить мир с султаном позорным договором, заключённым в 1672 г. в Бучаче. По этому миру Речь Посполитая признала верховные права султана по отношению к Правобережной Украине, уступала ему Подолию с Каменцем, обязывалась выплатить единовременный платёж и регулярно поставлять дань и соглашалась на свободный проход турецких войск против Москвы. Ввиду благоприятной позиции России сейм не утвердил Бучачский договор, и польско-турецкая война возобновилась. Не объявив Турции официально войны, Москва, начиная с 1674 г., оказывала военную помощь Речи Посполитой.

Опасность турецкого погрома несколько примирила враждовавшие феодальные клики. После смерти Вишневецкого, в 1674 г., королём был избран талантливый полководец Ян Собеский. В 1675 и 1676 гг. он отбил две новые попытки турецкого вторжения вглубь Речи Посполитой. Решив нанести главный удар по России, султан пошёл на мирные переговоры с Яном Собеским и сделал ему уступки за счёт Правобережной Украины, фактически находившейся под властью царя. Это

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 397.

привело к разрыву Москвы с Речью Посполитой. Россия в 1676—1681 гг. вела успешную для себя войну с Турцией.

Под давлением Франции Ян Собеский склонялся к антиавстрийской и антибранденбургской политике. Такая политика сулила возможность возвращения под польскую власть Пруссии, Силезии и некоторых других земель. Но активная антинемецкая и антиавстрийская политика оказалась затруднительной для Собеского, так как от неё выигрывал, прежде всего, турецкий султан, угрожавший Австрии. В 1683 г. Собеский выступил во главе польского войска на помощь подвергшейся турецкому нашествию Австрии и под Веной 12 сентября наголову разбил турецкие войска. Эта победа Яна Собеского имела общеевропейское значение, так как отвратила опасность распространения власти султана на новые страны и народы.

Несмотря на несомненные успехи в борьбе с турками, Речь Посполитая не могла считать своё положение сколько-нибудь устойчивым без наличия прочных отношений с Москвой. Со своей стороны, Россия продолжала стремиться к созданию антитурецкого союза. После длительных переговоров, происходивших в Москве, 6 мая 1686 г. между Россией и Речью Посполитой был заключён договор о вечном мире и союзе обоих государств против Турции. «Вечный мир» подтверждал территориальные изменения, установленные Андрусовским договором, признавал нерушимые права России на Киев, признавал свободу вероисповедания для православного населения Речи Посполитой и давал русскому правительству право делать польскому правительству представления в пользу своих православных единоверцев. Это последнее право превращало Россию в законного покровителя православных подданных Речи Посполитой.

В соответствии со своими союзными обязательствами, Россия вступила в войну с Турцией. Благодаря выдающейся роли России антитурецкая коалиция вынудила турок перейти к обороне. В эти годы Собеский даже добивался подчинения Молдавии.

При Яне Собеском польским феодалам удалось вернуть под свою власть, кроме части Подолии, большую часть Правобережной Украины. Прямым последствием этого явилась новая полоса продолжительной и упорной борьбы украинского народа против господства польских магнатов, за воссоединение с Левобережной Украиной. Освободительное движение широкой волной прокатывалось и по Галичине. В собственно Польше магнатам и шляхте удалось на время подавить крестьянское движение и ещё туже затянуть петлю крепостнической эксплоатации. Упадок экономики, феодально-крепостническая реакция, исступлённая, фанатическая пропаганда католицизма и жестокие преследования иноверующих, возвеличение магнатов продолжали подрывать силы Речи Посполитой.

Умело используя в своих интересах своеволие шляхты, оказывая поддержку отдельным группировкам магнатов, иностран-

ные державы всё в большей степени превращали Речь Посполитую в арену столкновения своих интересов. С конца XVII в. армии соседей Польши нередко беспрепятственно передвигаются по её территории, производят сбор провианта, набирают рекрутов. Современники сравнивали Речь Посполитую с заезжей корчмой, которой пользуются, не оплачивая услуг.

Если Речь Посполитая всё ещё сохраняла положение независимого государства и не подвергалась разделу, то это проистекало вовсе не от её внутренней силы, а являлось лишь результатом соперничества её соседей, до известной степени и до определённого времени парализовавшего их собственные захватнические аппетиты.

Во время правления Яна Собеского столкновения иностранных государств на почве влияния в Речи Посполитой находили своё выражение в заговорах и мятежах, инспирировавшихся из-за границы. Широкую шпионскую, антигосударственную деятельность в Речи Посполитой проводили папские нунции и руководящие чины католической церкви. В «бескоролевье» 1696—1697 гг. произошли новые войны отдельных магнатских партий, закончившиеся избранием на польский престол иностранного государя — курфюрста соседней Саксонии Августа II (1697—1733).

Своей несколько неожиданной избирательной победой курфюрст был обязан поддержке молодого русского государя Петра I, решительно предостерёгшего Речь Посполитую от избрания королём наиболее вероятного претендента — французского принца Конти. Эта позиция Петра I была вызвана тем соображением, что под руководством Парижа Речь Посполитая могла оказаться в конфликте с Веной и в союзе с её противником и противником Москвы — султаном. Победы, одержанные Петром I в Азовском походе 1695—1696 гг. против турок, помогли Австрии и Речи Посполитой заключить с султаном выгодный для них мир в 1699 г. в Карловицах. По миру Турция отказалась от своих притязаний на Подолию и Правобережную Украину.

Со времени заключения Карловицкого мира Пётр I и Август II получили возможность приступить к осуществлению плана, предварительно изложенного русским царём на свидании с королём в Раве-Русской ещё летом 1698 г. План этот заключался в изгнании Швеции из восточной Прибалтики. Склоняясь к союзу с Петром, Август II рассчитывал в результате победы и при помощи своей саксонской армии укрепить свою власть в Речи Посполитой. К двум союзникам примкнул датский король. Отношения и цели сторон были закреплены союзным договором, подписанным 21 ноября 1699 г. в селе Преображенском, под Москвой. Так составился Северный союз, направленный против Швеции. Война за испанское наследство, назревавшая в это

время между Францией, Австрией и другими странами, благоприятствовала коалиции.

Сенат Речи Посполитой, опасаясь абсолютистских поползновений короля, отказался объявить войну Швеции. Тогда Август II решил действовать при помощи одних саксонских войск. Вскоре датский король, разбитый шведами, вышел из коалиции, а Пётр I потерпел поражение под Нарвой. Вслед за тем шведы, предводительствуемые Карлом XII, обратились против Августа II.

Тотчас же вслед за Нарвским сражением, в январе 1701 г., бранденбургский курфюрст Фридрих III объявил себя прусским королём. Этот акт был явно направлен против Речи Посполитой, так как одна из польских провинций носила название Пруссия. Август II всё же принёс поздравления новому королю, что вызвало возражения со стороны сейма. Сейм потребовал заключения мира со Швецией. Но Август II продолжал свою политику, подкреплённую новым соглашением с Петром I, достигнутым во время свидания в феврале 1701 г. в Биржах (Литва).

Несмотря на участие Августа II, как саксонского курфюрста в войне, Речь Посполитая продолжала сохранять нейтралитет. Не считаясь с нейтралитетом Речи Посполитой, шведы начали вторжение на её территорию. Шведское вторжение побудило часть польских магнатов обратиться за помощью к России. Литовские паны и шляхта поставили себя под защиту Петра I.

Карл XII в мае 1702 г. овладел Варшавой, а затем занял Краков. Успеху шведского короля способствовало то, что польские магнаты использовали значительную часть своих сил для борьбы с освободительным восстанием украинцев Правобережья. Карл XII принудил образовавшуюся в Варшаве конфедерацию объявить в июле 1704 г. Августа II низложенным и избрать в короли познаньского воеводу Станислава Лещинского. Тогда польско-литовские представители от имени всей Речи Посполитой заключили в августе 1704 г. под Нарвой союзный договор с Россией, означавший официальное вступление Речи Посполитой в Северную войну. Россия обязалась выплачивать Речи Посполитой субсидию и предоставить ей войска для борьбы со шведами. Подписание Нарвского договора свидетельствовало как о возрастании сил России, так и неспособности Речи Посполитой отстаивать свою независимость без прочного союза с Россией. Несколько укрепив своих сторонников в Польше, Карл XII перенёс военные действия в Саксонию и наголову разбил войска Августа II. По миру, заключённому со шведами в деревне Альтранштадт, Август II отрёкся от польской короны и признал Станислава Лещинского королём Речи Посполитой. Но значительные круги польской шляхты и магнатов не желали мириться с режимом Карла XII и его ставленника и продолжали уповать на Нарвский союзный договор с Россией.

Расправившись со своим польско-саксонским противником, Карл XII обратился против Русского государства. Он намеревался уничтожить единство России, разбить её на ряд вассальных княжеств, а Украину передать своему союзнику и вассалу — Станиславу Лещинскому. Заняв было большую часть территории Речи Посполитой, включая Варшаву, Пётр I долго не принимал решающего сражения. Он постепенно отводил русские войска на восток, втягивая активной обороной наступавшие шведские войска в глубь враждебной им страны. В битве под Полтавой в июне 1709 г. армия Петра I сломила могущество шведов.

Лишь только весть об историческом разгроме Швеции достигла саксонского курфюрста, как он порвал Альтранштадтский мир и вскоре вернул себе польский престол.

Август II стремился покончить с режимом «злотой вольности» и установить в польско-литовском государстве централизованную наследственную королевскую власть. Планы Августа II натолкнулись на противодействие магнатов и шляхты, выступивших в защиту своих «свобод» и составивших в 1715 г. конфедерацию в Тарнограде.

Против абсолютистских поползновений Августа II решительно выступил и Пётр I. Русский государь не хотел ни усиления польско-саксонского государя, ни неизбежного при осуществлении плана Августа II вознаграждения Пруссии и Австрии за счёт Польши. По требованию Петра I, войска которого опять занимали значительную часть Речи Посполитой, между конфедератами и Августом II в 1716 г. в Варшаве был заключён трактат. Трактат обязывал Августа II увести саксонские войска из Речи Посполитой, запрещал в будущем какие-либо конфедерации и устанавливал предел численности наёмного коронного войска в 18 тыс. человек, а литовского в 6 тыс человек. Варшавский трактат был в декабре 1717 г. без прений утверждён сеймом, получившим название «немого».

Пытаясь преодолеть противодействие Петра I своим планам, Август II настойчиво и малоуспешно интриговал против царя и в Вене, и в Берлине, и в Париже, и в Лондоне и в конечном счёте восстановил против себя большинство европейских дворов. В 1732 г. Россия, Пруссия и Австрия, взаимно не доверяя одна другой, заключили в Берлине договор, предусматривавший сотрудничество трёх держав при избрании преемника Августа II и недопущение ими изменений внутреннего устройства Речи Посполитой. Берлинский договор, создавший «союз трёх чёрных орлов», устанавливал нечто близкое к иностранному протекторату над Речью Посполитой: отныне всякое изменение её государственного устройства, иначе говоря, всякие попытки преодоления феодальной анархии и раздроблённости заранее объявлялись враждебными интересам трёх соседних Речи Посполитой держав.

Вскоре после заключения Берлинского договора умер Август II, не успев завершить свои тайные переговоры с Пруссией и Австрией о разделе Речи Посполитой. Собравшийся элекционный сейм большинством голосов высказался за провозглашение королём Станислава Лещинского, являвшегося некогда ставленником Карла XII, а теперь — Франции. Часть магнатов и шляхты, либо находившаяся на содержании у России, Австрии или Пруссии, либо из групповых соображений враждебная Лещинскому, провозгласила королём Фридриха-Августа, сына покойного Августа II.

Отказавшись от Курляндии в пользу России, взяв на себя обязательство считаться с её требованиями и заняв благоприятную Габсбургам позицию в их конфликте с Венгрией, Фридрих-Август, провозглашённый королём под именем Августа III, заручился помощью Петербурга и Вены. Русские войска осадили Гданьск, в котором укрывался Лещинский, и вынудили его бежать из Польши.

Пребывание в Речи Посполитой русских войск породило надежду у украинского населения Правобережья на скорое освобождение от панского гнёта. В 1734 г. на Правобережной Украине произошло большое восстание. Расширялась борьба украинских повстанческих групп — гайдамаков.

Благодаря поддержке русской императрицы Анны Иоанновны Август III укрепился на престоле.

«Тупой и опустившийся лентяй», как его характеризует польский историк, Август III вёл мелкую, безинициативную политику. Феодальная анархия достигла при нём исключительной силы. Применяя «liberum veto», отдельные шляхтичи и магнаты, действовавшие зачастую по наущению иностранных держав, сорвали 13 из 14 созванных им сеймов. Центральная администрация почти прекратила всякую деятельность. Управление полностью сосредоточилось в руках сеймиков, находившихся в зависимости от отдельных магнатов. Политическое единство государства превратилось в фикцию. «Польша, — говорили современники, — держится непорядком».

Экономика страны не выходила из состояния глубокого упадка. Хлебный вывоз составлял в середине XVIII в. примерно $^1/_3$—$^1/_4$ размера ежегодного вывоза первой половины XVII в. В то же время импорт продолжал на много превышать польский экспорт. Города, в которых несколько окрепло ремесло, в общем влачили жалкое существование. Сельское хозяйство катастрофически деградировало. Около одной трети посевных площадей не засевалось. Производительность сельского хозяйства составляла с равных площадей только $^1/_{24}$ по отношению к производительности сельского хозяйства Англии и $^1/_{48}$ по отношению к производительности сельского хозяйства Голландии.

Тяжёлый гнёт порождал усиливавшееся движение протеста со стороны угнетённых народных масс. Новое крупное восста-

ние произошло в 1750 г. на Правобережной Украине. Не затихая, восстания в дальнейшем проходили в 1754 г. в районе Житомира, в 1757 г. — под Немировым и Уманью, в 1764 г. — в районе Винницы. В 30—40-х годах в Галиции развернулась борьба повстанцев — «опришков», возглавляемых полулегендарным героем Олексой Довбуж, погибшим в 1745 г.

Развал и загнивание Речи Посполитой, являвшиеся прямым результатом сохранения феодально-крепостнического строя и режима дворянской вольницы, создавали прямую угрозу интересам господствующих кругов польского государства. Часть магнатов стала отдавать себе отчёт в том, что их классовые интересы не могут мириться с дальнейшим упадком страны. Ещё в 1734 г. Станислав Лещинский, дважды неудачно для себя занимавший польский престол, опубликовал брошюру, доказывавшую необходимость реформ в Речи Посполитой. Сторонники реформ ограничивались лишь требованиями преобразований в области управления. Они не только не допускали возможности изменений в социальных отношениях, а исходили именно из того, что реформы в управлении должны ещё более укрепить феодально-крепостнический режим. Совершенно понятно, что такого рода реформаторы не могли вывести Польшу из тупика.

Среди сторонников реформ в области управления видную роль играла возвысившаяся к середине XVIII в. семья магнатов Чарторыских. Наиболе враждебную им группировку магнатов и шляхты, отстаивавших «злотую вольность», возглавляли гетман Браницкий и семейство Потоцких. «Партия» Чарторыских, названная «фамилией», видела единственную возможность осуществления своих целей во временном сотрудничестве с Россией.

К середине XVIII в. «союз трёх чёрных орлов» распался. Милитаристская Пруссия в двух так называемых «силезских войнах» (1740—1742 и 1744—1745 гг.) с Австрией нанесла ей поражения и отобрала почти всю Силезию, за исключением Тешина и некоторых более мелких районов. Так старинная польская земля, отторгнутая с XIV в. от основного ядра польских земель, сменила чешское и последовавшее за ним австрийское господство на прусское владычество.

Быстрый рост могущества Пруссии привёл её к столкновению с коалицией в составе Австрии, России и Франции. В Семилетней войне 1756—1762 гг. русские войска, используя территорию Речи Посполитой в качестве военного плацдарма, нанесли Пруссии ряд тяжёлых поражений и одно время занимали Берлин. От полной катастрофы прусского короля Фридриха II спасла только смерть русской императрицы Елизаветы и последовавшее затем воцарение в России немецкого принца Петра III, поклонника Фридриха.

В 1762 г. в результате дворцового переворота русский престол перешёл к Екатерине II. Весьма скоро, в октябре 1763 г., умер Август III.

Созванный элекционный сейм был сорван противниками «фамилии». Тогда Чарторыские составили конфедерацию и призвали себе в помощь русские войска. Опираясь на вооружённое содействие России, «фамилия» провела некоторые реформы в целях упрочения феодально-крепостнического строя и своего положения в Речи Посполитой: были созданы постоянные финансовая и военная комиссии для заведования государственными доходами и руководства военными делами, установлена обязательная для всех вывозная пошлина на сельскохозяйственные продукты, уничтожены частные пошлины, взимавшиеся отдельными магнатами. Эти две последние и некоторые другие меры были вызваны процессом постепенного формирования национального рынка. Но попытка отмены «liberum veto» натолкнулась на сопротивление России: русский двор желал сохранить систему, оставлявшую возможность без особых затруднений срывать любое неугодное Петербургу предложение. Россия и Пруссия заключили 31 марта (11 апреля) 1764 г. договор, в тайной статье которого «...взяли на себя обязательство охранять силою оружия польскую конституцию, это лучшее средство для разрушения Польши...»[1].

Чарторыские смогли добиться уничтожения правила об единогласном решении вопросов лишь экономического и судебного характера. Допуская известное укрепление внутреннего положения Речи Посполитой, Россия рассчитывала на полное включение польского государства в систему русской внешней политики. С этой целью Россия предложила Речи Посполитой заключить оборонительно-наступательный союз. Это предложение не было принято Чарторыскими, рассчитывавшими играть на противоречиях между Россией и западными соседями Польши.

Свободная от необходимости считаться с ещё не оправившейся от прусских побед Австрией и разгромленной русскими войсками Пруссией, Екатерина II обеспечила избрание на польский престол своего ставленника Станислава-Августа Понятовского. Родственник Чарторыских, Понятовский, однако, не был им близок. Не имея прочной поддержки в Речи Посполитой, будучи безвольным и мало энергичным человеком, он не мог служить серьёзной опорой для России.

В Петербурге были заинтересованы в том, чтобы, помогая некоторому усилению Речи Посполитой, застраховать себя от возможности сотрудничества польского государства с немецкими державами или с каким бы то ни было другим врагом России. После того как в Варшаве отклонили предложение о наступательно-оборонительном союзе, Россия, со времени Ивана III и Ивана IV Грозного не один раз выступавшая в защиту христианского некатолического населения Речи Посполитой, поставила вопрос об уравнении диссидентов в правах с католиками. Этим

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 14.

она стремилась превратить в постоянную опору своего влияния в Речи Посполитой как горстку неокатоличившейся шляхты, так и широкие массы белорусского и украинского населения Речи Посполитой, — в равной степени православных и униатов, терпевших социальный и духовный гнёт польских феодалов и тянувшихся к России.

Могущественные Чарторыские решительно отказались поддержать на сейме требования России в отношении прав диссидентов и вступили в открытый конфликт с Петербургом. Используя обнаружившийся разрыв Чарторыских с Россией, сейм 1766 г. провалил предложение Чарторыских о совершенно необходимых дальнейших ограничениях «liberum veto» и в то же время отказался удовлетворить требования России по диссидентскому вопросу. Пруссия, официально солидаризировавшаяся с Россией, тайно поощряла крайние реакционные католические круги: она рассчитывала углубить конфликт Речи Посполитой с Петербургом и по ходу развития этого конфликта осуществить свой давнишний план о соединении двух частей прусского государства путём захвата польских земель.

После мало удачного для России сейма 1766 г. русский посол в Варшаве Репнин стал побуждать польскую шляхту к выступлению против короля Станислава-Августа и Чарторыских, якобы насаждавших в Речи Посполитой абсолютизм и угрожавших её «вольностям». Беспринципность шляхты, ограниченность её интересов и своекорыстие легко позволяли провоцировать внутренние смуты и усобицы. Действуя в большинстве случаев путём подкупа, умело используя соперничество отдельных магнатских группировок и расточая угрозы, Репнин добился создания ряда конфедераций, слившихся в июне 1767 г. в Радоме в единую конфедерацию. По требованию Репнина, конфедерация приняла манифест, в котором заявляла о своём стремлении осуществить равноправие диссидентов и добиться русской гарантии для «республиканских свобод».

Как для русского самодержавия диссидентский вопрос лишь служил орудием захватнической политики, так и для польской реакционной шляхты, составившей Радомскую конфедерацию, он служил лишь средством защиты «злотых вольностей». Во имя этих «вольностей» Радомская конфедерация соглашалась пожертвовать даже независимостью Речи Посполитой, так как отдавала «республиканские свободы» под гарантию царской России.

Помимо Радомской конфедерации, русское самодержавие инспирировало создание ещё двух конфедераций — протестантской в Торуне и православной в Слуцке. Для поддержки всех этих конфедераций в Речь Посполитую было введено 30 тыс. русского войска в дополнение к русским силам, вступившим на польскую территорию в период «бескоролевья» 1763—1764 гг.

Выборы в чрезвычайный сейм осенью 1767 г. проходили под открытым давлением Репнина и царских войск. После открытия сейма, встретившись с оппозицией планам России — оппозицией беспринципной, продажной, тайно торговавшей своим влиянием, Репнин с беспримерной наглостью арестовал некоторых из оппозиционных лидеров и выслал их в Россию. Созданная по требованию Репнина полномочная делегация сейма разработала в соответствии с указаниями русского посла «кардинальные права», акт о диссидентах и трактат о гарантиях.

«Кардинальные права» представляли собой изложение основных законов Речи Посполитой. В них содержалось признание свободы элекции королей, подтверждались привилегии шляхты, обеспечивалось сохранение принципа единогласия при решении всех важных вопросов. Особая статья подтверждала незыблемость крепостничества; предусматривалось уничтожение помещичьей юрисдикции по уголовным делам и устанавливалась смертная казнь шляхтича за убийство крестьянина. Несколько улучшая правовое положение крестьянства, «кардинальные права» были призваны обеспечить феодальную эксплоатацию, закрепить губительный своеобразный строй польской дворянской демократии.

Акт о диссидентах полностью уравнивал их в политических правах с католиками, но сохранял за католицизмом привилегию господствующей религии.

«Трактат о гарантиях» представлял собой договор, которым Россия гарантировала «кардинальные права» и акт о диссидентах. Согласно трактату, изменения в «кардинальных правах» или в положении диссидентов могли в дальнейшем иметь место только с согласия России.

В феврале 1768 г. сейм при возражении лишь одного шляхетского посла утвердил документы, представленные делегацией, и тем самым придал фактической зависимости Речи Посполитой от России юридическую силу.

Предавая независимость Речи Посполитой, магнаты и шляхта действовали вовсе не в силу страха, внушённого им занявшими Варшаву русскими войсками, и не в результате подкупов или репрессий Репнина: этого рода меры могли оказывать влияние и оказывали его лишь на некоторые круги польских феодалов — только узко классовые интересы крепостников, доведших страну до полного упадка и развала и больше всего боявшихся собственных крепостных, толкали их на поиски надёжного и прочного союзника, способного обеспечить незыблемость феодально-крепостнических отношений в Речи Посполитой. Сделка с русским самодержавием, заключённая сеймом в 1768 г., была логическим продолжением долголетней политики польских феодалов, для которых возможность сохранения «злотой вольности» была дороже национальных интересов Польши. Но так как Австрия не была достаточно сильна, а хищническая Пруссия не столько была

заинтересована в сохранении Речи Посполитой, сколько в захватах за её счёт, то единственным союзником, способным отстаивать интересы всей феодально-крепостнической Речи Посполитой, явился русский царизм.

Договор о гарантиях, фактически оформивший русский протекторат над Речью Посполитой, был значительным успехом внешней политики русского самодержавия. Естественно, что правительства Пруссии, Австрии, Франции, Турции, Англии и Швеции были заинтересованы в том, чтобы сорвать русско-польское соглашение.

Внутри Речи Посполитой на содействие этих правительств уповали те группы феодального класса, интересы которых были задеты решениями чрезвычайного сейма. В первую очередь это относилось к католической церкви, особенно в Галичине и Правобережной Украине, где она представляла орудие прямого насилия над местным населением. Для светских феодалов этой же части Речи Посполитой уравнение диссидентов в правах с католиками должно было явиться источником осложнений в отношениях с угнетённым православным и униатским населением.

По инициативе каменецкого епископа Адама Красинского, крупного помещика Пулаского и львовского архиепископа Сераковского был организован заговор и налажены сношения заговорщиков с иностранными правительствами. Центром заговора стал городок Бар, расположенный недалеко от Каменца, у границы с Турцией. 29 февраля 1768 г. главари заговорщиков обнародовали в Баре манифест о создании конфедерации в целях защиты «вольности и веры». Образовав подобие рыцарского духовного ордена под названием «кавалеров святого креста» и призвав к борьбе с «схизматиками», конфедераты пытались вызвать нечто вроде крестового похода против православных. Они стремились уничтожить влияние России в Речи Посполитой.

Большинство крупных магнатов южной части Речи Посполитой уклонилось от открытого участия в Барской конфедерации, так как нуждалось в сотрудничестве с царизмом. Конфедератов поддержала лишь наиболее невежественная, фанатически настроенная реакционная часть мелкой шляхты, для которой личная нажива и возможности грабежа играли много бо́льшую роль, чем защита «вольности и веры».

Барская конфедерация явилась одним из проявлений такого движения, которое И. В. Сталин на примере Грузии определил как **«феодально-монархический «национализм»**, «национализм» дворянства, стремившегося лишь к сохранению старых привилегий и былого могущества[1].

26 марта 1768 г. король Станислав-Август и польский сенат официально обратились к императрице Екатерине II с просьбой о помощи против конфедератов.

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. 1, стр. 32.

Ко времени выступления конфедератов происходил отход царских войск с территории Речи Посполитой. В её южных областях находилось всего несколько сот царских солдат. Поэтому конфедератам, число которых к апрелю достигло 8—10 тыс. человек, удалось захватить Могилёв на Днестре и Винницу и в стычках с царскими войсками пройти к Белой Церкви и временно овладеть Люблином. Успехи конфедератов привлекли на их сторону некоторых магнатов и новые группы мелкой шляхты. Но к концу апреля, сосредоточив свои силы, польские королевские войска и царские войска перешли в наступление против конфедератов. 13 июня войска царского генерала Кречетникова принудили к капитуляции конфедератов, засевших в Бердичевском монастыре. Этим успехом Кречетников воспользовался в первую очередь для того, чтобы захватить находившиеся в монастыре богатства. В конце июня царские и польские королевские войска овладели центром конфедерации — Баром, а основные силы конфедерации были вытеснены в Молдавию.

Между тем неожиданно для себя Барская конфедерация дала толчок восстанию крестьянства.

Против поборов и притеснений конфедератов выступили отдельные группы польских крестьян в районе Люблина. Неся на своём знамени идею самой лютой феодально-католической реакции и анархии, Барская конфедерация представляла собой вызов всему православному и униатскому крестьянству и казачеству юга и юго-востока Речи Посполитой. Крестьяне и казаки стали подниматься для борьбы с конфедератами, для борьбы со всей системой феодального, национального и религиозного гнёта.

В апреле 1768 г. на Правобережную Украину, в пределы Речи Посполитой, вступили крупные отряды гайдамаков под руководством Максима Железняка. Направляясь в разные стороны, они повсеместно встречали поддержку крестьян и местного казачества. Вся Правобережная Украина оказалась в пламени крестьянской войны. Крестьяне сжигали помещичьи усадьбы, уничтожали помещиков и особенно преследовали барских конфедератов. Гайдамаки, соединившись с перешедшим на их сторону служившим у магната Потоцкого казацким отрядом Гонты, овладели Уманью и вырезали там до 20 тыс. человек.

Крестьянская война — колиивщина, как её назвали по основному оружию повстанцев — кольям, захватывала Левобережную Украину, охватила часть Галичины вплоть до Львова. Польские феодалы были объяты смертельным страхом за свою жизнь и свои привилегии. Единственное спасение они видели в России. Царизм до той поры никогда не пользовался в Речи Посполитой такой симпатией со стороны магнатов и шляхты, как в грозные для них дни колиивщины.

Первоначально ничем не выразив своего отношения к ввергнувшему её в беспокойство крестьянско-казачьему восстанию, Екатерина II вскоре опубликовала манифест против «бунтовщи-

ков». Царские войска пришли на помощь польским крепостникам. Генерал Кречетников разбил основные силы Железняка и Гонты. Тогда польские феодалы учинили жестокую расправу с участниками восстания. Но никакие репрессии не могли прекратить народное сопротивление феодальному гнёту: разрозненные восстания против панского гнёта, против окатоличивания и полонизации непрерывно продолжались на украинских и белорусских землях вплоть до конца Речи Посполитой. Под влиянием колиивщины ряд крестьянских восстаний и выступлений плебейских элементов городов произошёл на собственно польских землях.

Колиивщина ясно показала, что феодально-крепостническая Речь Посполитая не в состоянии поддержать изживавшие себя крепостнические отношения и сохранить многонациональное угнетательское государство без помощи русского самодержавия. Но не обнаруживая элементарной дальнозоркости в защите национальных интересов, польские феодалы попытались воспользоваться затруднениями, в которых вскоре оказался царизм, для того, чтобы интриговать против него, и тем сыграли на руку прусским захватчикам, давно искавшим повода поссорить Речь Посполитую с Россией.

В сентябре 1768 г., действуя в значительной мере по наущению Франции, Турция объявила России войну. Воспользовавшись этим, остатки барских конфедератов усилили свою активность. Прикрываясь лозунгом конфедератов о защите «вольности и веры», стали складываться шайки разбойничавших шляхтичей. Обосновавшись на австрийской территории, главари Барской конфедерции объявили о детронизации — низложении Станислава-Августа; была даже предпринята попытка похищения короля. Речь Посполитая погружалась во всё больший хаос.

Тогда решив, что наступил момент для осуществления стародавних бранденбургско-прусских планов, прусский король Фридрих II обратился в феврале 1769 г. в Петербург с предложением о частичном разделе Речи Посполитой. Это предложение было облечено в форму проекта, который якобы выдвинул некий прусский провинциал, граф Линар. «Проект графа Линара» предусматривал переход к Австрии Львова с прилежащими территориями и Спишского графства, к Пруссии — польской Пруссии с Вармией и Гданьском, России — восточных земель Речи Посполитой. Вскоре в Ниссе состоялось свидание между Фридрихом II и австрийским императором Иосифом II. Во время этой встречи обсуждались польские дела. Екатерина II не ответила на проект «графа Линара», но она не могла оставить без внимания позицию немецких держав, в особенности Австрии, явно содействовавшей конфедератам и Турции.

Летом 1770 г. руководство военными действиями конфедератов перешло к французскому генералу Дюмурье, специально с этой целью присланному из Парижа. Так как русские силы были отвлечены турками, то конфедераты сумели занять некоторые

польские города. После побед, одержанных в июне—июле 1770 г. русским флотом в Чесменском сражении и русской армией у Ларги и Кагула, царское правительство могло уделить больше внимания польским делам. К тому же, австрийцы и пруссаки практически приступили к осуществлению своих планов раздела Польши: австрийские войска заняли район Спиша и часть Краковского воеводства с соляными копями Велички и Бохни и объявили их «возвращёнными» на том основании, что они некогда принадлежали Венгрии; прусские войска заняли ряд пограничных польских районов. Для расширения захватов и согласования их с Россией прусский король отправил в Петербург в конце 1770 г. своего брата принца Генриха. Екатерина II уклонилась от окончательного ответа на сделанное Генрихом официальное предложение о разделе пограничных территорий Речи Посполитой. Для России, разумеется, было гораздо выгоднее сохранять под своим протекторатом всю Польшу, чем делить её с другими державами. Но для обеспечения этого протектората требовалось незамедлительно покончить с феодальной анархией в Речи Посполитой.

Царское правительство послало в Польшу Суворова. Умело действуя небольшими силами, он нанёс решающие поражения конфедератам. Поражение и развал Барской конфедерации не могли, однако, положить конец распаду Речи Посполитой. В то же время осложнения международного характера не позволяли России удержать под своим протекторатом всё польское феодально-крепостническое государство. Дело в том, что в ответ на новые победы русских над турками усилились неприязненные действия со стороны Франции, а Австрия заключила с султаном «оборонительный» союз. Фридрих II прямо давал понять Екатерине II, что Пруссия и Австрия только в том случае позволят России извлечь выгоды из войны с Турцией, если сами будут вознаграждены за счёт Речи Посполитой. Уступая давлению Вены и Берлина и убедившись, что борьба за господство над всей Речью Посполитой может привести к столкновению с Австрией и Пруссией и, следовательно, к ослаблению русских позиций по отношению к Турции, Екатерина II согласилась на частичный раздел польского феодально-крепостнического государства. 6 февраля 1772 г. в Петербурге была заключена соответствующая конвенция с Пруссией, а 19 февраля — с Австрией. Окончательно соглашение трёх держав о частичном разделе Речи Посполитой было оформлено 5 августа (25 июля) 1772 г. тремя двусторонними трактатами: русско-прусским, русско-австрийским и прусско-австрийским.

Согласно этим трактатам, Пруссия захватила Вармию, часть Великой Польши и так называемую польскую Пруссию, но без Гданьска и Торуня, на сохранении которых за Польшей настояла Россия, — вся площадь захвата 660 квадратных миль. Австрия захватила Западную Украину (Галицкую Русь) со Львовом, часть

Первый раздел Речи Посполитой (1772 г.).

Краковского и Сандомирского воеводства и некоторые другие земли — всего 1 508 квадратных миль. К России возвращались некоторые земли древней Руси: верхняя часть Белоруссии, верхнее Приднепровье и польская часть Лифляндии, всего 1 692 квадратных мили. Речь Посполитая теряла, таким образом, 3 860 квадратных миль с 4 млн. населения из общей площади в 13 300 квадратных миль и сохранила 7,4 млн. человек.

Поглощённые своими узкими интересами, польские феодалы и не думали сопротивляться частичному разделу страны.

Созванный в апреле 1773 г. чрезвычайный сейм, большинство участников которого находилось на содержании у иностранных послов, выделил делегацию для переговоров с державами и для разработки новой формы правления Речи Посполитой. 18 сентября 1773 г. делегация, в соответствии с полномочиями чрез-

вычайного сейма, подписала три договора, по которым Речь Посполитая отрекалась от всех претензий на земли, занятые Россией, Австрией и Пруссией.

Небезинтересно отметить, что папство и верхи католической церкви полностью поддержали политику немецких держав. Папа Клемент XIV прямо писал австрийской императрице Марии-Терезии, что раздел Речи Посполитой отвечал интересам религии и что распространение австрийского господства в Польше в интересах церкви.

ГЛАВА III

Последние годы феодально-крепостнической Речи Посполитой

Территориальные потери 1772 г. не привели ни к ломке социальных отношений, ни к сколько-нибудь существенным изменениям в организации управления. Речь Посполитая продолжала оставаться многонациональным феодально-крепостническим государством.

В 1775 г. сейм принял новые «кардинальные права», сохранявшие и утверждавшие основные пороки польского государственного строя: избираемость королей, право сопротивления королю, «liberum veto» и др. Шагом назад по сравнению с актами 1768 г. явилось ограничение политических и религиозных прав диссидентов, проведённое без возражений со стороны России, обнаружившей тем самым, что диссидентский вопрос являлся для неё только лишь прикрытием политики, направленной на подчинение Речи Посполитой. Шагом вперёд по сравнению с «кардинальными правами» 1768 г. явилось учреждение постоянного правительственного органа — Постоянного совета.

Образование Постоянного совета внесло элемент централизации в управление, ограничило произвол высших сановников и осложнило положение магнатов, привыкших к совершенному самовластию. Постоянный совет установил жалованье чиновникам, ввёл косвенные налоги, несколько упорядочил управление.

Новые «кардинальные права» были гарантированы Россией. Влияние русского самодержавия в Речи Посполитой после раздела 1772 г. возросло. Царский посол Штакельберг фактически руководил деятельностью Постоянного совета и помогал ему преодолевать сопротивление правительству со стороны крупных сановников и магнатов.

Некоторые сдвиги произошли в экономике Речи Посполитой. Наступившее на время замирение страны, уменьшение феодальных усобиц, усиление государственной власти позволили крестьянству несколько оправиться от многолетних опустошительных войн и грабежей. Известное развитие получили крестьянские

промыслы. Вместе с первыми купеческими мануфактурами они составляли основу складывавшегося и усиливавшегося капиталистического уклада в экономике Речи Посполитой.

Благодаря промышленному перевороту в Англии польское сельское хозяйство получило обширный рынок сбыта. Но Пруссия, господствовавшая на путях к Гданьску, облагала польский хлеб огромными таможенными сборами и тем самым препятствовала росту польской внешней торговли. Лишённая возможности использовать Балтийское море, внешняя торговля Речи Посполитой в значительной мере велась через русские порты на Чёрном море.

Оживавшая внешняя торговля толкала некоторые феодальные круги на перестройку помещичьего хозяйства. Этого же настоятельно требовал кризис всей феодально-крепостнической системы и возросшая острота отношений между крестьянами и их угнетателями. Помещики не могли не учитывать, что к веками накапливавшейся ненависти крестьян против феодалов в результате событий 60—70-х годов XVIII в. присоединилась твёрдая уверенность деревни в том, что крепостники не в состоянии сами поддержать своё господство.

В поисках выхода из кризиса некоторые помещики начали переводить крестьян с барщины и натуральной ренты на денежную ренту — чинш; некоторые помещики даже начали сочетать труд крепостных с использованием наёмного труда. Приток денежных средств, явившийся результатом возросшей внешней торговли и перевода крестьян с барщины на чинш, образовал излишки капитала, которые отдельные магнаты использовали для создания мануфактур.

Перевод части крестьян на денежный оброк ослабил их прикованность к поместью и усилил приток рабочих рук из деревень в города. Был дан толчок развитию ремесла, возросли численность и активность плебейских элементов городов. Стала самостоятельнее и смелее молодая и не окрепшая ещё буржуазия. Образовались первые значительные кредитные учреждения и первые акционерные общества. Несмотря на известные успехи капиталистического развития, буржуазия не выдвинула своей цельной идеологии и стремилась не к ниспровержению феодально-крепостнического строя, а лишь к его частичным преобразованиям и тянулась к союзу со среднепоместной шляхтой.

Возросшие кадры мелкой буржуазии — подмастерья, ремесленники, лавочники — занимали радикальные позиции, глубоко ненавидели феодально-крепостнический строй, тянулись к сотрудничеству с плебейством и крестьянством. Возможность создания революционно-демократического блока передовых сил города с крестьянством внушала глубочайший страх и крупной буржуазии и всему шляхетству.

Раздел 1772 г. и последующая полоса развития Речи Посполитой вызвали некоторое политическое пробуждение в узком

кругу наиболее передовых шляхтичей и магнатов. После того, как папа в 1773 г. ликвидировал орден иезуитов, державший в своих руках почти все учебные учреждения страны, была создана особая «Эдукационная комиссия», в обязанности которой входило руководство и содействие делу просвещения. Комиссия открыла ряд учебных заведений для шляхетской молодёжи, пригласила в Варшаву и другие города учёных из-за границы.

Оживление духовной жизни, распространившееся на горстку феодалов, формирование своего рода шляхетской интеллигенции вызывалось попытками отыскать пути преодоления кризиса феодально-крепостнической системы на основе сохранения главных и основных черт феодальных отношений.

Передовые, очень немногочисленные круги шляхты, духовенства и мещанства стали прислушиваться к идеям западноевропейской буржуазной мысли и, в частности, великих французских буржуазных просветителей XVIII в. — Монтескьё, Вольтера, Руссо. Известный толчок формированию новых идей дала война английских колоний Америки за свою независимость. В этой войне на стороне американских колонистов сражалась группа польских шляхтичей.

Значительные услуги американцам оказал молодой военный инженер Тадеуш Костюшко, получивший звание бригадного генерала американской армии.

В 70—80-х годах XVIII в. в Речи Посполитой выделяется группа идеологов либерального направления.

Среди прогрессивных польских мыслителей того времени наиболее заметны ксёндзы Гуго Коллонтай и Станислав Сташиц.

Коллонтай был автором многих сочинений, в которых выдвигал широкую программу переустройства Речи Посполитой. Он требовал отмены всяких правовых ограничений для всего населения Речи Посполитой, уничтожения личной зависимости крестьян, укрепления государственной власти и т. д. Занимая наиболее радикальные позиции среди современных ему польских деятелей, Коллонтай при всей прогрессивности своих взглядов стоял на почве интересов феодального класса, так как не считал возможным осуществить наделение крестьян землёй.

Бичуя эгоизм шляхты и аристократии, Сташиц горячо доказывал необходимость аграрной реформы, как решающего условия экономического и политического подъёма страны. Он, однако, не допускал мысли о насильственном уничтожении помещичьего землевладения и не шёл дальше пожеланий полной замены барщины чиншем, справедливого распределения налогов между крестьянами и землевладельцами.

Таким образом, даже наиболее радикальные из идеологов польской шляхты второй половины XVIII в. выдвигали социальную программу, исключавшую крестьянский аграрный переворот. Они помышляли лишь о том, чтобы создать некоторые условия для капиталистической эволюции феодально-крепостнического

хозяйства и облегчить развитие буржуазных отношений в стране, при сохранении основных поземельных и политических прав в руках дворянства.

Постепенно среди дворянских кругов обнаружились два основных направления, выступавших за проведение социальных и политических реформ. Далёкие от народа, все сторонники реформ безоговорочно отвергали союз с народными массами против реакционных сил шляхты и магнатства и, как правило, руководствовались стремлением путём ликвидации феодальной анархии, укрепления королевской власти, упорядочения управления усилить аппарат принуждения, укрепить дворянское государство. Все мероприятия, намечавшиеся и проводившиеся прогрессивными шляхетскими кругами, в том числе и внешнеполитические, всегда делались с оглядкой на крестьянство, с учётом наиболее благоприятных возможностей избежать нараставшей опасности крестьянской войны и сохранить привилегии дворянства. В то же время, не располагая силами для того, чтобы без народа и вопреки реакционным элементам феодального класса повести Речь Посполитую по пути буржуазных преобразований, сторонники реформ стремились осуществить свои планы сверху, при помощи внешней силы.

Так, если «королевская партия», которой покровительствовал Станислав-Август, надеялась на помощь России в деле дальнейшего укрепления Речи Посполитой, то «партия реформ», или иначе — «патриотическая» партия, вполне основательно считала, что царское самодержавие, деспотически опекавшее короля и Постоянный совет, не заинтересовано ни в одной мере, которая могла бы привести Речь Посполитую к действительной независимости. Отталкиваясь от правильного понимания целей «польской политики» царизма, «патриоты» чудовищно заблуждались относительно характера польской политики Пруссии. Преувеличивая возможности для игры на русско-прусских противоречиях, они склонялись к сотрудничеству с Берлином.

Вполне понятно, что в Берлине очень охотно возбуждали у «патриотов» надежду на содействие их планам реформ и преобразований: прусские власти, как и перед событиями 1772 г., стремились обострять отношения между Речью Посполитой и Россией для того, чтобы вынудить Екатерину II к новым уступкам за счёт Польши.

Опираясь на свои тайные связи с Тройственным союзом, Турция в августе 1787 г. напала на Россию. Застигнутая почти врасплох, Россия первоначально терпела неудачи. Выступление на её стороне Австрии не изменило положения. Воспользовавшись отвлечением сил России на юг, в июле 1788 г. на неё напала Швеция.

В создавшейся обстановке России было весьма важно оградить себя от всяких случайностей со стороны Речи Посполитой, где энергичнее прежнего проявлялась шляхетская оппозиция и

усиливались происки Берлина. Предохраняя себя от нападения с запада, Екатерина II предложила Речи Посполитой заключить союз с Россией и при этом давала гарантию территориальной целостности польского государства и выражала согласие на увеличение польской армии. Конечно, в Петербурге придавали значение не польским вооружённым силам, а стратегическому положению польского государства и возможности русско-польским союзом пресечь прусские и английские интриги в Варшаве.

В военном союзе с Россией польские прогрессивные шляхетские круги справедливо усматривали способ увековечить ярмо, наложенное царизмом на Речь Посполитую. Между тем, с их точки зрения, создавшаяся конъюнктура как раз открывала возможность освободиться от опеки Петербурга и стать на путь независимого от него развития.

Усилившийся процесс формирования польской нации, складывавшейся по мере вызревания капиталистических отношений, находился в полном противоречии с господством феодалов-крепостников. Шляхта называла себя «шляхетской нацией», оставляя за пределами «нации» буржуазию и трудящиеся классы. Под руководством шляхты и магнатов Польша не могла стать действительно независимым государством, хотя бы уже по одному тому, что господство польских крепостников над польскими, украинскими, белорусскими, литовскими крестьянами и горожанами держалось на помощи извне. Утверждение польской независимости могло произойти только одновременно и в неразрывной связи с ликвидацией гнёта польских крепостников над украинскими, белорусскими и польскими крестьянами.

Если сохранение в составе Речи Посполитой украинских, белорусских, литовских земель являлось одним из источников её слабости, то дальнейшая потеря западных польских земель в пользу Пруссии грозила нанести непоправимый удар формированию польской нации. Только революция, способная опрокинуть крепостничество и противопоставить силам иностранных держав раскрепощённые силы народа, могла вывести Речь Посполитую на путь прогресса и независимости.

Но даже наиболее радикально настроенные польские «патриоты» были врагами буржуазно-демократической революции и крестьянской войны и по существу сводили дело независимости лишь к замене влияния царизма влиянием его противников. Такой «патриотизм» в действительности не мог принести Польше подлинной независимости, а польскому народу свободы.

В октябре 1788 г. в обстановке большого политического возбуждения открылся сейм. Для того чтобы предотвратить обсуждение русского предложения о союзе, прусский посол Бухгольц обратился к сейму с декларацией, в которой указывалось, что Пруссия усматривает в возможном русско-польском союзе утрату своей безопасности и предлагает взамен прусско-польский союз.

В Берлине намекали, что, опираясь на этот союз, Речь Посполитая может рассчитывать на возвращение, если не восточных земель, то по крайней мере Галицкой Руси, захваченной в 1772 г. Австрией.

Коварство прусской дипломатии, помышлявшей рассорить Варшаву и Петербург лишь для того, чтобы затем безнаказанно захватить Гданьск и другие польские города и земли, не было тогда понято «патриотами». Не раздумывая, они бросились в расставленную прусскими захватчиками западню.

«Королевская партия» во главе со Станиславом-Августом, учитывая, что Россия занята более важными для неё делами, не видела особых оснований для того, чтобы осложнять своё положение конфликтом с «патриотами», среди лидеров которых выделялись Коллонтай, Игнаций Потоцкий, Станислав Малаховский, Огиньские. Со своей стороны, реакционно-консервативные круги, уповавшие на союз с царизмом, были не прочь добиться ликвидации тех ограничений их власти, которые с согласия и под давлением русского самодержавия были осуществлены после раздела 1772 г.

Поэтому сейм, вотировав благодарность прусскому королю за его предложение, единогласно решил увеличить армию до 100 тыс. человек, а затем незначительным большинством голосов постановил уничтожить военный департамент; после этого, в начале 1789 г., был распущен и Постоянный совет, являвшийся основным проводником русского влияния. В поисках источников финансирования сейм, в соответствии с требованиями всех прогрессивных кругов, обложил ненавидимое народом духовенство рядом налогов.

Ещё в декабре 1788 г. Речь Посполитая приступила к обсуждению вопроса о союзе с Пруссией, Англией, Голландией и Швецией.

Русский посол Штакельберг многократно протестовал против действий сейма, несовместимых с договорными отношениями между Речью Посполитой и Россией. Всё же России пришлось отказаться от переброски через территорию Речи Посполитой русских войск, следовавших на турецкий фронт.

Распустив Постоянный совет — этот единственный орган, вносивший централизацию в управление страной, сейм в сущности уничтожал узду, сдерживавшую магнатов. Не располагая аппаратом исполнительной власти, сейм не смог ни собрать установленные им налоги с духовенства и шляхты, ни сформировать армию.

Фактический разрыв с Россией очень обеспокоил православное население восточных частей Речи Посполитой, ожидавшее новых гонений на диссидентов. На Волыни и в Белоруссии начались крестьянские волнения, перекинувшиеся в города Луцк, Дубно, Житомир и др. Обрушившись с репрессиями на православных крестьян и мещан, сейм осложнил внутреннее положе-

ние Речи Посполитой. После первых шагов, в большей или меньшей степени отвечавших интересам всех группировок магнатов и шляхты, между ними началась острая борьба, парализовавшая всякую деятельность сейма. Центральное место в этой борьбе занимал крестьянский вопрос.

Открытие и работы сейма происходили на фоне целого ряда крестьянских волнений: в 1788 г. в части Литвы, в 1789 г. в районе Двины, в Черском, Ленчицком, Сохачевском и других районах. Многочисленность этих восстаний, живой отклик, который они находили среди городских низов, пугали шляхту и верхушку буржуазии перспективой крестьянско-плебейской революционной войны.

Мощным толчком к развёртыванию политической борьбы в Речи Посполитой послужили события начавшейся в 1789 г. буржуазной революции во Франции. Штурм Бастилии, уравнение сословий в правах, «Декларация прав человека и гражданина» вызвали живой отклик среди прогрессивных польских кругов и глубокое беспокойство у реакционных элементов. В движение пришла польская буржуазия. Видный варшавский купец Ян Декерт приступил к организации мещанства. По его приглашению в ноябре 1789 г. в Варшаве состоялся съезд представителей 141 города. Этот съезд выдвинул ряд требований — свобода приобретения земельной собственности, доступ ко всем должностям, представительство в сейме и др., которые, несмотря на их умеренность, рассматривались реакционной шляхтой и магнатами как угроза ниспровержения существующего строя.

С сентября 1789 г. приступила к работе выделенная сеймом «депутация для реформы государственного строя», затем была создана «депутация для рассмотрения требований мещанства» и другие. По указанию сейма началось создание на местах постоянных органов администрации.

Крестьянский вопрос подвергался обсуждению в многочисленных брошюрах. Не меньшим вниманием шляхетских публицистов пользовались проблемы «liberum veto», порядка престолонаследия и т. п. Широкую пропаганду своих взглядов в печати и в возникавших клубах развернуло левое крыло «патриотов» — группа Коллонтая, названная «кузницей». Члены «кузницы» — Коллонтай, Дмоховский, Езерский и др. — выступали против России, короля и магнатов. Левые круги шляхты были тесно связаны с мещанством. Они осуществляли политику шляхетско-буржуазного блока. Но блок этот был непрочен, ибо не искал поддержки в народе. Верхушка буржуазии помышляла не о ликвидации крепостнического строя, а о приобретении шляхетских привилегий.

Проводя политику раскола мещанства и подрыва блока передовых кругов шляхты с буржуазией, сейм возвёл в шляхетское «достоинство» несколько сот наиболее видных банкиров, адвокатов, торговцев.

Пока сейм и реформаторы весьма непроизводительно растрачивали время, международное и военное положение России

резко улучшилось. Победы Суворова над турками при Фокшанах (июль 1789 г.) и при Рымнике (сентябрь 1789 г.) и поражения шведского флота в сражениях при Готланде и Роченсальме знаменовали перелом в русско-турецкой и русско-шведской войнах в пользу России. Нельзя было сомневаться в том, что скоро Россия сможет обратиться к польским делам.

Учитывая опасность, надвигавшуюся со стороны России на Речь Посполитую, «патриоты» торопились оформить договором сложившиеся польско-прусские отношения. Они решились пренебречь сделанным в начале 1790 г. с прусской стороны предложением об уступке Торуня и Гданьска и попрежнему рассчитывали противопоставить России свой союз с Пруссией. Договор о польско-прусском оборонительном союзе был подписан 29 марта 1790 г. Согласно договору, обе стороны гарантировали существующие границы обоих государств и обязывались прийти друг другу на помощь в случае нападения на одну из них; договор предусматривал и размеры взаимной помощи: Речь Посполитая должна была в случае нужды выставить в помощь Пруссии до 20 тыс. человек, Пруссия — в помощь Речи Посполитой — до 30 тыс. человек.

Вслед за подписанием польско-прусского союзного договора сейм официально принял постановление об аннулировании русских гарантий 1768 и 1775 гг.

В декабре 1790 г. состав сейма удвоился, так как в соответствии со старыми законами о созыве сеймов через каждые два года были произведены новые выборы; но заседавший уже сейм не разошёлся и к прежним послам присоединились их вновь избранные коллеги. Таким путём сейм, увеличив свой состав, продлил свои полномочия ещё на два года. В истории он известен поэтому под названием «великого» или «четырёхлетнего сейма».

Вступление в сейм новых послов усилило позиции «патриотов». Окончание войны России со Швецией (август 1790 г.) и новые победы русских над турками, равно как и давление со стороны низов, уставших ждать возвещённых реформ, вынуждали сейм торопиться с проведением ряда преобразований.

24 марта 1791 г. сейм принял закон о сеймиках, устранивший от участия в них неземлевладельческую шляхту (шляхту-«голоту») и мелкопоместную шляхту, обязанную платить ниже 100 злотых налога (загоновую шляхту). Исключение из участия в сеймиках самой фанатичной, буйной, продажной части шляхты, несомненно, имело положительное значение.

Закон о городах, утверждённый сеймом 18 апреля, предоставлял мещанам свободу приобретения земельной собственности, доступ ко всем должностям, разрешил шляхтичам заниматься торговлей или ремеслом, сохраняя свои сословные привилегии, и т. д. Несомненно, этот закон создавал условия для некоторого расширения сферы капиталистических отношений, но он оставлял

буржуазию на положении политически бесправного класса: лишь королевские города получили право представительства в сейме, да и то только с совещательным голосом и по вопросам, непосредственно их касающимся. Даже прогрессивные круги шляхты не желали поступиться своим положением в пользу буржуазии, а буржуазия не смогла потеснить шляхту.

Слабость буржуазии и узкий шляхетский характер реформаторской деятельности сейма нашли своё законченное выражение в новой конституции. Проект конституции был подготовлен вожаками «патриотов» весной 1791 г.

Опасаясь противодействия влиятельных реакционных магнатских группировок, вожаки «патриотов» решили воспользоваться разъездом послов на пасхальные празднества и провести составленный ими проект конституции через сейм на одном из первых заседаний после пасхи. Рассчитывая, что большинство послов всё ещё будет вне Варшавы, они намеревались поторопить приездом только своих сторонников. По согласованию с королём, посвящённым в планы «патриотов», днём внесения проекта конституции в сейм было избрано 5 мая 1791 г. Со свойственным ему двоедушием Станислав-Август уведомил о предполагавшемся событии нескольких консервативных сановников, которые поспешили обо всём донести царскому послу и совместными усилиями принялись торопить реакционных сеймовых послов и сенаторов вернуться в Варшаву.

Тогда вожаки «патриотов», желая предупредить возвращение своих политических противников, внесли проект конституции в сейм 3 мая. Поддержанные значительной толпой купцов, ремесленников и других горожан, заполнивших зал заседания и окружавших здание сейма, «патриоты» добились от большинства присутствовавших послов и сенаторов немедленного утверждения основного закона. Это решение было подтверждено 5 мая.

Новый основной закон Речи Посполитой получил официальное название «Правительственной конституции 3 и 5 мая 1791г.». Конституция выражала стремления наиболее прогрессивно настроенной шляхты, и вместе с тем ярко и исчерпывающе вскрывала ограниченность её программы. Так, уничтожив «liberum veto» и избираемость королей, конституция сохранила за шляхтой все её права и привилегии, оставила в неприкосновенности крепостное право, не ограничила барщины, не отменила помещичьей юрисдикции в отношении крестьян. Конституция ровным счётом ничего не меняла в положении народных масс. Тем самым она сделала трудящихся совершенно равнодушными к судьбе конституции. Именно после принятия конституции по всей Речи Посполитой прокатилась волна крестьянского движения. Опасность революции отбросила часть конституционалистов-«патриотов» в лагерь феодальной магнатской реакции.

Согласно конституции, законодательная власть должна была принадлежать созываемому раз в два года сейму, состоящему

из сената и шляхетской посольской избы (палаты депутатов). Наиболее важные законопроекты предварительно подлежали обсуждению сеймиков. Утверждённые посольской избой, но отклонённые сенатом, законопроекты приобретали силу закона в случае если посольская изба нового состава подтверждала их.

Исполнительная власть, согласно конституции, должна была принадлежать королю и его совету — «страже законов». Министры, образующие «стражу законов», ответственны перед сеймом.

Конституция предусматривала, что бездетному Станиславу-Августу наследуют внук Августа III — саксонский курфюрст Фридрих-Август и его потомки.

Таким образом, конституция 1791 г. стремилась смягчить лишь некоторые пороки дворянской демократии в ту пору, когда уже вся система крепостничества стала величайшим тормозом развития страны и претерпевала сокрушительные удары за её пределами.

Феодальная знать, магнаты не желали мириться с задевавшей их интересы конституцией. Им чудилось, что вслед за принятием относительно прогрессивной шляхетской конституции в движение придут разбуженные и разочарованные массы городского плебейства и крестьянства и поведут Речь Посполитую по пути революционной Франции. Крепостникам мало было того, что конституция сохраняла крепостничество — они видели в ней начало революции и поэтому возненавидели её и решили ниспровергнуть. В своей борьбе с силами прогресса польские аристократы рассчитывали на содействие русского самодержавия.

В Петербурге, куда прибыли вожаки реакционеров Щенсный Потоцкий, Северин Ржевуский и гетман Браницкий, был разработан план действий против Речи Посполитой. Вожаки польской реакции обратились к Екатерине II, как гаранту прежнего государственного строя Речи Посполитой, с просьбой о вооружённом вмешательстве. Считая Речь Посполитую ближайшим к России очагом влияния французской буржуазной революции, Екатерина II только ждала удобного случая для выступления. С зимы 1791—92 г. международная обстановка сложилась как нельзя лучше для русского царизма.

9 января 1792 г. в Яссах был подписан выгодный для России мирный договор с Турцией. К этому времени центральное место во внешней политике европейских феодальных монархий и Англии занимали вопросы борьбы с революционной Францией. В феврале Австрия и Пруссия заключили союз против Франции. В апреле 1792 г. Франция объявила войну Австрии. В эту войну незамедлительно вступила и Пруссия. Её король тотчас же дал понять в Петербурге, что за контрреволюционный поход на Париж он ищет вознаграждения именно за счёт своей союзницы — Речи Посполитой.

В мае 1792 г. царское правительство опубликовало декларацию, обвинявшую польский сейм в нарушении трактатов, во

враждебных России действиях, в незаконном ниспровержении государственного строя Речи Посполитой. Екатерина II объявила своей задачей восстановление «злотой вольности» и уничтожение «якобинского духа». Царские войска вторглись на территорию Речи Посполитой. В Тарговице, местечке на реке Синюхе, принадлежавшем Щенсному Потоцкому, польские реакционеры, призвавшие интервентов, обнародовали акт, направленный против нововведений и содержавший в себе просьбу к Екатерине II об «освобождении» Речи Посполитой из рук «угнетателей». «Тарговичане» двигались к Варшаве вслед за наступавшими царскими войсками. В своих универсалах они объявили незаконными все акты сейма, сбор налогов и т. п.

В правящих кругах Речи Посполитой царская интервенция вызвала глубокое замешательство. Ни одна из группировок сейма даже не поставила вопрос о единственном действенном способе отпора интервентам — призыве народных масс к защите независимости страны. Более того, сейм, возложив на Станислава-Августа командование вооружёнными силами, 29 мая отсрочил свои работы на всё время войны. Больше ему не пришлось собраться.

В связи с наступлением царской армии «патриоты» потребовали помощи от Пруссии. Но, предвкушая добычу, Фридрих-Вильгельм II заявил, что не считает себя обязанным защищать Речь Посполитую от последствий, вызванных конституцией, установленной без его участия и ведома и после заключения польско-прусского союза. Вероломно нарушив польско-прусский договор, Фридрих-Вильгельм II только ждал момента для того, чтобы пожать плоды своей политики провоцирования столкновений Речи Посполитой с Россией.

Польские войска терпели поражения и отступали перед царскими войсками. Решающее значение в этом имел не численный перевес русских войск, а колебание польских офицеров, большинство из которых переходило на сторону реакционнейшей Тарговицкой конфедерации. Станислав-Август предал дело конституции 3 мая: 24 июля он присоединился к тарговичанам. Патриотические элементы из среды господствующего класса отвечали на предательство короля лишь выходом в отставку и отъездом за границу. Так поступили генералы Костюшко, прославившийся в битве под Дубенкой над Бугом, Юзеф Понятовский, Зайончек и др., а также Коллонтай, Игнаций и Станислав Потоцкие.

Обосновавшись в Бресте, а затем в Гродно, вожаки Тарговицкой конфедерации установили деспотический реакционный режим, опиравшийся на штыки царских войск; прусские войска заняли Великую Польшу.

Угрожая выходом из антифранцузской коалиции, Пруссия требовала от Австрии и России согласия на новый раздел Речи Посполитой. Представив Австрии право на территориальное

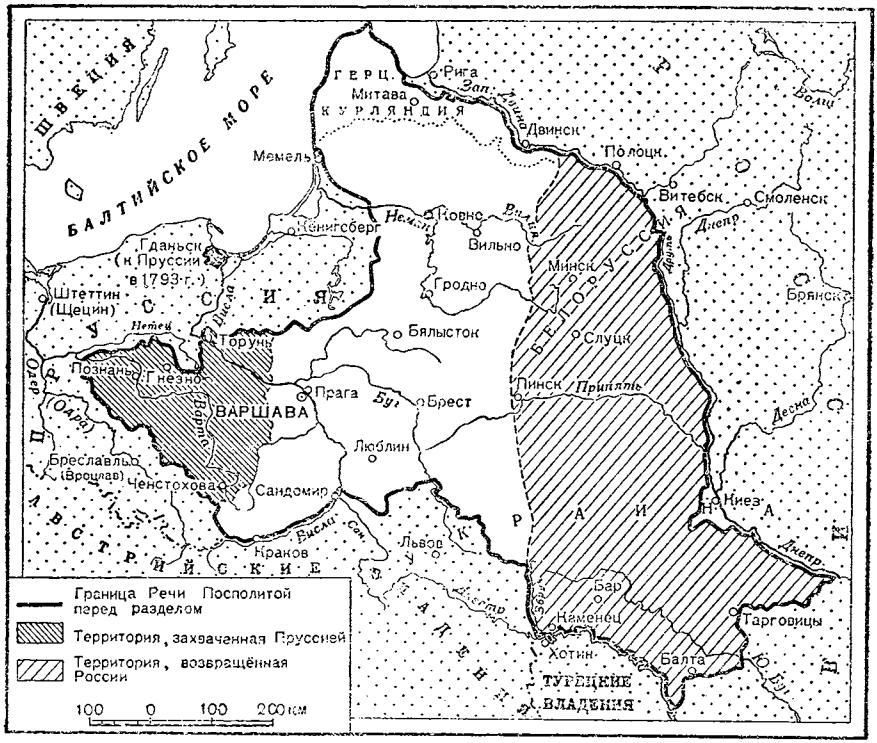
вознаграждение за счёт Франции, поражения которой самодержавные монархи ожидали в самом ближайшем будущем, Пруссия и Россия 23 января 1793 г. подписали конвенцию о частичном разделе Речи Посполитой. В особой декларации захватчики выставляли поводами своей политики необходимость ограничить размеры польского государства для лучшей борьбы с «якобинской заразой».

Под контролем и наблюдением царского посла Сиверса, главари Тарговицкой конфедерации созвали чрезвычайный сейм. Он открылся 17 июня 1793 г. в Гродно. Натолкнувшись на довольно сильную оппозицию, Сиверс сломал её упорство, застращав сейм арестами отдельных послов, вводом царских офицеров в зал заседаний. 17 августа 1793 г. сейм утвердил трактат об уступке России части земель. С ещё большим упорством сейм пытался противиться заключению соответствующего соглашения с Пруссией. В решающий день заседаний — 23 сентября — царские войска опять окружили здание сейма, а царский генерал сел рядом с троном. В течение многих часов сейм, в знак протеста против насилия, молчал. Это «немое» заседание закончилось тем, что молчание было принято как одобрение трактата об уступке Пруссии части польских земель.

По второму разделу Речи Посполитой России были возвращены старые русские земли — Белоруссия с Минском и Правобережная Украина — всего до 250 тыс. *кв. км*. Пруссия же захватила коренные польские территории, площадью до 58 тыс. *кв. км* — Гданьск, Торунь, Великую Польшу с Познанью и Гнезном, Куявы и часть Мазовии.

Второй раздел Речи Посполитой, лишивший Польшу её исконных земель на западе, отрезавший её от моря, нарушивший все внутренние экономические связи, нанёс польскому государству смертельный удар. Его независимость стала совершеннейшей фикцией: по русско-польскому союзному договору от 16 октября 1793 г. Речи Посполитой воспрещались самостоятельные дипломатические сношения с иностранными государствами, а польская армия фактически ставилась под русское командование. Внутреннее управление восстанавливалось в основном в том виде, в каком это предусматривали «кардинальные права» 1775 г.

Постоянный совет, восстановленный после роспуска сейма, последовавшего в ноябре 1793 г., не смог ни в какой степени преодолеть глубокий экономический кризис, охвативший искалеченную, ограбленную, оккупированную Речь Посполитую. Военные реквизиции, производившиеся 30-тысячной царской армией, усиливали враждебные России настроения. Дороговизна жизни, застой торговли и производства создавали невыносимые условия для плебейских масс городов. Буржуазия лишилась рынков сбыта и не могла мириться со сложившимся положением. В стране зрели революционные настроения, постепенно росло по-



Второй раздел Речи Посполитой (1793 г.).

нимание взаимозависимости дела национальной свободы и социального раскрепощения угнетённых крестьянских масс.

Вновь, но на более прочной основе, без участия правых групп шляхты, воссоздавался шляхетско-буржуазный блок. Его видными деятелями являлись внутри страны генерал Дзялыньский и банкир Капостас, а в эмиграции, центрами которой стали саксонские города Дрезден и Лейпциг — Коллонтай, Игнаций Потоцкий, Тадеуш Костюшко. Подготовляя национально-освободительное восстание и связывая его проведение с некоторыми назревшими внутренними реформами, руководители шляхетско-буржуазного блока в целом продолжали чуждаться народа и попрежнему рассчитывать на иностранную помощь. На этот раз они надеялись найти верного союзника в революционной Франции.

Восстание разразилось раньше, чем удалось закончить его подготовку: не желая допустить сокращение польской армии, один из посвящённых в заговор генералов вывел свою бригаду из повиновения властям. Передвижение русских войск, связан-

Т. Костюшко под Роцлавицами.

ных с преследованием этой бригады, привели к тому, что в Кракове остался только польский гарнизон. 23 марта 1794 г. в древнюю столицу Польши прибыла группа заговорщиков во главе с Костюшко. 24 марта они обнародовали акт о восстании. Польские войска присягнули Костюшко как главному начальнику и руководителю вооружённого восстания. Манифесты к войску, гражданам, духовенству и женщинам объявляли о восстании для освобождения страны от насилия узурпации, для восстановления прежних границ.

Восстание стало быстро расширяться. На призыв его организаторов откликнулись не только шляхетские и буржуазные элементы, но и крестьяне; своеобразие восстания, его ярко выраженный патриотический характер вселили в них надежду на то, что оно принесёт и им свободу. Только самоотверженная борьба вооружённых пиками и косами крестьян позволила Костюшко одержать 4 апреля победу над отрядом царских войск в сражении при деревне Рацлавицах.

Рацлавицкая победа ускорила взрыв восстания в Варшаве: в ночь с 17 на 18 апреля польские воинские части и городские плебейские массы, возглавлявшиеся мастером сапожного цеха Яном Килиньским, приступили к разоружению и истреблению царских войск. Царский посол Игельстром успел бежать. В ночь на 23 апреля восстание победило и в Вильно.

Восстание расширялось, но ни сплотить своих участников, ни втянуть в него широкие народные массы, ни упрочить завязавшийся союз с крестьянством оно не могло, не выдвигая антикрепостнической программы. Руководящие круги шляхетско-буржуазного блока не желали разрешения крестьянского вопроса. Понимая необходимость вовлечения крестьянства в восстание, Костюшко в то же время не считал возможным идти на радикальное решение крестьянского вопроса. После рацлавицкой победы он издал воззвание об освобождении на время военных действий от барщины и даней крестьян, взявшихся за оружие. 2 мая он издал приказ об уменьшении барщины на один день в неделю для крестьян, уходящих в войско.

Явная недостаточность этих мер, не сумевших приостановить начавшийся отход крестьян от восстания, побудила Костюшко опубликовать 7 мая 1794 г. в лагере под Поланцем универсал. Поланецкий универсал объявлял крестьян лично свободными и предоставлял им право ухода от помещика, но при условии уплаты долгов и налогов и уведомления властей о новом местожительстве; универсалом запрещался сгон крестьян с земли; на время восстания количество дней барщины уменьшалось с пяти или шести дней в неделю до трёх и четырёх — с трёх или четырёх до одного, с одного в неделю — до одного в две недели... Конечно, «польские якобинцы», как звали Костюшко и его друзей деятели реакции, не были даже отдалённым подобием французских буржуазных революционеров: они явля-

лись шляхетскими патриотами, пытавшимися сочетать крепостничество с элементами капитализма и защиту отечества с сохранением барщины. Крестьяне стали отворачиваться от восстания как ненужной барской затеи. Со своей стороны помещики решительно воспротивились осуществлению более чем скромных требований Костюшко.

И. В. Сталин подчёркивает, что «Сила национального движения определяется степенью участия в нём широких слоёв нации, пролетариата и крестьянства»[1]. Шляхта, осуществлявшая гегемонию в восстании, оттолкнула от участия в борьбе за независимость Польши трудящиеся классы и тем самым не дала восстанию приобрести силу национального движения.

Несколько попыток вывести восстание за рамки шляхетско-буржуазной ограниченности предприняли плебейские массы Варшавы, среди руководителей которого особой популярностью пользовался страстный защитник интересов крестьянства и городской бедноты ксёндз Мейер. Наряду с Мейером в это время выделилась целая группа идеологов, враждебных гнёту католической церкви и шляхетства: Конопка, Дембовский, Якуб Ясиньский и др. В результате прямого вмешательства масс, руководимых Мейером, 9 мая были повешены четыре наиболее крупных сановника, предававших страну, в том числе один епископ. В июне произошёл ряд новых волнений, вызванных дороговизной жизни, попустительством со стороны повстанческих властей тарговичанам, королю и другим врагам свободы и независимости Польши и предательской сдачей Кракова пруссакам. Народ расправился с многими изменниками. Но повстанческие шляхетские власти захватили ряд народных вождей и вынесли им суровые приговоры. Народное движение в столице было подавлено. Так восстание подорвало ещё один внутренний источник своих сил.

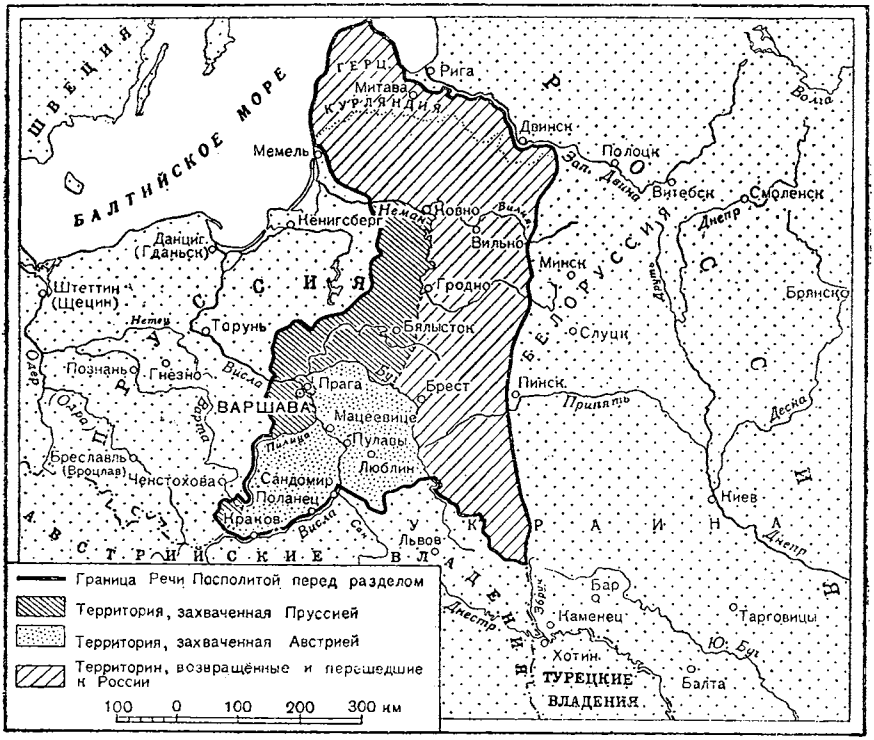
Военное положение Речи Посполитой становилось всё более тяжёлым. В создавшейся обстановке Пруссия и Австрия считали подавление разгоревшейся у них в тылу национально-освободительной войны своей первоочередной задачей. Россия, Пруссия, Австрия объединились в борьбе против повстанцев, являвшихся для них грозой более непосредственной, чем якобинцы Парижа.

Тщетно польский представитель в Париже Барсс, бывший варшавский адвокат, и курьеры Костюшко просили помощи у якобинцев. Робеспьер и Сен-Жюст, вожди якобинской диктатуры, осуждали польских повстанцев за умеренность их социальных реформ и, не желая осложнять внешнеполитическое положение Французской республики, отказали Костюшко в помощи.

10 октября 1794 г. в битве при Мацеевицах героически сражавшиеся польские войска понесли сокрушительное поражение.

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 306.



Третий раздел Речи Посполитой (1795 г.).

Раненый и находившийся в бессознательном состоянии Костюшко был взят в плен.

4 ноября Суворов взял штурмом Прагу — предместье Варшавы на правом берегу Вислы. 6 ноября капитулировала Варшава. 17 ноября 1794 г. сложили оружие последние повстанческие отряды.

Поражение восстания под руководством Костюшко явилось поражением самых прогрессивных кругов польского шляхетства и буржуазии своего времени. С разгромом этого восстания потерпела катастрофу единственная группировка господствовавшего класса, хотя и стремившаяся к сохранению независимости страны, но не решившаяся даже ради этой цели развязать крестьянско-плебейскую национально-освободительную войну против реакции и интервенции. Конец восстания был концом и Речи Посполитой.

3 января 1795 г. был подписан трактат об окончательном разделе Польши между Россией и Австрией, а 24 октября 1795 г. — такого же рода трактат между Россией и Пруссией. К России отошли земли по правому берегу Западного Буга до Не-

мирова, оттуда по прямой линии до Гродно и далее по течению Немана и старой прусской границе до Балтийского моря. Австрии досталась территория между Пилицой, Вислой и Бугом; Пруссия захватила землю между Пилицой, Бугом и Неманом. В Немирове смыкались границы всех трёх государств, поделивших Речь Посполитую.

Важно отметить, что и при последнем разделе Речи Посполитой, как и при предшествовавших двух разделах, Екатерина II не присоединила к России ни одной исконной польской земли. Часть польских земель с Краковом, равно как и значительная часть украинских земель досталась Австрии, но большую часть собственно польской территории с Варшавой в центре захватила Пруссия. Соглашаясь с такой непомерно значительной долей прусского захвата, Екатерина руководствовалась, с одной стороны, боязнью иметь непосредственно в составе своей империи подданных, уже проникшихся духом буржуазной революции, а с другой — расчётом на то, что Пруссия не сможет справиться со своей добычей и окажется в зависимости от России.

Падение Речи Посполитой являлось закономерным концом государства, которое сохраняло архаические формы управления, сочетало их с грубым национальным гнётом и феодальной эксплоатацией и ввиду распада господствующего класса по сути дела развалилось ещё до того, как подверглось полному разделу.

Ликвидация польского государства явилась тяжёлым ударом для польского народа и делала неизбежной его борьбу за своё национальное и социальное освобождение. Решающим неблагоприятным обстоятельством этой борьбы явилось то, что руководство ею сохранила за собой шляхта, не столько искавшая опору в народе, сколько иностранных союзников против собственного народа.

ПОЛЬША В ПЕРИОД РАЗДЕЛОВ И ЧУЖЕЗЕМНОГО ИГА

ГЛАВА IV

Польша и польский вопрос в европейской политике 1795—1815 годов

Гибель польского государства явилась в первую очередь результатом политической несостоятельности всех групп и фракций правившего в Речи Посполитой класса феодалов. Однако именно представители этого класса меньше всего потеряли от распада и ликвидации польского государства, так как насильственное включение его отдельных частей в состав других крепостнических стран не сопровождалось ломкой социальных отношений. Основные группы польских феодалов приобщались к господствующим феодально-крепостническим классам поделивших Польшу государств и хотя потеряли своё правящее положение, но сохранили за собой право, которым они дорожили больше, чем независимостью родины, — право эксплоатации подневольного трудящегося населения.

Иной результат имели распад и ликвидация польского крепостнического государства для широчайших масс польского народа.

Для польского крестьянства, для плебейства и ремесленников падение и раздел Речи Посполитой сопровождались появлением нового тяжёлого ярма — чужеземного ига. Чужеземное угнетение сразу же дало себя знать не только усилением всякого рода поборов и притеснений, но и развёрнутой денационализаторской политикой, создавшей прямую угрозу самому существованию польской народности, сохранению и развитию её родного языка, культуры, быта. Политика держав, поработивших Польшу, была в первую очередь направлена против всего прогрессивного, передового, что было в польском народе, против ростков капиталистических отношений, разлагавших феодально-крепостнический строй.

В наиболее тяжёлом положении оказались основные историко-этнографические земли Польши, подпавшие под власть Пруссии.

Польские земли, находившиеся под прусским господством, состояли из целого ряда территорий и областей, захваченных Пруссией в разное время.

После того как на славянских землях вдоль Спревы возникло маркграфство Бранденбург, а в прусских землях обосновался Тевтонский орден, определилось одно из решающих направлений немецкой феодальной агрессии против Польши: началось встречное экспансионистское движение двух немецких военно-феодальных очагов. Основные усилия Бранденбурга были направлены на захват прибалтийских польских земель. Смерть последнего поморского герцога Богислава XIV в 1637 г. позволила Бранденбургу и Швеции воспользоваться ослаблением Речи Посполитой после краха её антимосковской политики и поделить земли по Одре: Швеция приобрела западную часть этой территории со Щецином и устьем Одры, а Бранденбургу достались земли к востоку от нижнего течения Одры. К востоку от захваченного Бранденбургом коридора к Балтийскому морю лежало оставшееся в составе польского государства Привислинское Поморье, или Западная Пруссия с Вармией, а ещё дальше — прусские владения Бранденбурга, включавшие в свой состав польскую землю Мазуры. В 1657 г., по Быдгощскому миру, Пруссия принудила Речь Посполитую передать ей из сохранявшейся за Польшей территории Поморья — округа Бытув и Лемборк. В 1701 г., пользуясь тем, что почти вся Европа оказалась втянутой в две крупные войны — войну «за испанское наследство» и в Великую Северную войну, — курфюрст преобразовал Бранденбург и герцогство Прусское, созданное ранее из владений Тевтонского ордена, в единое королевство Прусское.

С созданием королевства Пруссии немецкая агрессия против Польши усилилась. Но союз Польши с Россией Петра I исключал возможность немецких захватов за счёт Польши. Поэтому, не оставляя планов агрессии на восток, правители королевства Пруссии не упустили случая округлить свои владения на западе за счёт разгромленной Россией Швеции.

По Стокгольмскому мирному договору 1720 г. Швеция уступала Пруссии почти все свои владения в Поморье: устье Одры со Щецином и острова Узедом и Воллин. За Швецией сохранился лишь район Штральзунда. Решением Венского конгресса 1815 г. и эта территория перешла от Швеции к Пруссии. Так, в результате многовековой экспансии Пруссия овладела почти всем славянским Поморьем.

Если характер польско-русских отношений в течение ряда десятилетий XVIII в. исключал возможность крупной прусской агрессии непосредственно против Речи Посполитой, то при первом представившемся случае, используя затруднения Австрии Пруссия в 40-х годах XVIII в., в результате двух войн, овладела почти всей старинной польской провинцией Силезией, нахо-

дившейся в составе империи Габсбургов. За Габсбургами остались из силезских земель лишь Опавский, Крыновский и Тешинский поветы и Кладская земля. Ещё до захвата всей Силезии, начиная с XIII в., отдельные её районы, а также Любушская земля стали владениями Бранденбурга.

Наконец, по трём разделам Речи Посполитой в конце XVIII в. Пруссии достались почти целиком все основные польские земли, почти вся Польша, включая Варшаву.

В основе прусской политики в отношении польских владений лежала формула, в разных видах повторявшаяся во многих правительственных заявлениях: сделать польские провинции немецкими. С этой целью даже большинство польских географических наименований подвергалось онемечиванию, а земли — произвольному административному делению. Всё управление и суд осуществлялись немецкими чиновниками и в основном — по нормам прусского права; немецкий язык был признан единственным официальным языком делопроизводства.

Земельные имущества католической церкви и крулевщины (староства) были взяты в собственность прусской казны и отдавались в аренду немецким дворянам. Налоги были значительно увеличены. Ряд ограничений, введённых при переходе частных земельных владений из одних рук в другие, был направлен к тому, чтобы облегчить внедрение на польские земли прусского юнкерства. Путём субсидий и ссуд на хозяйственное обзаведение, оплату стоимости пути и т. п. прусское правительство добивалось переселения на польские земли немецких крестьян. Эта колонизация особенно поощрялась в стратегически важных направлениях, в первую очередь — вдоль берегов Варты и нижнего течения Вислы.

Многие области деятельности, особенно городской, подвергались строжайшей регламентации. Повсеместно в неразрывном единстве с онемечиванием осуществлялся строжайший полицейский режим.

Онемечивание школы, строжайшая цензура для печати, меры, направленные к подрыву ремесленного и мануфактурного производства в польских городах, превращение вотчинного суда и полиции для помещичьих крестьян в элемент прусского полицейско-крепостнического государства — всё это делало существование широких кругов польского народа на территории прусского захвата Польши почти невыносимым.

Немногим отличалось положение, создавшееся на территории Речи Посполитой, оказавшейся под владычеством Австрии. Земли, доставшиеся Австрии по первому разделу Речи Посполитой, были включены в состав империи Габсбургов под названием королевства Галиции и Лодомерии, а земли, доставшиеся ей по третьему разделу, получили название Новой или Западной Галиции. Кроме того, область Спиш была присоединена к Венгрии. В так называемом королевстве Галиции и Лодомерии ещё

в 1775 г. был учреждён особый постулатовный сейм. В состав сейма имели право входить все лица, принадлежавшие к введённому австрийскими властями сословию магнатов — титулованная знать, высшее духовенство, кроме того, те из рыцарского сословия — шляхтичей и низшего духовенства, кто уплачивал 300 злотых земельного налога, и два представителя от города Львова. Функции сейма были ограничены правом обращаться через губернатора с ходатайствами к монарху и обязанностью выслушивать требования, волю (постулаты) монарха и изыскивать лучшие способы их осуществления. Но, опасаясь оппозиции, австрийские власти не созывали сейм. Действительная власть в королевстве Галиции и Лодомерии, как и в Западной Галиции, принадлежала губернаторам, назначавшимся из числа австрийских аристократов. Чиновничество вербовалось в основном из австрийцев, отчасти — из чехов; официальным языком делопроизводства считались латинский и немецкий языки. Австрийские власти поощряли австрийскую и немецкую колонизацию польских земель и проводили германизацию школы и всей культуры. Всё население было отягощено обременительными налогами и поборами. Правительственные монополии на табак, соль, порох, высокие таможенные пошлины приводили к вздорожанию стоимости жизни.

Одной из форм крестьянского протеста против австрийского и панского гнёта был уход в опришки.

Среди широких кругов шляхты австрийское господство вызывало глубокое недовольство. Шляхетские националисты не хотели мириться с потерей политической власти. Тайный комитет, созданный враждебными австрийцам шляхтичами, подготовлял восстание, но был разгромлен в 1798 г.

В отличие от шляхты, галицийские польские магнаты льнули к габсбургскому правительству и всецело поддерживали его колонизаторскую политику.

По-другому, чем в Галиции или польских землях, оказавшихся под прусским игом, сложилось положение на бывших землях Речи Посполитой, вошедших в состав Российской империи. Для подавляющего большинства населения этих земель — белорусского народа и украинцев — с переходом в состав Русского государства создались более благоприятные условия национального развития. В то же время русская администрация не устанавливала каких-либо ограничений, задевавших специальные интересы трудового польского люда, составлявшего незначительное меньшинство среди населения вошедших в состав России Белоруссии, Литвы, части Украины, Курляндии. Польские помещики присоединённых территорий — за исключением отказавшихся присягнуть на верность русскому монарху — сохранили свои владения и своих украинских и белорусских крепостных и получили надёжную защиту своих классовых интересов со стороны русского самодержавия, решительно

поддерживавшего социальный и национальный гнёт польских феодалов по отношению к исконному местному населению и защищавшему интересы последнего разве что только в области религиозных отношений.

При Павле I в ведение иезуитов были переданы все учебные заведения территорий, вошедших в состав России после падения Речи Посполитой. Лелея широкие внешнеполитические планы, Павел I искал сближения с польским дворянством и даже мирволил выдающимся деятелям польского дворянско-прогрессивного движения. Вскоре после восшествия на престол он освободил Костюшко, Игнация Потоцкого, Немцевича и многих других участников восстания 1794 г. от тюремного заключения. Указом Павла I были восстановлены и созданы заново на присоединённых территориях сословные учреждения, позволившие польской шляхте в Литве, Белоруссии и на части Украины восстановить своё положение не только эксплоататорского, но и правящего класса.

После поражения восстания, возглавленного Костюшко, значительные группы наиболее деятельных сторонников восстановления независимого польского дворянского государства эмигрировали из пределов польского государства. Многие из них устремились в Париж, где продолжала находиться официальная польская депутация во главе с Барссом. Польские эмигранты рассматривали Францию, продолжавшую войну с Австрией и Пруссией, как естественную союзницу в своей борьбе за восстановление польского государства. Но ни термидорианский Конвент, ни сменившая его Директория не обнаруживали интереса к польским делам, которые могли бы стать серьёзным препятствием к осуществлению расчётов правивших французских кругов на быстрейшее достижение мира с немецкими державами.

В руководящих кругах польской эмиграции в Париже произошёл раскол между приверженцами умеренного в своих взглядах Барсса и сторонниками более радикального Франциика Дмоховского. После того как в 1795 г. между Францией и Пруссией был заключён мир, часть польских эмигрантов при участии и содействии французского правительства стала формировать вооружённые отряды на территории Оттоманской империи, подготовлявшейся в союзе с Францией к войне против Австрии и России. Во главе этих отрядов в августе 1796 г. стал прибывший туда из Парижа Ксаверий Домбровский.

В октябре 1796 г. генерал Ян-Генрик Домбровский, сподвижник Костюшки, предложил французскому правительству дать согласие на создание добровольческих отрядов из поляков австрийской Польши. К этому предложению Директория отнеслась без особого сочувствия и передала его на усмотрение генерала Бонапарта, командовавшего французской армией, действовавшей в северной Италии. Бонапарта, достаточно высоко оценивавшего

военные качества польских солдат и офицеров, в проекте Домбровского привлекала возможность созданием союзного Франции польского войска вызвать серьёзные внутренние осложнения в тылу Австрии, упорно продолжавшей воевать против Франции. В январе 1797 г. правительство зависевшей от Франции Цизальпинской республики (полновластным правителем которой в действительности был Бонапарт) дало согласие на создание в составе своих вооружённых сил польских отрядов — легионов. Весьма скоро сложилось два польских легиона, составленных преимущественно из поляков, дезертировавших из австрийской армии. Мундиры, звания, знаки различия, команда в легионах были тождественны с принятыми в польском войске бывшей Речи Посполитой. Легионеры носили французскую трёхцветную кокарду и наплечники с надписью на итальянском языке: «Свободные люди — братья».

Создание легионов вызвало заметный патриотический подъём среди передовых групп шляхетства во всех частях Польши и усилило надежды на её скорое восстановление. Настроения прогрессивных кругов шляхетства нашли своё выражение в сочинённом Выбицким легионерском марше «Ещё Польша не погибла» («Jeszcze Polska nie zginęła»), вскоре ставшем национальным польским гимном.

Руководители легионов намеревались совершить поход через Хорватию и Венгрию на соединение с находившимися в Турции отрядами Ксаверия Домбровского. В пути Ян-Генрик Домбровский рассчитывал поднять антиавстрийские восстания среди хорватов, словенцев, венгров, а затем совершить вторжение в Галицию. Генерал Бонапарт, усматривая в этих планах возможность серьёзной диверсии против Австрии, отнёсся к ним сочувственно. Но весьма скоро после того как легионеры числом около 7 тыс. человек выступили в поход, последовало заключение мира в Кампо-Формио (октябрь 1797 г.) между Французской республикой и империей Габсбургов. Этот мир ничем не шёл навстречу пожеланиям польских шляхетских патриотов.

Разочарование во французской политике и надежды, вызванные поведением Павла I, побудили Ксаверия Домбровского посетить русского императора. В переговорах в Петербурге Домбровский выдвигал план восстановления Польши с помощью России и в первую очередь — за счёт польских земель Австрии и Пруссии. Русского императора польский эмиссар стремился привлечь к этому плану предложением личной унии с подлежавшим созданию польским королевством. Павел I отнёсся к этим проектам не без интереса. Но ему было ясно, что в первую очередь в выигрыше от выступления России против Пруссии и Австрии, находившейся в союзе с Англией, окажется только Франция.

После мира в Кампо-Формио польские легионы были использованы французским командованием для захвата Рима, для

борьбы с Неаполитанским королевством и в других целях, даже отдалённо не имевших ничего общего с национальными польскими интересами. Однако у мужественно сражавшихся легионеров всё ещё продолжала теплиться надежда на то, что их борьба поможет делу возрождения родины. Эта надежда вновь окрепла после того, как в 1798 г. сложилась вторая антифранцузская коалиция, в которой приняли участие две из поделивших Речь Посполитую держав — Австрия и Россия.

Почти полностью истреблённые во время похода Суворова в 1799 г. в Италию, польские легионы вскоре пополнились новыми контингентами и насчитывали в своих рядах до 16 тыс. человек. После государственного переворота, совершённого генералом Наполеоном Бонапартом, установившим во Франции свою диктатуру, и после выхода России из войны, польские легионы сыграли видную роль в австрийской кампании, закончившейся победоносным для Франции Люневильским миром 9 февраля 1801 г. Как и предшествующий ему Кампоформийский договор, Люневильский мир не содержал в себе ровно никаких условий, благоприятных для поляков. По договору с русским императором Александром I от 8 октября 1801 г., завершавшему переговоры, начатые ещё с Павлом I, Бонапарт обязался впредь не поддерживать каких бы то ни было польских стремлений. Ввиду этого даже наименее прозорливые из легионеров должны были понять, что они служили лишь орудием политики буржуазной Франции, чуждой всякого интереса к стремлениям и нуждам поляков.

Окончание войны со второй антифранцузской коалицией вызвало глубокий кризис в легионерском движении. Многие легионеры покидали отряды.

Последний удар по легионам нанёс Бонапарт: по его приказу в 1802—1803 гг. остатки легионов в составе 4 с лишним тысяч человек были преобразованы во французские полубригады и насильственно отправлены на подавление освободительного восстания негров на Сан-Доминго (Гаити). Спустя несколько лет, с Гаити в Европу возвратилось лишь не многим более ста солдат и офицеров.

История польских легионов, совершивших не один выдающийся воинский подвиг, весьма убедительно показала, как несовместима борьба за свободу со служением захватнической политике. Несомненно, легионы способствовали сохранению боевых патриотических традиций передовых кругов шляхетства. Но всей своей деятельностью они же свидетельствовали о том, что классовая ограниченность шляхетских патриотов мешала им видеть источник свободы и независимости своей родины в развёртывании освободительной борьбы собственного народа и приводила к подчинению польских интересов политике, чуждой делу восстановления Польши.

В то время как потерпели полную неудачу попытки побудить Францию выступить в пользу поляков, получили новое развитие

выдвигавшиеся в своё время Ксаверием Домбровским проекты восстановления Польши как государства, находящегося в династической унии с Россией. Новый вариант этого проекта был разработан кружком польских аристократов, во главе которого стоял пользовавшийся известным влиянием на Александра I, воспитывавшийся с юных лет при петербургском дворе, князь Адам Чарторыский, сын знаменитого польского магната.

Управляя русским министерством иностранных дел, Чарторыский стремился побудить Александра I согласиться на восстановление польского государства в границах, предшествовавших разделам. Свои планы, отвечавшие интересам польских магнатов всех трёх частей Польши, предпочитавших господству Габсбургов и Гогенцоллернов режим русского самодержавия, Чарторыский пытался подкрепить рассуждениями об опасности для России немецких держав, вероятном стабилизирующем влиянии будущего польского государства на европейские отношения и его значении для расширения влияния Российской империи. Особо активно выступили Чарторыский и его друзья со своими планами создания польского крепостнического государства с помощью русского самодержавия после того, как Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором. Выступая против французских притязаний на гегемонию в Европе, Александр I в 1805 г. вошёл в третью антифранцузскую коалицию с Австрией, Англией и Швецией. Так как Австрия стала союзником России, то польские магнаты в первую очередь стремились толкнуть Александра I к войне против Пруссии, к тому же остерегавшейся вступить в антифранцузский блок и обязавшейся перед Наполеоном I не пропускать через свою территорию русских войск.

С присущим ему лицемерием, Александр I делал вид, будто сочувствует замыслам польских магнатов. Он посетил имение Чарторыских Пулавы, где польская знать из всех трёх частей бывшего польского государства выражала ему свои верноподданнические чувства.

Покинув Пулавы и прибыв в Потсдам, Александр I побудил прусского короля Фридриха-Вильгельма 3 ноября 1805 г. примкнуть к антинаполеоновской коалиции. Это обстоятельство, равно как и последовавшее 2 декабря поражение русско-австрийской армии под Аустерлицом (Славковом), определило полную неудачу группы Чарторыского и вынудило его самого к отставке.

Новые победы французской армии, всё более приближавшейся к польским землям, способствовали как возобновлению надежд части шляхтичей на восстановление Польши с помощью Франции, так и повышению интереса у Наполеона к использованию польского вопроса на благо французской буржуазии. По приказу Наполеона, был образован новый польский легион под командованием генерала Зайончка. Наполеон рассчитывал вызвать выступление поляков против Пруссии и России и таким путём существенно подорвать силы своих противников, составив-

ших антифранцузскую коалицию. Он безуспешно пытался заручиться содействием Костюшко.

После разгрома прусских войск под Иеной и Ауэрштедтом (14 октября 1807 г.) и занятия Берлина Наполеон провозгласил «польскую кампанию». По его указанию, Домбровский и Выбицкий составили прокламацию, призывавшую поляков к восстанию. Не столько это обращение, сколько развал прусского государства и вступление французских войск в пределы бывшей Речи Посполитой вызвали крупные вооружённые выступления поляков против прусских поработителей.

.. Домбровский между тем в Познани
Явился. Воинский приказ
На пруссаков всех поднял нас,
И люд наш жаром славной бани
В неделю их ошпарил так,
Что весь перевелся пруссак.
И кончилось его тут царство...

так писал о восстании 1806 г. против немецкого господства великий польский поэт Адам Мицкевич.

27 ноября 1806 г. французские войска вступили в оставленную накануне русскими и прусскими частями Варшаву. Польские земли стали театром наиболее ожесточённых сражений за всё время с начала войн, вызванных французской революцией. Из поляков составилась армия, доходившая до 50 тыс. человек. Эти союзные Наполеону I войска сыграли заметную роль как в ряде мелких сражений, так и в занятии Гданьска и в крупнейшей заключительной битве той войны — сражении под Фридландом (14 июня 1807 г.).

Прибыв в Варшаву в декабре 1806 г., Наполеон вёл себя как в захваченной, вражеской стране. Он требовал полного обеспечения всех нужд французской армии, угрожая в противном случае выжечь всю Польшу.

7 июля 1807 г. у рубежа России, в Тильзите, между Наполеоном I и Александром I был заключён мир. Глубоко безразличный к интересам Польши, французский император дал согласие на новый передел польских земель. Из прежних прусских захватов к России отходил Белосток с прилежащей территорией; за Пруссией сохранялись её приобретения по первому, а частично и второму разделу Речи Посполитой; Гданьск превращался в «вольный» город; территории третьего, а частично и второго прусских захватов выделялись во вновь созданное Варшавское княжество (великое герцогство).

Создавая Варшавское княжество, Наполеон I добивался лишь образования плацдарма, который одновременно служил бы против всех трёх опасных для Франции европейских монархий. Основное назначение Варшавского княжества состояло в том, чтобы обеспечить за Францией ближние подступы к территории России— самого опасного и могущественного противника напо-

леоновского владычества в Европе. Вынужденный считаться с опасениями Александра I, обеспокоенного притягательной силой, которую могло бы иметь княжество для поляков других земель, и повинуясь исключительно целям своей завоевательной политики, Наполеон до разрыва с Россией в 1812 г. не употреблял в официальных актах выражения «поляки», «польский», «Польша».

Обращение Наполеона с Варшавским княжеством напоминало нечто среднее между его обычной политикой по отношению к вассальным странам, с одной стороны, и побеждённым государствам, — с другой.

Во главе Варшавского княжества Наполеон поставил своего верного союзника, саксонского короля Фридриха-Августа, которого ещё конституция 3 мая 1791 г. признала наследником польского престола. 22 июля 1807 г., будучи в Дрездене, Наполеон дал новому государству конституцию, а в 1808 г., находясь в Байонне, навязал ему договор, обязывавший Варшавское княжество выплатить Наполеону большую сумму. «Байоннские суммы» возникли из долга, образовавшегося за помещиками, получившими ссуды от прусского правительства. По праву победителя Наполеон стал собственником этого долга, достигавшего 48 млн. франков, и вместо взыскания его с действительных и неоплатных должников, передал варшавскому правительству в обмен за 20 млн. франков, подлежавших выплате в течение трёх лет. По Байоннскому договору княжество должно было выставить Наполеону 8 тыс. пехотинцев и комплектовать польские части, действовавшие в Испании.

Согласно конституции, в Варшавском княжестве высшая исполнительная власть, а также весьма значительные прерогативы в области законодательства принадлежали монарху, управлявшему с помощью министров и государственного совета. Разработанные государственным советом законопроекты подлежали одобрению со стороны сейма и получали законную силу после утверждения королём. Сейм состоял из сената и посольской избы; в состав последней входили по должности члены государственного совета, шестьдесят послов, подлежащих избранию шляхетскими поветовыми сеймиками, и сорок депутатов от гминных собраний, в которых могли принимать участие все землевладельцы, хозяева ремесленных предприятий, купцы, отвечавшие имущественному цензу, учителя, священнослужители, офицеры, а также некоторые солдаты, имевшие специальные заслуги. Избирательная система и преобладание послов от шляхты отражали реакционный характер политики Наполеона, враждебного буржуазно-демократическим преобразованиям и даже фиктивному равенству всех граждан перед законом, провозглашённому той же конституцией Варшавского княжества.

Столь же ограниченный, полулиберальный характер, вызывавший осуждение передовых кругов шляхты, носили социальные реформы, осуществлённые в княжестве. Необходимость этих ре-

форм была обусловлена глубоким и давним кризисом феодально-крепостнических отношений и подъёмом освободительной борьбы польского крестьянства. Конституция устанавливала отмену крепостничества и равенство всех граждан перед законом, но не обеспечивала крестьян землёй и не уничтожала барщины.

Крепостная зависимость была ликвидирована на самых невыгодных условиях: крестьяне получили личную свободу, но, согласно декрету от 21 декабря 1807 г., помещик признавался полным собственником всей земли, находившейся в пользовании крестьян. Одним из ближайших результатов отмены крепостной зависимости явился массовый сгон крестьян с их наделов и рост помещичьей запашки, фольварочного хозяйства. В тех случаях, когда помещики сохраняли землю в пользовании крестьян, неизменно происходил пересмотр и повышение барщины и других повинностей и платежей, налагавшихся на крестьян за пользование наделами.

Ликвидация крепостной зависимости, освободив крестьян не от помещичьей эксплоатации, а от земельных наделов, всё же способствовала эволюции сельского хозяйства в сторону капитализма. Развитие капиталистических отношений, совершившееся на основе укрепления и расширения помещичьего землевладения, происходило самым медленным путём и наиболее болезненным образом для крестьян, составлявших около 80% от 2, 5 млн. населения княжества.

Отмена личной зависимости крестьян подталкивала землевладельцев к использованию наёмного труда и интенсификации сельскохозяйственного производства и расширяла внутренний рынок для изделий городского ремесла и промышленности. Появление огромной армии свободных рабочих рук, выталкивавшихся из деревни, создавало предпосылки для развития капиталистического производства. Развитию капиталистического производства благоприятствовало также включение княжества в систему проводившейся Наполеоном антибританской континентальной блокады. Континентальная блокада в то же время лишала польское земледелие внешних рынков, что до известной степени задерживало капиталистическое развитие сельского хозяйства. Эволюции экономики княжества в капиталистическом направлении способствовало введение в княжестве в 1808 г. французского буржуазного гражданского кодекса («кодекса Наполеона»), юридически оформившего режим, покоившийся на частной собственности на землю и средства производства и на эксплоатации наёмного труда. Несомненным тормозом роста капиталистического уклада, даже в тех скромных рамках, которые были созданы отменой крепостничества и массовой экспроприацией крестьян, явилась наполеоновская политика переобременения княжества всякими поборами.

Весьма разорительной для княжества являлась необходимость содержать основанную на всеобщей воинской повинности

30-тысячную армию. Эта армия, однако, не смогла воспрепятствовать вторжению в княжество в апреле 1809 г. австрийских войск. Объявив Франции войну, Австрия двинула 40-тысячную армию для «освобождения поляков от ига французов». Ослабленная отправкой корпуса в Испанию, охраной Гданьска и ряда прусских крепостей, польская армия не оказала серьёзного сопротивления австрийцам, которые заняли Варшаву. В ответ войска княжества под командованием Ю. Понятовского перешли в Галицию и при поддержке местного населения заняли Люблин, Львов и Краков. Польские руководители повсеместно призывали жителей к присяге не польскому государю, а французскому императору. Тем временем Наполеон победой при Ваграме положил конец этой новой войне, развязанной Австрией.

По миру, заключённому 14 октября 1809 г. в Вене (Шенбрунне), Австрия передала княжеству Варшавскому большую часть земель, полученных ею по третьему разделу Речи Посполитой, включая Краков, а также Замойский округ из территории, захваченной по первому разделу; соляные копи в Величке, близ Кракова, были признаны общей собственностью австрийского императора и саксонского короля. Тогда же Россия присоединила к своим владениям за счёт Австрии Тарнопольский и Збаражский округа.

Исход австрийской войны шляхта княжества расценивала как предзнаменование дальнейшего роста польского государства. Поэтому правящие круги княжества с рвением выполняли все предписания Наполеона, подготовлявшегося к решающей войне с Россией. На средства княжества в соответствии с французскими планами строились укрепления, создавались провиантские и иные базы, оборудовались лагери, численность армии была доведена до 60 тыс. человек. Сотни тысяч разноплемённого войска, собранного императором французов для похода в Россию, сосредоточились на территории княжества, объедая и разоряя его население.

23 июня 1812 г., в день вторжения наполеоновской армии в Россию, находившийся в Вильковышках Наполеон опубликовал воззвание к войскам, в котором объявил войну с Россией «второй польской войной». В беседах с польскими деятелями он прямо указывал на то, что ожидает антирусских выступлений польской шляхты в Литве, Белоруссии и на Украине.

Перед вторжением Наполеона в Россию был собран сейм. Сейм после получения извещения о вторжении Наполеона в Россию торжественно провозгласил восстановление польского государства в его границах, предшествовавших первому разделу. Первоначально, в ожидании триумфа французского императора, вокруг этой программы объединились все группы и течения шляхты и магнатов. Их привлекали не надежды на освобождение исконных польских земель из-под господства Пруссии и Австрии, надежды неосуществимые, поскольку эти страны явля-

Княжество Варшавское (1807—1815 гг.).

лись союзниками Франции в войне против России, а стремление к восстановлению своего господства над украинским, белорусским, литовским народами. Захватнической программе польских крепостников дворянские публицисты пытались придать характер «национального» похода против России. Но даже польские помещики в Литве и других землях Российской империи отнеслись весьма сдержанно к сумасбродным планам варшавских марионеток Наполеона и не оправдали их расчётов на враждебные выступления в тылу русской армии.

В составе 600-тысячной наполеоновской «великой армии», вторгшейся в Россию, было не менее 85 тыс. поляков, вольно или невольно вовлечённых в грабительскую войну. Большинство

из них разделило участь «великой армии» и погибло в пределах России.

Разгром в России армии французского завоевателя делал невозможным дальнейшее существование княжества в качестве французского плацдарма у границ России. 18 февраля 1813 г. русские войска заняли Варшаву, которую незадолго до того покинули правители княжества.

Историческое значение Варшавского княжества состояло, во-первых, в том, что в пору его существования были созданы условия, облегчившие развитие капиталистических отношений на некоторых польских землях; во-вторых, и в том, что самим фактом своего существования оно продемонстрировало перед всем миром стремление польского народа к национальной свободе и независимости. Новые распорядители судеб Польши не могли не считаться с серьёзными доказательствами того, что польский народ продолжал сохранять жизненные силы и готовность к борьбе за свободу и независимость, бездарно растраченные магнатами и шляхтой, метавшимися в поисках чужеземного покровительства.

Польские магнаты, заискивавшие перед новым победителем, побуждали Александра провозгласить восстановление польского государства и передать польскую корону русскому великому князю Михаилу, брату царя. Но в сложной обстановке острых столкновений и изоляции от своих недавних союзников, образовавших на Венском мирном конгрессе антирусскую коалицию, в которую наряду с Англией и Австрией вошла и Франция, Александр I не только не смог объединить все польские земли в руках своей династии, но и оказался вынужденным пойти на некоторые существенные уступки за счёт бывшего Варшавского княжества.

3 мая 1815 г., вскоре после внезапного и оказавшегося кратковременным возвращения Наполеона к власти, вновь сблизившего враждебные ему державы, между Россией, Австрией и Пруссией были подписаны трактаты, согласно которым бывшее Варшавское княжество было поделено на четыре части: северо-западная его часть с городами Познань и Торунь, названная великим княжеством Познаньским, а также «вольный город» Гданьск были отданы Пруссии в дополнение к польским территориям, оставшимся за ней по Тильзитскому миру; территории около Кракова и соляные копи Велички передавались Австрии, к которой от России возвращался и Тарнопольский округ; сам город Краков с пригородами был превращён в республику под покровительством трёх договаривавшихся держав; наконец, оставшаяся, основная часть бывшего Варшавского княжества преобразовывалась в особое Королевство (царство) Польское, «неразрывно связанное конституцией с всероссийским престолом». Из 161,6 тыс. *кв. км* территории Варшавского княжества в состав Королевства Польского вошло 128,5 тыс. *кв. км*.

Раздел княжества Варшавского на Венском конгрессе 1815 г. (четвёртый раздел Польши).

В отличие от актов о разделе Речи Посполитой, венский акт обязывал держав — соучастниц раздела — создать в пределах своих приобретений польские национальные представительства и учреждения, которые они сочтут удобными и полезными. Все территории старой Речи Посполитой признавались единым экономическим целым и в соответствии с этим между ними должна была сохраняться свобода торговли, а за поляками — право владеть имуществом в пределах всех частей бывшей Речи Посполитой, вне зависимости от своего подданства.

По решению Венского конгресса, к Пруссии также отошла, с середины XVI в. принадлежавшая Саксонии, старинная поль-

ская территория Лужица, за малым исключением расположенная вдоль Лужицкой Ниссы.

Несмотря на некоторые смягчавшие его условия, передел Польши, совершённый на Венском конгрессе, был столь же чудовищным преступлением против польского народа, как и разделы коренных польских земель, совершённые во второй половине XVIII в. Но было бы неверным не видеть, однако, известной разницы между этими столь близкими по форме и значению событиями: в отличие от событий 1772—1793—1795 гг., когда все собственно польские земли достались немецким державам и стали объектом беспощадной германизации, в 1815 г. Россия не допустила восстановления прусского господства над основным ядром польских земель с Варшавой в центре. Более того, создание Королевства Польского вносило некоторые облегчения в исторические судьбы польского народа по сравнению с предшествующим положением и создавало более благоприятные, чем раньше, условия для его борьбы и развития.

Чрезвычайно сложное и многообразное развитие «польского вопроса» в бурную полосу конца XVIII — начала XIX в. показало, что свобода и национальная независимость недостижимы на путях сотрудничества польских правящих классов с угнетательскими правительствами других стран.

ГЛАВА V

Королевство Польское в 1815—1830 годах.

Относительно более высокий уровень социально-экономического и общественно-политического развития основного ядра польских земель по сравнению с Российской империей и стремление примирить имущие классы вновь созданного Королевства Польского с принадлежностью российскому престолу принуждали Александра I проводить на первых порах до известной степени либеральную политику в польских делах. 5 июня 1815 г. он подписал в Вене «основания» будущей польской конституции, выработанные Чарторыским, и опубликовал манифест об учреждении Царства (Королевства) Польского. За королевством в связи с его установлением на Венском конгрессе закрепилось также название «конгрессовой Польши». Ко времени своего создания Королевство Польское имело около 3 млн. населения.

Сама конституция была подписана Александром I 27 ноября 1815 г. в Варшаве и обнародована 24 декабря. Конституция устанавливала не только неизменяемую общность государя для России и королевства, т. е. персональную унию, но общность внешней политики для обоих государств, сотрудничество русской и польской армий в случаях войны, допускала содержа-

ние русских войск в королевстве, и тем самым придавала отношению между империей и королевством характер реальной унии.

Согласно конституции, королю предоставлялась верховная, распорядительная и исполнительная власть, включая право объявления войны и заключения договоров и назначения всех должностных лиц. Все акты королевской власти должны были скрепляться подписью министров, отвечавших за их соответствие конституции и законам страны.

Составление проектов законов и других установлений, равно как и наблюдение за деятельностью учреждений и ведомств, возлагались на государственный совет. В состав государственного совета входили по должности министры и референдарии и лица, назначавшиеся королём. Все постановления государственного совета подлежали утверждению короля, а в его отсутствие — наместника.

Текущее управление поручалось комиссиям вероисповедания и народного просвещения, внутренних дел и полиции, военной, юстиции и финансовой; руководство комиссиями возлагалось на министров, назначаемых королём и подлежащих сеймовому суду. Министры под председательством наместника составляли постоянно действующую коллегию — административный совет. Посредником между наместником и королём был особый статс-секретарь, постоянно пребывающий при государе. Управление на местах подлежало осуществлению министрами через назначаемые воеводские комиссии и избираемые воеводские рады. По закону, изданному в 1818 г., власть в гминах, низовых административных единицах, передавалась помещикам.

Законодательная власть принадлежала совместно королю и сейму. Сейм подлежал созыву не реже одного раза в два года и состоял из двух палат: сената и посольской избы. В сенат входили мужская часть членов королевской семьи, епископы, греко-униатский митрополит и назначаемые королём пожизненно лица из числа землевладельцев, достигших 30 лет и уплачивавших не менее 2 тыс. злотых налога в год. По условиям своего образования сенат носил строго аристократически-магнатский характер.

Посольская изба составлялась из 77 послов, подлежавших избранию на шляхетских сеймиках, и 51 посла, избираемых гминными собраниями. На шляхетских сеймиках могли принимать участие только шляхтичи-землевладельцы. В гминных собраниях могли участвовать собственники недвижимости, не имевшие шляхетского звания, владельцы мастерских, купцы, располагавшие товарами не менее чем на 10 тыс. злотых, профессора и другие представители буржуазии и буржуазно-помещичьей интеллигенции. Имущественный, образовательный и другие цензы отстраняли крестьян, городские средние слои, не говоря уже о городской бедноте, от участия в гминных собраниях. Непропорциональность выборов в то же время лишала

буржуазных послов возможности оказать самостоятельное влияние на исход решений посольской избы, так как почти $^2/_3$ мест в ней было закреплено за помещиками. Послом мог быть каждый полноправный мужчина, достигший 30-летнего возраста и уплачивающий не менее 100 злотых налога. Посольская изба избиралась на 6 лет и подлежала обновлению на одну третью часть каждые 2 года.

Конституция устанавливала порядок рассмотрения в сейме законопроектов, право внесения которых представлялось только государственному совету. Поскольку решения государственного совета утверждались королём и только его же утверждение придавало законную силу согласованным решениям обеих палат сейма, то оказывалось, что сейм не располагал условиями для самостоятельной законодательной деятельности.

В конституции были отражены основы судоустройства и содержался перечень основных гражданских прав. Все граждане признавались равными перед законом, им гарантировалась неприкосновенность личности и имущества, свобода печати и свобода всех вероисповеданий, но католическая религия признавалась господствующей. Польский язык признавался официальным языком королевства.

Для своего времени конституция Королевства Польского была одной из самых либеральных в Европе — достаточно сказать, что на её основании избирательным правом могли воспользоваться около 100 тыс. человек, тогда как во Франции, население которой в 7—8 раз превышало население Королевства Польского, было всего только 80 тыс. избирателей. Установление этой конституции находилось в явном противоречии с самодержавно-деспотической властью русского императора, который меньше всего собирался быть конституционным монархом в Польше. Поэтому, тотчас же после своего конституирования, Королевство Польское оказалось в условиях переходного режима: либо должен был восторжествовать царский абсолютизм, либо элементы либерализма, содержавшиеся в государственном устройстве, должны были получить развитие в демократическом направлении.

После утверждения конституции Александр I назначил наместником престарелого, больного, лишённого одной ноги генерала Зайончка. Наместник стал послушным орудием в руках брата царя, великого князя Константина, главнокомандующего польским войском. Жестокий, неуравновешенный, деспотичный великий князь Константин и его ближайший единомышленник Новосильцев (вопреки конституции, назначенный членом государственного совета) стали полностью распоряжаться делами королевства, произвольно нарушая его основной закон, оскорбляя национальные чувства поляков и вызывая к себе всеобщую ненависть. В войсках была введена суровая палочная дисциплина. Тайная полиция, созданная Новосильцевым, стала

одним из самых зловещих учреждений, вызывавших у маломальски либерально настроенных элементов состояние неуверенности в личной безопасности.

Переходный характер режима, установившегося в Королевстве Польском, определялся не только политическим положением, но и противоречиями социально-экономического развития.

Капиталистические отношения всё глубже и шире проникали в экономику королевства и в том числе в сельское хозяйство. Помещичьи фольварки в большом числе переходили от зерновых культур к животноводству или техническим культурам, сменяли трёхполье на плодосмен. Переход к животноводству сопровождался массовым сгоном крестьян с земли. Продукция животноводческих хозяйств поглощалась населением городов и формировавшейся промышленностью, технические культуры служили сырьём складывавшимся свеклосахарному и винокуренному промышленным производствам. В крестьянском хозяйстве всё большее место занимали посевы картофеля. Перестройка сельского хозяйства происходила на основе грабежа крестьян, экспроприации крестьянских наделов. Росли кадры деревенской бедноты. В 1821—1822 гг. в ряде мест Королевства Польского произошли крупные крестьянские восстания, жестоко подавленные правительством и помещиками.

Перестройке крупных фольварков значительное содействие оказывало созданное в 1825 г. Товарищество земельного кредита. Используя отпускавшиеся им ссуды, крупные помещики проводили землеустройство, направленное против крестьян, вводили различные хозяйственные улучшения. Поголовье овец, разведением которых занялись многие фольварки, возросло с 1,5 млн. в 1822 г. до 2,4 млн. голов в 1827 г.

Сахарное и винокуренное производства раньше других приняли форму крупного капиталистического производства. На основе использования дешёвого сырья и дешёвых рабочих рук стали складываться текстильные мануфактуры капиталистического типа. Значительную роль играло мелкотоварное деревенское производство, работавшее на предпринимателей-скупщиков. Возникли цинкоплавильные предприятия, заметную роль стали играть в экономике страны предприятия чёрной металлургии: несколько небольших домен, прокатных и механических мастерских.

Решающую роль в ускорении развития капитализма в Королевстве Польском сыграла его связь с русским рынком. В 1819 г. произошло уничтожение таможенной границы между королевством и империей, и изделия польского производства, находившегося относительно на более высоком уровне развития, чем производство в крепостнической России, беспрепятственно потекли на русский рынок. Для русского фабричного производства создались столь неблагоприятные условия конкуренции, что

в 1822 г. были введены пошлины на торговый оборот между империей и королевством, не затрагивавшие, однако, сырья.

Низкие таможенные сборы не повлияли на польский ввоз в Россию, через которую польские товары попадали и в Среднюю Азию и Китай. Так как одновременно с введением пошлин на торговлю королевства с империей был установлен покровительственный тариф, закрывший русский и польский рынки для изделий прусской промышленности, то в конечном счёте польские предприниматели, освободившиеся от прусской конкуренции, оказались в большом выигрыше. Многие польские и даже немецкие промышленники стали переносить свои предприятия с территории прусского захвата на земли королевства.

В период с 1818 по 1828 г. в королевстве возникло около двух тысяч промышленных предприятий, созданных иностранцами. Крупнейшим из них была мануфактура француза Жирарда в Гузовье. Иностранные капиталисты играли главную роль в польской промышленности. Ряд шерстенабивных и льноткацких фабрик возник в небольшом поселении Лодзь; вокруг отдельных промышленных предприятий образовались новые города, такие, как Томашув, Александрув, Константинув и др. В Варшаве сложились химическая, бумажная промышленность, предприятия по производству сельскохозяйственного инвентаря, огнестрельного и холодного оружия. На Сольце была построена первая паровая мельница. Правительство привлекло в королевство около 10 тыс. иностранных мастеров и ремесленников.

Широкое покровительство предпринимательству и капиталистической эволюции фольварка оказывал министр финансов Друцкий-Любецкий. В интересах земельных магнатов и крупнейших капиталистов он облагал большими налогами мелких и средних помещиков; огромное бремя поборов, косвенных налогов, платежей в пользу церкви падало на крестьян. В целях покрытия государственного дефицита Любецкий начал энергично взыскивать недоимки, накопившиеся ещё со времён Станислава-Августа. Финансовая политика Любецкого вызывала не только ненависть крестьянства, но и большое недовольство шляхты.

Для облегчения экономических связей между растущими промышленными центрами королевства строились дороги, регулировались реки, прокладывались каналы. Наиболее значительным было строительство Августовского канала, соединившего Вислу с Неманом и тем самым давшего выход польским товарам к морю через Мемель (Клайпеду).

В 1828 г. был создан Польский банк, оказывавший поддержку крупным предпринимателям.

Усиление капиталистического уклада в экономике королевства вызывало растущую нужду в образованных людях, в распространении элементарных и специальных знаний. Под руководством министра вероисповеданий и народного просвещения Станислава Потоцкого, способствовавшего развитию науки и

культуры, было во много раз увеличено число начальных школ, учреждён в Варшаве в 1816 г. университет в составе пяти факультетов, созданы горная академия, лесная школа и агрономический институт. Деятельность Потоцкого вызывала нарекания католического духовенства и аристократии. В 1821 г. он был заменён на посту министра вероисповеданий и народного просвещения мракобесом Грабовским.

Развитие экономики Королевства Польского основывалось на возрастающей капиталистической эксплоатации трудящегося населения.

Как за счёт естественного прироста, так и значительной иммиграции население королевства быстро увеличивалось: вместо 3,2 млн. человек, проживавших в княжестве Варшавском в 1810 г., на меньшей территории Королевства Польского в 1829 г. было свыше 4,1 млн. человек. К этому же времени число безземельных крестьян вместе с семьями составляло около 1 млн. человек, т. е. охватывало примерно 30% всего крестьянства. Об аналогичном процессе обезземеливания, происшедшем несколько позднее в России, В. И. Ленин писал, что это была «... *помещичья* «чистка земель» для капитализма»[1].

Безземельное крестьянство, низы городского населения, складывавшийся пролетариат и ремесленники составляли мощную силу, которая могла повести успешную борьбу против помещичьего землевладения, барщинной аренды и других остатков феодализма, за буржуазно-демократические преобразования. Но для крупной польской буржуазии, к тому же занимавшей подчинённое положение по отношению к иностранному капиталу, существовавший порядок в целом представлялся достаточно приспособленным к развитию капитализма, а недостатки режима восполнялись преимуществами, связанными с допуском на русский рынок и вытекавшей отсюда возможностью извлекать большие прибыли. Поэтому польская буржуазия, заинтересованная в усилении своего влияния на политическое развитие королевства, не помышляла ни о каких серьёзных социальных преобразованиях и вполне довольствовалась установленной конституцией. В своих помыслах она не шла дальше стремления использовать представленные ей права, и лишь реакционный, антиконституционный курс правительственной политики толкал её к лояльной оппозиции режиму, проходившей под знаком защиты основного закона королевства.

Если крупная буржуазия стояла на почве защиты конституции и развития содержавшихся в ней либеральных принципов, то земельные магнаты, державшие в своих руках основные позиции в экономике страны и практически — всю административную власть, вполне поддерживали реакционное направление политики короля, наместника, главнокомандующего, осуждали

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 251.

некоторые прогрессивные черты правительственной деятельности и продолжали стремиться к расширению восточных границ королевства путём включения в его состав литовских, белорусских и украинских земель.

Территориальные притязания магнатов полностью разделяли широкие круги шляхты. В отличие от крупных землевладельцев, обладавших достаточными материальными ресурсами, чтобы успешно приспособиться к потребностям складывавшейся капиталистической экономики, средние и мелкие помещики не были в состоянии приспособиться к новым условиям ведения хозяйства, оскудевали и разорялись, пополняя многочисленные ряды безземельной шляхты. Безземельная шляхта, мелкие и средние помещики повседневно ощущали опасность, которую представляло для них капиталистическое развитие страны.

Поставляя чиновников на низшие и средние должности, заполняя офицерские посты в армии, шляхта была лишена политической власти и только в небольшой своей части пользовалась избирательным правом в сейм. Стремление к такому изменению государственного строя Королевства Польского, при котором она могла бы влиять на направление государственной политики, сочеталось у шляхты с целым рядом крайне реакционных представлений, среди которых первое место занимали идеализация старой шляхетской Речи Посполитой и представление о том, что благополучие шляхты немыслимо без восстановления Польши в границах, предшествовавших первому разделу. При этом основное внимание уделялось не задачам освобождения польских земель из-под прусско-австрийского господства, а расчётам на восстановление польского господства над Литвой, Белоруссией и Украиной. Политические взгляды шляхты были весьма сложны и противоречивы; одни её группы занимали насквозь клерикальные, реакционные, крепостнические позиции, другие, отдавая дань историческому романтизму и великодержавности, выдвигали прогрессивные требования об улучшении положения крестьян, расширении избирательного права, стремились к подлинной независимости страны.

Первоначально общим центром сосредоточения либеральных и демократических элементов аристократии, шляхты и крупной буржуазии были дозволенные правительством масонские ложи, великим магистром которых одно время был министр Станислав Потоцкий. Масонское движение того времени, сочетавшее в себе мистицизм и элементы просветительства, было лишено какого-либо революционного оттенка и в ту пору представляло собой форму барского, помещичьего вольнодумства. Масонские ложи Королевства Польского были тесно связаны с масонскими кругами великого княжества Познаньского, и особенно с масонами западнорусских губерний.

Вильно всё ещё продолжало быть одним из мест сосредоточения культурных и политических сил польского магнатства. Бывший

русский министр Адам Чарторыский с 1803 по 1823 г. являлся попечителем Виленского учебного округа, охватывавшего десять губерний, созданных на территории Литвы, Белоруссии и почти всей Правобережной Украины. Он проводил полонизацию культурной жизни обширного края, задерживавшую формирование национальных культур местного населения. В кругах Виленского университета, являвшегося крупнейшим польским учебным и научным центром вне Польши, было немало либеральных и прогрессивных элементов. Их усилиями в 1817 г. был создан просветительный кружок под шутливым названием «Товаржиство шубравцув» («Общество прощелыг»). Ближайшее участие в этом кружке принимали выдающиеся учёные: филолог Леон Боровский и историк Иоахим Лелевель. С «Товаржиством шубравцув» были связаны студенческие национально-культурные организации «Союз филоматов» (т. е. любителей науки), руководителями которого являлись Томаш Зан и Адам Мицкевич, «Союз филаретов» (т. е. любителей добродетели) и другие. Все эти союзы и общества, тесно переплетавшиеся как между собой, так и с масонскими ложами западных губерний и Королевства Польского, на первых порах своего существования не имели какой-либо определённой политической программы — их политическое лицо стало определяться только после конфликтов, которыми сопровождалась деятельность первого сейма.

В первом сейме, лично открытом Александром I в марте 1818 г., преобладали верноподданнические магнатско-буржуазные круги. Но даже они под влиянием либерально-шляхетской группы, руководимой послом Калишского воеводства Винцентом Немоёвским, решили указать царю на своеволие царских властей, игнорировавших конституцию. Вопреки предложениям правительства, действовавшего в интересах церкви, достаточно клерикальный, но искавший популярности, сейм высказался против запрещения разводов. Сейм просил об отмене цензуры, составлении росписи государственных доходов и расходов и некоторых других мероприятиях, вытекавших из основного закона страны. В специальном рескрипте, составленном в весьма резких выражениях, Александр I отклонил большинство пожеланий и указал, что конституция не уполномачивает сейм критиковать действия правительства.

После этого конфликта, по времени почти совпавшего с развёрнутым походом Священного Союза против всего либерального, прогрессивного, передового, что было в Европе, великий князь Константин, Новосильцев и тесно связанные с ними польские реакционеры из числа магнатов и церковнослужителей, начали в буквальном смысле слова охоту за всякого рода проявлениями свободомыслия и оппозиции режиму. Подверглись запрещению газеты, осмелившиеся выступать против произвола отдельных чиновников, производились неоправдываемые аресты, пытки заключённых, отдача неугодных лиц в солдаты.

Второй сейм, созванный в сентябре 1820 г., открылся в обстановке общественного возбуждения, вызванного как произволом властей, так и революциями в Испании и Неаполе. Подавляющим большинством голосов сейм отверг представленные правительством устав уголовного судопроизводства, не упоминавший о судах присяжных, и статут для сената, ставивший в зависимость от согласия монарха право сената предавать министров сеймовому суду.

У Александра I всё более крепло намерение уничтожить конституцию и включить Королевство Польское в состав Российской империи. Лишь опасение возмущения удерживало его от этого шага. Торопясь расправиться с любыми проявлениями вольнодумства, правительство в 1821 г., закрыло масонские ложи и запретило все тайные общества.

Между тем в масонских ложах происходило сближение сторонников активной борьбы за восстановление независимой Польши в границах, существовавших до раздела. Организатором этого направления был майор Валериан Лукасиньский. После закрытия масонских лож Лукасиньский и его единомышленники создали в мае 1821 г.. тайную организацию — «Национальное патриотическое общество». Большинство членов «Национального патриотического общества» были шляхтичи — офицеры, помещики, чиновники. Общество не выдвигало никаких социальных требований. В его национальной программе освободительные цели борьбы против царизма и германизации перемежались с угнетательскими, захватническими, обращёнными против соседних славянских народов.

В мае 1822 г. тайной полиции удалось обнаружить «Национальное патриотическое общество» и арестовать группу его деятелей во главе с Лукасиньским. Несмотря на пытки, доведшие двух арестованных до самоубийства, правительству не удалось добиться показаний относительно состава и деятельности общества. После двухлетнего следствия, давшего совершенно ничтожные результаты, Лукасиньский был осуждён на семь лет тюремного заключения (в период восстания 1830—1831 гг. он был вывезен в Россию и до своей смерти в 1868 г. находился в заключении в Шлиссельбургской крепости).

Свирепствовавшая реакция, в которой рвение польских реакционеров не уступало русским реакционерам, не знала удержу. Когда в мае 1823 г. один из учеников виленской гимназии сделал надпись на классной доске в честь конституции 1791 г., было снаряжено целое следствие, коснувшееся гимназистов, студентов, профессоров — бывших участников «Товаржиства шубравцув» и обществ филаретов и филоматов. Несмотря на то, что Новосильцеву, руководившему следствием, не удалось превратить дело в антиправительственный заговор, многие ученики были отданы в солдаты, Зан, Мицкевич и некоторые другие высланы в Россию, а Лелевель и ещё несколько учёных лишены

В. Лукасиньский.

профессорских званий. Снятый с поста попечителя Виленского учебного округа Чарторыский был заменён полонофобом Новосильцевым.

Тем временем «Национальное патриотическое общество» успело оправиться после ареста Лукасиньского и развернуло свою заговорщическую деятельность под руководством подполковника Северина Кжижановского. Установив связь с заговорщическими организациями русских офицеров, Кжижановский в 1824 г. посетил Киев. В Киеве он вёл переговоры с выдающимися деятелями русского дворянского революционного движения — Бестужевым-Рюминым и Сергеем Муравьёвым-Апостолом.

Русские дворянские революционеры относились с полным сочувствием к освободительному движению польской шляхты и к её планам борьбы за полную независимость Польши. «Поляки, — писал декабрист Лунин, — братья по происхождению, наша передовая страна по географическому положению и естественные союзники, несмотря на домашние споры между нами». Но русские дворянские революционеры осуждали намерения польских

заговорщиков восстановить польское господство в Литве, Белоруссии и на Украине. Часть дворянских революционеров, создавших «Общество соединённых славян», в котором видную роль играл деятель польского движения Ю. Люблинский, стремилась к созданию федерации демократических славянских республик. Преследуя узкие националистически-дворянские цели, польские заговорщики не восприняли планы социальных преобразований, выдвигавшиеся русскими дворянскими революционерами, и не отказались от своих захватнических стремлений.

Захватнические и крепостнические тенденции в деятельности «Национального патриотического общества» особенно усилились, когда в связи с протестом, порождённым произволом администрации и зверствами великого князя Константина, в состав общества вошли и стали играть в нём видную роль аристократические и сановные элементы в лице крупного землевладельца Густава Малаховского, сенатора Станислава Солтыка, князя Антона Яблоновского. В 1825 г. Яблоновский посетил в Киеве вождя русских дворянских революционеров Пестеля и беседовал с ним и князем Волконским. Эта встреча, раскрывшая глубокое различие целей и задач русских и польских дворянских тайных обществ, закончилась лишь обязательством об оказании взаимной помощи в случае восстания против царизма.

С течением времени политическая обстановка в Королевстве Польском делалась всё более напряжённой. Вопреки конституции, предусматривавшей созыв сейма каждые два года, ни в 1822 г., когда были произведены выборы в сейм, ни в следующие два года сейм не созывался.

В феврале 1825 г., подготовляя созыв сейма, Александр I подписал акт, отменявший предусмотренную конституцией публичность заседаний сейма: отныне все заседания сейма, за исключением двух — при открытии и закрытии сессии — становились закрытыми. Эта мера имела целью ослабить общественный резонанс от выступлений сеймовой оппозиции.

Сама работа третьего сейма, избранного в 1822 г. и созванного в мае 1825 г., происходила в обстановке устрашения. Выборы Винцента Немоёвского и его брата Бонавентуры, были кассированы. После их вторичного избрания, у Калишского воеводства было отнято право избирать депутатов, а Винцент Немоёвский даже не был допущен в Варшаву и арестован. Запуганные либеральные послы послушно примкнули к реакционным группам, не оказали противодействия ни одному из предложений правительства и не решились представить подготовленные петиции и жалобы на произвол властей и нарушения конституции.

Внезапная смерть Александра I привела к серьёзному политическому кризису. Наибольшей остроты этот кризис достиг, когда в декабре 1825 г. вспыхнуло восстание русских дворянских революционеров-декабристов. Далёкие от народа, намеревав-

шиеся без его участия и поддержки справиться с самодержавием, дворянские революционеры потерпели поражение. В России начался режим лютой реакции, главным вдохновителем которой стал новый царь Николай I. Вместо умершего в 1826 г. Зайончека царь назначил наместником великого князя Константина, продолжавшего также оставаться главнокомандующим польского войска.

Выжидая развития событий в Петербурге и опасаясь быть вовлечёнными в водоворот русской революции, вожаки польских заговорщиков не рискнули выступить одновременно с русскими революционерами. Начатое следствие по делу декабристов позволило правительству установить, что «Национальное патриотическое общество» продолжало существовать. Арестованный Яблоновский выдал многих заговорщиков. После этого последовал разгром всего общества.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. завершила собой распад Священного союза. Полоса острых столкновений между Россией и Австрией, с одной стороны, и ухудшение отношений между Россией и Англией — с другой, пробуждали у враждебных царизму польских кругов надежду на возможность с помощью иностранного вмешательства внести новые изменения в польские дела. В некоторых польских военных кругах стали поговаривать о восстании против занятого войной царя, оживилась деятельность тайных обществ.

В декабре 1828 г. подпоручик Пётр Высоцкий создал «Военный союз», первоначально охватывавший офицеров и учеников школы подхорунжих, находившейся в Лазенках под Варшавой. «Военный союз», задавшийся целью поднять восстание «в защиту нарушенной конституции», вскоре сумел связаться с тайными кружками других польских частей Варшавского гарнизона и шляхетской молодёжью столицы. Близки к «Военному союзу» оказались и некоторые демократические шляхетские круги, не чуждые стремлению использовать в борьбе за полную независимость силы народных масс и готовые уничтожить такие остатки феодальных отношений, как барщина.

Вожаки «Военного союза» стремились заручиться поддержкой видных политических деятелей, Чарторыского в первую очередь. Но аристократические лидеры, опасаясь социальных последствий восстания, отделения от Российской империи и последующей неизбежной войны с ней, действовали расхолаживающе на заговорщиков. Конституционная оппозиция в сейме, с которой у «Военного союза» была связь через посла Густава Малаховского, после некоторых колебаний решительно воспрепятствовала осуществлению плана убить царя и его семью во время военного смотра в Варшаве, предшествовавшего коронации.

Лишь в мае 1829 г., спустя почти четыре года после своего воцарения, Николай совершил коронацию в Варшаве, и только

в мае 1830 г. созвал сейм, четвёртый со времени создания Королевства Польского, оказавшийся последним.

Сейм собрался в обстановке большого политического возбуждения, охватившего почти всю Европу. Греция, поддержанная Россией, добилась независимости. Во Франции назревала революция, расшатывавшая трон реставрированных в 1815 г. Бурбонов. Широкое народное движение с требованием парламентской и социальной реформ происходило в Англии. Усиливалось стремление к национальному единству у немецкого народа. В Королевстве Польском, сделавшем крупный шаг вперёд на пути к капиталистическому развитию, складывались и крепли новые социальные силы, зарождался рабочий класс, появлялась демократическая интеллигенция. Вокруг «Военного союза» развивала энергичную деятельность гражданская организация, в которой участвовали публицисты Мохнацкий, Броникowский, Набеляк, поэт Мейснер, студенты и др. Происходили волнения среди подмастерьев, мелких торговцев.

На созванном сейме разгорелась борьба между либеральными и реакционными элементами. Непосредственным предметом борьбы стал законопроект об изменении порядка разводов в сторону расширения прав церковно-католических властей. Заинтересованный в тесном сотрудничестве с католическим духовенством — одной из самых мощных сил духовной и политической реакции, — Николай I заявил, что он желает принятия сеймом законопроекта. Сенат единогласно одобрил законопроект, но в посольской избе после выступления Лелевеля за законопроект был подан только 21 голос, а против — 92. Разгневанный Николай I вскоре закрыл сейм.

Дружное голосование сената за правительственные предложения говорило о том, что польская аристократия не помышляла ни о каком разрыве с русским самодержавием; вотум посольской избы по бракоразводному вопросу, в отношении которого была известна личная позиция царя, показал, что недовольство среднепоместной шляхты и либеральной буржуазии правительством стало принимать отчётливые политические формы.

События на сейме подействовали возбуждающим образом на все оппозиционные и заговорщические группы. В их среде стали поговаривать о том, что приближается время борьбы за полную независимость и свободу Польши. В начале августа 1830 г. до Варшавы дошли вести о том, что в Париже восстал народ и низверг монархию Бурбонов. Имя Лафайета, ставшего начальником парижской национальной гвардии, как то было и в начале французской буржуазной революции конца XVIII в., воскрешало в памяти польских патриотов имя его соратника по американской войне за независимость, национального героя Польши — Костюшки, окончившего свои дни в 1817 г. в Швейцарии. Всё Королевство Польское жило в напряжённом ожидании новостей из Западной Европы. С огромным восхищением было принято

известие о том, что маленький бельгийский народ покончил с голландским господством и завоевал государственную независимость. Патриоты и заговорщики призывали следовать примеру парижан и бельгийцев. Множились тайные кружки с участием студентов и ремесленников. Распространялись прокламации, призывавшие к борьбе за свободу и независимость. Политическое напряжение в Королевстве Польском достигло крайнего предела.

ГЛАВА VI

Восстание 1830—1831 годов в Королевстве Польском

Когда в Варшаве распространился слух, что для подавления французской и бельгийской революций Николай I намеревается послать в Западную Европу русские и польские войска, польские заговорщики решили, что их прямой долг состоит в том, чтобы воспрепятствовать интервенции и противопоставить царизму и другим силам реакции единство свободолюбивых народов. Вожаки «Военного союза» стали деятельно готовить восстание. Аресты, начатые властями, ускорили выступление.

Вечером 29 ноября 1830 г. по сигналу, который был дан поджогом одного старого здания, группа студентов и подхорунжих, общим числом в 18 человек, ворвалась в занимаемый великим князем Константином Бельведерский дворец и убила одного из оказавшихся там генералов. Сам великий князь успел спрятаться в помещениях своей супруги, куда повстанцы не решились проникнуть.

Одновременно более полутораста подхорунжих во главе с Высоцким напали на казармы русского уланского полка. Встретив серьёзное сопротивление, эта группа отступила. Двигаясь по улицам Варшавы, подхорунжие призывали к восстанию. Они расправились с несколькими встретившимися польскими генералами, (в том числе военным министром Гауке), которые не только отказались стать во главе восстания, но и потребовали его немедленного прекращения. Наконец, третья группа заговорщиков во главе с Юзефом Заливским овладела арсеналом.

Восстание шляхетских революционеров было поддержано трудящимся людом польской столицы. Рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, студенты отозвались на патриотический призыв повстанцев и поднялись на борьбу. Не менее 40 тыс. людей из народа получило оружие из захваченного арсенала и составило главную движущую силу восстания.

Константин сбежал из Бельведера в Уяздовскую аллею, куда стягивались русские войска. Русские и польские приближённые убеждали великого князя немедленно приступить к усмирению восстания. Но после того как полк польских стрелков, выслан-

Захват арсенала 29 ноября 1830 г

ный великим князем, встретил сопротивление повстанцев, Константин отступил через Мокотовскую заставу на мызу Вежбну.

Действия великого князя были продиктованы не столько страхом, сколько неуверенностью в достаточности наличных сил для подавления восстания и опасением, что всякая новая неудача приведёт к расширению и углублению событий. Кроме того, Константин опасался, что польская администрация, в высших своих звеньях безоговорочно продолжавшая стоять на позиции тесного сотрудничества с царизмом, окажется в затруднительном положении и будет сметена народом, в случае если ей придётся открыто помогать великому князю.

После того как вопреки советам и просьбам польских аристократов великий князь оставил Варшаву, столица королевства оказалась полностью во власти повстанцев. Но, не имея иной политической программы, кроме борьбы против царизма, не отдавая себе отчёта в общности интересов, связывавших польскую аристократию и польскую крупную буржуазию с русским самодержавием, вожди восстания не сочли нужным создать повстанческие органы власти и опрометчиво доверялись существовавшей польской администрации.

Административный совет, пополнил свой состав Чарторыским, М. Радзивиллом, Немцевичем, Хлопицким и некоторыми другими аристократами и генералами, слывшими за либералов, но в дей-

ствительности бывшими лютыми врагами народа. В новом своём составе административный совет от имени царя утром 30 ноября выпустил воззвание, в котором требовал уважения к собственности и имуществу и возвращения «к порядку».

Такая попытка ликвидации восстания и отказа от народной победы скомпрометировала административный совет даже в глазах находившихся в Варшаве либеральных групп сеймовых послов. По их требованию, 1 декабря из состава административного совета были удалены все царские министры, кроме трёх; однако вакантные места были замещены другими консерваторами или полулибералами, а из близких к демократическим кругам лиц в состав административного совета вошёл лишь Лелевель.

Для переговоров с великим князем административный совет выделил депутацию в составе своих членов — Чарторыского, Любецкого, Островского и Лелевеля. Депутация договаривалась с Константином о способах ликвидации восстания. Она вовсе не ставила вопроса о независимости Королевства Польского и только просила о восстановлении в полной силе конституции 1815 г. Желая извлечь выгоду для магнатов и шляхты из затруднительного положения, в котором в результате варшавского восстания оказалось русское самодержавие, депутация выразила великодержавное пожелание о присоединении к королевству литовско-белорусских губерний.

Слух о предательских переговорах административного совета с великим князем вызвал негодование у варшавян. По почину образовавшегося 1 декабря в помещении ратуши Патриотического клуба 2 декабря состоялась уличная демонстрация. Под её давлением административный совет ввёл в свой состав четырёх членов Патриотического клуба и должен был отказаться от планов соглашения с великим князем. На следующий день великий князь Константин начал отходить с русскими войсками к русской границе.

Ввиду разрыва переговоров с великим князем, последние три николаевских министра, остававшиеся в составе административного совета, подали в отставку. После этого административный совет прекратил своё существование и уступил место Временному правительству, возглавленному Чарторыским.

Временное правительство окончательно сформировалось 4 декабря. В его составе основные позиции принадлежали представителям консервативно-аристократических кругов. Заинтересованное в том, чтобы затормозить массовые движения, перекинувшиеся из столицы в провинции, оно объявило о созыве сейма. Но не только не был изменён избирательный закон — даже выборы не были назначены, и сейму предстояло собраться в составе, в котором он заседал при Николае I.

Сообщение о созыве сейма не приостановило народные выступления. Реакционные круги, опасавшиеся, чтобы восстание не превратилось в революцию, нуждались в твёрдой власти. Времен-

ное правительство, в котором участвовали левые деятели, находившиеся под влиянием Патриотического клуба, не представлялось консерваторам серьёзной гарантией против угрозы самостоятельных выступлений городской бедноты и крестьянства. Со своей стороны, демократические элементы не были удовлетворены бездеятельностью Временного правительства и добивались создания сильной власти, способной подготовить королевство к дальнейшей борьбе за независимость. Поэтому с всеобщим удовлетворением было встречено известие о том, что Временное правительство уступило 5 декабря власть генералу Хлопицкому, провозгласившему себя диктатором.

Пользовавшийся некоторой популярностью, как бывший участник легионов и наполеоновский генерал, Хлопицкий помышлял лишь о быстрейшем примирении с царём и о прекращении всякого общественного движения. Представляя собой живое олицетворение интересов и страхов аристократической верхушки, он не только не попытался разоружить покидавшие королевство русские войска, но противился вооружению польских войск и создавшихся по почину народа добровольных формирований. Действия Хлопицкого вскоре же вызвали острую критику со стороны Патриотического клуба.

Патриотический клуб стал политическим центром, до известной степени связанным с низами варшавского населения. Председателем клуба считался Лелевель, но руководящую роль в нём играли Ксаверий Броникowский и Маврикий Мохнацкий, издатели прогрессивной, демократического толка газеты «Курьер Польски», видные участники восстания 29—30 ноября. В своей пропаганде члены Патриотического клуба призывали народные массы к патриотической активности и внушали им представление о неизбежности войны с самодержавием. В среде членов Патриотического клуба разрабатывались планы наступательной войны против Российской империи, как наиболее надёжного способа укрепления завоёванной независимости. Такая национальная война связывалась с необходимостью привлечь в число её активных участников крестьянство, для чего раньше всего предлагалось уничтожить барщину. Члены клуба выступали против диктатуры Хлопицкого и требовали проведения новых выборов в сейм.

Опасаясь революционизирующего влияния Патриотического клуба, Хлопицкий закрыл его. Он направил к Николаю I двух депутатов, вручивших царю раболепное письмо.

18 декабря собрался сейм и, вопреки мнению Хлопицкого, открыл свои заседания. Под влиянием народных пожеланий и предложений передовых кругов шляхты сейм провозгласил восстание национальным делом, а 20 декабря принял манифест, клеймивший преступления царизма. Тогда Хлопицкий подал в отставку. Но не обнаруживая никакой последовательности и словно боясь своего ранее принятого решения, сейм настоял на

сохранении за Хлопицким неограниченной власти и спешно прекратил свои работы. Против диктатора решительно выступали только находившиеся в полулегальных условиях прогрессивные деятели. С тем чтобы пресечь враждебную ему агитацию, Хлопицкий распорядился об аресте Лелевеля и некоторых других своих противников.

В конце первой недели января 1831 г. в Варшаве стало известно отношение царя к событиям в королевстве. Николай I выражал благодарность Хлопицкому за его действия, приказывал возвратиться к власти административному совету и направить все польские войска в район Пинска. Царь грозил, что первый же пушечный выстрел с польской стороны будет концом самостоятельности Королевства Польского.

Вести из Петербурга весьма затруднили положение аристократических кругов, из боязни народа не желавших сопротивляться царю и из-за той же боязни народа не имевших возможности открыто капитулировать перед царём. В аристократической верхушке произошёл раскол. Хлопицкий, созвав сейм, накануне открытия его работ, 18 января, вторично сложил с себя диктатуру. Сейм 20 января назначил главнокомандующим князя Михаила Радзивилла, личность совершенно бездарную во всех отношениях. Хлопицкий был оставлен «советником» при новом командующем.

Вновь развернулась кипучая политическая активность народных масс. Глухое брожение усиливалось в деревне, которая с растущим раздражением видела, что варшавские власти, бесконечно говорящие о нации, о народе, о свободе и независимости, ни одним актом не попытались улучшить положение крестьян. Крестьяне охотно шли в формировавшиеся по воеводствам отряды, помогали войскам, выполняли некоторые военные работы. Но власти помещиков их интересы были враждебны. Лишь со стороны отдельных членов Патриотического клуба, возобновившего легальную деятельность после отставки Хлопицкого, раздавались благочестивые пожелания об улучшении доли крестьян. Но крестьянский вопрос, вскоре ставший центральным вопросом борьбы, заслонялся другими острыми проблемами.

25 января, после того как прибывший из Петербурга один из депутатов, посланный Хлопицким, сообщил о результатах своей поездки и решимости царя покорить королевство, сейм постановил низложить Николая I с польского престола, а сам престол признал вакантным. Детронизация Николая I была равнозначуща объявлению войны царизму.

Вечером того же дня, демонстрируя свою признательность передовым людям России — врагам царского гнёта и деспотизма, сторонникам свободы и независимости Польши, «Национальный Патриотический клуб» устроил торжественное шествие и панихиду в память повешенных декабристов. Эта поминальная церемония, происходившая спустя несколько часов, после того

как стала очевидна неизбежность вооружённого столкновения с официальной Россией, подчеркнула, что у польского и русского народов были общие враги и была общая почва для сотрудничества, путь к которому предстояло проложить в упорной борьбе с царём, магнатами, помещиками и капиталистами.

Передовые русские люди с горячим сочувствием отнеслись к восставшим полякам. В далёкой сибирской ссылке декабрист поэт А. Одоевский в стихотворении «При известии о польской революции» выразил чувства русских передовых людей в волнующих строках:

...Едва дошёл с далёких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них ещё не порвались!
Ещё, друзья, мы сердцем юны.
И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите: на Висле брань кипит!

В «Былом и думах» А. И. Герцен вспоминал о том неизгладимом впечатлении, которое произвело на молодёжь его поколения известие о варшавских событиях: «...как бомба, разорвавшаяся возле, оглушила нас весть о варшавском восстании. Это уж недалеко, это — дома, и мы смотрели друг на друга со слезами радости на глазах...

Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неуспехам поляков, и я сейчас прибавил в свой иконостас портрет Фаддея (Тадеуша — *А. М.*) Костюшки».

Между тем вместо ликвидированного режима диктатуры решивший не расходиться сейм создал 29 января национальное правительство (жонд народовый) под председательством Чарторыского и с участием Бажиковского, Винцента Немоёвского, Моравского и Лелевеля. Разнородный состав правительства отражал как слабость прогрессивных кругов, не решавшихся рвать с аристократами, так и последовательное стремление аристократов оставаться у власти для лучшей защиты своих интересов.

В начале февраля 1831 г. царская армия под командованием фельдмаршала Дибича-Забалканского вступила на территорию королевства. Первое сражение, происшедшее 14 февраля под Сточком, закончилось победой польских войск. Но командование польских войск, представлявшее интересы аристократии, не решилось использовать свой успех, проявило преступную бездеятельность.

Национальное правительство, опасаясь собственного народа, очень уповало на помощь иностранных правительств. В Париж, Вену и другие столицы были направлены агенты, побуждавшие соответствующие правительства к дипломатической и военной интервенции в пользу восстания. В то же время подвизавшиеся у руководства восстанием магнатско-шляхетские круги отказыва-

лись призвать к оружию население западных польских земель, находившихся под властью Габсбургов и Гогенцоллернов. Этим самым они демонстрировали, что не только социальный прогресс, но и национальное освобождение польского народа глубоко чуждо им, что в восстании они преследуют узко кастовые цели, ради которых готовы сменить власть царя на власть других душителей Польши.

Ни одно правительство не сделало ничего в помощь Польше. Австрия закрыла свою границу с королевством, а Пруссия выставила на своей границе 60-тысячный корпус, готовый в случае разрешения Николая I к походу на Варшаву. Вместе с тем аристократические и шляхетские элементы, подвизавшиеся у руководства восстанием, воспрепятствовали его распространению на западные польские земли, захваченные Габсбургами и Гогенцоллернами.

25 февраля произошло крупнейшее сражение первой фазы войны — битва под Гроховом.

Несмотря на то, что к исходу сражения поляки были вынуждены отойти к Праге (Варшавской) и начать отступление за Вислу, Дибич получил такой отпор, что приостановил наступление и отошёл к Седлецу. Наступившая распутица надолго парализовала действия армии Дибича, начавшей испытывать затруднения с подвозом продовольствия и вскоре охваченной эпидемией холеры.

Пытаясь расширить территорию восстания и создать затруднения в тылу и на флангах русской армии, польское командование организовало закончившиеся неудачей военные рейды на Волынь и в Литву.

Наиболее последовательные элементы из передовых кругов шляхты, объединённые вокруг газеты «Нова Польска», требовали быстрейшего проведения крестьянской реформы, как основного способа расширения повстанческих сил. В январе комиссия внутренних дел сейма предложила жонду народовому обеспечить наделение отличившихся солдат землёй и передать крестьянам, сидящим на государственной земле, их наделы в собственность. После гроховской битвы сеймовый посол Ян Шанецкий выступил с требованием отменить на государственных землях барщину и заменить отработки денежным чиншем; он добивался превращения крестьян частных имений в свободных арендаторов. С большой неохотой жонд народовый 28 марта 1831 г. внёс в сейм законопроект только о признании за крестьянами, державшими в пользовании государственные земли, права собственности на обрабатываемые ими наделы и о замене всех крестьянских повинностей в течение десяти лет чиншем.

Однако даже это скромное предложение правительства, непосредственно не менявшее взаимоотношений помещиков и крестьян и только дающее отдалённую перспективу уничтожения барщины без перехода частновладельческой земли в крестьян-

скую собственность, было враждебно встречено сеймом. Шанецкий доказывал существование тесной связи между делом крестьянской реформы и защитой независимости страны и настаивал на широкой земельной реформе.

Но помещичий сейм, почти три недели обсуждавший крестьянский вопрос, 18 апреля согласился лишь на закрепление за крестьянами земли казённых имений и отказался закрепить за ними наделы в частных имениях. Аристократия, указывал Ф. Энгельс, оставила неприкосновенным рабство, благодаря которому крестьяне опускаются до положения скота. Своекорыстие магнатов и шляхты оттолкнуло крестьян от участия в войне за независимость. Шляхта и магнаты совместно воспрепятствовали перерастанию национального восстания в буржуазную революцию. Против крестьянства составился единый фронт аристократии, крупной буржуазии, помещиков и части безземельного шляхетства. Отброшенное прочь, разочарованное в своих ожиданиях, не освободившееся от барщины, не получившее ни земли, ни политических прав, крестьянство перестало быть заинтересованным в судьбах восстания и отвернулось от него. В деревнях начались выступления против властей, приток в армию добровольцев сменился дезертирством.

Классовый эгоизм шляхты помог аристократам, присоединившимся к восстанию для того, чтобы ограничить и ликвидировать его. Магнаты и шляхта не желали каких-либо прогрессивных социально-экономических преобразований. Отказ от земельной реформы явился главной причиной неудачи восстания.

«...восстание 1830 г. не было ни национальной революцией..., ни социальной или политической революцией; оно, — писали Маркс и Энгельс, — ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция» [1].

После того как определился консервативный характер восстания, отбросившего прочь крестьянство, наступил последний, завершающий этап борьбы.

Ни русское, ни польское командование не обнаруживали энергии и инициативы. 26 мая в битве под Остроленкой польские войска потерпели поражение, несколько ослабленное умелыми действиями генерала Бема.

Только после Остроленского поражения жонд народовый объявил посполитое рушение (всеобщее ополчение) для мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. Но это решение натолкнулось на безразличие и даже противодействие крестьян, которым цели восстания были чужды. Отказываясь провести уравнение в правах евреев, составлявших довольно значительную часть городского населения, жонд народовый лишал себя некоторых резервов в городах.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 265.

Перехватив в самом начале руководство движением, аристократия свела национальное восстание лишь к войне армий. Новый русский командующий Паскевич, сменивший умершего от холеры Дибича, в июле перешёл за Вислу.

Опасность, нависшая над столицей, привела к ещё одному, последнему прямому вмешательству народа в борьбу: 15 августа толпа варшавян овладела тюрьмой, расправилась с генералами, заключёнными в ней по подозрению в измене, и повесила на фонарях несколько шпионов.

Страх перед народным выступлением овладел аристократами. Глава жонда народового Чарторыский бежал из Варшавы. Патриотический клуб, агитация которого сыграла роль в развязывании движения народа, не решился ни на одно революционное мероприятие. Его руководители поддержали генерала графа Круковецкого, объявленного губернатором столицы. Представитель шляхетских интересов, Круковецкий обрушился с репрессиями на народ. 17 августа сейм вручил ему власть с исключительными полномочиями. Патриотическую бдительность жителей Варшавы он несколько ослабил назначениями на ответственные должности Мохнацкого и Лелевеля.

Завершая окружение Варшавы, Паскевич предложил польским властям пойти на переговоры. Круковецкий, поддержанный аристократами и конституционалистами, с радостью согласился. Однако переговоры не дали никакого результата, и 6 сентября 1831 г. Паскевич штурмом взял предместье Волю, которую из последних сил героически оборонял отряд генерала Совиньского, погибшего в бою. 8 сентября войска Паскевича заняли капитулировавшую Варшаву. В начале октября 1831 г. сложили оружие или перешли в Пруссию и Австрию последние польские отряды. Восстание в Польше было подавлено. Историческую ответственность за его поражение делили магнаты, шляхта, а также буржуазия, не попытавшаяся стать во главе восстания и вывести его на путь буржуазной революции.

ГЛАВА VII

Польская эмиграция 30—40-х годов XIX века

Поражение восстания 1830—1831 гг. в Королевстве Польском вызвало значительную эмиграцию поляков в страны Западной Европы. Родную землю покидали тысячи людей, не желавших мириться с порабощением Польши и палаческим режимом Николая I. Проникнув первоначально на территорию Австрии и Пруссии, но встретив здесь крайне враждебное к себе отношение, эмигранты стали пробираться дальше на запад. Многих эмигрантов прусские власти задерживали и выдавали царским чиновникам. Бывших польских солдат в Пруссии использовали для принудительных работ.

Лишённые средств, группы эмигрантов пешком шли на запад. Их поддерживали и обеспечивали демократические круги немецкого населения. Отдельные группы эмигрантов проникли в Англию, в южные немецкие государства, подавляющее же большинство из них обосновалось во Франции.

Правительство Луи-Филиппа Орлеанского не могло не считаться с давлением французского общественного мнения, требовавшего признательности к польским эмигрантам за то, что они своей мужественной борьбой сорвали затевавшуюся царём интервенцию в пользу низвергнутых в июле 1830 г. Бурбонов.

Среди эмигрантов были люди разных социальных групп и политических направлений: крестьяне и интеллигенты, ремесленники, шляхта, аристократы. Все страны оказались выдающиеся представители польской культуры: Мицкевич, Шопен, Словацкий. Подавляющее большинство эмигрантов рассматривало свой уход из страны как временное отступление и горело желанием продолжать борьбу за независимость Польши.

Противоречия мыслей и чувств эмигрантов, потерявших родину и полных желания видеть её свободной, ярко и глубоко отразились в «Книгах польского народа и его скитаний», выпущенных в 1832 г. в Париже Мицкевичем.

Пять лет пребывания в России оказали огромное влияние на творчество и взгляды великого польского поэта. Дружба с Пушкиным, Рылеевым, Бестужевым и другими выдающимися сынами русского народа показала Мицкевичу, что помимо России Николая I и Новосильцева существует Россия прогрессивная, преисполненная чувства братства и симпатии к польскому народу. Общаясь со своими русскими друзьями, Мицкевич стал отходить от узкого шляхетского патриотизма. Как писал Пушкин:

Нередко он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Потрясённый поражением восстания 1830—1831 гг., Мицкевич в «Книгах польского народа...» развивал мессианистическую идею искупительной и спасительной роли, которую Польша якобы призвана сыграть в истории человечества, и в то же время призывал к служению народу, подходил к пониманию решающей исторической роли народных масс. «Все люди, — писал он, — родные братья. Тот выше других, кто им служит и кто жертвует собой для их блага». Он обращал внимание на «предвещающий землетрясение шум, происходящий в немецких тавернах, в парижских предместьях и в итальянских избах».

Испугавшая клерикалов и реакционеров, непонятая до конца прогрессивными кругами, непоследовательно зовущая вперёд и мешающая прошлое с настоящим, книга Мицкевича оказала известное влияние на формирование различных взглядов и направлений эмиграции.

В каждом эмигрантском центре возникали многочисленные кружки и общества. На политическое руководство всей эмиграцией первоначально претендовал обосновавшийся в Париже в 1831 г. «Временный польский комитет» во главе с руководителем последнего повстанческого правительства Бонавентурой Немоёвским. Открытое недовольство этим комитетом, пытавшимся перенести в эмиграцию свою пагубную политическую систему, привело к тому, что в 1832 г. он прекратил своё существование. Ещё в декабре 1831 г. в Париже возник «Польский национальный комитет» под руководством Лелевеля. Этот комитет выпустил целый ряд воззваний, клеймивших злодейскую политику царя. По требованию французской полиции, Лелевель оставил Францию и переселился в Брюссель.

Адам Мицкевич.

В 1832 г. сложились организации, сыгравшие наиболее заметную роль в истории польской эмиграции и оказавшие определённое влияние на формирование политических взглядов соответствующих классов польского общества. Это были «Историческое общество», «Литературное общество» и «Демократическое общество».

Слившиеся вскоре «Историческое общество» и «Литературное общество» охватывали аристократические и крайне умеренные элементы эмиграции, группировавшиеся вокруг семьи Чарторыских. Дворец последних в Париже — Hôtel Lambert (отель Ламберт) — вскоре стал признанным центром всех реакционных элементов в эмиграции и в Польше. Сам престарелый Адам-Ежи Чарторыский был пожизненным президентом «Историко-литературного общества». Консервативное, глубоко враждебное всякого рода повстанческой деятельности и демократической пропаганде, «Историко-литературное общество» стремилось к восстановлению полновластия аристократии в Польше, всецело рассчитывая на поддержку иностранных государств. Английское, французское и некоторые другие правительства время от времени, когда им представлялось выгодным побеспокоить царизм польским вопросом, вступали в полуофициальные сношения с «отелем Ламберт». Круги, группировавшиеся вокруг «отеля Ламберт», рассматривали Чарторыского как будущего польского короля.

Из среды «Историко-литературного общества» вышло немало работ, в искажённом виде рисовавших историю польского народа, историю польской шляхты и аристократии, приписывавших им особую, цивилизаторскую миссию в Восточной Европе, изображавших их как своего рода передовой отряд, ограждавший Западную Европу от «варваров». Правда, в грубой клевете на русский народ, на украинцев, на белорусов, в сознательном извращении прошлого и настоящего от писателей консервативного лагеря эмиграции не отставали и многие публицисты и писатели менее реакционного толка.

Если глубоко антинаучная пропаганда в печати сближала два направления польской эмиграции, то во всём остальном, они резко и непримиримо расходились.

Участники «Демократического общества» считали, что основная причина поражения восстания 1830—1831 гг. таится в игнорировании консервативным руководством восстания социальных интересов крестьянства. Объединяя в эмиграции прогрессивные круги шляхты, буржуазные элементы, интеллигенцию преимущественно шляхетского происхождения и деклассированные шляхетские элементы, «Демократическое общество» с самого своего образования ставило своей задачей подготовку нового восстания, соединённого с рядом социальных реформ. В первом своём значительном программном документе — в воззвании к гражданам-солдатам в сентябре 1832 г. — оно высказалось за отмену барщины и других крестьянских повинностей, но обошло вопрос о помещичьей земле.

Тесные связи существовали между отдельными группами эмигрантов и тайными карбонарскими союзами во Франции, Италии и других странах. Переоценивая готовность польских народных масс к восстанию, поляки-карбонары по предложению Заливского решили незамедлительно возобновить восстание в Королевстве Польском. Эмиссары, посланные эмигрантами в марте—апреле 1833 г., пытались поднять восстание в разных местах королевства, но не смогли увлечь за собой крестьян. «Экспедиция Заливского» потерпела полную неудачу. Большинство её участников, среди которых выделился своим мужеством и предприимчивостью Артур Завиша, было схвачено царскими жандармами и расстреляно или повешено.

Рассеяв ложные представления о настроениях крестьянства, провал экспедиции Заливского заставил демократические элементы эмиграции шире и основательнее обратиться к разработке социальной программы движения.

В то время как часть польской демократической эмиграции подходила к пониманию необходимости большой подготовительной работы для организации нового восстания и соединения самого восстания с крупными социальными преобразованиями, другая её часть продолжала добиваться немедленного выступления и не переставала плодить заговоры. Героические попытки

увеличивали число жертв террора трёх господствовавших в Польше правительств, но не давали никакого шанса на успех, так как оставляли безучастным к себе крестьянство.

Немало польских эмигрантов, правильно полагавших, что победа народа любой страны над своими угнетателями приближает время освобождения Польши, включалось в революционную и заговорщическую деятельность различных западноевропейских групп и организаций. Под влиянием созданного Мадзини общества «Молодая Италия» в 1834 г. в Берне была образована группа «Молодая Польша», стоявшая на республиканских и демократических позициях. Члены «Молодой Польши» приняли участие в нескольких организованных мадзинистами выступлениях в Италии. Большая группа деятелей «Молодой Польши» вела тайную пропаганду в самой Польше и создавала на местах повстанческие отряды. Крупнейшей фигурой среди агитаторов, вернувшихся из эмиграции и действовавших в подполье, был Шимон Конарский. Вместе с группой единомышленников Конарский создал «Общество польского народа». Первоначально центр этого общества помещался в Кракове, затем во Львове. Оно образовало ряд нелегальных ячеек, охвативших многие центры королевства, а также и Правобережной Украины. К обществу примыкало много поляков-студентов Киевского университета. В 1838 г. царским властям удалось разгромить общество. Под Вильно был арестован сам Конарский. Группа русских офицеров во главе с Кореваевым пыталась устроить ему побег, но была выдана одним из поляков и подвергалась жестоким наказаниям. В феврале 1839 г. Конарский был расстрелян.

В то время как часть эмигрантов нелегально возвращалась в Польшу, большинство из них продолжало жить в Западной Европе и приобщаться к революционному движению в странах своего пребывания.

Польские эмигранты приняли участие в подготовке Лионского рабочего восстания 1834 г. — одного из первых вооружённых выступлений пролетариата.

Среди эмигрантов получали распространение различные теории утопического и мелкобуржуазного социализма. В 1835 г. в Портсмуте (Англия) сложилось особое эмигрантское общество «Польский народ», состоявшее из двух секций: громады (колонии) «Грудзёндз» и громады «Умань». «Польский народ», наиболее видным деятелем которого одно время был Станислав Ворцель, высказывался за общественную, коллективную собственность на средства производства и с этих позиций критиковал «Демократическое общество». Общество «Польский народ» существовало до 1846 г.

Постепенно «Демократическое общество» превратилось в наиболее многочисленную и влиятельную эмигрантскую организацию. Тысячами нитей оно было связано с Польшей.

В декабре 1836 г. «Демократическое общество» выпустило свой основной программный документ — манифест. Манифест провозгласил задачей «Демократического общества» борьбу за независимую и демократическую Польшу. Польша, указывал манифест, «была погублена не одним лишь превосходством орд захватчиков, но эгоизмом привилегированных». Выступая против шляхты, манифест, однако, не шёл дальше требований сословного равенства, демократических свобод, уничтожения крепостничества и барщины и предоставления крестьянам права собственности на земли, находящиеся в крестьянском пользовании. Несомненно, манифест являлся программой буржуазной революции, но революции, проводимой с максимальным соблюдением интересов помещиков, с сохранением помещичьего землевладения. Ограниченность авторов манифеста, стремившихся учесть некоторые интересы народа и сочетать их с защитой имущественных интересов правящих классов, находила своё наиболее яркое выражение в пропаганде национального единства поляков, в отказе от признания противоположности социальных интересов отдельных классов Польши. Авторы манифеста, деятели «Демократического общества», действуя в этом отношении рука об руку со всеми реакционными националистическими группами и течениями, как в Польше, так и в эмиграции, стремились подчинить всякое общественное движение только делу национального освобождения. Они повторяли реакционные шляхетские взгляды по национальному вопросу, призывая к восстановлению Польши в её старых, исторических границах 1772 г.

Несмотря на ряд присущих ему слабых и просто реакционных сторон, манифест сыграл в целом положительную роль, так как решительно подтвердил взаимозависимость борьбы за свободу Польши и борьбы за освобождение крестьянства от крепостничества. Манифест оказал большое влияние на формирование взглядов складывавшейся буржуазной интеллигенции как в эмиграции, так и во всех частях Польши.

После издания манифеста «Демократическое общество», воюя с аристократически консервативным лагерем эмиграции, с одной стороны, и с социалистическими её группами — с другой, сумело сплотить вокруг себя довольно значительные силы как за границей, так и в Польше.

Руководящий исполнительный орган «Демократического общества» — его «Централизация», находившаяся первоначально в Пуатье, а затем в Версале, разрабатывала детальные планы нового восстания в Польше. В отличие от 1830—1831 гг., было решено добиваться единовременного выступления во всех трёх частях Польши и с первых же шагов восстания провозгласить определённую социальную программу. «Централизация» завязала довольно тесные сношения с подпольными польскими кружками, действовавшими на родине. Для подготовки руководящих военных кадров «Централизация» открыла военную школу

в Париже. Руководили школой Юзеф Высоцкий и Людвиг Мерославский — видный военный теоретик.

Длившиеся в течение нескольких лет приготовления к восстанию были завершены в 1844—1845 гг. Организаторы восстания предполагали первоначально выступить в Познани, Галиции и Кракове, освободить их от иностранного господства и вслед за тем развернуть борьбу за освобождение Королевства Польского. Обширный план не удался. Арест Мерославского в Познаньщине помог прусским властям сорвать намечавшееся восстание. Выступления в Галиции носили разрозненный характер. Лишь в Краковской республике на короткий срок установилась повстанческая власть. Она провозгласила цели, выдвигавшиеся левыми кругами «Демократического общества».

В 1846 г. с «Демократическим обществом» слилась более умеренная организация — «Объединение польской эмиграции», руководителем которой был Лелевель.

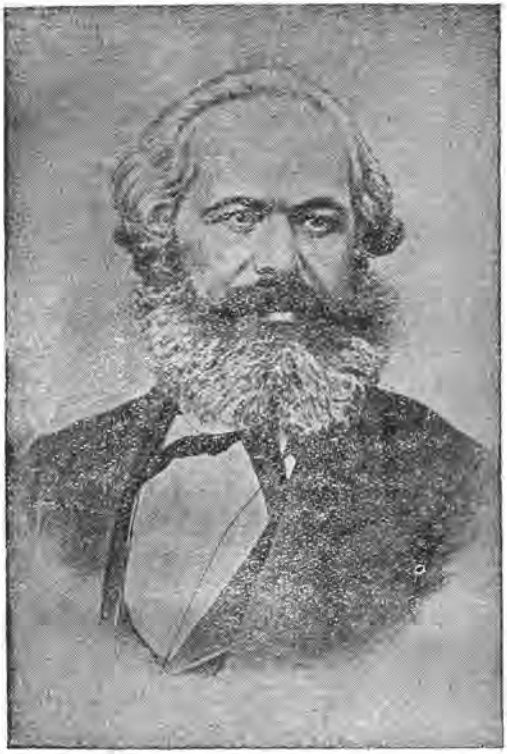
Польские прогрессивные эмигранты пользовались широкой поддержкой русских революционных демократов-эмигрантов во главе с А. И. Герценом, а также поддержкой Н. П. Огарёва, М. А. Бакунина и др.

Польские эмигранты сыграли видную роль в революционных событиях 1848—1849 гг. Многие из них поспешили в Галицию или Познаньщину, другие приняли участие в революционной борьбе во Франции, в Австрии, в немецких государствах, в Венгрии. Польские легионы, польские отряды, отдельные польские демократы сражались во всех революционных армиях Европы, на баррикадах всех стран. Юзеф Бем с неутомимой энергией отдался в октябре 1848 г. восстанию в Вене, «где всё, что было сделано для усиления оборонительных сооружений и организации революционных сил, было обязано его личным усилиям»[1]. После поражения революции в Австрии он командовал революционными отрядами в Венгрии. Мерославский, как только закончилась борьба в Познаньщине, уехал в Германию и в 1849 г. командовал частями баденской революционной армии, в составе которой находился и Ф. Энгельс.

В революционных событиях 1848—1849 гг. участвовал Мицкевич. Под влиянием охватившего всю Европу общественного подъёма он освободился от владевших им многие годы мистических воззрений и ринулся в революционное движение. Верный своим идеям служения свободе всех народов, он создал польский легион для борьбы за независимость Италии от австрийцев. Заставив папу благословить знамя легиона — «армии республиканской и социалистической» по определению Мицкевича, — он бросил ему грозные слова: «Знай, что дух божий сегодня — в блузах парижского народа!»

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. 2, стр. 579.



К. Маркс.

Романтик, веривший в призвание правителей служить народу, разделявший легенду о Наполеоне I, как друге поляков, Мицкевич при принце-президенте Наполеоне III стал издавать в Париже газету «Трибуна народов», выходившую на французском языке. Отдавая дань бонапартизму, он вместе с тем приблизился к великой идее, выдвинутой в порядок дня революцией 1848—1849 гг. — идее социализма. «Социализм, — писал Мицкевич в статье под таким же названием, — слово совершенно новое. Пятьдесят лет тому назад слова «революция» и «революционный» тоже были неологизмами, варваризмами».

Крайне левое крыло польской эмиграции ещё в начале 40-х годов оказалось под идейным влиянием основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса. Польские революционные демократы и социалисты принимали участие в работах созданного Марксом и Энгельсом «Союза Коммунистов». В программном документе «Союза Коммунистов» — «Манифесте Коммунистической партии» — Маркс и Энгельс указали, что

Ф. Энгельс.

среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения[1].

Уделяя значительное внимание вопросу о Польше, Маркс и Энгельс систематически помогали лучшим представителям польской эмиграции в уяснении задач и возможностей польского освободительного движения. Они с огромным уважением относились к освободительной борьбе польского народа. «Маркс в 40-х годах прошлого века, — пишет И. В. Сталин, — стоял за национальное движение поляков и венгров... Почему? Потому, что... поляки и венгры являлись «революционными народами», боровшимися против абсолютизма»[2].

Маркс и Энгельс рассматривали освободительное движение передовых кругов польского народа как силу, призванную поколебать устои европейской реакции. Их пристальное внимание к польским делам было вызвано в решающей степени тем обстоятельством, что восстановление Польши могло произойти только

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, М. 1948, стр. 80.

[2] И. В. Сталин, Сочинения, т 6, стр. 142—143.

путём разгрома Пруссии, Австрии и России — этих трёх абсолютистских держав Европы, бывших оплотом крепостничества и контрреволюции в Европе.

В серии статей «Какое дело рабочему классу до Польши?», написанных в 1866 г., Энгельс указывал: «Рабочие Европы единодушно провозглашают восстановление Польши как неотъемлемую часть своей политической программы, как требование, выражающее самую суть их внешней политики»[1].

В 40—60-х годах Маркс и Энгельс придавали исключительно большое значение польскому вопросу. В дальнейшем, по мере развития капитализма в отдельных частях Польши, основоположники научного социализма приходили к выводу о том, что подлинное освобождение Польши может произойти лишь в условиях пролетарской революции, в тесной зависимости от революции в России. «Независимость Польши и революция в России взаимно обусловливают друг друга», — указывал Энгельс[2].

ГЛАВА VIII

Краковская республика

(1815—1846)

Появление Краковской республики явилось одним из результатов острой борьбы вокруг польского «наследства», разыгравшейся на Венском конгрессе. Для обособления Кракова от остальных частей польского государства не было ровным счётом никаких естественных оснований. Но так как вершившие судьбы Европы Александр I и Меттерних не могли договориться о судьбе древней польской столицы, то в конечном счёте три державы — Россия, Австрия и Пруссия — порешили выделить Краков с прилежащей территорией в особое «государство». Соглашение о выделении Кракова в «вольный город» было заключено между тремя державами 3 мая 1815 г. Вопреки предположениям инициаторов создания Краковской республики, рассматривавших её появление только как компромисс во взаимных отношениях, маленькое полунезависимое государство сыграло весьма заметную роль в истории польского народа.

Территория «вольного города» Кракова и прилежащей к нему местности охватывала немногим более 1 тыс. *кв. км* с населением около 100 тыс. человек, из которых свыше 20 тыс. проживало в Кракове, а остальные в трёх пригородах и 244 деревнях. Выработанная Чарторыским и утверждённая в 1815 г. тремя правительствами конституция «вольного города» устанавливала в нём республиканскую форму правления. Исполнительная

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 151.
[2] Там же, т. XV, стр. 223.

власть вручалась сенату в составе 12 членов и президенту. Половина сенаторов пожизненно заняла свои посты, другие — подлежали каждые три года переизбранию палатой представителей, капитулом и университетом. Законодательной властью облекалась палата представителей в составе депутатов от гмин и других лиц. Большинство законопроектов подлежало предварительному утверждению со стороны сената. Конституция признавала равенство всех граждан перед законом, свободу совести и печати. Конституционный устав 1818 г. внёс некоторые существенные дополнения: крестьяне, продолжая оставаться в состоянии феодальной зависимости, получили право посылать в гминные избирательные собрания одного выборщика от каждой деревни, насчитывавшей свыше десяти крестьянских дворов.

Республиканская форма правления прикрывала господство аристократических элементов, шляхты и духовенства, опиравшихся на содействие трёх держав, «покровительствовавших» крохотному государству. Три комиссара-резидента, представлявшие Россию, Австрию и Пруссию, осуществляли постоянный надзор за жизнью маленькой республики.

Свобода экономических связей со всеми частями бывшего польского государства сделала Краков средоточием широкой перевалочной торговли: сюда доставлялись в большом числе товары из одной группы польских земель для беспошлинной доставки в другие польские земли. Широкие транзитные операции способствовали экономическому оживлению и привели к образованию значительного слоя торговой буржуазии. Её представители в палате депутатов нередко выступали против аристократического сената.

Оберегая интересы крепостников, сенат вместе с тем должен был считаться с тенденциями к капиталистическому развитию в сельском хозяйстве. На государственных землях и землях, принадлежащих учреждениям, барщину заменил чинш.

Политическое развитие Краковской республики отражало влияния, исходившие из Королевства Польского. Центром либеральной шляхетской оппозиции в Кракове стал университет.

После разгрома декабристов и установления николаевской реакции в Краков потянулись многие оппозиционно настроенные шляхтичи. Краковские власти, действовавшие в полном единодушии с резидентами трёх держав, стали преследовать прогрессивные элементы.

Восстание 1830—1831 гг. в Королевстве Польском вызвало в Кракове восторженные отклики. В городе развернулось движение части мещанства и студенчества против сената и резидентов держав. Отдельные группы молодёжи направлялись на помощь восставшим в Варшаву.

Поражение восстания и переход части повстанческих войск на территорию республики привели к временной оккупации её царскими войсками. В 1833 г. в республике была введена новая

конституция. Согласно этой конституции, избрание президента ставилось в прямую зависимость от согласия держав-покровительниц; палата представителей подлежала созыву лишь один раз в три года.

Несмотря на сыпавшиеся репрессии и реакционные изменения конституции, Краков после восстания 1830—1831 гг. приобрёл новое значение для поляков: лишь на территории республики польский язык оставался единственным языком управления, тут же сохранялся национальный университет и хотя крайне урезанные в своих правах, чуждые народу, но всё же польские учреждения.

Краков стал играть важную роль как центр связи между эмигрантскими организациями и подъярёмной Польшей. Самое существование республики становилось своего рода символом не умиравших надежд поляков на свободу и независимость.

Царское правительство было не прочь покончить с Краковской республикой путём передачи её Австрии. Глубокое негодование краковян политикой России выразилось в убийстве в 1836 г. русского агента Павловского. Три державы использовали это событие в качестве предлога для совместной оккупации республики. Русский и прусский отряды оставались в Кракове сравнительно недолго. Австрийцы же вывели свои войска лишь в 1839 г. За время оккупации австрийцы полностью подчинили себе всю администрацию республики. После увода австрийских войск агенты Вены оставались у власти. Краковская республика впадала во всё большую политическую и экономическую зависимость от Австрии, навязавшей ей невыгодный для Кракова торговый договор.

Подготовляя общепольское восстание, «Демократическое общество» и его «Централизация» уделяли большое внимание Кракову. Некоторые остатки «независимости» позволяли рассчитывать, что восстание легче всего сможет победить в Кракове и превратить его в политический и организационный центр выступления остальных частей Польши.

После провала руководителя общепольского восстания Мерославского, арестованного в 1846 г. в Познаньщине, австрийское правительство ввело в Краков свои войска. Эти непредвиденные обстоятельства вызывали резкие споры между руководителями заговора, причём представитель «Централизации» Альциата требовал отказа от восстания.

Но события, разыгравшиеся тогда же в Галиции, дали толчок выступлению в Кракове. 20 февраля 1846 г. на улицах города начались вооружённые столкновения между населением и австрийскими солдатами.

Австрийский командующий генерал Коллен, опасаясь, что восстание в Галиции изолирует его от Австрии и приведёт к поражению отряда, увёл свои войска. Вместе с ними из Кракова бежали резиденты и некоторые из сенаторов.

Умеренные шляхетские и буржуазные элементы попытались взять власть в республике в свои руки. Но по настоянию широких кругов краковян, поддержанных начавшим стекаться в город крестьянством, было образовано «национальное правительство».

Неоднородное в своём составе трёхчленное правительство действовало под давлением радикально настроенных представителей эмигрантского «Демократического общества», в первую очередь — незадолго до того прибывшего из Королевства Польского Эдварда Дембовского. Делая шаг вперёд не только по сравнению с восстанием 1830—1831 гг., но и восстанием 1794 г., руководители краковского восстания пытались объединить дело национальной независимости и социального раскрепощения.

Манифест национального правительства объявлял об уничтожении крепостного права, переходе в собственность крестьян всей находящейся в их пользовании земли, уничтожении барщины и всех повинностей и раздаче земли из государственных фондов. Все способные носить оружие призывались в войска.

Демократический характер восстания, наметившаяся перспектива перерастания его в революцию испугали буржуазные и помещичьи элементы. Дважды реакционные круги предпринимали попытки переворота. Хотя оба раза эти попытки в конечном счёте срывались, они ослабляли и осложняли внутреннее положение в Кракове. Повстанческие власти не обнаруживали особой энергии. Энтузиазм и преданность Дембовского революции не могли восполнить нерешительности объявленного диктатором Яна Тыссовского.

Слухи о начавшемся тогда же крестьянском восстании в находившейся под властью австрийцев Галиции чрезвычайно пугали буржуазно-помещичьи круги Кракова. Дембовский же решил соединить краковское восстание с крестьянскими восстаниями. Полагая, что союз буржуазно-шляхетских демократов с крестьянством легче всего может быть достигнут с помощью церкви, он 27 февраля вывел из Кракова большую патриотическую демонстрацию, возглавлявшуюся ксендзами. При переходе с территории республики в Галицию на процессию напали войска Коллена. Одной из жертв избиения был и Дембовский.

1 марта Коллен потребовал сдачи Кракова. После того как патриотическая процессия была разгромлена, краковские повстанцы, не решаясь оказать сопротивление, отступили в Пруссию.

По соглашению трёх держав, заключённому в ноябре 1846 г., Краковская республика была включена в состав Австрии.

Несмотря на свою кратковременность и слабость, краковское восстание сыграло заметную роль в укреплении польской демократии и имело определённое общеевропейское значение.

Выступая 22 февраля 1848 г. в Брюсселе на митинге, посвящённом второй годовщине краковского восстания, Маркс говорил: «Краковская революция дала Европе славный пример, отождествив национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетённого класса»[1].

ГЛАВА IX

Прусские владения в Польше в 1815—1847 годах

В результате соглашений, достигнутых на Венском конгрессе, из части княжества Варшавского было образовано особое княжество Познаньское, отданное прусскому королю. Немедленно вслед за тем король Фридрих-Вильгельм III оторгнул от вновь созданного княжества два повета — Хелмский и Михаловский, которые вместе с городом Тонунь были присоединены, равно как и Гданьск, к провинции Западная Пруссия, созданной из части территорий прусского захвата в 1772 г.

Во вторично доставшихся Пруссии польских территориях прусские власти первоначально проводили весьма осторожную политику: они должны были считаться с глубоким неудовольствием, вызванным во всех слоях польского населения разделом бывшего княжества Варшавского и с симпатией, которую шляхта выражала либеральной политике, отличавшей первые годы власти Александра I в Королевстве Польском.

С образованием и переходом княжества Познаньского под власть прусского короля польские территории в составе Пруссии возросли более чем на 29 тыс. *кв. км.* и достигли почти 200 тыс. *кв. км.* Несмотря на предшествовавшую полосу германизации, польское население в целом составляло примерно одну четвёртую часть населения всей Пруссии и представляло собой компактное большинство во всей восточной и южной частях Силезии, в большей части Познаньщины, в южных и юго-западных округах Восточной Пруссии (Мазовия) и превышало половину населения провинции Западная Пруссия. Различный уровень социально-экономического развития польских территорий, особенности исторического пути, пройденного отдельными польскими владениями Пруссии, отличия в сроках, прочности и формах господства побуждали прусские власти к различным методам управления отдельными польскими территориями при единстве цели — опруссачивания польского народа и его страны.

В Силезии — относительно давнем прусском владении, к тому же с XIV в. оторванном от остальных польских земель, — осуществление аграрной реформы, полностью отвечавшей интересам помещиков, способствовало завершению процесса ассими-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 263.

ляции местного дворянства, как немецкого, так и онемеченного, с прусским юнкерством. За счёт обезземеливания крестьян и разорения мелкой шляхты здесь сложились крупнейшие по размерам в прусском королевстве владения немецких помещиков и опруссаченных польских аристократов.

Дешёвый труд обезземеленных, нищих крестьян в сочетании с высокоразвитым в поместьях животноводством и естественными богатствами Силезии привели к созданию большого числа ткацких и суконных мануфактур, разработке горных богатств, развёртыванию добычи угля. Мануфактуры и ремёсла Силезии находились в руках немецкой буржуазии, издавна составлявшей основной элемент её городского населения. Польским оставалось только трудящееся население — крестьяне и рабочие. Опираясь на поддержку католического духовенства — единственной прослойки местного населения, связанной с польской письменной культурой, — прусские власти стремились германизировать всю страну, закрывали частные школы с преподаванием на польском языке, запрещали польские печатные издания и даже стремились перевести католическое богослужение, совершавшееся полатыни, на немецкий язык. Крестьянство, которое составляло основную массу польского населения, держалось родного языка и продолжало стойко оберегать свою национальную самобытность.

К 30-м годам XIX в. в Силезии возросли группки ремесленников и мелких торговцев польского происхождения, заметнее стала деятельность горстки складывавшейся польской разночинной интеллигенции. В силезских землях началась полоса национального возрождения, вызванного втягиванием в капиталистические отношения исконного польского населения. Неожиданно для прусских правителей обнаружилось, что крестьянство, сохранявшее вопреки всем усилиям германизаторов родной язык и особенности своего быта, стало питательной средой, выдвинувшей силы, постепенно вступавшие в активную борьбу против германизаторов, будившие национальное самосознание польского населения.

В ещё более резких формах протекала германизаторская политика прусских властей в польских районах Восточной Пруссии и особенно в Западной Пруссии. Под руководством обер-президента фон Шёна в Западной Пруссии, а с 1824 г. в соединённой провинции Западно-Восточной Пруссии, производилось систематическое вытеснение польских элементов из торговли и ремесла, польскому населению навязывались немецкий язык и культура, в деревни завозились немецкие колонисты.

В особом положении находилось княжество Познаньское, совсем недавно составлявшее часть зависевшего от Франции, но не зависевшего от Пруссии польского государства. Социальные отношения, существовавшие на этой территории, ставили прусские власти перед лицом как мощной группы польских помещиков,

так и перед многочисленным, политически более развитым, чем в других прусских владениях, польским крестьянством. Кроме того, в Познаньщине была довольно влиятельная польская буржуазия. Оккупировав территорию княжества, прусские власти начали добиваться восстановления порядков, существовавших до 1807 г. Особенно важной была в этом отношении замена в июле 1815 г. кодекса Наполеона прусским земским правом (Landrecht). Одним из ближайших последствий этой меры явились попытки отдельных помещиков вернуть крестьян к состоянию крепостной зависимости и возложить на них все повинности, существовавшие до 1807 г. Беспокойство, вызванное в деревне угрозой нового закрепощения, побудило прусское правительство издать указы, подтверждавшие отмену крепостничества и даже создавшие некоторые затруднения помещикам при сгоне крестьян с земли.

Помещичье хозяйство Познаньщины находилось в весьма тяжёлом положении: обременённое огромной ипотечной задолженностью, оно должно было конкурировать с прусскими юнкерскими владениями. Однако в 1823 г. прусское правительство распространило на великое княжество прусский закон о «регулировании». Согласно этому закону, после уступки помещику от трети до половины своего надела, крестьянин признавался собственником оставшейся у него земли и свободным от феодальных повинностей.

Если в основных прусских провинциях правом выкупа с 1816 г. пользовалась только категория наиболее зажиточных крестьян, то в Познаньщине все крестьяне без исключения получили право на выкуп повинностей и земли. Сами цены на землю в Познаньщине, переживавшей серьёзный кризис сбыта, были ниже, чем в Пруссии.

В силу этого, для познаньских помещиков аграрная реформа не могла послужить источником поправления своих финансовых дел. В петиции, поданной королю, польские помещики просили считать их такими же подданными, как и их прусских коллег, и соответственно не применять в Познани аграрных законов, отличавшихся от прусского закона о «регулировании». Сервилизм польской землевладельческой шляхты был вознаграждён указом 1836 г., ограничившим круг крестьян, имевших право на «регулирование» собственниками инвентаря, пары лошадей, волов или участка земли в 25 моргов.

Несмотря на более льготные условия «регулирования» чем в прусских провинциях, крестьянство Познаньщины в очень небольшой своей части смогло воспользоваться правом выкупа повинностей и земли: из общего числа почти в 900 тыс. крестьян к 1848 г. выкупили свои повинности и земли до 180 тыс. человек, которые в 40 тыс. хозяйств сохранили 1 388 тыс. моргов земли и уступили помещикам 2 158 тыс. моргов земли. Крупный единовременный платёж и последующая ежегодная рента совершенно

подрывали благосостояние многих крестьян-собственников и принуждали их к продаже земли.

Аграрная реформа, хотя и не удовлетворявшая требованиям польских помещиков, завидовавших прусским юнкерам, привела к экономическому укреплению крупных и средних помещиков, увеличению размеров шляхетского землевладения и ускорила процесс обезземеливания и дифференциации крестьянства. В то время как в 1848 г. менее 15% всех крестьян принадлежало к категории собственников, остальное крестьянство распадалось на группы халупников, имевших при хате небольшой участок земли, и безземельных сельскохозяйственных рабочих-коморников, подвергавшихся жестокой, почти крепостнической эксплоатации. Аграрная реформа в Познаньщине, равно как и аграрная реформа в других польских владениях Пруссии, направила развитие капитализма в сельском хозяйстве этих земель по «прусскому» пути, при котором «... крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» («крупных крестьян»)»[1].

В среде польских землевладельцев-помещиков отрыв от старых рынков, включение в новую хозяйственную среду, кризис сбыта, некоторая перестройка земельных отношений также вызвали заметные имущественные сдвиги. Меньше всего изменений произошло в положении крупнейших магнатов, которые тесно связывали себя с прусским режимом. В средних слоях шляхты, имущественное положение которой подвергалось существенным колебаниям, над отдельными проявлениями недовольства прусской политикой преобладали стремления к лойяльному сотрудничеству с прусскими властями.

Малоземельное или безземельное шляхетство, вытесненное немецкими чиновниками со всех должностей в административных органах, суде и учебных заведениях, неприязненно относилось к прусскому господству, превозносило порядки, существовавшие в Королевстве Польском, а в наиболее передовых своих кругах даже склонялось к признанию необходимости изменения социальных отношений путём ликвидации крупного землевладения.

Симпатии большей части низших групп шляхетства к Королевству Польскому разделяла познаньская буржуазия. Таможенная граница, отделившая в 1820 г., вопреки решениям Венского конгресса, Королевство Польское от других частей бывшего великого княжества Варшавского, поставила в тяжёлое положение развившееся в Познаньщине в годы континентальной блокады сукнодельное производство. В то время как внутренний рынок в Познаньщине был крайне узок и к тому же прусское правитель-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 216.

ство не оказывало польским мануфактурам никакой поддержки, русское правительство и власти Королевства Польского содействовали переносу предприятий из Познаньщины в пределы Конгрессовой Польши. Прусское правительство, заинтересованное в устранении конкуренции для прусских предпринимателей и в экономическом ослаблении Познаньщины, не противодействовало переезду в пределы Королевства Польского предпринимателей, в том числе немецких, и рабочих. В результате промышленному развитию великого княжества Познаньского был нанесён тяжёлый удар, ряд отраслей производства резко сократился и экономика страны приобрела более односторонний аграрный характер, чем экономика Королевства Польского или Силезии.

Недовольство шляхты оккупационным режимом, установленным в Познаньщине пруссаками, выразилось в создании тайных политических обществ. В этих обществах первоначально заметную роль играли старые легионеры Князевич и Домбровский. Одно время в Познаньщине действовал кружок Уманьского, связанный с варшавским «Национальным патриотическим обществом». Тайные общества побуждали шляхту требовать создания национальных представительных учреждений и польского войска.

Только в 1823 г., организуя ландтаги в прусских провинциях, прусские власти распространили закон о провинциальном сословном представительстве на великое княжество Познаньское. По закону, в Познаньщине учреждался сейм, располагавший лишь правом петиций к королю. В состав сейма входили главы четырёх крупнейших аристократических семейств (князья Радзивилл, Сулковский, Турн и Таксис и граф Рачинский), 22 посла от рыцарского (шляхетского) сословия, 16 — от городов и 8 — от сельского населения. Все избиратели должны были владеть недвижимым имуществом стоимостью не ниже установленной для каждого сословия, определённому имущественному цензу должны были отвечать и послы. Польские крестьяне практически устранялись от участия в выборах, так как, помимо имущественного ценза, от избирателей требовалось владение собственностью по крайней мере в течение 10 лет. Между тем лишь с введением в Познаньщине в 1823 г. закона о «регулировании» появилась более или менее заметная категория польских крестьян-собственников. Следовательно, до истечения десятилетнего срока сельское сословие могло охватывать преимущественно только крестьян — немецких переселенцев.

Учредив сейм, правительство не торопилось с его созывом: первый познаньский сейм был собран в октябре 1827 г. позже открытия всех других прусских провинциальных ландтагов. Как и на последующих сеймах, поляки составляли подавляющее большинство по рыцарскому (шляхетскому) сословию, а по городскому и сельскому сословиям почти все послы представляли немецких избирателей. На сейме раздавались протесты против гонений прус-

ской администрации на польский язык и назначения на должности местного управления, как правило, немцев. Но, весьма показательно, что большинство послов, в том числе и шляхетских, высказалось против проекта петиции, в котором выражалось пожелание о введении в великом княжестве Познаньском конституционного строя, подобно существовавшему в Королевстве Польском.

Лойяльность, обнаруженная помещиками, побудила правительство распространить на Познаньщину закон об уездных представительных учреждениях. Уездные советы (сеймики), состоявшие из представителей землевладельцев, получили право избрания ландратов. Ландратами в большинстве своём избирались польские помещики. Низшее звено управления — управление гминой — вверялось войтам, которыми, как то было установлено законом княжества Варшавского, могли быть только помещики. Таким образом, вся местная администрация к 30-м годам XIX в. оказалась в Познаньщине в руках у польских помещиков. Второй сейм, созванный в январе 1830 г., отметив, что в судебных учреждениях почти не осталось поляков, не пошёл дальше просьбы о назначении чиновниками лиц, знающих одновременно немецкий и польский язык.

Восстание, вспыхнувшее в ноябре 1830 г. в Королевстве Польском, вызвало значительный отклик в Познаньщине. Более 10 тыс. познаньцев поспешили на помощь варшавским повстанцам. Прусское правительство ввело в Познани военное положение и сконцентрировало на границе крупные контингенты войск, разоруживших и интернировавших отступавшие из королевства повстанческие отряды. После подавления восстания в королевстве прусские власти судили познаньских поляков, участвовавших в борьбе с русским самодержавием, и многих из них приговорило к смертной казни. Разгром восстания в королевстве и установившаяся там диктатура Паскевича облегчили прусским властям возможность перейти к активной политике онемечивания Познаньщины.

Вся полнота власти в великом княжестве Познаньском сосредоточилась у обер-президента Флоттвеля, вступившего в должность в декабре 1830 г.

Одним из первых мероприятий Флоттвеля явились наложение секвестра на имущество познаньцев, участвовавших в восстании в Королевстве Польском, и замена оставшихся в администрации польских чиновников немецкими. В 1832 г. были введены новые правила употребления языка, оставлявшие право на ведение служебной корреспонденции по-польски только за низшим духовенством, войтами и бургомистрами мелких городов; в 1833 г. сеймики были лишены права избирать ландратов, должности которых стали замещаться немецкими чиновниками; в 1836 г. была уничтожена должность войтов, заменённых комиссарами ландрата, — так шаг за шагом польские помещики вытеснялись из

органов местного управления. Не ограничиваясь отстранением шляхты от участия в управлении, прусская администрация широко применяла меры к разорению помещиков, скупке их земель и перепродаже исключительно благонадёжным немцам. В 1833 г. в Познаньщине были секуляризованы монастырские земли, деньги от продажи которых использовались на строительство крепостей и укреплений, предназначенных для поддержания прусского господства. Польский язык изгонялся из управления и школ, польское духовенство пополнялось немецкими выучениками.

Польские помещики не желали оказывать сколько-нибудь значительное противодействие германизации. Даже предложение об обращении к королю с петицией об обязательном употреблении польского языка в познаньских школах, внесённое в третий сейм, который заседал в 1834 г., поддержали не все польские послы.

Некоторые группы шляхты пытались задержать прусскую колонизацию организацией кредита, ставшего особенно необходимым после закрытия в 1828 г. Кредитного земского общества. Доктору Карлу Марцинковскому, действовавшему в интересах консервативной состоятельной шляхты, стремившейся ограничить польское национальное движение лишь экономической сферой, удалось создать в Познани экономический центр «Базар», наладить материальную помощь небольшой группке польской учащейся молодёжи и организовать кредитный банк, почти не выходивший из серьёзных финансовых затруднений.

Между тем развитие капиталистических отношений подводило юнкерскую Пруссию к серьёзному внутреннему кризису. Новый прусский король Фридрих-Вильгельм IV, наследовавший в 1840 г. своему отцу, оказался вынужденным пойти на некоторые полулиберальные меры, в частности в отношении Познаньщины. В конце 1841 г. он сместил Флоттвеля; затем было несколько расширено право пользования польским языком.

Произошедшее в 1841 г. прекращение действия русско-прусского соглашения о взаимной выдаче политических преступников позволило отдельным польским эмигрантам, преследовавшимся царским правительством, переселиться из Западной Европы в Познань. Гонения Меттерниха и Паскевича на всё польское в Галиции и Королевстве при послаблении в прусской колонизаторской политике временно выдвигало Познань на роль польского культурного центра.

Эмиссары «Централизации» создавали кружки и распространяли идеи манифеста «Демократического общества».

Польские помещики, несмотря на серьёзный ущерб, нанесённый их экономическим и политическим интересам прусской политикой, безоговорочно осуждали деятельность шляхетской демократии и даже немецкой либеральной буржуазии. Когда на пятом сейме, в 1841 г., послы от Познани — немецкие либеральные

буржуа — предложили обратиться к королю с просьбой о созыве Генеральных штатов от всего королевства, то с яростными нападками на них в защиту прусского абсолютизма выступили именно послы от польских помещиков. Их не столько пугала перспектива растворения Познаньщины среди других прусских земель, сколько страшили социальные потрясения, могущие последовать за созывом представительного собрания. Один из польских послов при одобрении всех представителей от магнатов и рыцарского сословия, как бы взывая к твёрдости прусского короля, напоминал о том, что Генеральные штаты и конституция привели к известным событиям в царствование Людовика XVI. Польские помещики воскрешали в памяти французскую буржуазную революцию конца XVIII в. не для устрашения прусских тиранов, а для выражения им своих верноподданнических чувств.

В начале 40-х годов развернул деятельность тайный комитет шляхетских демократических организаций великого княжества. В этот «Познаньский комитет», тесно связанный с «Централизацией», вошли Либельт, Морачевский, помещик Гуттри и некоторые другие.

«Познаньский комитет» должен был включиться в подготовлявшееся «Демократическим обществом» восстание во всех основных частях Польши. Он энергично осуществлял эти задачи и вёл упорную борьбу с Марцинковским, Рачинским и другими представителями консервативной помещичьей оппозиции, противодействовавшей всякому освободительному политическому движению.

Руководители «Познаньского комитета» намеревались признать за крестьянством право собственности на земельные наделы, уничтожить барщину и оброк, установить гражданское равноправие. Но эта радикальная программа не мешала «Познаньскому комитету» пренебрежительно относиться к делу пропаганды и организации среди крестьянства, рабочих и городской мелкой буржуазии.

Независимо от буржуазно-шляхетских кружков, в 1842 г. в Познани возник кружок ремесленников, мелких торговцев, учащихся, созданный сыном рыбака книготорговцем Стефанским, мельником Эссманом и слесарем Липинским. Кружок этот, носивший название «Союза плебеев», был связан с унтер-офицерами и солдатами-поляками из местных частей прусского гарнизона, завязывал сношения с демократическими элементами в Западной Пруссии и Вроцлаве, вербовал сторонников среди крестьян. Особенно оживилась деятельность «Союза плебеев» в связи с восстанием силезских ткачей в 1844 г.

Участники кружка находились под влиянием идей мелкобуржуазного социализма, стремились к быстрейшей подготовке восстания и допускали возможность приостановления права частной собственности на всё время борьбы до достижения независимо-

сти. Относясь неприязненно к «Союзу плебеев» и опасаясь самостоятельного выступления его участников, «Познаньский комитет» попытался подчинить себе организацию Стефанского. Подготовлявшееся слияние кружков было сорвано арестом Стефанского и некоторых других деятелей «Союза плебеев» в ноябре 1845 г.

Через несколько недель после разгрома кружка Стефанского в конце декабря 1845 г. в Познань прибыл Мерославский, назначенный «Централизацией» военным руководителем предстоящего восстания.

Мерославский посетил Краков, подобрал руководителей восстания во всех частях бывшей Речи Посполитой, наметил состав общепольского жонда народового. Само восстание было повсеместно назначено на 21 февраля 1846 г. Прусские власти, находившиеся после ареста участников кружка Стефанского в состоянии усиленной насторожённости и предупреждённые ещё 5 февраля предателем-шляхтичем о заговоре, 14 февраля захватили Мерославского и находившиеся при нём весьма важные документы. Немедленно по всей Познаньщине было введено военное положение и проведены массовые аресты. Восстание в Познаньщине и Западной Пруссии уже не могло состояться. Произошло лишь два разрозненных, совершенно неудачных вооружённых выступления в Старограде и в Познани. Грандиозный план «Централизации» оказался сорванным.

Неурожай 1846 г., поразивший Познаньщину наряду со многими другими частями Европы, и последовавший за ним голод обострили социальные противоречия в княжестве. Участились случаи поджогов помещичьих усадеб, нападений на продовольственные склады и магазины. Встревоженные слухами о крестьянском восстании, происшедшем в Галиции в 1846 г., и выступлениями голодавших крестьян и рабочих, собственнические круги искали поддержки у прусских властей.

Прусские власти тем временем продолжали следствие по делу о заговоре. К судебной ответственности было привлечено 254 человека и более 1 000 человек было вызвано свидетелями. Судебный процесс, происходивший в Берлине, продолжался несколько месяцев. Многие из подсудимых-помещиков, заискивая у судей и прусского правительства, оговаривали шляхетских демократов и состязались между собой в гнусности и низости. Лишь несколько рядовых заговорщиков следовали примеру Мерославского, использовавшего гласность процесса для изобличения угнетательской политики Пруссии. Вместе с тем Мерославский дал обширные показания, использованные прусской юстицией во вред ряду обвиняемых. Суд приговорил 8 обвиняемых, в том числе и Мерославского, — к смертной казни.

Между тем политическое напряжение в польских землях Пруссии продолжало нарастать.

ГЛАВА X

Национально-освободительная борьба в Познаньщине в 1848 году

Первые известия о революции во Франции, опрокинувшей 24 февраля 1848 г. трон короля-буржуа Луи-Филиппа, вызвали огромное возбуждение среди населения княжества Познаньского. Предвидя внутренние и внешние затруднения прусского правительства, либеральные круги польских помещиков и буржуазии сочли момент вполне благоприятным для достижения некоторых уступок со стороны Берлина. Они тем охотнее намеревались предъявить прусским властям всякого рода пожелания, что рассчитывали именно таким путём предотвратить самостоятельные народные выступления и ограничить народное движение общенациональными рамками.

С начала марта в княжестве началась разработка «адреса» Фридриху-Вильгельму IV.

Не успели польские либералы, поддержанные в этом деле консервативными кругами, осуществить свои намерения, как в Берлине началась революция и к власти оказались призванными представители либеральной прусской буржуазии. Прусский король поспешил опубликовать патент, содержавший обещания конституции и вхождения Пруссии в состав единой Германии. Патент предусматривал, что Познаньское княжество и провинции Западной и Восточной Пруссии войдут в состав Германии, если их законные представители того захотят.

Революционное движение в Германии, как казалось, должно было привести к вмешательству России: царское самодержавие не могло оставаться безразличным к изменениям в Центральной Европе, обещавшим образование крупного буржуазного государства. Стремясь любой ценой избегнуть войны с Россией и опасаясь внутри-политических осложнений, прусские либералы заняли внешне благожелательную позицию по отношению к польским помещикам и либеральной буржуазии. Эта позиция диктовалась стремлением ослабить польское национально-освободительное движение и перетянуть на свою сторону все польские имущие группы.

К осуществлению этого плана прусской политики в отношении поляков было приступлено тем охотнее, что он облегчал отношения с немецкой революционной демократией, добивавшейся от правительства поддержки польских национальных требований.

20 марта при большом стечении берлинских жителей из тюрьмы Моабит были выпущены поляки, осуждённые по делу о заговоре 1846 г. В тот же вечер прусский премьер граф фон Арним принял Мерославского и других польских деятелей и осведомлялся у них о позиции, какую займут поляки в случае войны с Россией. Шляхетские демократы безоговорочно обещали

прусским властям своё полное содействие в борьбе с царизмом. Они со своей стороны просили, чтобы Берлин смотрел «сквозь пальцы» на вооружение познаньских поляков и не препятствовал их приготовлениям к вторжению в Королевство Польское. Но так как берлинские правители стремились как раз к соглашению с царизмом, то на деле оказалось, что польские демократы, направив свою энергию лишь на подготовку борьбы с царизмом, дали возможность выиграть время, оправиться и перейти в наступление своему ближайшему врагу — прусским угнетательским классам.

Маркс и Энгельс считали совершенно правильным стремление польских демократов не ограничиваться одним познаньским вопросом и решить весь польский вопрос в целом.

«Познаньский вопрос, — писали Маркс и Энгельс в 1848 г., — взятый отдельно, лишён всякого смысла, всякой возможности разрешения. Он лишь фрагмент польского вопроса и может быть решён лишь как часть этого вопроса и вместе с ним»[1]. Решение польского вопроса в первую очередь и главным образом было связано с необходимостью сокрушения сил русского самодержавия, для того времени являвшегося жандармом Европы. Маркс и Энгельс, рассматривая освобождение и восстановление Польши как неотъемлемую часть борьбы всей европейской демократии, считали необходимой революционную войну с царизмом и всей ориентировавшейся на него европейской реакцией. Но для польских демократов Познаньщины, увлечённых перспективой войны с Россией и преувеличивавших значение переворота 18 марта, важнейшую роль должна была играть борьба с непосредственным врагом — польской и прусской реакцией. Между тем польские демократы обольщались надеждой если не союза с Пруссией, то по крайней мере нейтралитета её в случае нового польского восстания против царизма. Поэтому они не придавали особого значения непосредственной, важнейшей задаче — ликвидации прусского господства в Познаньщине. Ошибочное отношение к берлинскому правительству влекло за собой ошибочное отношение польских демократов и к польским либералам и консерваторам — сторонникам союза с прусской монархией.

Когда 20 марта 1848 г. в Познани стало известно о берлинских событиях, то немедленно начались стихийные народные демонстрации, постепенно распространившиеся на всю территорию княжества и во многих местах вылившиеся в успешные восстания против прусских властей. Польские либералы и консерваторы при содействии прусской администрации поторопились обеспечить за собой руководство движением, чтобы ввести его в возможно более узкое русло. Днём 20 марта, выступая в «Базаре», выпущенный из тюрьмы Стефанский

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 382.

предложил собравшимся избрать Национальный комитет и рекомендовал в его состав себя, крупных помещиков Меньжинского и Потворовского, историка Морачевского, директора Земского кредитного общества, трёх ксёндзов, одного крестьянина, одного ремесленника и других. Не встретив возражений демократических кругов, Национальный комитет приступил к работе.

Национальный комитет, вскоре получивший наименование Центрального национального комитета, занялся при поддержке всей землевладельческой шляхты и либерально-буржуазных элементов в первую очередь свёртыванием народного движения против пруссаков. Представители комитета и создавшиеся на местах национальные комитеты общим числом до 70 убеждали крестьян и ремесленников возвращаться к исполнению повседневных обязанностей под предлогом того, что только таким путём могут быть созданы условия для переговоров с прусским правительством. Своей тактикой Центральный национальный комитет, польские помещики и либеральная буржуазия, оберегая себя от возможного перерастания национально-освободительной борьбы в революцию, на деле в первую очередь спасали прусское господство над Познаньщиной. Они решительно противились предложениям использовать почти тридцатитысячную массу вооружённых крестьян и ремесленников, собравшихся в Познани, для захвата цитадели и вытеснения прусских войск с территории великого княжества. Оправившись от первого испуга, местные прусские власти 21 марта потребовали роспуска Центрального национального комитета и заняли вооружённой силой помещение «Базара».

Между тем депутация Центрального национального комитета, выделенная для переговоров с прусским правительством, 22 марта прибыла в Берлин. Под её давлением созданный в прусской столице Мерославским и Либельтом польский революционный комитет вскоре объявил себя распущенным. Члены депутации взамен подготовленного королю адреса, содержавшего упоминание о независимости Польши, подали петицию, в которой просили только о «реорганизации» княжества Познаньского: создании польского корпуса, замене в княжестве прусского войска польским, назначении поляков на все административные должности. Недружелюбно встретив депутацию, Фридрих-Вильгельм IV и его советники в конечном счёте поняли, как невыгодно для них было бы отказываться от сотрудничества с польскими консерваторами и либералами и тем самым пробуждать активность шляхетских и буржуазных демократов. 24 марта королевским указом было объявлено о создании комиссии для проведения «реорганизации» в великом княжестве Познаньском.

Сразу же после получения сообщения о том, что прусское правительство приняло пожелания, изложенные депутацией, продолжавший действовать Центральный национальный комитет занялся сведением стихийно сложившихся отрядов в регулярный

польский корпус. Руководство формированием корпуса и командование отдельными его частями находилось всецело в руках помещиков. Центральный национальный комитет не помешал прусскому командующему созвать ландвер (ополчение).

Среди подавляющей части немецкого населения великого княжества выступления поляков и уступки, сделанные им в Берлине, вызывали большое недовольство. 25 марта в Познаньщине сложился особый немецкий национальный комитет, приступивший к созданию отрядов «гражданской обороны». Совместно с прусской администрацией этот комитет стремился разжечь национальную рознь и не скрывал своей вражды к полякам. 3 апреля прусское правительство объявило великое княжество на военном положении и вскоре сосредоточило в нём более 30 тыс. войск. Прусские власти пресекли также деятельность польских комитетов, ставших было возникать в Западной Пруссии (Поморье), куда являлись эмиссары познаньцев.

Несмотря на явно враждебные приготовления пруссаков и ослабление надежд на войну между Пруссией и Россией, Центральный национальный комитет продолжал придерживаться прежней политики.

Комитет враждебно отнёсся к деятельности прибывшего в Познань в конце марта Мирославского, но всё же назначил его на руководящий пост в военном отделе комитета. Мирославский стремился превратить создавшийся польский корпус в ядро национальной армии и добился концентрации польских сил в четырёх военных лагерях. Попрежнему надеясь на союз с Пруссией против России или по крайней мере на прусский нейтралитет в случае войны поляков с царизмом, Мирославский расположил лагери в непосредственной близости к русской границе.

Познаньские шляхетские демократы не только недооценивали необходимости и неизбежности борьбы с прусским владычеством, но и пренебрегали интересами крестьянства. Враждебное отношение шляхты к крестьянству привело к тому, что Центральный национальный комитет в своей практической деятельности обошёл аграрный вопрос. Комитет лишь выпустил два воззвания, содержавшие обещания некоторых льгот для крестьян-добровольцев.

Непримиримая ненависть польских помещиков к крестьянству, сыгравшая огромную роль в событиях 1848 г., с особой силой проявилась на юге Познаньщины. Под прямым влиянием крестьянских движений в Силезии, здесь произошло несколько выступлений против помещиков. В ответ польские помещики создали вооружённый отряд и 29 марта напали на польских крестьян. Так шляхта отстаивала свои классовые позиции, предавала национальные интересы и отталкивала крестьян от участия в движении.

3 апреля Познань была объявлена прусским командованием на военном положении.

7 апреля прибывший за два дня до того в Познань королевский комиссар по реорганизации генерал Виллизен потребовал роспуска польских отрядов как предварительного условия для обсуждения вопросов реорганизации. Принятие требования Виллизена было равнозначно полному отказу от какого-либо противодействия прусскому правительству, а отклонение этого требования угрожало войной, но уже не с Россией, а с Пруссией. Война неизбежно привела бы к усилению роли демократических кругов. После некоторых колебаний, напуганный нападением прусских войск на город Тшемешно, Центральный национальный комитет решил выполнить несколько смягчённые прусские требования: 11 апреля в Ярославце состоялось подписание конвенции, согласно которой общая численность польских отрядов, превышавшая 15 тыс. человек, сокращалась до 2 500—2 800 человек.

Сообщение о Ярославецкой конвенции было встречено польскими солдатами-добровольцами как предательство: солдаты угрожали расправой с офицерами и не желали покидать лагеря. Они выражали глубокое недовольство и Мерославским, первоначально стоявшим за отпор прусским требованиям, но затем принявшим личное участие в разработке конвенции с целью смягчить неблагоприятные для поляков условия. Назначенный 11 апреля начальником главного штаба польских войск, он стремился оттянуть момент столкновения с пруссаками до более благоприятного времени, но, как и все шляхетские демократы, боялся прибегнуть к использованию огромной силы народных масс.

После заключения Ярославецкой конвенции произошло резкое разделение между помещиками и буржуазией, с одной стороны, и всем демократическим блоком — с другой. Продолжая своё предательское дело по разложению народных сил, Центральный национальный комитет окончательно превращался в орудие прусской политики. 16 апреля он опубликовал воззвание, обещавшее всем крестьянам, которые покинут военные лагери и в будущем отбудут службу в особой познаньской дивизии, бесплатное предоставление земельных наделов размером в три морга. Провокационный характер этого обещания не вызвал сомнений у большинства добровольцев.

Возвращение прусских чиновников, погромные выступления немецких националистов, карательные походы прусских отрядов по деревням создавали всё более напряжённую обстановку. Непрерывно множилось число разрозненных вооружённых столкновений между немцами и поляками. Возбуждение польских демократических кругов особенно возросло, когда стало известно, что королевским указом от 14 апреля десять поветов исключались из обещанной «реорганизации», т. е. попросту отделялись от территории княжества.

Торопясь покончить с угрозой народного восстания, которая заключалась в самом существовании польских отрядов и военных лагерей, Центральный национальный комитет 25 апреля

принял решение об их полном роспуске. Состоявшийся 28 апреля съезд делегатов от лагерей решил считать Центральный национальный комитет низложенным. На следующий день прусские войска напали на польский отряд в 1 000 человек, занимавший местечко Ксёнж. Сражение закончилось гибелью почти половины личного состава отряда, после чего пруссаки ограбили и сожгли местечко.

Сражение в Ксёнже открыло новый этап развития событий: пруссаки переходили к политике вооружённого восстановления своего господства. Считая в новых условиях свою деятельность излишней, Центральный национальный комитет, сыгравший самую зловещую роль в борьбе поляков против немецкого господства, 30 апреля самораспустился.

Вслед за сражением в Ксёнже польские отряды и новые группы крестьян-повстанцев, косиньеров, вступили в вооружённую борьбу с прусскими войсками. Общее руководство польскими вооружёнными силами осуществлял Мерославский. Ему удалось одержать две победы над значительно превосходящими силами противника: 30 апреля у Милослава и 2 мая в Соколово, близ Вжесни. Но победы, вызвавшие появление новых партизанских отрядов, действовали устрашающе на подавляющее большинство офицеров, боявшихся крестьянской войны. Одни из них дезертировали, а другие почти открыто разлагали войска. Мерославский и его сторонники не проявляли никакой решительности в борьбе с изменниками и сами не выказывали стремлений превратить борьбу с пруссаками в национальную народную войну. После нескольких неудач Мерославский 7 мая сложил с себя командование. 9 мая основные польские силы капитулировали перед пруссаками.

Так предательство помещиков и ограниченность шляхетской демократии, не решавшейся опереться на крестьянство, привели к крушению национально-освободительного движения в Познани.

После капитуляции, повлекшей прекращение организованной борьбы, прусские войска продолжали преследовать мелкие партизанские отряды и совершать всевозможные жестокости в отношении населения и пленных поляков.

Разгром польского освободительного движения, совершённый правительством прусских либералов, оказал прямое влияние на дальнейшее развитие событий в самой Пруссии: там стали укрепляться силы реакции. «Прусская военщина бушевала в Познани... Поляки падали под ударами штыков и картечи её умиротворителей... Пожары сожжённых деревень были зарёй, осветившей вновь восстановленный трон самодержавного короля»[1].

Однако с поражением национально-освободительного движения в Познаньщине польский вопрос не сошёл с германской

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 367.

революционной сцены 1848 г.: знамя свободы и независимости Польши высоко держал боевой орган германской революционной демократии — начавшая выходить 1 июня 1848 г. «Новая рейнская газета» Маркса и Энгельса. Пожалуй, центральное место во внешнеполитической программе газеты занимал вопрос о Польше. В защиту Польши и коренных интересов польского народа Маркс и Энгельс вели непримиримую борьбу с немецкими либералами и мелкобуржуазными демократами, совмещавшими выражения словесного сочувствия угнетённым полякам с безоговорочным содействием их угнетателям. В «Новой рейнской газете» была опубликована целая серия статей друга и соратника Маркса и Энгельса Вильгельма Вольфа, объединённая общим названием «Силезский миллиард». Автор бичевал грабительскую политику немецких помещиков, результатом которой явились нищета, бесправие, голод польского населения. Он требовал возмещения крестьянам, отмены всех барщин и денежных чиншей, раздробления имений силезских магнатов.

Немедленно после подавления восстания в княжестве Познаньском новый генеральный комиссар по реорганизации фон Пфуль, личный друг Флоттвеля и такой же германизатор, предложил произвести органическое включение в состав Пруссии двух третей территории княжества, включая город Познань. Только в узкой полосе вдоль границы с Королевством Польским предполагалось признать особые права за польским языком и польской национальностью[1]. 4 июня была установлена соответствующая демаркационная линия.

Опираясь на решение Пфуля, немецкое население Познаньщины послало 12 депутатов во всегерманское Национальное собрание, открывшее свои работы 5 мая 1848 г. во Франкфурте на Майне.

Это собрание много раз обращалось к обсуждению польского и особенно познаньского вопроса. Правые в собрании добивались включения всего княжества в германское государство, колеблющийся центр поддерживал план Пфуля, а левые носились со всевозможными неосуществимыми планами, вроде предложения Руге о созыве европейского конгресса для решения польских дел. В конце июля 1848 г. Франкфуртское собрание приняло постановление, санкционировавшее проект Пфуля. Это постановление вызывало глубокое возмущение всех революционных демократов. Маркс и Энгельс писали в «Новой рейнской газете»: «Собрание должно было спасти честь Германии или ещё раз покрыть её позором. Собрание оправдало наши худшие предвидения. Оно санкционировало семь разделов Польши, оно переложило с плеч германских князей на свои собственные плечи позор 1772, 1774 и 1815 годов»[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 154—155.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 368

Прусское Национальное собрание при обсуждении проекта конституции отклонило предложения правых о том, чтобы считать Познаньщину частью королевства, и не одобрило постановление Франкфуртского собрания. Большинством всего только одного голоса оно вынесло решение о предоставлении жителям Познани особых прав в системе прусской монархии. Этим решением собрание стремилось удовлетворить польские либеральные круги и в то же время обеспечить прусское господство над польскими землями. Но и этот куцый компромисс оказался нежизненным: в ноябре 1848 г. прусская военщина осуществила контрреволюционный переворот и разогнала Национальное собрание. В Пруссии восстановилось господство реакционного юнкерства. В 1850 г. Познаньщина была объявлена составной частью Пруссии.

ГЛАВА XI

Королевство Польское в 1831—1863 годах

После разгрома восстания 1830—1831 гг. в Королевстве Польском установился суровый режим диктатуры, который от имени царя осуществлял назначенный наместником Паскевич. Началась беспощадная расправа с участниками восстания: амнистия, данная царём, не помешала казнить, отправить на каторгу и ссылку, зачислить в кавказские полки, выслать на поселение в Сибирь и выселить из королевства десятки тысяч людей. Почти у трёх тысяч помещиков, главным образом из числа эмигрировавших, были конфискованы их владения. Они были переданы царским генералам и сановникам.

Стремясь быстрее прекратить крестьянские движения, развернувшиеся в последний период борьбы в королевстве, Паскевич принял специальные меры к восстановлению в деревне отношений и повинностей, существовавших до восстания. Признательные магнаты и шляхтичи в подавляющем большинстве ответили на это полным и безоговорочным сотрудничеством с царизмом.

Осуществляя давнишние планы царизма, Николай I 26 февраля 1832 г. упразднил конституцию 1815 г., вместо которой был введён «Органический статут Царства Польского». Этот статут не предусматривал существования ни сейма, ни польского войска, ни особой польской коронации и таким образом уничтожал основные признаки польской государственности. Законодательная власть всецело присваивалась царём; государственный совет, как и прежде, предназначался для выработки законопроектов, которые вместо сейма должны были обсуждаться особым «департаментом интересов Царства Польского» при государственном совете Российской империи. Административный совет в составе наместника, директоров комиссий (как стали называться министры) и специально назначенных лиц

являлся высшей распорядительной властью. Число комиссий сокращалось с пяти до трёх: комиссия вероисповеданий и просвещения и комиссия внутренних дел и полиции были слиты в одну, военная — упразднена.

Органический статут предполагал введение собраний провинциальных чинов, содержал в себе широкий перечень гражданских прав, гарантировал употребление польского языка в администрации и суде, свободу вероисповедания при покровительстве католической вере и т. д. Однако подавляющее большинство статей Органического статута никогда не нашло практического применения. Шаг за шагом самодержавие ограничивало и упраздняло все права и все элементы автономии, предусмотренные статутом 1832 г. Так, в 1837 г. воеводства были превращены в губернии; в 1839 г. все дела просвещения были изъяты из ведения комиссии внутренних дел и переданы вновь учреждённому Варшавскому учебному округу, подчинённому имперскому министерству народного просвещения; в 1841 г. был упразднён государственный совет; ряд высших административных учреждений постепенно лишался всякой самостоятельности и сводился к положению управлений, департаментов общеимперских учреждений.

Действовавшие в Королевстве Польском правовые нормы пересматривались и заменялись более близкими к имперским; в 1840 г. взамен польской была введена русская денежная система, а в 1852 г. — русская система мер и весов. Правовое положение сословий так же сближалось с правовым положением соответствующих сословий в России.

Крупнейшую роль в управлении страной играла гражданская канцелярия при наместнике. С помощью жандармерии и сети шпионов она вела борьбу «с бунтарским духом» путём произвольных арестов и грубого административного преследования.

Как ни тяжелы были для польского населения изменения в области управления, они решительно теряли своё значение перед проводившейся систематической политикой разгрома просвещения и культуры. Считая просвещение чуть ли не основной причиной всякого антиправительственного выступления и относя деятелей науки и культуры к числу своих наиболее опасных врагов, царское правительство, безжалостно расправлявшееся с гениями русского народа — Пушкиным, Лермонтовым, Белинским, — решило остановить развитие образования в королевстве и лишить поляков своей интеллигенции. С этой целью «Общество друзей науки», Варшавский университет, а также такие очаги польской образованности, какими были вне королевства Виленский университет и Кременецкий лицей, были закрыты, число гимназий сведено с одиннадцати до девяти и их учебные планы пересмотрены и сокращены, но одновременно усилено преподавание на русском языке и русского языка. Низшая школа была подавлена.

Строгая цензура препятствовала появлению в печати произведений, способных укрепить национальное самосознание польского народа. Было сделано всё возможное, чтобы отделить королевство от других европейских держав и помешать проникновению каких-либо прогрессивных, освободительных научных идей и знаний. Не только труды, но и сами имена Мицкевича, Словацкого, Мохнацкого, Красинского, Лелевеля были подвергнуты запрету. Но никакими усилиями властей и верно служивших им представителей польской поместной шляхты и польского чиновничества не удалось ни сокрушить стремление польского народа к свободе и независимости, ни остановить социально-экономическое развитие страны. Королевство Польское оставалось базой национального развития польского народа.

Готовый любой ценой закрепить свою абсолютную власть в королевстве, Николай I приказал соорудить в Варшаве цитадель, командовавшую над городом. Посетив в 1835 г. польскую столицу, он заявил польской депутации, явившейся с верноподданническим адресом: «По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город. Я разрушу Варшаву и уж, конечно, не я отстрою её снова».

Поражение восстания 1830—1831 гг. вызвало серьёзную хозяйственную депрессию, но не остановило общего развития польской экономики в направлении к капитализму.

Положение сельского хозяйства в целом ухудшилось. Многие имения эмигрантов скупались капиталистами, не имевшими возможности выгодно использовать свои капиталы в промышленности, временно лишившейся русского рынка. Процесс обзаведения буржуазии землёй, сблизивший капиталистов и помещиков, переплетался с процессом создания в наиболее крупных поместьях предприятий по переработке сырья. На этой почве происходило сближение и сращивание класса помещиков с классом капиталистов.

Общей почвой, сближавшей интересы помещиков и буржуазии, являлась и полукрепостническая эксплоатация крестьян.

В самом фольварке барщинная эксплоатация всё в большей степени начинала сочетаться с использованием наёмного труда, как наиболее производительного в условиях работы на рынок. К 1857 г. около 30% помещичьих крестьян стало оброчными.

В связи с постепенной заменой барщины наёмным трудом помещики захватывали крестьянские наделы, выселяли крестьян-барщинников и превращали многих из них в батраков-халупников или коморников.

На развитие польской экономики значительное влияние оказал введённый царским правительством в 1831 г. высокий таможенный тариф на вывоз промышленных изделий из королевства в империю. Затруднения, возникшие как для польской промышленности, так и для тех из фольварков, которые

поставляли промышленное сырьё, были, однако, довольно быстро преодолены. Наиболее простым способом преодоления таможенной преграды оказалось перенесение части текстильной промышленности, преимущественно работавшей на русский рынок, на территорию империи, в соседний Белосток, куда без всяких затруднений поставлялось сырьё из королевства. Другим способом преодоления таможенной преграды явилась борьба за удешевление производства путём внедрения машин и усиления эксплоатации. Поэтому таможенный тариф 1831 г. в конечном счёте лишь подтолкнул промышленный переворот и развитие капитализма в Королевстве Польском.

Большую роль в экономике страны продолжал играть Польский банк. Выдавая ссуды торговым и промышленным предприятиям, он выступал также учредителем фабрик и заводов, в особенности в Домбровском каменноугольном бассейне.

Важное значение в развитии страны имело строительство железных дорог — Варшавско-Венской, открытой в 1848 г., Петербургско-Варшавской, сданной в эксплоатацию в 1862 г., и др. Появление железных дорог ускорило развитие металлургической и каменноугольной промышленности.

Уничтожение русско-польской таможенной границы в 1850 г. открыло перед польской промышленностью и торговлей огромный рынок империи; широкий рынок сбыта приобрело и польское зерновое хозяйство после уничтожения в 1845 г. «хлебных законов» в Англии. Крупный толчок развитию экономики королевства дали правительственные заказы периода Крымской войны.

Всё же в польской промышленности середины XIX в. численно преобладали мелкие предприятия — мастерские с 4—5 рабочими.

Успехи капиталистического развития были неразрывно связаны с глубокими сдвигами в экономике всей Российской империи. Обострение кризиса крепостничества и упрочение капиталистического уклада наносило глубочайший удар самодержавию. В непримиримую борьбу с ним вступила русская революционная демократия. Новые складывавшиеся общественно-экономические отношения заставляли царизм комбинировать систему гнёта и репрессий с некоторыми уступками и реформами. Борьба русской революционной демократии приводила к некоторому ослаблению политики угнетения в Королевстве Польском.

Царские власти оказались вынужденными допустить выход в свет ряда довольно передовых для своего времени изданий: журналов «Библиотека Варшавска» и «Пшегленд науковый» («Научное обозрение»). Редактор последнего, Эдвард Дембовский, развивал идеи, направленные к низвержению самодержавия и уничтожению крепостничества. Идеи буржуазной революции, осуществляемой в союзе с русским народом, развивал Генрик Каменский, заточённый вскоре царскими властями в варшавскую цитадель. Вынужденный бежать за границу, Дембовский

закончил свои дни в борьбе с австрийским абсолютизмом в период краковского восстания 1846 г.

Первые же сведения о революционных событиях февраля — марта 1848 г. во Франции, Австрии и Пруссии вызвали огромное возбуждение в Королевстве Польском. Паскевич усилил репрессии в отношении неблагонадёжных для царизма лиц.

В соответствии с давнишними планами стратегов «Демократического общества» и своими классовыми установками, большинство польских прогрессивных деятелей связывало освобождение страны с помощью извне, с вторжением польских сил из Галиции и Познаньщины и созданием обширной антицаристской коалиции западноевропейских держав. Эта установка отражала не столько бессилие польских шляхетских кругов, стоявших во главе национального движения, сколько их страх перед собственным народом, боязнь крестьянских масс, ненависть к аграрной революции. Эта классовая ограниченность, определившая развитие событий в Королевстве Польском в 1848 г., привела к тому, что правые круги польской шляхты, почти все помещики, заняли верноподданническую позицию в отношении русского царизма. Левые элементы, сознававшие необходимость соединения борьбы за национальную независимость с борьбой за социальные реформы, пренебрегали народом, не имели связи с массами и опасались их. Лишь отдельные группки левых пытались установить связь с крестьянами и ремесленниками. То, что царизму удалось ещё до 1848 г. нанести удар наиболее прогрессивным кругам польского освободительного движения, то, что в Польше ещё не сложилась революционная демократия, позволило самодержавию относительно быстро справиться с политическим кризисом, обозначившимся в начале 1848 г.

В течение 1848 и 1849 гг. большинство тайных кружков и обществ, из которых наиболее радикальным являлся «Союз польской нации», было разгромлено.

Между тем в 40-х годах делают первые шаги новые силы, пытающиеся постепенно отвоевать своё собственное место в борьбе классов. Малозаметное самостоятельное рабочее движение не представляло ещё угрозы существовавшему режиму.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве, происходившее по «прусскому» пути, сопровождалось не только общим ограблением деревни, но и создавало условия для её расслоения. По некоторым данным, относящимся к 1859 г., из общего числа в 3 400 тыс. крестьян безземельных было 1 400 тыс. человек, полных собственников несколько более 200 тыс. человек (около 40 тыс. хозяйств), а остальные 1 800 тыс. пользовались землёй за разные повинности в пользу помещиков.

Крестьянство, дважды обманутое шляхтой — в период костюшковского восстания и во время восстания 1830—1831 гг. — весьма недоверчиво относилось к попыткам выступлений, проводившимся деятелями из эмиграции. Это было одной из причин

неудачи экспедиции Юзефа Заливского в 1833 г. Большинство её участников, почти не встретив поддержки среди деревенского населения, попало в руки царских властей.

Крестьяне пытались стать на путь самостоятельного, независимого от шляхты движения. В начале 40-х годов в юго-западной части королевства возникла крестьянская организация, ставившая себе целью установление строя свободных крестьян-производителей. Создатель этой организации ксёндз Пётр Сцегенный, выходец из крестьян, был горячим поборником совместной борьбы польского и русского крестьянства против царя и польских и русских помещиков. В листовке, принадлежавшей якобы перу папы Григория XVI — в действительности одного из самых отъявленных врагов демократии и прогресса, — осудившего польское восстание 1830—1831 гг., Сцегенный гневно бичевал монархов и злых панов и призывал народ к защите жизни и свободы, прав и труда, к войне холопов с панами, бедных с богатыми, притеснённых с притеснителями. До этой последней из войн, писал Сцегенный, простой народ, составлявший польское войско, убивал простой народ российский; в справедливой войне польские и российские хлопы и горожане будут на одной стороне против своих общих притеснителей.

Крестьянский демократизм сочетался во взглядах Сцегенного с клерикализмом и элементами национализма. В целом его выступления носили боевой, революционный характер. В 1844 г. заговор Сцегенного был открыт и его участники подверглись суровому наказанию.

Царское правительство не могло не считаться с фактом усилившегося крестьянского движения. Прямую борьбу с ним оно начало сочетать с политикой некоторых уступок, продиктованных страхом перед угрозой крестьянской войны и стремлением расположить к себе крестьянскую верхушку. Так в 1846 г. была установлена неприкосновенность наделов свыше 3 моргов (1,5 *га*).

Крестьянство выражало резкое недовольство ограниченностью мер, предпринятых правительством. Наибольшее возмущение выказывали малоземельные крестьяне и батраки, совершенно обойдённые царским указом. Осенью 1846 г. имел место ряд крестьянских волнений.

Интересы крестьянства, интересы всех общественных слоёв, стремившихся к полной ломке крепостнических отношений и уничтожению царской власти — главного оплота реакции и крепостничества и вместе с тем поработителя страны, — наиболее последовательно для своего времени выражала складывавшаяся революционно-демократическая интеллигенция. Меньшая её часть состояла из крестьянских выходцев, большинство — из выходцев из шляхетской среды.

Расслоение шляхты, неразрывно связанное с развитием капитализма в стране, особенно усилилось после восстания 1830—1831 гг.

А. И. Герцен.

Обедневшие шляхтичи оказывались и на положении крестьян-однодворцев, и в услужении у помещиков, на государственной и частной службе, среди торговцев и ремесленников, и даже среди наёмных рабочих.

Проникая в ряды мелкой буржуазии, сближаясь с выходцами из крестьян, опускаясь до положения пролетариата, шляхта всюду распространяла свойственные ей предрассудки и в то же время до известной степени сама воспринимала взгляды окружавшей её социальной среды. Выдвигая из своей среды идеологов тех слоёв, в которые ей приходилось погружаться, разночинная шляхта стремилась смягчить остроту усиливавшихся классовых противоречий и объединить все противостоящие группы и классы в якобы единый национальный лагерь. Хотя в целом разночинная шляхта задерживала формирование классового самосознания польских трудящихся и средних слоёв, но отдельные её группы сыграли видную роль в распространении передовых для своего времени взглядов и представлений.

Сложившаяся польская разночинная интеллигенция, в которой преобладающую роль играли шляхетские выходцы, находилась под влиянием различных идейных источников. Одним из них являлась польская эмиграция, всяческими путями в переработанном виде поставлявшая в Польшу современные ей европейские политические теории — от взглядов социалистов-утопистов и мелкобуржуазных социалистов до великого учения Маркса; другим — русская революционная демократия.

После учинённого царизмом и польскими реакционерами разгрома учебных заведений в королевстве, искавшая образования польская молодёжь устремилась в русские университетские города — Киев, Москву, Петербург. Здесь зарождалось боевое сотрудничество передовых кругов русского и польского народов, и взгляды русских революционных демократов становились достоянием польской молодёжи. Огромным влиянием среди польских демократических кругов пользовался А. И. Герцен, постоянно отстаивавший свободу и независимость Польши и критиковавший великодержавные, захватнические стремления

и ограниченность польских прогрессивных деятелей того времени. Герцен решительно отвергал притязания поляков на непольские земли бывшей Речи Посполитой и доказывал им, что достижение независимости Польши немыслимо без освобождения крестьян от всех остатков крепостничества с наделением землёй без всякого выкупа. Лишь немногие, наиболее последовательные польские прогрессивные деятели смогли подняться до восприятия идей Герцена о соединении аграрной революции с делом борьбы за национальную независимость.

Н. Г. Чернышевский.

Ещё более резко, чем Герцен, выдвигал задачу проведения аграрного переворота в Польше Н. Г. Чернышевский. Он подчёркивал, что социальный вопрос для Польши, как и для многих угнетённых стран, имеет первенствующее значение по сравнению с национальным, и разоблачал несостоятельность стремлений польских демократов к единству действий с польскими помещиками. Чернышевский призывал угнетённые классы различных наций объединиться в борьбе против общих врагов — угнетающих классов, — и указывал на антинародный характер проповеди славянофилов. Он пропагандировал идею боевого, революционного союза русского, украинского и польского крестьянства; он отметал прочь всякие рассуждения о том, что общность угнетённых классов якобы исключается различием языка и религии. Пропаганда Чернышевского, несмотря на сковывавшие её цензурные условия, была боевой, действенной, пробуждавшей к борьбе и сплочению сил передовых кругов всех народов Российской империи. В этой освободительной борьбе Чернышевский отводил большое место польской демократии. Исключительно высокую оценку позиции Чернышевского в отношении польских дел дал В. И. Ленин, отметивший, что всероссийский демократ-революционер Чернышевский «...тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения...»[1].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 403.

Именно из среды польских интеллигентов, получивших образование в основных русских культурных и общественных центрах и в течение ряда лет живших общими интересами с передовыми русскими кругами, находящимися под воздействием Чернышевского и Герцена, вышли наиболее последовательные и самоотверженные борцы за свободу Польши и раскрепощение польского народа.

Крымская война (1853—1856), обнаружившая глубокий кризис русского самодержавно-крепостнического государства, впервые с наполеоновских времён понёсшего военное поражение, вызвала оживление общественного движения в Королевстве Польском и среди польских эмигрантов. Эмигрантам удалось добиться согласия турецкого и английского правительств на создание польских частей. Английским и другим захватчикам удалось поставить часть польских националистов на службу своим интересам. Особенно ярко это проявилось в сотрудничестве некоторых реакционных польских кругов с реакционным движением Шамиля.

После окончания Крымской войны новый царь Александр II, прибыв в мае 1856 г. в Варшаву, заявил приветствовавшей его польской депутации: «Никаких мечтаний, господа». Он изложил в одной фразе программу своей колонизаторской политики: «Счастье Польши заключается в полном слитии её с народами моей империи».

Однако обострение кризиса самодержавия и созревание революционной ситуации в России вынуждало царизм к политике некоторых уступок в отношении Королевства Польского. Уже на следующий день после указанной речи Александр II подписал манифест об амнистии ссыльным и эмигрантам. Право возвращения в королевство из-за границы предоставлялось только «раскаявшимся» эмигрантам, получавшим соответствующие удостоверения от русских консульских властей. Затем Александр II разрешил издать в Варшаве некоторые произведения умершего в 1815 г. Мицкевича. Была ослаблена цензура. Новый наместник — князь М. Д. Горчаков, сменивший умершего в 1856 г. Паскевича, — попытался повести примирительный курс управления.

Осложнявшаяся обстановка в России создавала благоприятные условия для антицаристской деятельности в Королевстве Польском. Стали возникать революционные комитеты, стремившиеся к подготовке нового освободительного восстания.

Рассчитывая опереться на крупных землевладельцев и через их посредство добиться изоляции революционно-демократических элементов, царское правительство разрешило ещё в ноябре 1857 г. основать «Земледельческое общество». Официальной задачей «Земледельческого общества» считалось изучение способов улучшения условий земледелия и положения крестьян. Вскоре «Земледельческое общество», учредителем и руководителем которого был граф Андрей Замойский, племянник

Адама Чарторыского, объединило в своём составе крупнейших помещиков и разделявших их взгляды писателей, учёных, купцов и промышленников. Деятельность общества вышла за первоначально предусмотренные рамки, и оно стало играть роль политического объединения консервативных элементов.

По решающему для развития польских дел аграрному вопросу «Земледельческое общество» всячески отстаивало незыблемость крупных земельных владений и нерушимость существовавших отношений между помещиками и крестьянами. Лишь под нажимом широкого общественного движения «Земледельческое общество» согласилось в принципе допустить выкупную операцию для крестьян, пользовавшихся наследственной арендой. Рассчитанная на несколько десятилетий, эта выкупная операция помогла бы усилить денежные доходы помещиков и ничего реального не сулила крестьянам. Поэтому, несколько облегчив в 1858 г. условия перехода от барщины к денежной ренте, царское правительство смогло ещё раз без особого труда показать, что оно, в сущности, внимательнее, чем польские помещики, присматривается к состоянию польского крестьянства.

Разразившаяся в 1859 г. война между Пьемонтом и Францией, с одной стороны, и Австрией — с другой, вызвала большой общественный подъём в королевстве. Славные подвиги гарибальдийцев, победы над австрийцами при Мадженте и Сольферино, освобождение части Италии из-под австрийского ига воспринимались польскими демократами как предвестники назревавших изменений в положении польского народа. Убеждение в том, что приближается какой-то перелом, в первую очередь порождалось осложнявшейся обстановкой в России. Немало напрасных надежд в польских кругах вызывала также политика Наполеона III, который, прикрывая свои захватнические войны фальшивыми рассуждениями о защите национальностей, изображал себя другом польского народа.

Постепенно вся территория королевства, а в значительной части и Литвы, покрылась революционными комитетами. Используя широкое общественное брожение, комитеты стали вызывать патриотические, антиправительственные уличные выступления. Первая значительная уличная демонстрация произошла 11 июня 1860 г. на похоронах вдовы генерала Совиньского, героя обороны Воли в 1831 г. В октябре 1860 г. варшавская демократическая молодёжь провела ряд выступлений против съехавшихся на свидание в польской столице русского и австрийского императоров и прусского принца Вильгельма. Ряд выступлений состоялся 29 ноября 1860 г. в память тридцатилетия ноябрьского восстания.

Нередко демонстрации заканчивались столкновениями с войсками и полицией. Полиция, в частности, разогнала 25 февраля 1861 г. демонстрацию в Варшаве в память Гроховской битвы,

а 27 февраля войска стреляли по толпе демонстрантов, убив пять человек. Этот расстрел вызвал огромное возбуждение, грозившее стихийно перерасти в уличные бои.

Царское правительство располагало совершенно достаточными силами для подавления выступлений. Но в условиях вызревавшей в России революционной ситуации и в связи с предстоящим опубликованием манифеста 19 февраля о крестьянской реформе правительство стремилось избежать всяких осложнений в королевстве. Со своей стороны, польские помещики и капиталисты были встревожены размахом патриотических выступлений, неизменным участником которых наряду с учащейся молодёжью был трудовой люд польских городов.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. не затрагивала королевство, но вести о крестьянских выступлениях в России вызвали волнения крестьян в восточных губерниях королевства. Более чем в тысяче деревень произошли бурные выступления с требованием раздела помещичьих земель. Польские помещики и царские сатрапы состязались в жестокости при подавлении крестьянских движений.

В разрозненных выступлениях весны 1861 г. польское крестьянство потерпело поражение задолго до того, как революционный кризис достиг высшей точки.

Ещё до февральских кровавых событий в Купеческом собрании сложился самочинный орган верхушки варшавской буржуазии и консервативных кругов помещиков, позже названный «делегацией». Эта «делегация» представляла собой нечто вроде исполнительного центра «Земледельческого общества». Немедленно после расстрела демонстрации «делегация», присваивая себе руководящую роль в отношении народных выступлений, которые она намеревалась ограничить и обезвредить, сделала представление наместнику по поводу произошедших событий. Наместник, учитывая, что «делегация» не представляет собой никакой опасности царизму, возложил на неё поддержание порядка в городе во время похорон жертв уличного расстрела. Наместник также распорядился нарядить следствие по делу об уличном расстреле, согласился на отставку обер-полицеймейстера Трепова и на препровождение царю особого адреса от населения.

Составлением адреса царю занялись деятели «Земледельческого общества». В адрес были включены лишь жалобы на бедственное положение страны и попрание национальных прав населения.

Наместник князь Горчаков добивался разряжения кризиса путём уступок помещичье-аристократическим кругам. С разрешения царя восстановив комиссию исповеданий и просвещения, 27 марта 1861 г. наместник назначил директором комиссии одного из крупнейших помещиков, известного сторонника политики безоговорочного сотрудничества с царизмом, маркиза А. Велё-

польского и произвёл ряд других назначений и перемещений, отвечавших видам польских землевладельцев и предпринимателей. В целях удовлетворения интересов этих классов указом императора от 26 марта 1861 г. восстанавливался государственный совет Королевства Польского и вводились изменения в управление, приближавшиеся в целом к порядку, предусматривавшемуся Органическим статутом 1832 г. Эта уступка со стороны царизма, вызванная страхом перед русской революционной демократией и выступлениями народных масс польских городов, меньше всего могла принести удовлетворение последним. Равно не внесло успокоения открытие Варшавского университета, названного Главной школой.

Отвечавшее видам аристократии и высшего чиновничества восстановление государственного совета было воспринято помещиками и предпринимателями как выражение слабости царизма. В кругах «Земледельческого общества» стала созревать надежда на восстановление конституции 1815 г. и осуществление никогда не оставлявшихся планов расширения королевства за счёт Литвы, Белоруссии и Украины. Велёпольский, начавший играть руководящую роль в королевстве, считал направление, которое стало принимать «Земледельческое общество», несовместимым с политикой лойяльного сотрудничества с самодержавием. 6 апреля 1861 г. по его представлению «Земледельческое общество» было закрыто. Этого оказалось достаточным, чтобы в честь непопулярной до того организации помещиков и капиталистов 7 апреля состоялась многотысячная демонстрация.

Эта демонстрация говорила как о глубине недовольства гнётом царизма, так и о том, что в народных массах не было ещё твёрдого представления о несовместимости народных интересов с интересами эксплоататорских классов. 8 апреля было издано распоряжение о применении оружия против уличных сборищ. В тот же день произошла демонстрация, враждебная Велёпольскому. Демонстранты подверглись нападению войск. Было убито более двухсот человек.

Кровавое побоище вызвало временное прекращение уличных выступлений, но подняло волну затаённого гнева и ненависти против царизма. Велёпольский старался смягчить обстановку рядом реформ частного значения. Он открывал школы, евреев уравнял в правах с польским населением, в мае выступил с проектом обязательного введения чинша взамен барщины. Но все эти меры сами по себе не были способны удовлетворить требований передовых классов польского общества.

В мае 1861 г. умер Горчаков. Пост наместника занял бывший военный министр Сухозанет. Своими крутыми мерами он вскоре же вызвал осуждение даже Велёпольского, подавшего в отставку. Дорожа открытым сотрудничеством с представителем высшей польской аристократии, царь заменил Сухозанета графом Ламбером.

Новый наместник, француз по происхождению и католик, пытался возобновить примирительный курс политики. Он рассчитывал провести выборы в городские советы и тем самым допустить к местному управлению представителей буржуазии. Встреченные сочувственно в буржуазных кругах намерения Ламбера ни в малейшей степени не отвечали нуждам трудящегося населения городов и крестьянства.

Временно прекратившиеся было демонстрации возобновились сначала в форме специальных молебствий по костёлам, сопровождавшихся пением патриотических гимнов, а затем вновь перешли на улицы. 10 октября состоялось обширное сборище под Городлом, в память польско-литовской унии 1413 г. Чествование Городельской унии показывало, что освободительные стремления польского народа продолжали находиться в противоестественном сочетании со стремлением шляхты к подчинению восточных соседей и восстановлению старого, угнетательского польского государства. Смешение прогрессивных, освободительных тенденций с угнетательскими, захватническими являлось прямым результатом влияния шляхетской идеологии на народное движение. Весьма существенные элементы этой идеологии и среди них в первую очередь идеализация шляхетской Речи Посполитой и предпочтение дела национального освобождения социальному перевороту продолжали владеть сознанием разночинной интеллигенции и ею переносились в среду ремесленников, рабочих, учащейся молодёжи, а также крестьян.

Тем временем революционные комитеты продолжали создавать обширную заговорщическую сеть. Своей главной целью революционные комитеты ставили подготовку восстания против царского владычества в стране.

Приближавшаяся очередная годовщина смерти Костюшко побудила наместника, опасавшегося серьёзных волнений, ввести в Варшаве осадное положение и под страхом ареста воспретить церковные манифестации. 15 октября 1861 г., после того как огромные толпы народа заполнили костёлы святого Креста, бернардинский и кафедральный, где предстояла поминальная служба по польскому национальному герою, они были окружены войсками и блокированы. Продержав собравшихся в многочасовой осаде, командование ввело затем войска в два костёла и учинило там погром. Около 3 тыс. человек, сопротивлявшихся бесчинствам солдат и офицеров, было арестовано и отведено в цитадель.

В знак протеста римско-католическое духовенство временно закрыло все костёлы Варшавы, остававшиеся в таком положении до начала 1862 г.

Чудовищное преступление, учинённое 15 октября, оттолкнуло от самодержавия даже самые умеренные польские элементы и глубоко возмутило не только демократические, но и либеральные русские круги. Сам наместник резко осудил варшавского

генерал-губернатора, лично руководившего действиями войск. Острый конфликт между двумя высшими царскими сановниками завершился самоубийством генерал-губернатора и отставкой Ламбера.

Вторично наместником был назначен Сухозанет. Велёпольский в знак протеста уехал в Петербург и потребовал увольнения в отставку. Тогда царь заменил Сухозанета генералом Лидерсом. Новый наместник, стремясь подавить возбуждение в стране, повёл жестокую политику, беспощадно карая за антиправительственные выступления, проводя бесконечные аресты, обыски, увольнения, высылки.

В частых сменах наместников и других руководителей администрации и колебаниях в правительственной политике проявлялся усилившийся кризис царского управления страной. Кризис верхов в сочетании с нараставшим недовольством масс и созревавшей у них готовностью к вооружённому выступлению создавали непосредственную революционную ситуацию. Руководящей организацией, подготовлявшей вооружённое выступление, продолжали оставаться революционные комитеты. Сторонники революционного выступления получили название партии «красных».

Партия «красных» представляла собой весьма непрочное объединение довольно различных по взглядам элементов. Общим для «красных» было стремление к полной независимости Польши от русского самодержавия и к восстановлению её в пределах восточных границ угнетательской Речи Посполитой в 1772 г. «Красные» считали, что достижение национальной независимости неотделимо от проведения аграрной реформы. Но в то время как большинство склонялось к наделению крестьян землёй только за выкуп и только после утверждения польской независимости, меньшинство «красных» твёрдо стояло за бесплатное наделение крестьян землёй. Меньшинство «красных» отстаивало, таким образом, программу буржуазно-демократической революции.

Руководящим органом «красных» стал подпольный варшавский революционный комитет, преобразованный в июле 1862 г. в «Центральный национальный комитет».

Наиболее видную роль в «Центральном национальном комитете» играл Ярослав Домбровский.

Выдающийся военный специалист, с отличием окончивший Академию генерального штаба в Петербурге, Домбровский усвоил очень многое из русской революционно-демократической общественной мысли. Преданный борец революции, закончивший свои дни в роли талантливого военачальника первого в мире государства диктатуры пролетариата — Парижской Коммуны 1871 г., он с неутомимой энергией подготовлял восстание и выступал против всех умеренных элементов. Большое внимание Домбровский уделял установлению связей и тесного сотрудни-

Я. Домбровский.

чества с русскими революционными кружками, действуя в первую очередь через своего сотоварища по Константиновскому корпусу русского офицера Андрея Потебню и сотоварища по Академии генерального штаба Огородникова.

Летом 1862 г. последователи заточённого в Петропавловскую крепость Н. Г. Чернышевского создали тайное революционное общество «Земля и воля», руководящим органом которого был «Русский центральный народный комитет». Землевольцы не разделяли в целом весьма умеренных, да к тому же и великодержавных взглядов «красных», но считали своим неотъемлемым революционным долгом оказание им всей возможной помощи в борьбе за освобождение польского народа от господства общего врага — российского самодержавия. Землевольцы выпускали листовки в пользу разворачивавшегося в Польше революционного движения и вели соответствующую агитацию в русских кругах. Русский офицер Потебня создал в Варшаве среди русских военнослужащих группу, решившую действовать совместно с польскими революционерами. Заговор охватил весьма большое число офицеров и унтер-офицеров, обещавших передать полякам варшавскую цитадель и крепость Модлин. Но военным властям удалось частично раскрыть заговор и покарать многих его участников, из числа которых офицеры Славицкий, Арнгольд и унтер-офицер Ростковский были расстреляны. Разгром царизмом заговора в русской армии был тяжёлым ударом для польских революционеров.

Герцен высоко оценил подвиг русских военных, пожертвовавших собой для дела освобождения Польши, и призывал всех русских офицеров «идти под суд, в арестантские роты, быть расстрелянным, как Славицкий, Арнгольд и Ростковский, быть поднятым на штыки... но не подымать оружия против поляков... отыскивающих совершенно справедливо свою независимость».

В июне 1862 г. Потебня оставил свою воинскую часть и перешёл на нелегальное положение. Его усилиями к осени 1862 г. был создан революционный «Комитет русских офицеров в Польше». Этот комитет был связан с «Землёй и волей», польскими революционными кругами, Герценом, и Огарёвым, для переговоров с которыми Потебня несколько раз посещал Лондон.

«Комитет русских офицеров в Польше» вёл устную и печатную пропаганду в пользу революционной борьбы с самодержавием, «за свободу народа русского и польского».

В дальнейшем, во время восстания, многие участники «Комитета русских офицеров в Польше» вошли в польские повстанческие отряды. Среди погибших в борьбе против царского самодержавия вместе с польскими повстанцами был и Потебня.

В ноябре 1862 г. в русском центральном народном комитете «Земли и воли» состоялось два совещания с делегатом польского «Центрального национального комитета» Падлевским, также сотоварищем Потебни по Константиновскому корпусу. На этих совещаниях русские революционные демократы заявили о том, что они всецело поддерживают дело освобождения Польши, если оно не связано со стремлением к захвату Литвы и Белоруссии. Находясь в периоде собирания сил и понеся тяжёлые потери в борьбе с самодержавием, русские революционные демократы рекомендовали отсрочить польское восстание до 1864 г., когда «Земля и воля» ожидала крестьянских восстаний в России. Герцен, к которому «Центральный национальный комитет» обратился с особым письмом, доставленным в конце сентября 1862 г. Падлевским, Гиллером и Миловичем, предостерегал против преждевременного выступления, которое, не совпав с выступлением в России, не принесёт освобождения Польше и своим поражением грозит нанести тяжёлый удар также и русскому революционному движению.

Лидеры «красных» отдавали себе отчёт в исключительном значении для их дела возможности опереться на русское революционное движение. Но положение в королевстве складывалось таким образом, что всякая оттяжка восстания на длительный срок грозила ослаблению его внутренних сил. Поэтому, признавая справедливость советов русских революционных демократов, польские революционные демократы не считали возможным затягивать подготовку восстания и стремились установить сотрудничество и единство действий с другим польским влиятельным политическим направлением, получившим название партии «белых».

Партия «белых» состояла из помещичье-капиталистических элементов, примыкавших к закрытому властями «Земледельческому обществу». «Белые» противились начинаниям «красных». Они, как и их реакционные предшественники по восстанию 1830—1831 гг., в целях сохранения своих классовых позиций жертвовали делом независимости Польши, прикрывая измену национальным интересам пропагандой националистического, великодержавного взгляда на Литву, Белоруссию и Правобережную Украину, как на якобы неотъемлемые части Польши. «Белые» были непрочь использовать затруднения царизма для того, чтобы опять возбудить вопрос не о независимости, но о территориальных границах королевства. «Дирекция» «белых» —

руководящий центр помещичьей партии, пришедший на смену «делегации», — оказывала постоянное противодействие «Центральному национальному комитету» и была тесно связана с заграничным центром польской реакции в «отеле Ламберт».

Летом 1862 г. кризис в Польше продолжал обостряться. Ещё после расстрела русских офицеров один из заговорщиков совершил покушение на наместника Лидерса.

Вскоре Велёпольский, побывав в Петербурге, убедил Александра II в необходимости изменить управление королевством и добился отделения гражданской власти от военной. Александр II назначил наместником королевства своего брата Константина Николаевича, а вице-председателем государственного совета, т. е. заместителем наместника и начальником всего гражданского управления, Велёпольского.

3 июля 1862 г., на следующий день после приезда великого князя Константина в Варшаву, на него было совершено покушение, после которого последовали два неудачных покушения на Велёпольского. Все три покушавшихся: подростки Ярошинский из мещан, Рылль и Жоньц — оба подмастерья из шляхтичей, — были повешены в августе 1862 г. в варшавской цитадели. 14 августа царские власти арестовали Домбровского, лишив тем самым «красных» одного из наиболее выдающихся руководителей левого, революционно-демократического крыла.

Осуждая террористические акты и всю деятельность «красных», «белые» ещё раз попытались предложить своё сотрудничество царизму ценой согласия последнего на присоединение к королевству владений бывшей Речи Посполитой. В сентябре 1862 г. около трёхсот собравшихся в Варшаве помещиков выработало адрес, в котором прямо указывалось, что помещики только тогда согласятся поддержать правительство, когда «будут соединены все области, составляющие наше отечество». Под этими областями подразумевались вовсе не Познань или Силезия, а Литва и другие западные земли Российской империи.

Велёпольский, сосредоточив в своих руках основную власть, принимал энергичные меры к тому, чтобы предотвратить назревавшее восстание и во всяком случае сузить возможный круг его участников. Поэтому, широко используя русские войска для подавления направленных против барщины крестьянских выступлений, он счёл необходимым в июне 1862 г. опубликовать указ об обязательной сдаче земель крестьянам в наследственную аренду. Задевавший непосредственные интересы значительной части помещиков указ этот был направлен к тому, чтобы ценой минимальных уступок, к тому же совершенно неотвратимых, полностью отвечавших интересам капитализировавшихся помещиков и городской буржуазии, смягчить угрозу крестьянской войны. Для дополнительного привлечения польских помещиков к управлению были произведены новые назначения, в нескольких губерниях созданы уездные советы, открыты работы государ-

ственного совета; кроме того, была провозглашена частичная амнистия, польский язык восстановлен в положении официального.

Но центральное место в политике Велёпольского заняла попытка оставить революционную партию без связанных с нею масс. Для этой цели было решено провести рекрутский набор среди мужского населения в возрасте от 20 до 30 лет, с освобождением от повинности помещиков и крестьян-землевладельцев. Среди подлежавших повинности набор должен был произойти не по жребию, как то предусматривалось законом, а согласно именным спискам, составленным административными органами. Такая система набора, в случае её практического использования, открывала возможность призвать в армию всех, кто казался опасным, и, под видом посылки в учебные команды, удалить их из королевства. Задуманный Велёпольским набор в действительности означал попытку осуществить массовую высылку.

В «Центральном национальном комитете», имевшем в своих организациях около 25 тыс. человек, уже в течение длительного времени шла острая борьба вокруг вопроса о времени начала восстания. Извещённый о новых намерениях правительства, «Центральный национальный комитет» основательно решил, что набор в армию произведёт опустошение в подпольных отрядах, и постановил приурочить восстание ко времени проведения военного набора. Агенты комитета предоставили в его распоряжение составленные властями списки лиц, подлежащих призыву. В значительном числе эти призывники были извещены о зачислении их в рекруты. Осведомлённый о сроке набора, официально назначенного на 17 января 1863 г., но начатого в Варшаве уже в ночь с 14 на 15 января, член комитета Зигмунд Падлевский приказал всем варшавянам, состоявшим в повстанческих отрядах, оставить польскую столицу и сосредоточиться в Кампиновском и Сероцком лесах. Теряя преимущества, которые могла дать внезапность народного отпора, комитет медлил с провозглашением восстания, назначив его на 12 часов ночи 22 января 1863 г.

ГЛАВА XII

Национально-освободительное восстание 1863—1864 годов в Королевстве Польском

22 января 1863 г. «Центральный национальный комитет», действуя в качестве временного национального правительства (жонда народового), издал манифест, в котором призвал народ к борьбе за независимость и провозгласил наделение крестьян в собственность землёй, находившейся до этого времени в их пользовании, за натуральные повинности, денежную аренду или за

выкупные платежи. Следовательно, в отличие от 1830—1831 гг., восстание 1863 г. практически связало дело борьбы за национальную независимость с изменениями в социальных отношениях и распределении собственности. Несомненно, манифест жонда народового наносил удар остаткам крепостничества и, расширяя свободную крестьянскую собственность, облегчал развитие в стране капиталистических отношений. Но наряду с этими прогрессивными чертами манифест отражал узость и ограниченность шляхетско-буржуазных революционеров, неспособных, как и все буржуазные революционеры, пойти на полный переворот в аграрных отношениях и ликвидацию класса помещиков: манифест предусматривал сохранение за помещиками всей земли, не занятой под крестьянские хозяйства, т. е. большей части земли, и вознаграждение прежних феодальных владельцев за отходящие в крестьянскую собственность участки. Прежние владельцы должны были получить возмещение от государства, т. е. в конечном счёте за счёт того же крестьянства и всего трудящегося населения.

Наряду с тем, что манифест сохранял неприкосновенность помещичьего землевладения, он не давал никакого удовлетворения основным категориям крестьян — обезземеленным и малоземельным. Содержавшееся в манифесте обещание наделить после победы участников восстания из этих категорий крестьян 3 моргами (около 1½ десятин) земли носило достаточно условный характер и не вносило никакого реального улучшения в положение основной массы деревенского населения.

Своим программным актом по крестьянскому вопросу руководители восстания принесли союз городской демократии с крестьянством в жертву расчётам на союз с помещиками. Таким образом, если в отличие от восстания 1830—1831 гг. в 1863 г. был поставлен аграрный вопрос, то его разрешение намечалось наиболее благоприятным для помещиков путём, что заранее исключало активное участие крестьян в освободительной борьбе и ограничивало её революционное значение. Крестьянство ответило на манифест тем, что в большинстве своём предоставило восстание его собственной судьбе. Только в Калишской и Люблинской губерниях, где выгоды от манифеста оказывались более значительны для крестьянства, оно широко поддержало восстание.

Расчёты руководителей восстания на союз с помещиками не оправдались. Помещики, вообще враждебные идее вооружённой борьбы за независимость, а в большинстве предпочитавшие выгодное для них сотрудничество с царизмом, встретили провозглашение восстания весьма враждебно. «Белые» опасались, что, несмотря на ограниченный характер манифеста, в процессе борьбы крестьянство приступит к захвату помещичьих земель. Многие помещики, назначенные предварительно на руководящие посты в повстанческие органы, саботировали и мешали

распространению восстания. «Дирекция» «белых», не решаясь открыто осудить восстание, постановила предоставить каждому члену своей организации свободу действий. Часть «белых» опубликовала обращение, призывавшее повстанцев прекратить борьбу.

Первые боевые выступления, выразившиеся в нападениях повстанцев на отдельные гарнизоны царской армии, оказались неудачными для малочисленных, разбросанных, плохо вооружённых, разрозненно действовавших польских отрядов. Но командование царских войск, опасаясь окружения отдельных частей, стало стягивать их в крупные города, что облегчило положение повстанцев. В повстанческие дружины усилился приток мелкобуржуазной и рабочей молодёжи; среди последних выделялись шахтёры Краковского и Домбровского районов.

Руководители восстания, временный жонд народовый не предпринимали энергичных действий в ожидании прибытия из Франции Людвига Мерославского, приглашённого в качестве диктатора. Несмотря на раздутую репутацию военного гения, Мерославский был весьма ограничен и в своих военных дарованиях и в своих политических взглядах.

Мерославский прибыл только в середине февраля 1863 г., почти через месяц после начала вооружённого восстания. В двух столкновениях с царскими отрядами сопровождавший его небольшой отряд потерпел поражение. Сам Мерославский был ранен и уехал за границу.

Среди повстанческих деятелей не было единодушия, и много времени и сил поглощала внутренняя борьба. Умеренные из числа «красных» стремились любой ценой добиться участия в восстании «белых», надеясь таким путём улучшить общее положение.

Положение «белых» оказалось несколько затруднительным: скомпрометированные переговорами с «красными», которые велись как до, так и после начала восстания, они опасались неизбежных в случае поражения репрессий со стороны царского правительства; успехи восстания под руководством «красных» пугали их перспективой перерастания в аграрную революцию. Страх перед революцией пересилил страх перед самодержавием. К тому же «белые» рассчитывали, что лишь недавно воевавшие с Россией Франция и Англия воспользуются событиями для того, чтобы опять выступить против царя и принудить его к компромиссу с польской верхушкой. Лидеры «белых» решили захватить руководство восстанием, ограничить его размах и глубину и подчинить исключительно своим целям.

Идя навстречу пожеланиям «белых» и специальным требованиям «отеля Ламберт», «красные» согласились на установление диктатуры Мариана Лангевича, противника социальной революции, отличившегося в руководстве повстанческими силами на юге. Диктатура Лангевича была провозглашена 10 марта в де-

ревне Гоще, близ Сломников. С появлением диктатуры Лангевича руководство восстанием оказалось у враждебных народу сил — у помещиков и буржуазии. Между тем диктатура Лангевича оказалась непродолжительной: 19 марта он был схвачен австрийцами при попытке перебраться через Галицию к Люблину. Руководство движением вернулось к «Центральному национальному комитету», создавшему вскоре новый жонд народовый.

В состав жонда народового вошёл видный представитель «белых» Кароль Рупрехт. Своим главным представителем при иностранных правительствах жонд народовый назначил главу аристократической партии князя Владислава Чарторыского.

К этому времени восстание окончательно распалось на разрозненные действия отдельных партизанских отрядов. Некоторое облегчение повстанцам принесло начавшееся в конце марта восстание в Литве и в Белоруссии. В Литве руководство восстанием первоначально принадлежало Зигмунду Сераковскому, бывшему офицеру русской армии, другу и последователю Н. Г. Чернышевского, а после гибели Сераковского — В. Врублевскому; в Белоруссии действиями повстанцев руководил революционный демократ Константин (Кастусь) Калиновский, бывший петербургский студент. Энгельс в письме к Марксу отметил значение этих восстаний. «Литовское движение, — писал он, — сейчас самое важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессовой Польши, и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер»[1].

Польские помещики в Литве и Белоруссии сделали всё возможное, чтобы ограничить восстание и помешать ему принять народный, крестьянский характер. В Белоруссии и в Киевской губернии сами крестьяне выступили против польских повстанцев, выдвигавших великодержавные, захватнические требования. Царское правительство, встревоженное крестьянскими восстаниями в большей степени, чем ожидавшимся выступлением иностранных держав, издало указы, освобождавшие крестьян литовских и частью белорусских губерний от барщины и всех платежей в пользу помещиков, снижавшие выкупные платежи. Крестьянское движение в этом районе стало вскоре затихать.

Зная о переговорах, которые вели западные державы по польскому вопросу, Александр II 13 апреля издал манифест, имевший целью сделать беспредметным готовившееся дипломатическое представление со стороны Парижа и Лондона. В манифесте содержалось обещание амнистии всем, кто до 1 мая сложит оружие, и указывалось, что автономия королевства получит дальнейшее развитие. Этот лживый документ не произвёл впечатления на «красных», но среди «белых» усилил колебания.

Временный жонд народовый, доверяя сообщениям из парижских польских кругов о том, что можно ожидать даже вооружён-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 142.

ного выступления держав против России, в ответ на царский манифест провозгласил, что он подтверждает свой манифест от 22 января и ставит своей целью установление независимой Польши «от моря и до моря», в составе которой Литве и Украине обещалась свобода развития их национальных культур и языков. Так прогрессивное, буржуазное и освободительное содержание восстания 1863 г., по мере того как всё более укреплялась руководящая роль за помещиками, вытеснялось захватническими, экспансионистскими планами.

Тем временем в Петербурге были получены ноты Англии, Франции и Австрии, содержащие протест против нарушения Россией постановления Венского конгресса относительно Польши. Ноты трёх держав были продиктованы лишь стремлением подстрекнуть поляков к продолжению борьбы и в то же время содействовали «белым» в их усилиях ограничить размах и глубину восстания.

Разоблачая лицемерие дипломатии держав, выступивших по польскому вопросу, Маркс гневно писал: «Буржуазия всегда считала правильным подстрекать поляков в начале каждого их нового восстания, предавать их путем своей дипломатии... и покидать их в беде, когда Россия их подавляла»[1].

Ещё более гнусную позицию по отношению к восстанию заняли верхи католической церкви. Прикидываясь сочувствующим польскому народу, папа Пий IX в письме к Александру II обещал использовать католическую церковь для укрепления положения царизма в королевстве.

Если европейские державы использовали польскую трагедию для тёмной дипломатической игры, то европейская революционная демократия во главе с Марксом и Энгельсом подняла дело защиты и помощи польскому освободительному восстанию против царизма. Маркс и Энгельс отмечали огромное революционное значение борьбы поляков, которая расшатывала устои трёх самых реакционных держав — России, Австрии и Пруссии. Маркс и Энгельс вдохновляли рабочий класс Англии, Франции и других стран на выступления в пользу Польши. Как злейших врагов свободы и независимости Польши Маркс и Энгельс разоблачали польскую аристократию и помещиков. Руководимое Марксом и Энгельсом движение английских, французских и других рабочих в защиту восстания 1863 г. послужило исходным пунктом создания I Интернационала — Международного Товарищества Рабочих. Главным залогом успеха освободительной борьбы польского народа Маркс и Энгельс считали боевое сотрудничество русской и польской революционной демократии и основные надежды на успех польского дела связывали с тем, что «... по всей России пойдут восстания»[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 259.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 135.

Немедленно вслед за началом восстания в Польше царское правительство усилило борьбу с демократическим движением в России и обрушило на него всю силу своей полицейско-жандармской машины. Используя законное возмущение, вызванное в России захватническими претензиями жонда народового, царское правительство сочетало террор против русских демократов с шовинистической, гнусной травлей поляков. Но лучшие русские люди не жалели усилий для помощи польским повстанцам. Многие русские солдаты и офицеры переходили в польские партизанские отряды, русские и польские демократы подготовляли обширное восстание в Поволжье в помощь полякам, во многих местах происходили отдельные выступления солидарности с поляками, кипучую деятельность развивал Бакунин и высоко держал знамя боевого русско-польского сотрудничества Герцен, бичевавший русских крепостников и либералов и польских аристократов и помещиков. Герцен, писал Ленин, «... продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии»[1].

Летом 1863 г. царское правительство перешло к развёрнутому подавлению восстания. В Северо-Западный край, включавший Литву и часть Белоруссии, был назначен генерал-губернатором с неограниченной властью Муравьёв, стяжавший от русских демократов кличку палача — «Вешатель». По его приказу был повешен попавший в плен раненый Сераковский.

В королевство вначале в качестве помощника главнокомандующего, а затем наместника был послан граф Ф. Ф. Берг, состязавшийся в жестокости и беспощадности с Муравьёвым-Вешателем.

Решительные меры самодержавия, совпавшие с провалом второго дипломатического представления держав, имевшего место 14 июля 1863 г., вызвали массовый отход от восстания помещиков. Руководство борьбой стало возвращаться в руки «красных». В подпольные повстанческие органы, действовавшие в большом числе и в Варшаве, начали проникать демократы, искавшие поддержки народных масс. До того искусственно задерживавшаяся активность крестьян и рабочих выразилась в притоке новых сил в партизанские отряды. Демократические круги перешли к политике революционного террора в отношении предателей, изменников и карателей — 19 сентября 1863 г. в Варшаве было произведено неудавшееся покушение на Берга.

В октябре 1863 г., завершая целую серию переворотов и кризисов, которыми ознаменовалась история существования жонда народового, была установлена диктатура Ромуальда Траугутта, бывшего полковника русских инженерных войск, искусного предводителя партизанских отрядов. Траугутт пытался соеди-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 13.

нить повстанческие войска, создать подобие регулярной армии. Под давлением демократических элементов он издал 27 декабря 1863 г. декрет, направленный к осуществлению январского манифеста и угрожавший смертной казнью за принуждение крестьян к уплате чинша, разных денежных сборов, барщинных отработок. Траугутт приходил к выводу, что для успешного развития борьбы за независимость крестьянство должно узнать и оценить блага национального правительства; он оказался вынужденным признать, что «восстание без народных масс есть только военная демонстрация». 27 января 1864 г. Траугутт объявил всеобщее ополчение (посполитое рушение). Но непосредственными и ближайшими противниками расширения борьбы и вовлечения в неё широких масс крестьянства и углубления её революционного характера выступали помещики. Они сорвали созыв посполитого рушения.

Р. Траугутт.

В марте 1864 г. царские войска захватили Траугутта. Тогда же на виселице погиб Калиновский. В апреле были арестованы члены последнего жонда народового. В августе 1864 г. они во главе с Траугуттом были повешены в варшавской цитадели.

Восстание было подавлено. В марте 1865 г. был разбит последний партизанский отряд, а командир его сын батрака ксёндз Бжозка повешен.

Поражение восстания 1863 г. явилось в первую очередь результатом политики шляхты: одна её часть — помещики — противилась восстанию, помешала превращению его в революцию и предала; другая её часть, вошедшая в состав буржуазии, мелкой буржуазии и трудящихся, вела недостойную политику, предпочитая союзу с народом интриги с помещиками. Рабочий класс, развитие самосознания которого задерживалось угнетённым положением Польши, принял активное участие в восстании, вёл борьбу против тормозивших его элементов, но не был ещё в состоянии сыграть самостоятельную роль, а тем более возглавить национальное освобождение, соединив его с аграрной революцией.

Восстание 1863 г. было последним выступлением, в котором польская шляхта играла самостоятельную, к тому же руководящую роль.

Несмотря на присущие ему слабость, половинчатость, колебания и народобоязнь, несмотря на своё поражение, восстание 1863 г. заняло выдающееся место в истории польского народа и всей европейской демократии. Высоко оценивая значение польского восстания 1863 г., Ленин писал: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»[1].

ГЛАВА XIII

Польские земли в составе империи Габсбургов в 1815—1867 годах

Соглашением, достигнутым на Венском конгрессе, под власть Габсбургов возвращалась часть территорий, захваченных Австрией при разделах Речи Посполитой и потерянных ею в войнах с Наполеоном I. Россия передавала Тарнопольский округ, а от прежнего великого княжества Варшавского к Австрии отходил Привислинский округ с соляными копями Велички. Эти округа были включены в состав «королевства Галиции и Лодомерии», созданного ещё в 1772 г. из земель, доставшихся Габсбургам при первом разделе Речи Посполитой. Площадь королевства Галиции и Лодомерии, или Галиции, как её обычно называли, составляла в 1815 г. около 77 тыс. *кв. км,* на которых проживало до 3,5 млн. человек. Кроме того, в период с 1786 по 1849 гг. в административном отношении к королевству Галиции и Лодомерии принадлежала Буковина. Помимо Галиции, из числа бывших польских земель в составе империи Габсбургов находилась часть польской Силезии — так называемая Тешинская Силезия, а также несколько районов в Татрах с польским населением.

Не считая Буковины, Галиция распадалась на две неравные части, резко отличные в национальном и в религиозном отношениях. Бóльшая, восточная часть Галиции — территория древних русских Галицкого, Владимир-Волынского и других княжеств — сохранила своё старинное население, представлявшее ветвь украинского народа. Галицкие украинцы называли себя в рассматриваемое время обыкновенно русинами.

---

[1] В. И. Ленин, Соч. т. 20, стр. 403.

За исключением нескольких деревень под Львовом и в Подолии, всё сельское население, равно как и часть городского населения этой части Галиции, было украинским; среди городского населения преобладали евреи, а поляки и ополяченные украинцы составляли численно узкую прослойку помещиков-землевладельцев и их челяди. В западной части Галиции, за рекой Сан, всё население было польским. Положение это довольно удачно отражала старинная украинская поговорка: «знай ляше, по Сян наше».

Только лишь те обстоятельства, что и в пору австрийского владычества господствующим классом во всей Галиции продолжали оставаться польские помещики и что в административно-правовом отношении обе части страны — украинская и польская — составляли одно целое, вынуждает рассматривать историю польских земель в составе империи Габсбургов в известной связи с историей восточной Галиции или, правильнее говоря, Западной Украины.

Австрийские власти придавали большое значение укреплению своего положения в Галиции, которая по населению составляла почти $^1/_7$, а по пространству — $^1/_8$ часть тогдашней монархии Габсбургов. В основе австрийского управления лежала система полицейского бюрократизма и централизации. Рассматривая Галицию как поставщика налогов и рекрутов, австрийские власти учитывали её стратегическое положение, создававшее ряд неудобств для России. Достаточно мало расположенные к полякам, они в то же время решительно отстаивали незыблемость существовавших социальных отношений и национальное, социальное и религиозное угнетение украинцев и тем самым защищали основные интересы польских помещиков и несколько привилегированное положение всего польского населения.

Влияние, оказывавшееся на польское население конституцией Королевства Польского, вынудило императора Франца 13 апреля 1817 г. подписать патент о создании в «королевстве Галиции и Лодомерии» сейма сословий. Сейм сословий представлял собой почти полностью повторение постулатного сейма. Разница между ними заключалась в том, что более высокий земельный ценз, установленный для рыцарского сословия, ограничение круга магнатов только несколькими аристократическими фамилиями, а представителей городов — лишь двумя депутатами от Львова (к тому же располагавшими одним голосом), превращали сейм сословий в жалкое собрание 50—70 лиц. Функции сейма сводились к выслушиванию королевских постулатов, распределению установленных властями налогов, обращению с петициями, распределению стипендий для уроженцев королевства в австрийских учебных заведениях. Сеймы в течение 1817—1830 гг. созывались ежегодно на несколько дней, и вся их самостоятельная деятельность сводилась к выработке адресов и петиций.

Высшая административная власть в королевстве Галиции и Лодомерии принадлежала губернатору. На страну было распро-

странено австрийское уголовное и гражданское право. В середине 20-х годов XIX в. на каждого жителя Галиции приходилось налогов в 16 раз больше, чем на каждого жителя Королевства Польского. Фискальный гнёт и правительственные табачная и соляная монополии, тяжёлым бременем ложившиеся на трудящееся население, задерживали социально-экономическое развитие Галиции и способствовали некоторой устойчивости феодально-крепостнических отношений.

Политика властей в отношении крестьянства была направлена к укреплению помещичьего хозяйства: при содействии австрийцев помещики повсеместно урезали крестьянские наделы, увеличивали барщину и захватывали в свою собственность общинные луга и пастбища. В 1819, в 1824, в 1832 и в 1834 гг. происходили разрозненные восстания украинских крестьян против помещичьего господства.

Несмотря на политическое бесправие и финансовые тяготы, польские помещики тем охотнее мирились с австрийским господством, что оно обеспечивало за ними возможность продолжать попрежнему угнетение украинцев. Страх перед усиливавшимся национально-освободительным движением украинского народа приковывал польскую шляхту в Галиции к габсбургскому абсолютизму.

Осуществляя германизацию всего высшего управления и высшего образования, австрийцы одновременно содействовали колонизаторским стремлениям шляхты в отношении украинского народа. В восстановленном в 1817 г. Львовском университете преподавание велось на латинском и немецком языках, но для польской помещичьей молодёжи было открыто несколько гимназий, богословский институт в Перемышле и др.

В 1818 г. императорским распоряжением было установлено, что в субсидируемых школах, за исключением немецких школ, языком преподавания по всем предметам, кроме вероучения, должен быть только польский язык. Низшие частные школы с преподаванием по-украински лишь терпелись, насчитывались единицами и влачили самое жалкое существование. Всякое проявление украинского самосознания расценивалось австрийцами как «сепаратизм».

Верным союзником австрийцев выступала в Галиции католическая церковь. Львовский римско-католический архиепископ, носивший титул примаса Галиции, Анкевич, предлагал запретить пользование кириллицей и латинизировать униатские церковные книги. Изгнанные из России иезуиты получили возможность обосноваться в Галиции.

В середине 30-х годов возник ряд кружков, распространявших идеи «Демократического общества». Особое значение приобрело «Общество польского народа». Более остро, чем у шляхетских демократов других частей бывшей Речи Посполитой, в Галиции проявлялось противоречие между пропагандой принци-

пов буржуазного равенства и свободы и полным отрицанием права на независимое существование за украинским народом. Когда в 1836 г. на заседании «Общества польского народа» входившие в его состав украинцы предложили признать равноправие польского и украинского народов, то их предложение было категорически отвергнуто.

Кризис помещичье-крепостнического хозяйства и некоторое развитие капиталистических элементов в сельском хозяйстве и городском производстве вызвали усиление в Галиции социальных и национальных противоречий. В начале 40-х годов прогрессивные помещичьи круги обсуждали возможность отмены крепостного права. Крестьянский вопрос превратился в центральную проблему развития края. «Демократическое общество» через своих эмиссаров вело довольно широкую пропаганду в пользу уничтожения барщины и наделения крестьян землёй. В деревнях происходили разрозненные выступления против гнёта помещиков и австрийского государства. Многие крестьяне уходили от помещичьей эксплоатации в горы, составляли полуразбойничьи отряды.

Особая острота, которую придавали крестьянскому вопросу национальные взаимоотношения в Галиции, и страх перед освободительными стремлениями украинцев вынуждали помещиков помышлять о земельной реформе, проведённой сверху силами помещичьего государства.

Неурожай, постигший Галицию в 1845 г., сопровождался жестоким голодом, охватившим почти весь край. Среди крестьян росли стремления покончить с господством помещиков и тем самым уничтожить основную причину бедствий и лишений.

Нарастание революционных настроений деревни по времени совпало с подготовлявшимся прогрессивными кругами шляхетства восстанием. Инициатива подготовки восстания принадлежала «Демократическому обществу». Оно намеревалось осуществить одновременное выступление во всех частях бывшей Речи Посполитой. В Галиции центром восстания был избран город Тарнув, где среди солдат местного гарнизона преобладали поляки.

Подготовка восстания не ускользнула от внимания как властей, так и крестьянства. Но прежде чем австрийское правительство успело принять меры предосторожности, восстание началось.

Крестьяне крайне неприязненно отнеслись к сосредоточению больших групп шляхтичей под Тарнувом. Подготовлявшееся восстание они связывали со слухами о стремлении помещиков помешать австрийским властям уничтожить барщину и осуществить наделение крестьян землёй. Австрийские агенты, опасавшиеся гораздо более значительного выступления шляхты, чем оно произошло в действительности, поддерживали среди крестьян представление о том, что шляхтичи замышляют против них новые преступления.

Высокомерно третировавшие народ как тёмную и инертную массу, чуждые ему в Галиции ещё в большей степени, чем в Королевстве Польском или в Познаньщине, шляхетские заговорщики почти ничего не сделали для того, чтобы соединить своё восстание с выступлением крестьянства. Несмотря на прогрессивную программу, они были далеки от народа и совершенно не желали видеть его активной действующей силой.

Встревоженные приготовлениями шляхты, крестьяне нескольких деревень из-под Тарнува 18 февраля 1846 г. напали на шляхетские повстанческие отряды и на находившиеся по соседству поместья.

С первых же мгновений крестьянское восстание охватило большую территорию. Вооружённые вилами, косами, цепами, крестьяне нападали на помещичьи дома, жгли их, разрушали, убивали всех попадавшихся в их руки шляхтичей. Помещичий скот, инвентарь, семена они разбирали, а земли делили между собой. Пламя восстания перекинулось из Тарнувского округа в округа Жешувский, Бохеньский и другие. Шляхетские заговорщики, испытывая великий страх перед крестьянской войной, немедленно свернули начатые было ими кое-где восстания и обратились с мольбами о защите к австрийским властям.

В первые несколько дней крестьянской войны австрийские власти собирали и сосредоточивали вооружённые силы, но не оказывали крестьянам противодействия: они были непрочь крестьянскими руками расправиться со шляхетскими повстанцами и таким путём отучить помещиков от всякой оппозиции венскому двору.

Вспыхнувшее в западной части Галиции среди польских крестьян восстание нашло поддержку в восточных округах, среди украинского крестьянства. Здесь центром восстания оказались украинские деревни Самборского округа.

Несмотря на широту охвата, восстание носило замкнутый и ограниченный характер: крестьяне довольствовались расправой со своими непосредственными угнетателями, не трогали австрийские административные органы, не создавали своих органов власти. Они действовали разрозненными группами, большей частью распадавшимися немедленно по завершении своей ближайшей задачи. Лишь в Тарнувском округе, где вожаком крестьян выступал бывший унтер-офицер, плотник Якуб Шеля, сложилось некоторое подобие полурегулярного повстанческого отряда, насчитывавшего более тысячи человек.

25 февраля 1846 г. многие округа Галиции были объявлены на военном положении. Местные власти стали выступать с приказами, направленными к защите помещичьей собственности. Для охраны владений аристократических семейств рассылались воинские команды. С начала марта, в связи с прибытием новых воинских частей, состоявших преимущественно из мадьяр, участились карательные экспедиции против крестьянских отрядов.

Одновременно власти прилагали усилия к тому, чтобы принудить крестьян вернуться к своим обязанностям, и с этой целью вступили в переговоры с Шелей. Но Шеля настойчиво убеждал крестьян продолжать борьбу.

По мере развития восстания у крестьян рассеивались иллюзии в отношении императора и австрийцев, и их борьба против польских помещиков стала перерастать в борьбу против всей феодально-крепостнической системы. Со своей стороны, австрийские власти от изолированных столкновений с повстанцами 30 марта перешли к планомерным вооружённым действиям. Крестьяне оказывали упорное противодействие, отказываясь возвращать помещикам инвентарь и землю и выходить на барщину. В борьбе с регулярными войсками крестьянские отряды потерпели поражение. Австрийское правительство потопило восстание в море крестьянской крови.

«Крестьянские восстания, — говорит И. В. Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»[1]. Между тем в Галиции пролетариат ещё не сложился и не мог выступать руководителем крестьянства.

Восстание галицийских крестьян не прошло бесследно. Оно вызвало значительный отклик как в пределах Австрийской империи, сопровождаясь крестьянскими волнениями в Чехии, Моравии и других местах, так и за её границами — в Силезии, Королевстве Польском, на Правобережной Украине. Господствующие классы империй Габсбургов и Романовых содрогались при одном упоминании о «галицийской резне». Венское и петербургское правительства почувствовали острую необходимость принять меры для предотвращения новой крестьянской войны. В России последовало издание законов, ограничивавших феодальные повинности крестьян, в Австрии усилилось движение либеральных кругов за отмену барщины. Уже 13 апреля 1846 г. был подписан рескрипт, несколько ограничивавший барщину и допускавший обращение крестьян с жалобами на помещиков в окружные управления.

Галицийские события 1846 г. привели к сдвигу в поведении польской землевладельческой шляхты: польские помещики всех частей бывшей Речи Посполитой с большей чем до того покорностью потянулись к поделившим Польшу правительствам. Принося свои национальные идеалы в жертву своим классовым интересам, они одному только предположению о возможности оказаться с глазу на глаз со своими крепостными в независимом польском государстве предпочитали реальный союз с господствующими классами угнетавших Польшу стран.

1847 год ознаменовался в Галиции страшным недородом. Прямым его следствием явился голод. От истощения и болезней

[1] И. В Сталин, Соч., т. 13, стр. 112—113.

погибло свыше 200 тыс. человек. В городах и деревнях создалось крайне напряжённое положение.

Первые же известия о революции в Вене 13—14 марта 1848 г. и бегстве Меттерниха, достигшие Львова 18 марта, вызвали шумные уличные демонстрации студентов, ремесленников, мелких торговцев. Либеральные и прогрессивные шляхетские деятели — Смолька, Геферн, Земляковский и др. — составили адрес, содержавший программу галицийской шляхетской верхушки. В адресе выдвигались требования уничтожения цензуры, освобождения политических заключённых, организации национальной гвардии, отмены барщины, введения польского языка в делопроизводство и школах, назначения на все должности поляков. Предложение присутствовавших при составлении адреса учащихся духовной семинарии — украинцев о том, что следовало бы упомянуть и об украинском народе и его интересах, вызвало враждебные крики и было оставлено без внимания.

Союзу с украинской демократией и польским крестьянством, направленному против австрийского владычества, польские либералы предпочитали сотрудничество с австрийским правительством, обеспечивавшее господство над украинцами и польскими крестьянами.

Прекрасно учитывая, что польские прогрессивные круги во Львове не решаются опереться на крестьянство, слабо связаны с еврейскими городскими низами, не желают считаться ни с какими интересами украинцев и не пользуются сочувствием польских же помещиков, австрийские власти в Галиции в лице губернатора графа Стадиона согласились выполнить только два требования: выпустить на свободу политических заключённых и допустить создание добровольческой национальной гвардии, в первую очередь из числа студентов.

Образовавшийся 21 марта во Львове комитет, левое крыло которого возглавлял публицист Доброжанский, не пользовался никакой реальной властью. Большинство его членов было полно страха перед ремесленными и плебейскими элементами города и прекратило свою деятельность по первому же требованию Стадиона.

В Кракове, где 18 марта также произошли народные демонстрации, 28 марта сложился местный комитет.

6 апреля выработанная во Львове петиция была в изменённой редакции представлена в Вене австрийскому императору особой делегацией, в состав которой вошло и несколько украинцев, рассчитывавших на сотрудничество с поляками. В дополнение к требованиям, содержащимся в первоначальном адресе Стадиону, петиция выражала пожелания о создании национального польского войска и о восстановлении «целостной независимой Польши». Упоминание независимости являлось пустой фразой, так как в петиции прямо подчёркивалось намерение остаться в связи с Австрией и под опекой императора, а имевшееся вместе с тем

указание на «целостность» могло быть истолковано лишь как выражение готовности содействовать объединению всех бывших польских земель под властью Габсбургов. Это верноподданничество, характерное почти для всех групп галицийских польских деятелей, было прямым результатом нежелания польских шляхетских демократов покончить с угнетением украинцев и войти с ними в боевой союз против австрийского абсолютизма и польского крепостничества.

Тем временем в Галицию стали прибывать представители «Централизации» и другие демократические деятели — Зенкович, Янушевич, Ю. Высоцкий, Гельтман. Под их руководством началось сплочение местных прогрессивных шляхетских кругов. Когда 11 апреля стало известно решение Стадиона о созыве галицийского сейма в его прежнем составе, то оно было расценено в прогрессивных кругах как попытка сплотить помещиков вокруг властей. В ответ демократические и прогрессивные элементы создали 15 апреля «Национальный совет» (Раду народову). В состав совета вошли либералы, вроде Смольки, консерваторы, вроде Фредро, и др. «Национальный совет» выступил с протестом против предполагавшегося созыва сейма. Демонстрации, организованные в поддержку «Национального совета», сопровождались в Станиславове кровавыми столкновениями.

«Национальный совет» обратился к помещикам с призывом самим отказаться от барщины, а к украинцам — с предложением мира и единения.

Конечно, помещики остались глухи к призывам «Национального совета», а украинское население могло согласиться на призыв к единству, если бы он был связан с признанием и защитой его национальных интересов. Не встретив понимания своих нужд со стороны польских деятелей, украинские круги заявили Стадиону 19 апреля свои требования: преподавание на родном языке в школах, где большинство населения украинское (русинское), предоставление украинцам доступа ко всем должностям, знание чиновниками украинского языка и т. п. В заключительной части петиции говорилось о лойяльности по отношению к императору и содержалась просьба защитить украинцев (русинов) от польского гнёта.

Первая политическая программа, заявленная галицийскими украинцами, говорила о том, что украинское национально-освободительное движение превращается в самостоятельную силу. Не протянув руки дружбы украинцам, польские прогрессивные круги не только отказывались от союзника, но и облегчали общему врагу — австрийскому абсолютизму — игру на польско-украинских противоречиях.

Пока во Львове нарастал польско-украинский конфликт, Краков стал ареной кровавых событий. Традиции лишь недавно уничтоженной республики и отсутствие национального вопроса в том виде, в каком он развивался в Восточной Галиции, делали

краковский «Национальный комитет» гораздо более энергичным и последовательным, чем львовский. В Кракове решили не ограничиваться призывами к помещикам, а 3 мая, в годовщину конституции 1791 г., объявить об отмене барщины. Но местные власти, после ряда конфликтов и уличных столкновений, 26 апреля объявили о закрытии народового комитета. Этот контрреволюционный акт привёл к баррикадным боям, закончившимся победой правительственных войск после двухчасового артиллерийского обстрела Кракова.

Разгром национально-освободительного, демократического польского движения в Кракове, в решающий момент оставшегося без поддержки со стороны других польских центров, открыл полосу правительственного террора и репрессий по всей Галиции.

22 апреля во Львове и 25 апреля 1848 г. в Кракове был опубликован указ об отмене в Галиции, начиная с 15 мая, всех повинностей крестьян в пользу помещиков и о последующем вознаграждении помещиков государством, т. е. теми же крестьянами как налогоплательщиками. Покончив с барщиной, этот указ вносил известное успокоение в деревню, восстанавливал её против помещиков и пытался воскресить угасшие иллюзии о «добром» австрийском императоре.

Со времени издания указа об уничтожении барщины политическое положение в Галиции складывалось в целом благоприятно для австрийцев. Правда, попытки Стадиона созвать сейм и распустить «Национальный совет» окончились неудачно, ввиду активного противодействия трудящихся слоёв львовского населения. Но в противовес «Национальному совету» создалось помещичье «Общество землевладельцев», всецело поддерживавших правительство. Видный польский магнат Агенор Голуховский занял пост вице-губернатора.

«Национальный совет» постепенно устанавливал связь с местными национальными советами, покрывшими всю Галицию. Одновременно с советами создавалась национальная гвардия, общая численность которой в крае превышала 20 тыс. человек. Ни наличие местных органов, ни наличие вооружённой опоры не превращало национальные советы в органы власти — не решаясь рвать с австрийской администрацией и опасаясь собственного народа, все эти советы более всего походили на дискуссионные общества. Они не скупились на нападки на украинское движение и его руководящий орган, образовавшуюся 2 мая 1848 г. «Головну руську раду» во главе с униатским епископом Г. Яхимовичем.

Вся деятельность «Головной руської рады» носила отпечаток клерикализма и робости. Всё же она настойчиво отстаивала элементарные права украинского народа. Рада добивалась преподавания на украинском языке в школах для украинских детей, уравнения в правах украинского духовенства с польским и т. п., она выдвигала пожелание о разделении Галиции на две части — украинскую и польскую. В противовес «Головной русь-

кой раде» и её отделениям на местах польский «Национальный совет» и реакционные польские круги создали в июне «Русский собор» во главе с князем Л. Сапегой. Участники и сторонники «Русского собора» — полонизированная шляхта и другие подобные элементы — отрицали самое существование галицийских украинцев как национальности, отличной от польской, и утверждали, что «русины» составляют только одну из разновидностей польского народа.

На происходивший в июне 1848 г. в Праге славянский съезд вслед за представителями «Головной руськой рады» направил своих представителей и «Русский собор». В польско-русинской секции по настоянию делегатов «Головной руськой рады» было принято решение о допустимости в принципе разделения Галиции по национальному признаку, а в качестве практической меры рекомендовано создание галицийской русинско-польской федерации на основах признания полного равноправия обоих народов. Уступки польских участников съезда, вызванные в значительной степени влиянием Бакунина, были встречены крайне враждебно львовской народовой радой и польскими помещиками. Постоянные острые конфликты между «святоюрцами» — сторонниками «Головной руськой рады», помещавшейся в монастыре святого Юрия, — и поляками только облегчали австрийцам сохранение и укрепление своего господства в Галиции.

В обстановке национальной борьбы, которую довольно искусно поддерживала и разжигала австрийская администрация, в июне 1848 г. происходили выборы в общеавстрийский рейхстаг. Несмотря на всякого рода помехи, чинившиеся польскими кругами, среди 96 депутатов от Галиции, не считая соединённой тогда с нею Буковины, оказалось 14 русинских (украинских) крестьян и 9 священников. Вскоре после выборов «Головная руська рада» обратилась к венскому правительству, а затем и к рейхстагу с мотивированными прошениями о разделе Галиции на русинскую (украинскую) и польскую части.

Без особого труда добившись разделения угнетённого ею галицийского населения на два национальных лагеря, австрийская администрация связала их взаимной борьбой: непоследовательность польских прогрессивных кругов, отстаивавших идеи исторической Польши, т. е. великодержавного угнетательского государства, и тем самым не желавших поступиться не мнимыми интересами польского народа, а реальными интересами польских крепостников, в конечном счёте приводила к предательству национальных чаяний поляков, так как лишала их союза с украинцами и толкала на борьбу с ними, а не с австрийскими захватчиками и их польскими подручными.

Открытию рейхстага, состоявшемуся в Вене 22 июля 1848 г., предшествовали предварительные заседания, на которых происходило оживлённое обсуждение вопроса о языке прений и дело-

производства. Польские депутаты от Галиции — крестьяне — настоятельно требовали перевода всех выступлений и документов на польский язык. Отстаивая это требование, польский крестьянин Савка произнёс речь, отразившую глубокую ненависть народа к шляхте. «Нас так давили и отягощали, — говорил он в адрес польских помещиков, — как только могли. У крестьянина в Галиции нет ни жилища, ни одежды, ничего; паны всё постарались у него вырвать; ему нечем жить...» Позднее, во время прений по крестьянскому вопросу, украинский крестьянин Капуща из Станиславовщины в гневных словах, дышавших угрозой справедливого возмездия, заклеймил польских помещиков: «Да, дворянин обходился ласково с мужиком, неделю заставлял работать, а в воскресенье запирал в хлеву и накладывал цепи. Да, дворянин человеколюбив, но ободряет измучившегося мужика хлыстом, а когда мужик говорит, что у него скотина слабая, не может отработать урока, то дворянин кричит: так запрягайся сам с женой. В трёхстах шагах от господского дома снимали мы наши шапки... На порог барского дома не позволялось вступить мужику, потому дескать, что он воняет и что барин не может терпеть мужицкого поту».

Польские депутаты в рейхстаге, среди которых наряду с магнатами Любомирским, Потоцким, Дзедушицким было несколько крестьян, немало шляхтичей и интеллигентов, не представляли собой единой политической группы, но всегда выступали достаточно сплочённо, как только дело доходило до галицийско-украинского вопроса. Не один раз демократы из числа польских депутатов поднимали голос протеста против австрийских злодеяний в Италии или интриг в Венгрии и выражали свою полную солидарность с лучшими сынами итальянского и мадьярского народов, но никогда ни один из польских представителей в рейхстаге не сказал слова в пользу украинцев и не попытался преодолеть шляхетского национального высокомерия в отношении украинского народа.

Ведущее положение среди польских депутатов занимала группа либералов, признанный лидер которой львовский адвокат Смолька был избран вице-председателем рейхстага, а одно время был и его председателем. Смолька, как и буржуазные либералы ряда других народностей, находившихся в составе империи Габсбургов, стремился к превращению Австрии в федерацию нескольких многонациональных полугосударств — Австрии, включающей ряд славянских земель; Венгрии, включающей ряд славянских земель, и Галиции; он соглашался поддержать и пожелания чешской буржуазии о выделении чешских земель в обособленное полугосударство; общим для всех этих полугосударств должны были явиться король и несколько министерств — военное, морское, иностранных дел и финансов. Связанная с Австрией личной унией и подчинением Вене в ряде сторон своей жизни, Галиция должна была иметь самостоятельное внутреннее

управление. Галиции, получившей автономию, но сохранившей в своём составе украинские земли, Смолька и его единомышленники предназначали роль ядра, вокруг которого в дальнейшем произойдёт соединение всех остальных польских земель, совместно «с принадлежащими к ним территориями». Так как под этими последними подразумевались владения исторической Польши, развалившейся в XVIII в., то конечной целью польских буржуазных либералов оказывалось восстановление бывшей Речи Посполитой, но уже не в качестве самостоятельного государства, а под эгидой Габсбургов.

Программа Смольки, ставшего признанным буржуазным идеологом и в этой роли подвизавшегося в течение нескольких последующих десятилетий, представляет весьма значительный интерес. Она показывала, что польская буржуазия была готова полностью отказаться от борьбы за независимость, достигнуть которую, как об этом говорил опыт восстаний 1830, 1846 и 1848 гг., нельзя было без вовлечения в движение народных масс и соединения освободительных задач с социальными. Но в обмен за отказ от стремления к национальному освобождению и за переход к лояльному сотрудничеству с угнетателями польская буржуазия требовала предоставления ей возможности в своих интересах хозяйничать на польских землях и оказания ей помощи в деле угнетения других народов. «Основной вопрос для молодой буржуазии — рынок, — пишет И. В. Сталин. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности — такова её цель. Отсюда её желание — обеспечить себе «свой», «родной» рынок. Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму»[1].

«Свой», «родной» рынок мог удовлетворить польскую буржуазию, особенно в Галиции, только после расширения ёмкости и оборотов этого рынка, что было невозможно без наделения крестьян землёй и уничтожения остатков крепостничества, т. е. без мер, осуществимых путём революции. Но этой пугавшей её возможности расширения рынка вглубь польская буржуазия предпочитала увеличение «своего» рынка вширь, путём превращения в заповедное поле своей деятельности территории всей Галиции и постепенного соединения вокруг неё всех земель исторической шляхетско-магнатской Польши. На основе обеспечения её интересов в Галиции и проведения политики, направленной к соединению с Галицией других польских земель, галицийско-польские либералы соглашались стать верноподданными Габсбургов.

Следует заметить, что отказ польских либералов в Галиции от идеи государственной независимости Польши ничем не отличался от позиции, которую заняли представители господствующих польских классов русской и прусской частей Польши по отношению к своим правительствам.

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 305.

Переход галицийской польской буржуазии и буржуазной интеллигенции к сознательному сотрудничеству с венским правительством до того, как, например, вся буржуазия и интеллигенция Королевства Польского пошла на союз с царизмом, находит себе объяснение в том, что в Галиции буржуазия была слабее, а социальные и национальные противоречия острее, чем в других бывших польских землях.

Если галицийские помещики и галицийская польская буржуазия искали союза с Габсбургами для обеспечения своих классовых и национальных позиций, то левые польские элементы, отвергавшие сотрудничество с австрийской буржуазией, продолжали разделять угнетательские позиции эксплоататорских классов в отношении к украинскому народу. В наиболее радикальном органе, газете «Дзенник Станиславовский», Гетьман пропагандировал создание «единой и неделимой демократической литовско-украинско-польской республики под названием Польши». Эта «единая и неделимая» республика была синонимом многонационального угнетательского государства, к созданию которого стремились и левые идеологи движения 1848 г. Непоследовательные в крестьянском вопросе, они вовсе становились на великодержавную антинародную позицию в вопросе национальном и тем самым облегчали происки реакционных польских помещичьих кругов.

В Вене не оставалось незамеченным сплочение польских имущих классов на платформе сотрудничества с австрийским правительством. Там тем внимательнее присматривались и примерялись к новым обстоятельствам, что союз с галицийской шляхтой и буржуазией считали особенно важным для преодоления исконного тяготения украинского населения Галиции к России. Наконец, планы польской буржуазии на «собирание» земель бывшей Речи Посполитой вокруг Галиции полностью соответствовали внешнеполитическим целям австрийских правителей, мечтавших оттеснить Россию на восток и отобрать у неё польские, украинские и другие территории. Австрийские власти понимали, что сотрудничество с галицийскими поляками открывает возможность с их помощью поставить себе на службу и некоторые слои населения Королевства Польского, ненавидящего царизм, и позволит прикрыть захватническую политику афишированием политики дружбы и сотрудничества с польской верхушкой.

Поэтому лишь только австрийское правительство уверилось в том, что польские имущие классы в Галиции жаждут соглашения на устраивающей обе стороны базе, как оно изменило курс политики и в первую очередь перестало сохранять показное сочувствие украинскому крестьянству. Важным признаком новой полосы в австрийской политике в отношении к польским помещикам и буржуазии явилось назначение губернатором Галиции В. Залеского, польского поэта, повстанца 1830—1831 гг., ставшего затем надворным советником в Вене.

Вслед за тем как Залеский прибыл во Львов, в Вене по настоянию Смольки и других распорядились восстановить в гимназиях и во Львовском университете преподавание на польском языке.

Между тем революция в Австрии достигла своей высшей точки: в октябре 1848 г. в Вене произошло восстание, в войну против деспотизма Габсбургов вступила Венгрия. Поражение октябрьского восстания в Вене австрийские власти в Галиции расценили как сигнал к ликвидации всех порождений революции и в первую очередь — рад народовых. Ничтожные в своём бессилии, особенно ярко дававшем себя знать в связи с радикальной фразеологией их членов, рады народовы не представляли собой никакой опасности для австрийского господства. Но командовавший австрийскими войсками в Галиции генерал Гаммерштейн только искал повода к тому, чтобы стать в ряд других генералов, стяжавших известность усмирениями Вены, Милана, Праги. Жажду крови разделял с ними почти весь гарнизон, в котором ушедшие мадьярские части были заменены частями с австро-немецким составом. Воспользовавшись возбуждением, спровоцированным эксцессами солдат, Гаммерштейн 2 ноября подверг Львов артиллерийскому обстрелу. Только трудовой люд Львова — подмастерья и ремесленники — бросился защищать город и строить баррикады. «Национальный совет» не решился возглавить борьбу. Без особых усилий австрийцы торжествовали победу.

Расправа была завершена роспуском рад народовых, национальной гвардии и академического батальона, арестами, запрещениями союзов, собраний и неугодных властям газет.

Львовская буржуазия, в том числе и польская, поторопилась поднести Гаммерштейну адрес, в котором выражала благодарность за то, что «население избавлено от господства черни». Честь польской демократии в Австрии, растоптанную в грязи шляхтой и буржуазией, спасли десятки поляков, участников октябрьских боёв в Вене, и тысячи самоотверженных уроженцев Галиции, проливавших свою кровь за дело независимости Италии и Венгрии.

Вместо тяготившегося своим положением и уехавшего в Вену Залеского наместником королевства Галиции и Лодомерии вскоре был назначен крупный польский магнат граф Агенор Голуховский.

Последние проявления освободительного движения 1848 г. в Галиции нашли своё место в рейхстаге. Переведённый из Вены в Кремзир (Кромержиж), рейхстаг подготовлял конституцию, превращавшую Австрию в федеративную нераздельную монархию, состоящую из автономных имперских земель. Но вслед за первыми, впрочем оказавшимися весьма не прочными, победами над революционной Венгрией, австрийское правительство разогнало рейхстаг; после того как царские войска принудили капи-

тулировать венгерскую республиканскую армию, во всей монархии Габсбургов был восстановлен абсолютизм.

Интересы, соединившие галицийских польских помещиков и буржуазию с монархией Габсбургов, продолжали и после восстановления абсолютизма определять австрийскую политику в польских и украинских землях. Австрийцы постепенно сменили политику германизации края предоставлением руководящего положения в нём польским имущим классам. Проводником политики австро-польского сотрудничества, направленного против украинцев и польских трудящихся и нацеленного на захват земель, входивших в состав Российской империи, был граф Голуховский.

Центральное место в политике Голуховского занимала полонизация Галиции. Его стараниями украинское движение изображалось как якобы панславистское, отвечающее интересам русского царизма. Шаг за шагом Голуховский добивался закрытия украинских школ, поставил «Головную руськую раду» и её местные органы перед необходимостью в 1851 г. прекратить свою деятельность, уничтожал почти все очаги украинской культуры. Намереваясь вовсе задушить общественно-политическую и культурную жизнь украинского народа в Галиции, Голуховский задумал заменить славянский шрифт украинских печатных изданий латинским. Хотя этот чудовищный план, для осуществления которого в 1859 г. проводилось особое совещание, был в самый последний момент оставлен по настоянию Вены, опасавшейся народных волнений в Галиции, Голуховскому удалось нанести огромный вред галицко-украинской культуре и затормозить её развитие.

Полонизация Галиции привлекла к сотрудничеству с властями широкие круги польской шляхетской и буржуазной интеллигенции, заполнившей администрацию, школы и другие полонизировавшиеся учреждения. Польские националисты на службе у Габсбургов превращались в подлинных врагов свободы и независимости своей страны. Они изображали Галицию чем-то вроде польского Пьемонта, который якобы призван с течением времени объединить все польские земли и поставить их под власть Габсбургов. Крикливая националистическая пропаганда галицийских польских помещиков, буржуазии, чиновников не имела ничего общего с подлинными интересами польского народа и служила лишь целям одурманивания его сознания и превращения его в орудие австрийской политики.

Голуховщина проявляла себя не только в полонизации Галиции, но в постоянной и особенной защите интересов польских помещиков. Одним из первых циркуляров, изданных Голуховским в 1849 г., после вступления в управление краем, крестьяне принуждались к поступлению на работы в помещичьи хозяйства. Во многих местах это распоряжение вызвало большое беспокойство, так как крестьяне почувствовали, что им угрожает вос-

становление панщины, барщины. Опасаясь вызвать новую крестьянскую войну, власти, конечно, не восстановили барщины. Но сама возможность под угрозой применения принудительных мер вынудить крестьян к найму на работы в сочетании с неустроенностью крестьянских хозяйств и их экономической зависимостью очень скоро фактически вернула помещиков к положению, немногим отличавшемуся от дореформенного.

Вместе с освобождением от барщины крестьяне получили в собственность и без выкупа находившиеся в их пользовании наделы. Как правило, это были небольшие полоски неудобной земли, разбросанные во многих местах. Наряду с чересполосицей галицийское крестьянство изнывало от безземелия: свыше 44% от общего количества хозяйств имели участки площадью до 5 моргов. В связи с семейными разделами и непрерывным процессом разорения число мелких и мельчайших хозяйств постоянно увеличивалось. Производительность крестьянского хозяйства падала из-за примитивной обработки земли и истощения хищнически использовавшихся почв.

Прогрессировавшее истощение почв находилось в прямой зависимости от упадка животноводства. Уменьшение числа овец и крупного рогатого скота, в свою очередь, проистекало от проводившейся помещиками принудительной ликвидации сервитутов, которая оставляла крестьян без пастбищ, а также без лесов.

Несвязанные с выкупной операцией, юридически получившие землю без выкупа, крестьяне в течение ближайших лет в действительности оплатили в многократном размере стоимость полученной ими земли в связи с огромным ростом налогов. Вместо 13 миллионов гульденов государственных налогов, уплачивавшихся Галицией совместно с Буковиной в 1848 г., одна только Галиция в 1862 г. уплачивала уже 24,5 миллиона гульденов. Одним из ярких показателей разорения крестьянства служит то, что наряду с увеличением налогов почти вдвое численность населения не только не возросла, но за те же годы уменьшилась с 4 990 тыс. человек до 4 939 тыс. человек.

Крестьянская реформа в Галиции обрекла деревенское население на нищету, голод и полукрепостническую эксплоатацию со стороны помещиков. Галицийское крестьянство оказалось в худшем положении, чем крестьянство Познаньщины и особенно Королевства Польского. В Королевстве Польском на каждое крестьянское хозяйство приходилось в среднем на 30% больше земли, чем на крестьянское хозяйство в Галиции после реформы.

Галицийская деревенская беднота не могла найти спасения от голода, нищеты, засилия ростовщиков и помещичьей эксплоатации и в уходе в города, которые в Королевстве Польском поглощали немалую часть избыточного сельского населения. Проведённая путём беспощадного ограбления крестьян, растянутого

на многие годы, аграрная реформа в Галиции дала очень незначительное увеличение внутреннего рынка и не послужила сколько-нибудь серьёзным толчком к росту промышленности. Капиталистическая эволюция помещичьих хозяйств, сохранивших возможности широкой внеэкономической эксплоатации крестьянства, происходила также крайне медленно.

Среди других бывших польских земель Галиция, в первую очередь её украинские поветы, стала выделяться заметным отставанием в развитии капитализма, низкой продуктивностью сельского хозяйства, живучестью мелкого ремесла, бедностью и культурной отсталостью населения. В явном несоответствии с нищетой крестьянства и общей отсталостью края находились претензии привилегированных польских кругов, изображавших Галицию обетованной землёй.

Крах военного могущества Австрии, обнаружившийся в войне 1859 г. с Францией и Пьемонтом, вынудил венское правительство пойти на новые уступки привилегированным классам различных областей многонациональной империи. Поляк граф Голуховский был назначен министром внутренних дел; система централизма подверглась некоторому смягчению. С 1861 г. во Львове был восстановлен сейм.

В отличие от прежнего сословного представительства, новый сейм строился на куриальной системе. В его состав входили по должности ректоры университетов, архиепископы и епископы и 141 депутат по выбору. Из числа избираемых депутатов 44 представляли курию крупных землевладельцев, 20 — указанные в законе города, 3 избирались от торгово-промышленных палат Львова, Кракова и Брод, и 74 — от гмин (сельских общин). В куриях крупного землевладения, городской и сельской, активное и пассивное избирательное право основывалось на цензе и зависело от размера уплачивавшегося налога. По сельской курии, в отличие от остальных курий, выборы были двустепенными, и выборщики должны были отвечать особому цензу.

Во всех куриях голосование было открытым, и к избранию допускались лица, отвечавшие цензу, но не обязательно принадлежавшие к данной курии. Это позволяло помещикам оказывать давление на выборы в гминах и добиться своего избрания по сельской курии.

По установленной системе, один депутат от курии крупных землевладельцев приходился на 52—55 избирателей, один депутат от торгово-промышленных палат — на 40 избирателей, один депутат от городов — на 2 260 избирателей и один депутат от гмин — на 8 760 избирателей. Такой порядок представительства, с небольшими изменениями сохранившийся до конца существования галицийского сейма, вполне отвечал интересам землевладельческой шляхты и превращал сейм в орудие её своекорыстной политики.

Сейм получил свой исполнительный орган — краевой комитет — в составе назначаемого императором маршала сейма и нескольких лиц, избираемых сеймом. Высшая правительственная власть сохранялась у наместника и его администрации.

Восстание 1863 г. в Королевстве Польском не вызвало в Галиции заметного движения, направленного против Габсбургов. Во избежание осложнений правительство ввело в феврале 1864 г. военное положение, продержавшееся до апреля 1865 г. Усиливавшийся кризис австрийского государства создавал условия, благоприятные автономистическим и федералистическим планам польских буржуазно-помещичьих кругов. В 1865 г. сейм принял резолюцию, высказывавшуюся в пользу предоставления Галиции широкой автономии.

Угодническая позиция галицийских господствующих кругов особенно ярко обнаружила себя в 1866 г., когда в ответ на обращение Франца-Иосифа по поводу окончания крайне неудачной для Австрии войны с Пруссией, сейм принял адрес, заканчивавшийся словами покорности и верноподданничества: «Около тебя, государь, мы стоим и хотим стоять».

Поражение, понесённое Австрией в войне с Пруссией в 1866 г., привело к переустройству империи. В основе этого переустройства лежал сговор правящих австрийских групп с венгерскими магнатами о превращении империи в двуединое государство — Австро-Венгрию. К каждой из двух частей государства были отнесены различные страны и народы, поставленные в одном случае под господство Австрии, в другом — под господство Венгрии.

По поводу установившейся в Австро-Венгрии системы управления И. В. Сталин говорил на XII съезде большевистской партии: «Есть старая специальная система управления нациями, когда буржуазная власть приближает к себе некоторые национальности, даёт им привилегии, а остальные нации принижает, не желая возиться с ними. Таким образом, приближая одну национальность, она давит через неё на остальные. Так управляли, например, в Австрии»[1].

По государственному устройству 1867 г. Галиция была отнесена к Цислейтании — группе владений Габсбургов, центром которых явилась Австрия. Как «коронная земля» королевство Галиции и Лодомерии и великое княжество Краковское получили представительство в имперском совете — рейхсрате. В верхнюю палату рейхсрата входили некоторые галицийские аристократы — по праву рождения, высшие духовные сановники — по должности, и отдельные деятели — по назначению императора. В нижнюю палату — палату депутатов — Галиция получила право посылки 114 человек, первоначально избиравшихся сеймом пропорционально представительству от курий, а с 1873 г. — непо-

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 254—255.

средственно выбиравшихся по куриям. Как правило, польские депутаты рейхсрата сбразовывали единую парламентскую группу — «польское коло», занимавшее солидарную позицию по всем основным вопросам политики.

Таким образом, кризис, охвативший империю Габсбургов, позволил польским помещикам получить автономию для Галиции. Но с получением Галицией автономии лишь рельефнее, отчётливее проявились раздиравшие её глубокие социальные и национальные противоречия.

ГЛАВА XIV

Польские земли под прусским игом в период объединения Германии

Поражение революции 1848 г. открыло собой новый период германизации польских земель, находившихся под прусским игом. Вместе с тем острая борьба между прусским юнкерством и прусской буржуазией по вопросу о руководстве делом установления прусской гегемонии над другими немецкими государствами, войны, подготовлявшиеся и проводившиеся Бисмарком в союзе с Австрией против Дании, затем против Австрии и, наконец, против Франции, мешали прусскому правительству уделять политике развёрнутой германизации столько сил и средств, сколько того хотелось бы немецким реакционерам.

Более того, меры, принятые прусским правительством в целях укрепления юнкерского землевладения и ускорения процесса расслоения крестьянства, оказались также соответствовавшими интересам польских помещиков и наиболее зажиточной верхушки польского крестьянства и вполне примирили эти круги с общим курсом берлинской политики.

В 1850 г. право выкупа повинностей и собственности на землю, ограниченное регуляционным эдиктом 1823 г., было распространено на все категории крестьян в Пруссии. Специально учреждавшиеся рентные банки приступили к выплате помещикам компенсаций за крестьянские повинности, оценённые в 20-кратном размере, и начали рассчитанные на 56 лет сборы с крестьян платежей в погашение этой компенсации. Кроме того, для приобретения права собственности на принадлежавшие им земли крестьяне, согласно закону, передали помещикам от трети до половины площади своих участков. Так как наиболее зажиточные слои деревни сумели выкупить повинности и закрепить землю в собственность на основе актов 10—20-х годов и, кроме того, получили ряд льгот, то закон 1850 г. представлял собой не что иное, как узаконенную форму грабежа маломощных групп крестьянства.

В результате новой «регуляции» в распоряжение помещиков поступили крупные денежные средства, открывшие перед ними

дополнительные возможности по приобретению сельскохозяйственных машин, обзаведению предприятиями, перерабатывающими сельскохозяйственные продукты, по проведению дренажа и т. п.; увеличилась площадь помещичьих земель. Кроме того, помещики сохранили возможность полукрепостнической эксплоатации мелких и мельчайших хозяйств, лишившихся в результате реформы значительной части своей земли и задавленных налогами и долгами рентным банкам.

Существенные различия в методах ведения помещичьего хозяйства на различных польских землях, входивших в состав прусского захвата, привели к различным формам проявления результатов антикрестьянской реформы 1850 г. Так, в Поморье и в несколько меньшей степени в Познаньщине, где уже до середины XIX в успела сложиться прослойка крупных крестьянских хозяйств, «регуляция» завершила процесс создания кадров польского сельскохозяйственного пролетариата, почти вымыла средние крестьянские слои, но сохранила «крепкие», кулацкие крестьянские хозяйства. Эти последние, несомненно, выиграли от «регуляции», получив дополнительные возможности эксплоатировать батраков и скупая за бесценок распродававшиеся мелкими крестьянами земельные участки. В Силезии, где исключительно преобладали огромные земельные владения, где господствовала отсталая система ведения хозяйства, помещики, обобрав крестьян при «регуляции», насаждали карликовые хозяйства и широко практиковали сдачу в аренду небольших участков земли. Здесь полукрепостнические способы эксплоатации выступали в более неприкрытом виде, чем в Поморье и на Познаньщине. Но именно в силу местных особенностей мельчайшее и мелкое польское крестьянское хозяйство сохранилось в Силезии и частично в польских округах Восточной Пруссии, тогда как в Поморье и на Познаньщине оно почти целиком было вытеснено и уничтожено крестьянской верхушкой и в первую очередь помещиками, как немецкими, так и польскими.

Земельная реформа 1850 г. усилила концентрацию земельной собственности и на польских землях укрепила помещичьи хозяйства, способствовала увеличению выхода товарной продукции, спрос на которую возрастал в связи с промышленным развитием Пруссии. Помимо того, земельная реформа, главной чертой которой явилась экспроприация польского крестьянства, создала огромную резервную армию труда для всей германской промышленности. Именно со времени проведения реформы начался массовый уход пролетаризировавшихся групп польского крестьянства Познаньщины и Поморья в угольную промышленность Рура, металлургическую промышленность Рейнско-Вестфальской области и машиностроительную промышленность Берлина. Большие группы местной польской деревенской бедноты поглощала развивавшаяся промышленность Силезии. Огромный подъём верхнесилезской промышленности в 50—60-х годах произвёл переворот

во всех условиях жизни области, «всё более и более ставя на место грубо-феодальной эксплоатации — цивилизованную, но ещё более глубокую современную буржуазную эксплоатацию»[1].

Если своей аграрной политикой, на многие десятилетия определившей развитие капиталистических отношений в польских землях Пруссии по «прусскому» пути, прусское правительство способствовало укреплению наряду с немецкими помещиками и кулаками польских помещиков и кулаков, то во всём, что затрагивало специальные интересы польского населения, оно неизменно придерживалось германизаторского курса, несколько смягчавшегося острогой внешнего и внутреннего положения страны. Опираясь на новый закон о печати, изданный в 1850 г., прусская администрация уничтожила все независимые польские издания. Преподавание на польском языке с 1850 г. сохранялось только в трёх гимназиях Познаньщины, с 1867 г. было введено обязательное обучение немецкому языку во всех польских начальных школах.

С назначением в 1853 г. обер-президентом провинции Эгона Путткамера, немецкого консерватора-националиста, возобновилась воинствующая антипольская политика. Важное место в своей германизаторской деятельности Путткамер уделял полному изгнанию поляков из администрации и подрыву польского землевладения. Из 489 тыс. моргов земли, перешедших в 1848—1860 гг. из польских рук в немецкие, наибольшая часть перешла в период продолжавшегося до 1860 г. правления Путткамера. В целях содействия немецкому землевладению им было создано в 1857 г. «Земельное кредитное общество», проводившее дискриминационную политику в отношении поляков.

Стараясь лишить польских помещиков самостоятельного представительства, берлинское правительство перед выборами в ландтаг в 1855 г. произвело перегруппировку избирательных округов, соединяя в один округ совершенно не граничившие друг с другом местности с таким расчётом, чтобы обеспечить все возможные преимущества для немецких избирателей. В результате этого произвола число депутатов-поляков снизилось на выборах 1855 г. до 5 вместо обычных до того 14—15.

Полное психическое расстройство Фридриха-Вильгельма IV привело к установлению регентства и смене кабинета. В новом прусском правительстве временно преобладали полулиберальные элементы. Это дало возможность польским политическим кругам возобновить независимые от немцев издания и на выборах восстановить прежние размеры представительства в ландтаге.

Вслед за вступлением на престол в 1861 г. Вильгельма I в Пруссии в связи в вопросом о роли ландтага в распоряжении вооружёнными силами начался острый конституционный конфликт. В борьбе со строптивыми либералами король призвал

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 349.

к власти Бисмарка, одного из видных деятелей самого реакционного и милитаристического крыла прусских юнкеров. Придя к власти, Бисмарк имел развёрнутую программу антипольской политики, но в силу серьёзных задач внутреннего и внешнего порядка в первые годы своего господства не внёс в польский вопрос чего-либо нового по сравнению с Флоттвелем или Путткамером.

Вслед за началом восстания, разразившегося в 1863 г. в Королевстве Польском, прусские власти приняли особые меры предосторожности и беспощадно подавляли всякие попытки прусских поляков прийти на помощь повстанцам. Всё же нелегальный комитет помощи восстанию, созданный патриотическими группами, сумел переправить на территорию королевства некоторое количество добровольцев.

8 февраля 1863 г. прусское правительство заключило тайную конвенцию с царским правительством о содействии в борьбе с восстанием. Большинство польских помещиков, встревоженных радикальными призывами повстанческих лидеров из числа «красных», заняло по отношению к восстанию враждебную позицию. Полную лояльность и раболепие проявили польские привилегированные круги во время прусско-австрийско-датской войны (1864) и прусско-австрийской войны (1866), подготовивших подчинение Пруссии остальных немецких государств.

Когда после войны 1866 г. Пруссия создала под своим руководством Северогерманский союз, в положении поляков обозначились существенные изменения: удельный вес польского населения, выставлявшихся им воинских контингентов, уплачивавшихся налогов в новом государстве резко падал. Вместе с разгулом торжествовавшего победы немецко-буржуазно-помещичьего национализма и прусского милитаризма, уменьшение роли польского населения предвещало новую полосу германизации, которая теперь более, чем раньше, могла ударить по интересам помещиков. Учитывая эти обстоятельства, депутаты ландтага — поляки — заявили протест против включения территории великого княжества Познаньского и Западной Пруссии в северогерманское государство. Повторяясь в дальнейшем при создании после франко-прусской войны 1870—1871 гг. взамен Северогерманского союза Германской империи, эти протесты дали повод к разнузданной антипольской кампании германских националистов.

Между тем с созданием Германской империи, совпавшем с Парижской Коммуной 1871 г., завершилась целая полоса в развитии Европы: период победы и утверждения капитализма в передовых странах сменился периодом начавшегося упадка капитализма, перерастанием старого, «свободного» капитализма в империализм. Развитие нового периода в истории капитализма проходило под знаком обострения всех раздиравших его противоречий.

Королевство Польское в период перехода от «свободного» капитализма к империализму

Разгром восстания 1863 г. сопровождался полосой длительного террора со стороны царского правительства. Преследования участников восстания и всех причастных к нему лиц, массовые казни и ссылки в Сибирь переросли в систему мероприятий, направленных к искоренению последних остатков государственной обособленности Королевства Польского и к удушению национальной культуры польского народа.

Образованный в Петербурге Комитет по делам Царства Польского подготовлял мероприятия, которые проводились через посредство особого Учредительного комитета, действовавшего до 1871 г. Шаг за шагом эти два органа упразднили все специальные и особые учреждения Королевства Польского, распространяя в его пределах деятельность общеимперской администрации.

В 1874 г., со смертью Берга, был упразднён пост наместника, функции которого перешли к генерал-губернатору. Постепенно самое наименование Королевства (Царства) Польского, как отражающее особое положение польских земель в составе владений российского императора, стало заменяться новым — «Привислинский край», вошедшим в 1888 г. в законодательные акты.

Распространение на королевство общеимперских учреждений сопровождалось устранением поляков из административного аппарата и переводом всего делопроизводства в администрации и в суде на русский язык.

Поскольку даже рядовые царские чиновники скрыто осуждали антипольскую политику самодержавия и уклонялись от назначений на должности в администрацию королевства, правительство установило ряд преимуществ и льгот для государственных служащих в польских землях. Эта система привлекла в администрацию королевства всякого рода карьеристов, проходимцев, взяточников, рассматривавших своё пребывание в королевстве как путь к наживе, выдвижению по должности. В большинстве своём эти чиновники глумились над польским народом.

С особым усердием царизм стремился к искоренению национального духа, «польщизны», в области культуры и просвещения. К 1872 г. преподавание во всех польских средних учебных заведениях было переведено на русский язык, а в следующем году началось осуществление этой меры и в начальных школах. Варшавская Главная школа в 1869 г. была преобразована в университет с преподаванием на русском языке. Царские сатрапы с тупым упорством всегда и постоянно высокомерно подчёркивали своё пренебрежение к национальным чувствам поляков.

Но денационализаторская политика самодержавия оказалась в конечном счёте бессильной в борьбе против польского народа. Нации и национальные языки, указывает И. В. Сталин, «...отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции... Царско-русские руссификаторы и немецко-прусские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию, так же как персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а — наоборот — оказались вынужденными также капитулировать»[1].

Несомненной капитуляцией царизма перед порабощённым польским народом явилось то, что царизм увидел себя вынужденным пойти на аграрную реформу и проведение экономической политики, в целом благоприятной капиталистическому развитию страны.

Заинтересованный в известном умиротворении страны, царизм осуществил в королевстве как раз такую аграрную реформу, которая была провозглашена в манифесте «Центрального национального комитета» 22 января 1863 г. и сорвана во время восстания своекорыстием польских помещиков: царским указом от 2 марта (19 февраля) 1864 г. земля, находившаяся в пользовании крестьян, а также отрезанная у них после 1846 г., закреплялась за ними в полную личную собственность без всякого выкупа. Вместо выкупных платежей, установленных в России, вводился на 54 года новый поземельный налог, исчислявшийся в размере близком к $^2/_3$ капитализированной стоимости повинностей и работ, отбывавшихся крестьянами в пользу помещиков. Последние вознаграждались государством в размере $^2/_3$ стоимости повинностей и работ, которые в их пользу выполнялись крестьянами; государство покрывало причитавшееся помещикам вознаграждение не наличными деньгами, а специально выпущенными обязательствами, так называемыми ликвидационными бумагами. Кроме того, для наделения безземельных крестьян усадьбами до 3 моргов каждая выделялся фонд из казённых земель в размере 150 тыс. моргов; примерно $^3/_5$ крестьянских хозяйств также предоставлялось право пользоваться пастбищами и лесными угодьями на специально для этой цели отведённых участках помещичьих владений (так называемые сервитуты).

Указом 2 марта 1864 г. в польской деревне проводилась и административно-судебная реформа: судебные права помещиков уничтожались; учреждалась бессословная земская единица — гмина, охватывавшая всех земельных собственников каждой данной гмины, владевших не менее чем 3 моргами земли; стар-

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 347—348.

шина гмины — войт, избираемый гминным сходом и утверждаемый уездным начальником, совместно с сельскими старостами — солтысами и членами гминного суда — лавниками — наделялся судебными правами в пределах действовавшей до того компетенции помещика. Гминный сход ведал раскладкой гминных сборов, открытием училищ и т. п.

Аграрная и гминная реформы создали для крестьян королевства более благоприятные условия, чем крестьянская и земская реформа в России. Крестьяне королевства не знали общины, которая в течение десятилетий после реформы продолжала держать русского крестьянина не только в нищете, но и в зависимости от земли и тормозила капиталистическое развитие крестьянского хозяйства.

Вместе с тем земельная реформа сохранила за польскими помещиками господствующее положение в деревне. После реформы за ними осталось свыше 56% всей частновладельческой земли, а около полумиллиона крестьян не получили ни пяди земли. Сохранившееся безземелье и появление большого числа новых малоземельных крестьян обеспечивало поместья дешёвыми рабочими руками и позволяло сохранять различные формы полукрепостнической эксплоатации.

Земельная реформа облегчила процесс капиталистического расслоения польской деревни. Всего наделы из помещичьей земли получило до 2 млн. крестьян (считая с членами семьи), а из государственных и секуляризованных земель — до 110 тыс. человек. Необеспеченность землёй, тяглом, инвентарём, налоговое переобложение, дробление земельных участков выталкивали низы деревни в ряды сельскохозяйственного пролетариата. Число безземельных возросло примерно с 500 тыс. ко времени завершения реформы до 900 тыс. в 1891 г. и в 1901 г. превысило 1 миллион 200 тыс., что превышало 17% сельского населения страны; не менее трети крестьянских хозяйств было безлошадными. Обилие безземельных крестьян и наличие обширной резервной армии труда в городе заставляло мелких, парцелльных владельцев цепко держаться за свой клочок земли. Число крестьянских хозяйств с 500 тыс. в 1864 г. возросло до 600 тыс. в 1873 г. и 778 тыс. в 1904 г. В то время как за рассматриваемое тридцатилетие количество крестьянских дворов увеличилось почти на 30%, площадь надельной крестьянской земли возросла лишь на 11%. Средний размер крестьянского хозяйства понизился с 7,2 дес. в 1877 г. до 5,9 дес. в 1904 г. Другой стороной этого процесса являлось формирование и укрепление крестьянской буржуазии, сосредоточившей в своих руках значительную часть крестьянской земли. В 1877 г., например, 45% всей крестьянской земли принадлежало только 21% всех крестьянских хозяйств.

Непрерывно возраставшая армия безземельных в подавляющей своей части образовывала кадры постоянных сельскохозяй-

ственных рабочих и батраков. Исключительная дешевизна наёмного труда в польском сельском хозяйстве вызывала постоянный отлив на сезонные работы в Россию, Германию, Данию, эмиграцию в Америку и уход в города.

Аграрная реформа 1864 г. способствовала не только капиталистической эволюции сельского хозяйства, но, расширив внутренний рынок и дав пополнение рабочего класса, послужила толчком к дальнейшему росту промышленного производства. В том же направлении продолжал действовать свободный выход польских промышленных изделий на русский рынок, а также на рынки, завоёвывавшиеся Россией на Ближнем и Дальнем Востоке и в Средней Азии.

Бурный темп развития промышленности находил своё выражение в общем росте промышленного производства, увеличении мощности механических двигателей, образовании крупных предприятий, росте численности рабочего класса и производительности труда. Примером этого может служить хлопчатобумажная промышленность, в которой за время с 1880 по 1891 г. произошли следующие изменения: число предприятий уменьшилось с 3 881 до 163, количество рабочих возросло с 19 тыс. до 26 тыс., а в среднем на одно предприятие — с 5 человек до 162 и общая стоимость продукции поднялась с 30 млн. рублей до 47.

Несмотря на значительный рост отраслей тяжёлой промышленности (выплавка чугуна поднялась с 700 тыс. пудов в 1860 г. до 7,4 млн. пудов в 1890 г., производство железа и стали с 300 тыс. пудов соответственно до 7,5 млн. пудов, добыча угля в Домброво-Сосновицком районе — с 3,6 млн. пудов до 150,8 млн. пудов), производство средств потребления обгоняло производство средств производства. Это обстоятельство было в решающей степени связано с преимущественной работой ряда отраслей польской промышленности на внешние рынки, в особенности на торговлю с Россией. Более половины всей промышленной продукции страны и до 80% всей польской текстильной промышленности шло в Россию.

В послереформенный период сложились основные промышленные районы страны. Самым значительным по стоимости выпускавшейся продукции и количеству рабочих стал Лодзинский район текстильной промышленности. В 90-х годах число рабочих здесь доходило до 100 тыс. человек. Лодзь, которая в 1821 г. была селом с 800 жителей, в 1860 г. имела уже 32 тыс. человек населения, а в 1895 г. стала крупнейшим промышленным центром, насчитывавшим до 315 тыс. жителей. Вторым по значению был Варшавский промышленный район, в котором были представлены разнообразные отрасли промышленности и наряду с крупными предприятиями — огромное количество ремесленных мастерских. Число ремесленников здесь доходило в 1895 г. до 55 тыс. человек против 44 тыс. промыш-

ленных рабочих. Более 80 тыс. рабочих было в промышленности Домброво-Сосновицкого и Радомского промышленных районов, где наряду с добычей угля, выплавкой и обработкой металла имелся и ряд текстильных предприятий. Почти по всей стране были разбросаны большие и малые предприятия пищевой, кожевенной и других отраслей лёгкой промышленности.

Экономический подъём в пореформенную пору, превративший королевство в один из наиболее развитых в индустриальном отношении районов Российской империи, находил своё отражение в росте населения: за 25 лет, с 1872 по 1895 г., оно возросло с 6,3 млн. человек до 9,4 млн. человек, т. е. на 142%, а городское население, превысив 2 млн. человек, увеличилось даже на 200%.

Общий рост промышленности сопровождался бурным процессом её концентрации и сращивания промышленного и банковского капитала. Командные позиции в экономике страны оказывались у горстки крупнейших магнатов складывавшегося финансового капитала. Один лишь Торговый банк, представлявший интересы полутора десятков финансовых и земельных магнатов, распоряжался более чем $^1/_3$ всех банковских средств королевства. Огромные прибыли, приносившиеся польской промышленностью, притягивали в королевство немецкие, французские, бельгийские капиталы. Польский капитал, в свою очередь, искал применения в тяжёлой промышленности юга России.

Важнейшим социальным последствием капиталистического развития королевства в пореформенную пору явилось укрепление промышленной и сельской буржуазии и формирование промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. Во второй половине XIX в. завершилось формирование польской нации, лицо которой определяла буржуазия, связанная со шляхтой.

Ближайшим результатом поражения восстания 1863 г. в области политического мышления оказалось банкротство шляхетской повстанческой идеологии. Буржуазные по своему содержанию преобразования в стране, хотя и совершившиеся с соблюдением основных интересов помещиков, не оставили для землевладельческой шляхты других политических возможностей, кроме лойяльного сотрудничества с царизмом в целях сохранения своих имущественных и сословных привилегий. Это не значит, конечно, что польские помещики одобряли и разделяли решительно все мероприятия русского самодержавия в польской политике, но эта политика вполне устраивала их защитой от крестьян и созданием благоприятных условий развития экономики фольварка. Помещики не столько осуждали царизм за его антипольскую политику, сколько стремились развенчать революционный романтизм и демократизм передовой части польской интеллигенции.

Для деклассированной шляхты, особенно вошедшей в состав интеллигенции, в пореформенную пору оказались совершенно закрытыми пути к государственной, общественной, культур-

ной деятельности и осталась лишь узкая сфера применения своих способностей на низших ступенях государственной службы под руководством большей частью самонадеянных и ограниченных начальников из наиболее отсталой части русских чиновников, или на службе в фольварках, частных фирмах и предприятиях. Поставленная в затруднительное положение денационализаторской политикой царизма, деклассированная шляхта сохраняла романтические симпатии к далёкому прошлому и глубокую ненависть к русскому самодержавию. Законное чувство вражды к царизму она переносила на весь русский народ, прививая вражду к нему широким кругам населения.

Одним из отголосков шляхетской борьбы с царизмом было покушение на Александра II, совершённое в Париже 6 июня 1867 г. Антоном Березовским, повстанцем 1863 г.

Другим проявлением непримиримости части шляхетства явилось стремление горстки заговорщиков поднять восстание в королевстве в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг., попытка эта была оставлена её инициаторами, как совершенно беспочвенная.

Сходясь с помещиками в критике и поношении революционных традиций, буржуазные идеологи выдвигали программу «органического труда», «работы у основ». Смысл этой программы сводился к отрешению от политической деятельности, примирению с действительностью и сосредоточению сил в сфере капиталистического накопления. Первоначально эта система взглядов преподносилась в форме вульгарных философских писаний школы «варшавских позитивистов», которую возглавлял видный публицист Александр Свентоховский. «Не надо ничего ожидать от политических переворотов, — учил он своих единомышленников, — необходимо занимать все вакантные посты, проникать во все щели, пускать корни везде, где только почва окажется для этого подходящей».

Программа «органического труда» привела к оформлению политического направления, стремившегося к политике примирения, соглашения (ugoda) с царизмом. «Угодовцы» («примирители») призывали к примирению с существовавшим положением и не шли дальше пожеланий о предоставлении полякам прав и возможностей, тождественным правам и возможностям коренных русских подданных. Вокруг «угодовской» программы произошло объединение аристократии, крупных предпринимателей и финансистов и крупных землевладельцев.

Наиболее яркая демонстрация верноподданничества «угодовцев» произошла в 1897 г., во время посещения Николаем II Варшавы.

Политика «угоды» не могла надолго объединить вокруг себя широкие круги буржуазии. Рост её экономической мощи находился в полном противоречии с политическим бесправием и национальным унижением, создавал условия для развития поль-

ского буржуазного националистического движения. Кампания, открытая московской буржуазией в середине 80-х годов против польской промышленности, и возбуждённое ею же ходатайство о восстановлении таможенной границы между бывшим королевством и империей создали на время весьма неустойчивое положение для польской буржуазии, особенно средней и мелкой. Угроза закрытия русского рынка активизировала её тяготение к политической власти над трудящимися массами польского и других народов.

Политические притязания польской буржуазии первоначально выразила «Польская лига», созданная буржуазными польскими эмигрантами в 1886 г. в Швейцарии. Своей конечной задачей «Польская лига» объявляла борьбу за независимость Польши. Но так как польская буржуазия экономически безраздельно господствовала на польском рынке, то в соответствии с её заинтересованностью в рынке, превосходящем пределы бывшего Королевства Польского, лига указывала, что польское государство должно быть восстановлено даже не в границах 1772 г., но «от моря и до моря». Так буржуазный национализм впитывал в себя и приспосабливал для своих целей разбойничьи, угнетательские традиции своего предшественника — шляхетско-крепостнического великодержавного национализма.

С появления «Польской лиги» можно датировать организационное оформление воинствующего польского буржуазного национализма, стремившегося мобилизовать и поставить на службу своим интересам самые низкие, шовинистические инстинкты и наиболее отвратительные религиозные предрассудки. Пропаганда католицизма, национального высокомерия, вражды к русскому народу, презрения к украинскому и белорусскому народам, лютой ненависти к евреям явилась неотъемлемой и основной частью польского буржуазного национализма, при помощи которого буржуазия добивалась затемнения классового сознания польских трудящихся и превращения их в слепое орудие своей политики.

В 1893 г. «Польская лига» была реорганизована в «Национальную лигу», а в 1896 г. — в народово-демократическую (национал-демократическую) партию («эндеки»). Вокруг эндеков объединились значительные круги буржуазии, интеллигенции, а также ремесленников и мелких торговцев, часть зажиточного крестьянства. Некоторое время партия на словах стояла за завоевание независимости насильственным путём. Но подлинный смысл разговоров о независимости состоял в стремлении помешать росту самостоятельного рабочего движения, столкнуть его с классового пути на путь буржуазного национализма. Уже к 1900 г. лидеры эндеков решительно отмежевались от всяких, даже словесных выступлений за независимость и, сохраняя националистическую фразеологию, всецело обратились к совместной с русским самодержавием борьбе против подлинных носите-

лей свободы и независимости — русского и польского рабочего класса. Эндеки стали открыто контрреволюционной партией, подчинившей всю свою деятельность задаче борьбы с растущим самостоятельным рабочим движением.

С развитием капитализма в Королевстве Польском рабочий класс становился могучей силой, способной к организованной революционной борьбе. Историческая роль пролетариата, как могильщика капитализма, как силы, способной избавить человечество от эксплоатации, от всякого, в том числе национального гнёта, превращала национальный вопрос в часть общего вопроса о ликвидации капитализма, о пролетарской революции.

В своей работе «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?», опубликованной в грузинской марксистской газете «Пролетариатис Брдзола» в 1904 г., И. В. Сталин показал, что национальный вопрос является категорией исторической. Национальный вопрос, указывал он, «...в разные времена **служит различным интересам,** принимает различные оттенки в зависимости от того, **какой** класс и **когда** выдвигает его»[1]. С того времени, когда на арену борьбы выступил пролетариат вместе с ним возник новый «национальный вопрос», «национальный вопрос» пролетариата. «Насколько отличается пролетариат от дворянства и буржуазии, настолько же отличается выдвинутый пролетариатом «национальный вопрос» от «национального вопроса» дворянства и буржуазии»[2]. В интересах победы пролетариата, продолжает И. В. Сталин, «...необходимо объединение **всех** рабочих **без различия национальности»,** необходимо «...разрушение национальных перегородок и тесное сплочение русских, грузинских, армянских, польских, еврейских и проч. пролетариев...»[3].

Разрешение национального вопроса пролетариат мог найти не на путях буржуазного национализма или буржуазного космополитизма, а лишь на основе пролетарского интернационализма, совмещающего в себе защиту классовых интересов пролетариев всех стран с глубоким, подлинным патриотизмом.

Для польского рабочего движения правильное совмещение классовых и национальных интересов, уменье высвободиться из-под влияния националистической шляхетской и буржуазной идеологии имело исключительно большое значение. Первые же шаги польского рабочего движения показали, что оно становится на самостоятельный, интернационалистский и социалистический путь.

Славным примером интернационализма и последовательной революционности явилось участие нескольких сот поляков-эмигрантов во главе с Я. Домбровским и В. Врублевским в Парижской Коммуне 1871 г.

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 32.
[2] Там же, стр. 35.
[3] Там же, стр. 36.

Л. Варынский.

Основным проводником социалистических идей в польском рабочем движении являлась польская молодёжь, которая обучалась в русских университетах и из общения с русскими революционными демократами-народниками воспринимала элементы мелкобуржуазного социализма, причудливо смешанного с буржуазным радикализмом народников. В меньшем количестве социалистические идеи проникали с Запада, где среди видных сторонников научного социализма Маркса—Энгельса было немало выходцев из Польши.

Первые имевшие серьёзные последствия попытки привнесения элементов марксизма в польское рабочее движение связаны с именем Людвика Варынского. Исключённый в 1875 г. вместе с русским народником А. Михайловым из Технологического института в Петербурге, Варынский в 1876 г., прибыв в Варшаву и там поступив рабочим на фабрику, образовал кружки рабочих, в которых постепенно приступил к пропаганде социалистических идей. Наряду с кружками Варынский создавал «кассы сопротивления», собиравшие взносы в забастовочный фонд и вовлекавшие рабочих в борьбу за организованную защиту своих элементарных интересов. Аресты, произведённые жандармами, вынудили Варынского перебраться в Галицию. В феврале 1879 г. австрийские власти арестовали Варынского. После годичного пребывания в заключении он и группа других лиц были преданы суду.

Варынский использовал продолжавшийся два месяца процесс для первых в Польше публичных выступлений с разъяснением некоторых основ социалистического мировоззрения и разоблачением злостной клеветы на социализм. Суд присяжных не смог найти состава преступления в его деятельности, но Варынскому всё же пришлось оставить Галицию; перебравшись в Швейцарию, он принял участие в издававшемся в Женеве с 1879 г. журнале «Równość» («Равенство»). В первом номере этого журнала была опубликована так называемая Брюссельская программа польских социалистов, составленная при ближайшем участии Варынского.

Пребывание в Западной Европе позволило Варынскому ознакомиться с трудами Маркса и Энгельса и из первоисточника почерпнуть основы их учения. Не став последовательным марксистом, Варынский всё же твёрдо отстаивал полную самостоятельность рабочего движения и его направление к социализму. Варынский считал, что требование восстановления независимости Польши для польского пролетариата подчинено задаче борьбы за социальную революцию, которая, уничтожив всякое угнетение, покончит тем самым и с национальным гнётом. С исключительным воодушевлением он развивал идеи интернационализма и в первую очередь — общности интересов польских и русских трудящихся. Полным разрывом с традиционным даже в польских демократических кругах национализмом звучали его вдохновенные слова на митинге в Женеве 27 ноября 1880 г. в память 50-й годовщины восстания 1830 г. «Что отличает сегодняшнее собрание от многих предыдущих, — говорил Варынский, — так это то, как выступаем по отношению друг к другу мы, польские социалисты, и вы, наши русские товарищи... Мы считаем себя сынами одного великого народа, гораздо более несчастного, чем Польша, народа пролетариев... И, когда наступит час вооружённого восстания, нас будут приветствовать тогда уже не возгласами: «Да здравствует Польша!» или «Долой Россию!», но одним кличем, общим пролетариям всего мира: «Да здравствует социальная революция!». На новом историческом этапе, подчёркивал Варынский, «независимость Польши и революция в России — это два дела, которые обусловливают единый путь».

По своему духу эти слова Варынского перекликались с призывом, содержавшемся в приветствии тому же митингу, присланном Марксом, Энгельсом, Лафаргом и Лесснером, писавших об объединении борьбы польского народа «...со стремлениями наших русских братьев»[1].

С огромной энергией Варынский вёл борьбу по разоблачению антисоциалистического, антирабочего течения, представленного группой Болеслава Лимановского. Эта группа, назвавшая себя «Люд польский» («Польский народ»), пыталась помешать непреодолимому росту классового пролетарского самосознания. Лимановский и его сторонники повторяли некоторые общие положения социализма, но старались доказать, что ближайшей целью польского рабочего класса является не совместная с пролетариатом других стран борьба за буржуазно-демократическую революцию и последующее перерастание её в революцию социалистическую, а борьба за «национальное возрождение» Польши. В отличие от группы «Равенства», «Люд польский» пытался доказывать, что национальный вопрос подчиняет себе классовые интересы и требует создания общественной солидарности всех сил польской

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 551.

нации. «Люд польский» под маской социализма проповедовал отказ от классовой борьбы, буржуазный национализм и отказ от сотрудничества с русским революционным движением. От Лимановского и его группы «Люд польский» берёт своё начало социал-патриотическое, социал-националистическое направление в польском рабочем движении, принесшее огромный вред польскому рабочему классу.

Варынский повёл ожесточённую борьбу с социал-национализмом. Разоблачая антипролетарский характер социал-национализма, он говорил на международном рабочем конгрессе в Хуре (Швейцария) в октябре 1881 г. о том, что польский пролетариат, вступив на путь социализма, стремится «не к национальному восстанию, а к социальному перевороту...»

В связи с 50-летием поражения восстания 1830—1831 гг. Варынский и его единомышленники обратились с воззванием к «русским социалистам», в котором выдвигали боевую задачу сплочения трудящихся всех национальностей, входивших в состав России. Заняв интернационалистическую позицию, авторы воззвания нигилистически утверждали, что для социалистов «национальный вопрос принципиально ничего общего с социализмом не имеет». Эта позиция, продиктованная, видимо, стремлением резко подчеркнуть непримиримое отношение к социал-национализму, была глубоко ошибочной, анархистско-левацкой.

Для организации сил польского пролетариата Варынский в декабре 1881 г. нелегально возвратился в Варшаву.

На основе действовавших в Варшаве и других польских промышленных центрах рабочих социалистических кружков в 1882 г. была создана первая польская рабочая партия — партия «Пролетариат». Организатором, идейным вдохновителем и руководителем «Пролетариата» был Варынский. Откликаясь на текущие нужды рабочего класса, партия «Пролетариат» быстро завоевала доверие и признательность широких кругов рабочего класса. При активном участии «пролетариатцев» произошёл ряд рабочих выступлений, в том числе первые крупные забастовки: на Варшавско-Венской железной дороге и в типографии газеты «Слово».

В августе 1882 г. партия «Пролетариат» сформулировала свою программу, обнародованную в выпущенной 1 сентября листовке. Программа исходила из марксистского учения о борьбе классов, противоположности интересов труда и капитала и исторической миссии пролетариата в борьбе за социализм. «Освобождение рабочего класса из экономического, политико-социального и нравственного гнёта должно быть делом самих рабочих» — указывала программа.

В ней отмечалось, что польский пролетариат «больше других был погружён в спячку. Кроме экономических и политических условий общего характера, этому, — говорилось в про-

грамме, — немало способствовала национально-политическая зависимость нашей страны от поработителей. Национальные движения и восстания, призывая всех поляков к единству и к общей борьбе против внешних угнетателей, убивали в нашем обществе классовое сознание вообще и классовое сознание трудящихся в особенности». Провозгласив борьбу польского пролетариата с польскими привилегированными классами, программа устанавливала, что целью этой борьбы должно быть создание социалистического государства, являющегося собственником земли и орудий производства, и замена наёмного труда коллективным трудом, организованным в фабричных, ремесленных и земледельческих обществах.

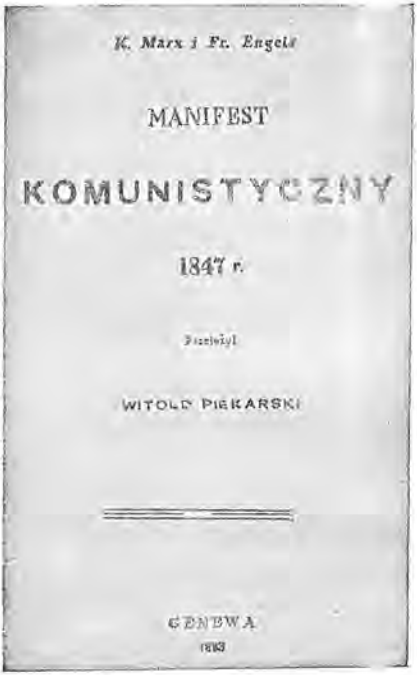
Программа «Пролетариата» являлась классовой, пролетарской, близкой к марксизму. Интернационалистская, признающая исторические задачи рабочего класса и руководящую роль рабочей партии, устанавливающая общность интересов рабочего класса и крестьянства и намечающая социалистическое преобразование промышленности, ремесла и сельского хозяйства, эта программа представляла собой выдающийся документ, по сравнению с современными ей программами большинства западноевропейских социал-демократических партий. В программе нашла выражение сила польского рабочего класса, подымавшегося на борьбу и выдвинувшего таких руководителей, как Людвик Варынский.

Заняв по всем коренным вопросам рабочего движения в целом позицию, близкую к марксизму, «Пролетариат» вместе с тем не освободился от некоторых привнесённых с Запада антимарксистских взглядов и положений. В частности, ведя войну с национализмом, «пролетариатцы» не сумели сочетать интернациональные и национальные задачи польского рабочего класса и игнорировали национальные интересы польских трудящихся. Понимая роль и значение массового рабочего движения, руководители «Пролетариата» не отказывались от индивидуального террора, хотя и смягчали своё тяготение к террору указанием на него лишь как на средство «самообороны». Наконец, не сделав правильных выводов из опыта Парижской Коммуны 1871 г., «пролетариатцы» представляли себе будущее социалистическое государство как политическую организацию типа буржуазной парламентской республики. Требуя «полного самоуправления политических групп», руководители «Пролетариата» в своей программе оставляли место анархистским идейкам.

Одним из первых актов сформировавшегося центрального комитета партии явилось воззвание к крестьянам, направленное к установлению рабоче-крестьянского сотрудничества. «Земля, — говорилось в воззвании, — должна принадлежать тем, кто её вспахивает; фабрики — тем, кто в них работает».

«Пролетариату» удалось наладить широкую пропаганду своих взглядов. В тайной типографии издавалась партийная

газета «Proletariat», во втором номере которой была опубликована вскоре переведённая на русский язык и получившая широкое распространение в России боевая песнь «Варшавянка». За границей партия издавала журналы «Zorza» («Заря») и «Walka klas» («Борьба классов»), выпустила в новом переводе «Манифест коммунистической партии» и ряд других произведений Маркса и Энгельса. В 1884 г. в польском переводе, под редакцией популяризатора марксизма Л. Кживицкого, вышел «Капитал» К. Маркса. Партия довольно быстро сумела создать свои ячейки и группы в основных промышленных центрах королевства, а через учащуюся молодёжь — и в русских университетских городах. Против развёрнутой партией политической деятельности выступила группка оппортунистов, призывавшая ограничиться лишь защитой экономических интересов трудящихся. «Пролетариатцы» отвергли призывы кучки интеллигентов и продолжали свою борьбу.


K. Marx i Fr. Engels

MANIFEST

KOMUNISTYCZNY

1847 r.

Przełożył

WITOLD PIEKARSKI

GENEWA

1883

Обложка первого польского издания «Коммунистического манифеста».

Царские власти и польские капиталисты с бешеной ненавистью преследовали «пролетариатцев». В конце сентября 1883 г. жандармам удалось арестовать Варынского.

Потеряв руководителя, партия не свернула своей работы. Но без испытанного вождя, в обстановке жестоких репрессий и провокаций, в деятельности руководства партии усилился уклон к терроризму. В этом направлении влияло на «Пролетариат» русское террористическое тайное общество «Народная воля», с которым партия в марте 1884 г. заключила в Париже формальный договор о сотрудничестве.

В июле 1884 г. царские жандармы сумели выявить «пролетариатцев». Было арестовано свыше 1 000 человек. 29 человек — Варынский, Куницкий, Феликс Кон и др. — были преданы военному суду. По приговору суда «пролетариатцы» Куницкий, Оссовский, Петрусинский и Бардовский, русский революционер, член «Пролетариата», были 28 января 1886 г. повешены на откосе

варшавской цитадели. В своих предсмертных словах они прославляли пролетариат и социальную революцию. Приговорённый к 16 годам тюремного заключения, больной туберкулёзом Варынский погиб в 1889 г. в Шлиссельбургской крепости.

Варынский и его соратники по справедливости чтутся польским рабочим классом как первые в Польше пролетарские революционеры и мученики в борьбе за социализм.

Разгром царизмом «Пролетариата» явился тяжёлым ударом для польского рабочего класса. Он оборвал процесс формирования массовой революционной интернационалистической партии, помешал распространению научного социализма Маркса — Энгельса. В 1887 г. некоторые избегнувшие преследования «пролетариатцы», в том числе Марцин Каспшак, в дальнейшем видный деятель польской социал-демократии, создали новую партию, так называемый второй «Пролетариат». В 1888 г. второй «Пролетариат» также подвергся разгрому.

Рост массового рабочего движения, расширение стачечной борьбы в королевстве в конце 80-х начале 90-х годов требовали создания организации, способной повести за собой пролетариат. Но создание такой организации, прерванное разгромом первого «Пролетариата», задерживалось националистическими влияниями. Националисты из среды буржуазно-шляхетской интеллигенции всё определённее приходили к выводу о том, что польский пролетариат превращается в мощную политическую силу, способную совместно с пролетариатом других стран, в первую очередь с рабочим классом России, разнести буржуазно-помещичий строй.

Для того чтобы предотвратить рост классового самосознания рабочих, увести их в сторону от классовой борьбы и подчинить своим политическим целям, буржуазия усилила националистическую пропаганду. Церковь, школа, подцензурная и нелегальная печать, буржуазные пропагандисты проводили всеми возможными средствами воспитание масс в духе шовинизма.

Шовинизм, национализм, становился своего рода буржуазным противоядием против социализма. Тогда как эндеки выступали с голой, неприкрытой националистической, погромной программой, способной оказать влияние лишь на мелкобуржуазные группы и на самые отсталые слои рабочего класса, социал-националисты действовали более утончённо. Они на словах всячески превозносили социализм, не стеснялись в отдельных случаях называть себя марксистами, но утверждали, ссылаясь при этом на отдельные, искажавшиеся ими, надёрганные высказывания Маркса и Энгельса, что коренная задача польского рабочего движения состоит не в борьбе за социализм в боевом союзе с русским пролетариатом, а лишь в борьбе с царизмом в союзе с враждебными ему буржуазными и шляхетскими элементами Польши, и что царизм якобы опирается в своей политике угнетения Польши на весь русский народ. Социал-националисты доказывали, что польский рабочий класс якобы скорее достигнет

освобождения в независимой Польше, действуя в союзе со всеми «радикальными» и «революционными» группами, чем в союзе с «отсталым» «националистическим» русским рабочим классом. Отвергая революционный союз с русским пролетариатом, они вовсе не стремились к низвержению царского самодержавия; заменяя классовый союз с русским пролетариатом сделками и соглашениями с польской буржуазией, они не помышляли о ликвидации капитализма. Прикрываясь фразами о социализме, они добивались лишь отделения Польши от революционной России.

Классовые интересы рабочих социал-националисты сводили только к защите элементарных экономических нужд рабочего класса, допуская борьбу за 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, охрану труда и всецело подчиняя рабочее движение национально-буржуазной программе борьбы за буржуазно-помещичью Польшу. Эту будущую Польшу социал-националисты представляли себе не иначе как великую державу, подобную Речи Посполитой, угнетающую бесправных украинцев, белорусов, русских, литовцев.

Социализм социал-националистов на деле оказывался буржуазным реформизмом, сочетавшимся с империалистическим национализмом. Но обнаружить подлинную сущность социал-национализма, раскрыть его вредоносность, осознать его лживый патриотизм и напускной социализм польский рабочий класс сумел лишь ценой огромных исторических уроков, которые затянулись на многие десятилетия.

Таким образом, социал-националисты не допускали для польского рабочего класса ни революционной борьбы с польской буржуазией, ни союза с русским пролетариатом. Отрывая польское рабочее движение от неудержимо разворачивавшегося русского рабочего движения и выводя из-под удара польского пролетариата отечественную, польскую, буржуазию, социал-националисты стремились лишить польский рабочий класс политической самостоятельности.

Социальной базой социал-национализма, реформизма явились рабочая аристократия, тонкая прослойка которой образовалась в королевстве в условиях перехода к империализму, и попадавшие в ряды пролетариата выходцы из крестьян, ремесленников, интеллигенции.

Против социал-националистов, следовавших взглядам возглавлявшейся Лимановским группы «Люд польский» и выходившего в 1889 г. в Париже журнала «Pobudka» («Сигнал»), пытался бороться образовавшийся в 1889 г. «Союз польских рабочих». Возникнув в Лодзи под руководством Я. Ледера, Г. Выкосневского и бывшего «пролетариатца» Юлиана Мархлевского, союз вскоре распространил свою деятельность на многие промышленные города. Осуждая национализм, «Союз польских рабочих» вместе с тем долгое время сторонился политической

борьбы, концентрируя внимание рабочего класса на чисто экономических задачах. В отличие от русских экономистов, заявлявших, что руководство политической борьбой должно принадлежать либеральной буржуазии, «Союз польских рабочих» стоял на классовых позициях. Логика развития классовой борьбы и необходимость отпора социал-националистам, пытавшимся захватить в свои руки монополию на руководство политическим движением пролетариата, влияние русских марксистов, в первую очередь Г. В. Плеханова, толкали союз к развёртыванию политической борьбы. В 1890 г. союз был застрельщиком первой в истории польского рабочего класса маёвки в Лодзи; тогда же второй «Пролетариат» провел маёвку в Варшаве. Эти выступления, происходившие в соответствии с решениями международного социалистического конгресса 1889 г. в Париже одновременно с выступлениями рабочих многих стран, показывали, что передовая часть польского пролетариата рассматривала себя как один из отрядов международного рабочего движения.

В 1891 г. «Союз польских рабочих» организовал крупные демонстрации на 1 мая в Жирардове, Варшаве, Лодзи. В забастовке, связанной с проведением 1 мая, участвовало около 30 тыс. человек. Первомайские выступления 1892 г. в Варшаве, Лодзи, Згеже, Пабианицах проходили под требованиями политических свобод. Полиция и войска преследовали участников маёвок. В Лодзи и окрестностях, где в выступлениях участвовало до 70 тыс. рабочих, кровавые столкновения между полицией и рабочими, начавшиеся в понедельник 2 мая, продолжались несколько дней; 5 мая Лодзь была охвачена всеобщей стачкой — польские капиталисты требовали от царских властей самых крутых мер против польских рабочих; около 200 рабочих было убито и тяжело ранено, почти 900 человек было арестовано.

Лодзинские события вызвали огромный отклик как в королевстве, так и во всей России. Передовые рабочие Петербурга, объединённые в марксистские кружки и группы, из которых В. И. Ленин вскоре создал первый зачаток революционной пролетарской партии в России — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», — обратились к лодзинским пролетариям с письмом. Русские рабочие писали своим польским братьям о единстве интересов русского и польского народов, о наличии у них одних врагов, призывали к объединению сил и выражали твёрдую уверенность, что близок последний час угнетателей и вскоре засветит солнце социализма.

Майские события 1892 г. явились ярким выражением обострения классовых противоречий в условиях перехода от «свободного» капитализма к империализму, роста сил и боевой готовности польского пролетариата и открывали собой новый этап его борьбы.

В обстановке суровых правительственных репрессий «Союз польских рабочих» в марте 1893 г. объединился с остатками

второго «Пролетариата». Новая организация стала называться «Польской социалистической партией» (ППС).

Созданию ППС предшествовал состоявшийся осенью 1892 г. в Париже съезд польских интеллигентов — эмигрантов, именовавшихся социалистами, но в действительности же стоявших на позициях социал-национализма. Съезд решил выдвинуть требование независимости Польши. Само по себе требование независимости было вполне правомерно. Но для социал-националистов оно было самоцелью, развенчивающей и отбрасывающей прочь борьбу за социализм.

Социал-националисты стремились свернуть пролетариат с пути классовой борьбы, они утверждали, что освобождению пролетариата от ига капитала должно предшествовать освобождение Польши от ига самодержавия, и клеветнически обвиняли русский рабочий класс в слабости и раболепии перед царизмом. Они выдвигали псевдореволюционные лозунги, вроде «против всяких классовых правительств», заявляли захватнические притязания на Литву, Белоруссию «и другие провинции, издавна связанные с Речью Посполитой». Характерно, что за исключением одного лица все остальные участники парижского съезда открыто стали злейшими врагами своего народа: Ст. Войцеховский — президентом буржуазно-помещичьей Польской республики, Ст. Мендельсон — сионистом, Ст. Грабский — одним из главарей эндеков, и т. д.

В недрах вновь созданной ППС развернулась ожесточённая борьба между пролетарским, интернационалистским и националистическим, буржуазным течениями. Идейным центром социал-националистов были эмигрантский «Союз заграничных польских социалистов» и нелегально издававшаяся в Варшаве с 1894 г. газета «Роботник».

Основное, пролетарское ядро «Польской социалистической партии» уже в июле 1893 г. отмежевалось от социал-националистов и приняло наименование «социал-демократии Королевства Польского» (СДКП).

«В 90-х годах, — говорится в курсе истории ВКП(б), — выделились марксистские элементы из польской националистической партии...»[1].

Образование СДКП пришлось на ту пору, когда «... в России подымалась величайшая народная революция, во главе которой стоял революционнейший в мире пролетариат, имевший в своём распоряжении такого серьёзного союзника, как революционное крестьянство России»[2]. Руководители СДКП — Роза Люксембург, Юлиан Мархлевский, Бронислав Веселовский и другие — находились под влиянием поднимавшегося в России пролетар-

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 22.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 76.

ского революционного движения и отдавали себе отчёт в том, какое огромное значение имеет русское рабочее движение для борьбы польского пролетариата. В решениях I съезда СДКП (март 1894 г.) указывалось: «В своей борьбе мы можем рассчитывать на такого сильного союзника, как российский пролетариат».

Так в польском рабочем движении произошёл раскол на два направления: интернационалистское и революционное, с одной стороны, и националистическое и оппортунистическое — с другой.

Определяя основное принципиальное расхождение между революционной социал-демократией и националистической и оппортунистической ППС, Ленин писал: «ППС смотрит так, что национальный вопрос *исчерпывается* противоположением: «мы» (поляки) и «они» (немцы, русские и проч.). А социал-демократ выдвигает на первый план противоположение: «мы» — пролетарии и «они» — буржуазия»[1]. Оперируя социалистической фразеологией для обмана рабочих масс, ППС в течение многих десятилетий проводила политику подчинения рабочего класса интересам буржуазии, культивировала шовинизм, боролась с классовым рабочим движением, сеяла неверие в русское революционное движение, добивалась изоляции рабочего класса Польши от революционного пролетариата России.

В борьбе с ППС крепла СДКП, продолжавшая революционные и интернационалистические традиции первой партии «Пролетариат». «Громадная историческая заслуга товарищей польских социал-демократов та, — указывал Ленин, — что они выдвинули лозунг интернационализма и сказали: нам всего важнее братский союз с пролетариатом всех стран...»[2].

Идейным рупором СДКП стала газета «Sprawa Robotnicza» («Рабочее дело»), выходившая в Цюрихе.

Организаторами газеты «Рабочее дело» были Роза Люксембург, а также Леон Тышка и Ю. Мархлевский, выехавший за границу после годичного заключения в царской тюрьме. Происходя из буржуазной еврейской семьи города Замостья, Р. Люксембург с гимназических лет примкнула к социалистическому движению и всецело посвятила себя революционной борьбе рабочего класса. После разгрома второго «Пролетариата», к которому она примыкала, Р. Люксембург нелегально выехала за границу. В Цюрихе она стала играть руководящую роль в кружке польских социалистов-интернационалистов.

«Рабочее дело», ставившее своей задачей помочь созданию революционной партии пролетариата, в главных, решающих вопросах польского рабочего движения взяло правильное направление. С глубокой верой в победоносную силу и единство интересов польских и русских трудящихся газета писала в своём

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 419.
[2] Там же, т. 24, стр. 265.

первом номере: «русский рабочий — брат наш в несчастье, товарищ в борьбе... Царизм, который сковал нас, поляков и русских, для общей неволи, погибнет от руки соединившихся своих врагов — рабочего народа Польши и России».

Роза Люксембург.

Неутомимо борясь с социал-национализмом, как с опаснейшим врагом рабочего класса, и в этом направлении ориентируя всю деятельность СДКП, Р. Люксембург не была между тем последовательной марксисткой.

Когда в 1893 г. в Цюрихе происходил международный социалистический конгресс II Интернационала, Р. Люксембург представила отчёт о состоянии социал-демократического движения в Королевстве Польском, направленный против ППС. По проискам представителей ППС Йодка, Перля и других и галицийского социал-демократа Дашинского конгресс незначительным большинством голосов отказался признать за СДКП право на представительство (позднее польская социал-демократия имела самостоятельное представительство на международных социалистических конгрессах).

В своём отчёте, не рассмотренном Цюрихским конгрессом, Р. Люксембург наряду со справедливой и основательной критикой социал-национализма ППС высказала ряд совершенно ошибочных суждений. Она доказывала, что процесс экономического развития всех трёх частей Польши настолько спаял их с тремя завоевавшими их государствами, что сделал невозможным восстановление польского государства. Развивая это положение во всех своих последующих работах, Р. Люксембург отказывала польскому народу в праве на национальное самоопределение. Она доказывала, что создание независимой Польши привело бы только к разрушению экономических связей, к хозяйственному упадку. Такая постановка национального вопроса под углом зрения абстрактных экономических соображений чужда марксизму.

В полемике с социал-националистами, пытавшимися в 1896 г. навязать всему II Интернационалу признание образования независимого польского государства как вопрос создания единствен-

ного революционного оплота против царизма, Р. Люксембург выступила с разоблачением буржуазного национализма и пропагандировала революционное сотрудничество польского и русского пролетариата. Занимая классовую, пролетарскую, интернационалистскую позицию, она вместе с тем считала невозможным образование независимого польского государства до падения капитализма. В условиях же неизбежного по её представлениям единовременного и автоматического краха капитализма строительство социализма сделает бессмысленным образование независимой Польши. Занимая глубоко ошибочную, антимарксистскую позицию в ряде решающих теоретических вопросов, Р. Люксембург считала, что ни польским, ни русским рабочим не следует бороться за право наций на самоопределение и тем самым объективно скатывалась к отрицанию национального момента в борьбе польского рабочего класса.

В то же время, будучи несомненной революционеркой, она боролась против национального гнёта со стороны царизма и прусского юнкерства, но не понимала значения национального вопроса и полагала, что пролетарский интернационализм чужд национальным интересам.

Свои теоретические соображения Р. Люксембург старалась подкрепить ссылками на «неисполнимость», «утопизм», «революционаризм» самой идеи о национальной независимости Польши. Внимательно следивший за полемикой по польскому вопросу В. И. Ленин отметил, что Р. Люксембург делает неправильный вывод о «неисполнимости» для польской рабочей партии требования о независимости Польши [1].

Вскрывая корни ошибок польской социал-демократии в национальном вопросе, Ленин писал: «Среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается и забывается национализм угнетающей нации»[2].

Непонимание роли национального вопроса, отрицание права на самоопределение затрудняло СДКП связь с рабочими массами. К тому же на всю деятельность СДКП давил груз других ошибочных, антимарксистских положений люксембургианства, что, в частности, выражалось в представлении о пролегариате как единственной движущей силе революции, непонимании значения союза рабочего класса с крестьянством и вопроса о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Ошибки СДКП в вопросах стратегии пролетариата при нигилистическом отношении к национальному вопросу облегчали происки в рабочем движении социал-националистов из ППС, которую

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 228.
[2] Там же, т. 20 стр. 421.

революционные рабочие прозвали «партией предателей социализма».

Организационная и теоретическая слабость СДКП не позволила ей возглавить массовое стачечное движение, охватившее в 1898—1899 гг. Лодзь, Пабианицы, Белосток, Домбровский бассейн, Варшаву.

Ф. Э. Дзержинский в седлецкой тюрьме. 1901 г.

Некоторые успехи СДКП, позволившие ей преодолеть болезни организационного периода, тесно связаны с именем Дзержинского.

Феликс Эдмундович Дзержинский ещё 17-летним юношей, в 1894 г., вошел в социал-демократический кружок самообразования, а затем в течение нескольких лет играл видную роль в литовской социал-демократии. Арестованный царскими властями в 1897 г., он в 1899 г. бежал из ссылки и вернулся к революционной деятельности. К этому времени в литовской социал-демократии успели укрепиться оппортунистические элементы, тянувшие партию в сторону сотрудничества с ППС и отказывавшиеся от сотрудничества с создавшейся в 1898 г. Российской социал-демократической рабочей партией (РСДРП). Дзержинский начал борьбу с оппортунистами в литовской социал-демократии, переехал в Варшаву и помог восстановить разгромленную властями местную организацию СДКП. В январе 1900 г. усилиями Дзержинского произошло объединение СДКП с интернационалистическими элементами Литовской социал-демократии и с интернационалистским «Союзом литовских рабочих», отколовшимся от Литовской социал-демократии в 1896 г., в единую партию — Социал-Демократию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Спустя месяц, Дзержинский был опять арестован и до нового побега из ссылки в 1902 г. оторван от партии.

Создание СДКПиЛ произошло в условиях подъёма революционного движения в России в ту пору, когда великий Ленин, подготовляя создание боевой, революционной партии для того, чтобы повести пролетариев на борьбу за социализм, приступал к изданию первой общерусской газеты революционных марксистов — «Искры».

ГЛАВА XVI

Польские земли Галиции в период перехода от «свободного» капитализма к империализму

Со времени установления в Галиции автономии бразды правления обширным краем всё в большей степени переходили к польским помещикам. Галицийская шляхта и шляхетская интеллигенция проникли во все органы местного самоуправления и, расширяя свою роль в монархии Габсбургов, стали поставлять кадры в высшие звенья венской бюрократии и в аппарат управления другими частями государства. В расслабленной, многонациональной Австро-Венгрии польские господствующие классы стали одним из элементов, поддерживавших верховное австрийское господство.

Союз Габсбургов, союз венской бюрократии с галицийской шляхтой сложился на основе взаимной общности интересов. Их объединяло стремление к сохранению крупного землевладения и национального гнёта и расчёты на внешние захваты.

«Австрийцы, — указывает И. В. Сталин, — приблизили к себе поляков, давали им привилегии, чтобы поляки помогли укрепить австрийцам свои позиции в Польше, и за это давали полякам возможность душить Галицию.

Это особая, чисто австрийская система — выделить некоторые национальности и давать им привилегии, чтобы затем справиться с остальными»[1].

Основой политики удушения Галиции правившими польскими кругами было сохранение крупного землевладения и продолжавшаяся полонизация края. Прямым и непосредственным результатом деятельности австрийско-польской администрации было нарастание социальных и национальных противоречий.

После установления автономии Галиция продолжала оставаться сельскохозяйственной страной. Сельским хозяйством к началу XX в. занималось не менее 73% польского населения края и 94% украинского населения. В связи с тем, что помещиками были почти исключительно поляки или ополяченные элементы, для большей, украинской части края аграрный вопрос выступал в неразрывной связи с национальным вопросом.

Над огромной массой в 1 млн. 8 тыс. сельских хозяйств возвышалась 21 крупнейшая латифундия, собственники которых владели 8,5% всей земельной площади. Противоположным полюсом к этому 21 крупнейшему землевладению было 425 тыс. крестьянских хозяйств, размером каждое до 2 *га*, которые в общем владели 5,6% всей земельной площади. Таким образом, на каждую из латифундий в среднем приходилось 20 238 бедняцких хозяйств. К этим бедняцким хозяйствам, владельцы которых не

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 255.

могли прокормиться на своей земле, тесно примыкали мелкие крестьянские хозяйства размером от 2 до 5 *га*. Всего таких хозяйств было 376 тыс. и им принадлежало лишь 9,6% всей земли. Хозяйства размером от 5 до 20 *га*, т. е. охватывающие группы середняков и частью кулаков, располагали 29,0% земли; на 10 800 поместий размером от 20 *га* до 100 *га* приходилось 30,4% всей земли, а на поместье свыше 100 *га* общим числом 3 500 приходилось 25% всей земли. Иначе говоря, все категории крестьянских хозяйств размером до 20 *га*, число которых превышало 992 тыс., владели 44,2% всей земли, а 17 тыс. хозяйств, размеры которых превышали 20 *га*, владели почти 56% всей земли.

Крестьянское безземелье особенно прогрессировало и возрастало в украинской части Галиции. Во многих её поветах более 60% всех хозяйств представляли собой крохотные усадьбы, не имевшие никакой хозяйственной ценности. Владельцы этих лоскутков земли составляли обширную армию батраков, готовых за любые гроши на самую тяжёлую работу. Беспощадную эксплоатацию украинских трудящихся польские помещики умело сочетали с политикой систематической полонизации и недопущения развития украинской культуры и элементарной грамотности украинского населения.

Крестьянское малоземелье создавало благоприятные условия для развития ростовщичества, в сети которого попадала вся беднота. Опутанные неоплатными долгами и ссудами, бедняки становились объектом беспощадной эксплоатации со стороны кулачества. Несмотря на медленный темп развития капиталистических отношений, прослойка крестьянской буржуазии непрерывно росла, и к концу XIX в. в Галиции насчитывалось до 30 тыс. хозяйств размером в 10—20 *га* и около 7 тыс. хозяйств размером 50—100 *га*. Кулацкие хозяйства более успешно развивались в Западной Галиции, чем в Восточной, где засилие крупных поместий затрудняло формирование деревенской буржуазии.

Спасения от голода, помещичьего гнёта, притеснений чиновников, кабальной зависимости от кулаков и ростовщиков беднота искала на стороне. По мере расширения средств транспорта обычным явлением стал отход на сезонные заработки в Россию, Германию, Данию, переселение в Америку.

Несмотря на дешевизну рабочих рук и на богатые природные ресурсы, промышленность в Галиции развивалась чрезвычайно медленно. Нищета основной массы населения оставляла внутренный рынок непокупателеспособным, а фискальная политика австрийского правительства искусственно задерживала рост промышленных предприятий.

Старинейшие разработки соли составляли правительственную монополию. Поддерживая высокие цены на соль, правительство делало её почти недоступной для крестьянства. Оно препятствовало также развитию добычи и обогащения минеральных удобрений.

Открытие в 1846 г. в районе Борислава богатых источников нефти положило начало галицийской нефтедобывающей промышленности. В 1884 г. нефтяные источники были открыты в Горлицком повете, а затем и в районе Кросно. Первоначально добыча нефти велась самым хищническим способом отдельными мелкими капиталистами. О низком техническом уровне и полукустарном характере этой отрасли промышленности даёт достаточно ясное представление то, что на 300 предприятиях по добыче нефти в конце XIX в. было немногим более 3 тыс. рабочих. Картину беспримерного угнетения, бедствий и бесправия этих рабочих запечатлел Иван Франко в романах «Удав» и «Борислав смеётся».

Галицийская нефть и озокерит, добыча которого в крупных размерах началась в 60-е годы, привлекли внимание английских, французских и американских капиталистов, начавших проводить разведывательные работы и скупать нефтеносные районы.

Примитивная система добычи нефти, преимущественный вывоз её в сыром виде, без очистки на месте, развитие только добывающей промышленности и внедрение иностранного капитала в нефтяную и другие отрасли производства придавали галицийской промышленности полуколониальный характер.

Некоторых успехов достигла промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья. Но и в этой отрасли наиболее преуспевало винокурение, которым занималось свыше 500 предприятий с общим числом рабочих, доходившим до 10 тыс. человек. Винокурение служило в руках капиталистов, кулаков и шинкарей одним из средств одурманивания и ограбления народа.

Широко развитыми в деревнях кустарными промыслами — производством изделий из дерева и глины, выделкой тканей — постепенно экономически овладевали капиталисты.

С конца 60-х годов широких размеров достигло строительство путей сообщения. Первая железная дорога в крае появилась в 1847 г. Австро-Венгрия создала ряд линий, преимущественно военно-стратегического значения. Железнодорожные рабочие составляли одну из наиболее значительных групп галицийского пролетариата.

Обилие мелких и мельчайших предприятий, остро нуждавшихся в денежных ссудах, частые операции с земельной собственностью привели к широкому развитию в Галиции банкового дела. Наряду с более чем 350 различными местными кредитными обществами в Галиции действовали отделения австро-венгерских и иностранных банков и 5 краевых банков.

Галицийская буржуазия первоначально выражала своё недовольство узостью автономии края.

Либеральные буржуазные круги продолжали требовать выделения Галиции в федеральную единицу, подобную Венгрии. Сложившаяся «демократическая партия» либеральной буржуазии, руководителем которой был Смолька, даже настаивала на бойкоте

рейхсрата, как органа общеавстрийского, с тем, чтобы не допустить распространения его полномочий на Галицию.

Польские помещики также были непрочь добиться для Галиции положения, аналогичного занятому Венгрией, но в то же время они не видели особых оснований для серьёзного конфликта с Веной. В сентябре 1868 г. галицийский сейм принял резолюцию, предлагавшую общеимперским властям расширить его законодательную компетенцию. Австрийское правительство не согласилось на удовлетворение пожеланий сейма. Но оно либо само проводило ряд мероприятий в развитие галицийской автономии и укрепление привилегий польских помещиков и капиталистов, либо не мешало галицийскому сейму практически выходить за установленные законом рамки его деятельности.

Новые уступки венского правительства польским помещикам и буржуазии выразились в официальном введении польского языка в качестве служебного (1869), переводе преподавания в Краковском университете с немецкого языка исключительно на польский (1870), расширении преподавания на польском языке во Львовском университете (1871), учреждении польской Академии наук в Кракове (1871) и т. д. В 1871 г. была учреждена должность министра для Галиции, согласие которого стало необходимым условием принятия любых решений или назначений, касавшихся Галиции. Начиная с первого министра для Галиции Казимира Грохольского, этот пост замещался исключительно представителями галицийской польской аристократии.

Польские помещики были полностью удовлетворены политикой австрийского правительства, сохранившего за ними их земли, уступившего им органы местной власти и передавшего им все культурные учреждения. Выразителем взглядов галицийских помещиков явилась консервативная партия. В связи с местными особенностями, главным образом различиями в национальном характере Западной Галиции и Восточной Галиции, среди консерваторов сложилось два главных направления.

Западногалицийская шляхта — «краковские консерваторы», руководящим органом которых стала газета «Час», — стремилась использовать в своих интересах некоторые польские националистические традиции. Идейное руководство этим направлением консерваторов принадлежало группе профессоров и писателей: историку права Гельцелю, историку Юзефу Шуйскому, публицисту Козьмяну, историку Бобжинскому. Ещё в 1869 г. Шуйский, граф Тарновский, Козьмян и Водзицкий опубликовали серию памфлетов «Teka Stanczyka» («Портфель Станчика»). В этих памфлетах от имени придворного шута XVI в. Станчика они подвергли осмеянию всё польское демократическое движение и объявили его столь же вредным для Польши, как пресловутое «liberum veto» старой Речи Посполитой. Противники краковских консерваторов дали всему их направлению закрепившееся за ними прозвище «станчиков».

Станчики стремились превратить Галицию «в крепкий вал против России». Для осуществления этой цели они были непрочь временами заигрывать с отдельными течениями украинского общественно-политического движения.

Восточногалицийские консерваторы, «подоляки», как их называли по Подолью, району крупнейших магнатских латифундий, открыто требовали самой беспощадной борьбы со всем украинским движением и в своей реакционности доходили до нелепых обвинений австрийского правительства и галицийской администрации в либерализме. Вождями «подоляков» были Грохольский, Яворский, Дзедушинский и др.

Польское коло, в котором преобладали консерваторы, составляло одну из самых реакционных фракций венского рейхсрата.

Обе группировки консерваторов полностью распоряжались галицийским сеймом. Они были тесно связаны с католической церковью, а также верхушкой униатского духовенства. Созданный ими особый «центральный избирательный комитет» намечал угодных магнатам кандидатов и, не стесняясь средствами, путём подкупов и спаивания избирателей, злоупотреблений, применения военной силы, обеспечивал их избрание по всем куриям. Консервативные депутаты решительно противились всякому культурному прогрессу и попыткам развития производительных сил.

В 90-е годы, в связи с начавшимся формированием самостоятельного рабочего и крестьянского движения, в Кракове сложилась группа «новоконсерваторов» (Кржижановский, В. Яворский и др.), стремившихся укрепить положение помещиков некоторыми уступками кулачеству. Для этой цели «новоконсерваторы» допускали возможность ликвидации чересполосицы, обеспечения перехода к кулакам части продававшихся имений, основания крестьянского кредита и т. п.

Буржуазная «демократическая» партия не играла никакой серьёзной роли в политической жизни Галиции конца XIX в. Она вполне примирилась с галицийской автономией, и её лидер Смолька в течение ряда лет даже избирался председателем рейхсрата, который он сам было призывал бойкотировать. Известную самостоятельность от консерваторов «демократы» проявляли только в вопросах, касавшихся торговли и промышленности.

В 90-е годы сначала во Львов, а затем в Краков перенесли центр своей деятельности польские национал-демократы из Королевства Польского.

По мере усиления дифференциации крестьянства, развития капиталистических отношений в городе и деревне, по мере того, как происходил процесс складывания рабочего класса в Галиции, стало формироваться самостоятельное политическое движение деревенского населения и городских мелкобуржуазных и трудящихся масс. Ещё в 1870 г. во Львове произошла первая крупная стачка — забастовка типографских рабочих. Значительного размаха достигло рабочее движение во Львове и в Кракове в

бытность в этих местах Варынского. Его влияние сказалось на лучших чертах опубликованной в 1881 г. программе галицийской рабочей партии. Интернационализм этой программы сочетался, однако, с лассальянскими положениями, исключавшими необходимость ликвидации капитализма. В 80-е годы в промышленных центрах Галиции возникли кружки ремесленников и рабочих, находившихся под влиянием мелкобуржуазного социализма. В 1890 г. на основе нескольких таких кружков сложилась рабочая партия, выступавшая как часть единой австрийской социал-демократии. Эта партия, одним из руководителей которой был Игнаций Дашинский, была глубоко чужда марксизму и собиралась следовать тактике французских поссибилистов. В 1892 г. рабочая партия преобразовалась в социал-демократическую партию Галиции и Силезии и фактически превратилась в филиал ППС. На первых порах своего существования партия отказывалась от сотрудничества с националистическими польскими организациями и входила в состав австрийской социал-демократии.

В Галиции, ввиду слабости рабочего класса и рабочего движения, не способного повести за собой крестьянство, крестьянское движение оказалось под нераздельным влиянием клерикальных и буржуазных элементов. Бывший иезуит ксёндз Стояловский образовал в 1888 г. клерикальную христианско-народную группу из крестьян, стоявшую на очень умеренных позициях. Создание этой группы отражало попытки католической церкви оказать активную помощь помещикам и капиталистам в борьбе против народного движения. В соответствии с предписаниями Ватикана католическое духовенство принялось насаждать идеи «христианского социализма», состоявшие в призывах к примирению классов. Призывая угнетённых к смирению и покорности, оно стремилось отвести их ненависть против господствующих классов в русло антисемитизма.

Более радикальное направление в крестьянском движении представляла начавшая выходить в 1889 г. во Львове газета «Przyjaciel ludu» («Друг народа»). Она выдвинула требование о необходимости самостоятельного крестьянского представительства в сейме и рейхсрате. Вскоре вокруг этой газеты развернулось довольно заметное движение. Вожаки — Выслоух, Бойко и др. — стремились придать движению общенародный, «людовый» характер. Они утверждали, что интересы всех групп крестьянства совершенно одинаковы, и подчёркивали, что именно более зажиточные слои только и могут руководить политической жизнью всей деревни и защищать её интересы. Эти взгляды должны были обеспечить руководящую роль кулачества в «людовом» движении. Идеалом крестьянства они объявляли создание свободной, независимой, «справедливой» Польши.

«Людовцы» заявляли себя сторонниками примирения и соглашения сословий, «как это было при Пясте». В то же время они

подвергали обсуждению насущные нужды крестьянства, в особенности его зажиточной части.

В 1895 г. сложилась польская народная партия («Polskie stronnictwo ludowe»). На сеймовых выборах 1895 г. людовцы выставили своих кандидатов в 21 округе по курии мелких земельных собственников. Программные требования людовцев носили довольно умеренный характер: они добивались расширения избирательного права, перераспределения норм представительства от отдельных курий, введения тайного голосования по всем куриям и прямой подачи голосов по курии мелких собственников; равномерного распределения общественных повинностей, увеличения числа школ, гминной реформы и т. д. Наиболее радикальное крыло людовцев, возглавлявшееся Яном Стапиньским, выдвигало требование земельной реформы. Во многих округах со смешанным населением крестьяне — поляки и украинцы — солидарно поддерживали крестьянских кандидатов против ставленников шляхты. Всего крестьянские кандидаты собрали около $2^1/_2$ тыс. голосов выборщиков, т. е. до 1 250 тыс. крестьянских голосов. По условиям избирательного закона в сейм оказались избранными 9 людовцев.

Рабочий класс, призванный играть роль руководителя, был в Галиции слишком малочислен и идейно неразвит для того, чтобы суметь раскрыть деревне её силу и повести её к решительной борьбе за демократические преобразования.

Огромное обострение социальных и национальных противоречий, связанное с переходом к империализму, вынуждало правителей Австро-Венгрии к различного рода уступкам и манёврам. В политической жизни Вены значение польских консерваторов — надёжного оплота габсбургской государственности — продолжало повышаться. В 1895 г. главой венского кабинета стал галицийский аристократ граф Казимир Бадени, до того многие годы занимавший пост наместника Галиции.

Под давлением движения в пользу всеобщего избирательного права Бадени в 1896 г. провёл избирательную реформу. Согласно этой реформе, создавалась пятая избирательная курия, к участию в выборах от которой допускался всякий мужчина, достигший 24 лет и проживший в одной местности не менее шести месяцев. К голосованию от пятой курии, названной курией всеобщего избирательного права, допускались также избиратели первых четырёх курий. Реформа затрагивала лишь порядок выборов в рейхсрат и не изменяла порядка выборов в галицийский сейм.

В 1897 г. произошли впервые выборы по пятикуриальной системе. Польским социал-националистам удалось добиться избрания по пятой курии Дашинского и ещё одного своего представителя. Выборы сопровождались многочисленными кровавыми столкновениями и крестьянскими волнениями, ареной которых становились преимущественно округа Восточной Галиции. Администрация и польские буржуазно-помещичьи круги прибегали

к вооружённому давлению и подтасовке результатов голосования, но всё же должны были признать избрание 11 украинцев.

Украинское освободительное движение достигло большого размаха. В его недрах сложилось направление, выросшее под влиянием русской революционной демократии и взглядов Т. Г. Шевченко. Это революционно-демократическое направление было в равной степени враждебно австрийскому правительству, польской шляхте и царизму и стремилось к освобождению Западной Украины из-под двойного австрийско-польского ига и воссоединения её со всем украинским народом в едином демократическом государстве. Выдающимся деятелем западноукраинской революционной демократии был знаменитый писатель И. Франко. Он перевёл на украинский язык отрывок из «Капитала» К. Маркса.

Наряду с революционно-демократическим направлением в украинском политическом движении подвизались различные либеральные и реакционные националистические группы, ориентировавшиеся либо на Вену, либо на Петербург.

На политическую сцену в Галиции в конце 90-х годов стало выдвигаться движение еврейских рабочих и ремесленников. Мелкобуржуазное по своему содержанию, это движение было направлено против еврейских, немецких и польских капиталистов и помещиков и во многих случаях шло рука об руку с украинским революционно-демократическим движением.

Социалистические украинские и еврейские группы носили, как и польская социал-демократическая партия Галиции, мелкобуржуазный характер и стояли на националистических позициях.

В 1897 г. Венский (иначе Вимбергский) съезд австрийской социал-демократии завершил преобразование социал-демократической партии в федерацию шести национальных партий, в том числе польской и украинской. Каждая такая партия строилась не по территориальному, а по национальному принципу и поэтому не столько объединяла рабочих разных национальностей для совместной борьбы с капиталистами, сколько разъединяла их на мелкие национальные группы и тем самым ослабляла рабочее единство и облегчала происки буржуазии. Новой серьёзной уступкой буржуазным влияниям явилось принятие австрийской социал-демократией на Брюннском съезде 1899 г. программы по национальному вопросу. В этой программе «... остались некоторые следы «территориализма», но в общем она является формулировкой национальной автономии»[1].

Брюннская программа требовала создания национальных союзов, которые охватывали бы представителей данной национальности вне зависимости от местожительства и располагали бы автономией в решении культурных дел. Такая система национально-культурной автономии, выдававшаяся за способ разрешения национального вопроса, толкала рабочий класс на сближение со

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 322.

«своей» национальной буржуазией и подменяла коренные вопросы рабочего движения, общие рабочим всех национальностей, частными вопросами языка и культуры. Разгораживая рабочее движение по национальному признаку и навязывая ему идею межклассовых национальных союзов, Брюннская программа уводила рабочее движение с классовых позиций на путь национализма. Заменяя марксистское учение о национальном самоопределении буржуазной идеей национально-культурной автономии, Брюннская программа стояла за полное сохранение целостности империи Габсбургов.

Разделяя принципы Брюннской программы, польская социал-демократическая партия Галиции и Силезии стремилась к такому разрешению национального вопроса, который только вёл к обострению национальных противоречий между поляками, с одной стороны, и украинцами, евреями и др. — с другой, и к подчинению польских рабочих влиянию польской буржуазии. В то же время сползание на «общенациональные» буржуазные позиции имело своим исходным пунктом признание государственной целостности Австро-Венгрии; тем самым борьба за право на самоопределение для польского народа истолковывалась лишь в плане борьбы с царизмом и германским империализмом, за право русских и прусских поляков на соединение с галицийскими. Так как Германия являлась союзницей Австро-Венгрии и даже главным партнёром в этом союзе, то само собой получалось, что вопрос об освобождении прусских поляков из-под немецкого господства отбрасывался, и все национальные задачи польского рабочего класса сводились галицийскими социал-демократами к борьбе против царизма, за присоединение Королевства Польского к Галиции. В конечном счёте в вопросах внешней политики галицийская социал-демократия заняла позицию верного оруженосца австро-венгерского империализма, а в вопросах внутренней политики, скатившись к защите культурно-национальной автономии, она стала проводником отказа от классовой борьбы, идей австро-польского национализма и защиты целости монархии Габсбургов. Значительное влияние на галицийскую польскую социал-демократию оказывала ППС Королевства Польского.

Ко времени перерастания «свободного» капитализма в империализм Галиция представляла собой клубок острых социальных и национальных противоречий. Австрийская политика в Галиции состояла в том, чтобы путём предоставления особых привилегий польским помещикам по отношению ко всему остальному населению и всем полякам по отношению к украинцам лавировать между этими противоречиями и использовать их в своих интересах. Польские помещичьи круги дорожили союзом с Веной, так как австрийская бюрократия содействовала полонизации Галиции и потворствовала националистическим устремлениям польских правящих кругов, мечтавших в союзе с Габсбургами продвинуть галицийские границы до Днепра и Чёрного моря.

Для польских и украинских трудящихся не было другого выхода из-под помещичьей и капиталистической кабалы, из-под австрийской власти, кроме как путём революции. Но националисты всех оттенков усиленно стравливали трудящихся обеих национальностей, прививали им дух взаимной ненависти и парализовали их революционные силы.

ГЛАВА XVII

Польские земли под прусским игом в период перехода от «свободного» капитализма к империализму

Объединение Германии, сопровождавшееся полосой бурной индустриализации, определило экономический облик польских земель, находившихся под прусским захватом. Поморье, польская часть Восточной Пруссии и Познаньщина складывались как районы крупного сельского хозяйства, а Силезия, с её огромными естественными богатствами, выросла в мощный индустриальный район, сохранявший крупнейшее землевладение наряду с мелким и мельчайшим крестьянским хозяйством.

Падение хлебных цен, явившееся результатом возросшего русского и американского экспорта хлеба, и разразившийся в 1873 г. промышленный кризис в Германии создали значительные трудности для сельского хозяйства прусского захвата. Продолжавшийся в течение 1873—1893 гг. аграрный кризис привёл к важным изменениям, выразившимся в усилении концентрации земельной собственности, специализации и некоторой механизации земледелия. Одной из своеобразных черт перестройки сельского хозяйства явилось то, что наряду с общим увеличением удельного веса крупного землевладения происходило сокращение площадей многих отдельных поместий: в поисках капиталов для перестройки хозяйства помещики распродавали неудобные земли или сдавали их в аренду. Отмечая, что переход к интенсивному хозяйству в Ост-Эльбии, т. е. в части Пруссии, включавшей польские территории, вызвал уменьшение размеров поместий, В. И. Ленин писал: «Уменьшение площади хозяйства во всех этих случаях ведет обыкновенно к увеличению (с единицы земли) количества продукта, часто к увеличению числа занятых рабочих, т. е. к фактическому *увеличению* размеров производства»[1].

Увеличение размеров производства в помещичьих хозяйствах наряду с уменьшением площадей отдельных хозяйств привело к росту площадей кулацких хозяйств и некоторому увеличению количества мелких, карликовых крестьянских хозяйств. Общее количество мелких крестьянских хозяйств возросло в Познаньщине с 1860 по 1885 г. на 32%. Но все эти хозяйства оказались весьма

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 117

недолговечными. Основой существования подобного рода мелких хозяйств, указывал В. И. Ленин, было искусство «... держаться путём безмерного и невероятного понижения потребностей»[1]. Владельцы мелких и мельчайших хозяйств немногим отличались в своём положении от сельскохозяйственных рабочих. А последние, по словам Энгельса, находились фактически в полукрепостном состоянии[2].

Передвижение земельной собственности при общей тенденции к её концентрации благоприятствовало интересам деревенской буржуазии. Помимо приобретения участков, распродававшихся помещиками, кулачество расширяло и укрепляло своё положение путём предоставления ссуд мелким хозяевам на покупку земли, оказывавшейся в фактическом распоряжении не её номинального собственника, а деревенских ростовщиков. Рост деревенской буржуазии толкал её к борьбе за «свой» рынок, за свободное развитие капиталистического земледелия. Германизаторская политика правительства придавала этой борьбе специфические национальные черты.

Вскоре после сформирования Германской империи прусские капиталисты и помещики повели борьбу за преодоление партикуляризма, обособленности отдельных частей нового государства. Теперь, когда основные внешнеполитические задачи оказались разрешёнными и Германия вступала в новый этап своего развития, в котором крупнейшее место отводилось возобновлению извечного «натиска на Восток», правившие круги посчитали момент подходящим для перехода к развёрнутой политике германизации, опруссачивания польских земель.

Начиная с 1871 г., имперские, а особенно прусские власти развернули целую серию мероприятий, затрагивающих интересы католической церкви. Сторонники Бисмарка назвали всю совокупность антикатолических мероприятий «борьбой за культуру» («культуркампф»).

Каждый акт, затрагивающий интересы католического духовенства, с наибольшей последовательностью применялся именно на польских землях. За отказ от исполнения правительственных распоряжений власти арестовали познаньского архиепископа Ледоховского, познаньского и гнезненского епископов и несколько сот ксёндзов. Эти гонения получили довольно широкий отклик в народе и способствовали укреплению влияния католического духовенства, как силы, якобы отстаивавшей общенациональные польские интересы. Свои позиции в народе, усиливавшиеся по мере роста репрессий, духовенство в первую очередь использовало для обеспечения поддержки польским клерикально-консервативным элементам из числа крупных помещиков при выборах в рейхстаг и прусский ландтаг.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 118.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 460.

Путём полицейских преследований католицизма, как писал впоследствии В. И. Ленин, — «...Бисмарк только *укрепил* воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры...»[1].

Под шум, вызванный «борьбой за культуру», Бисмарк намеревался осуществить германизацию польских земель. Он сам в дальнейшем признавал, что «культуркампф» был «направлен больше против полонизма, чем против католицизма». Крупнейшим шагом, предпринятым против коренных польских национальных интересов, явилось онемечивание школы: с 1872—1874 гг. во всех гимназиях, где до того преподавание происходило на польском языке, единственным языком преподавания стал немецкий, а во всех низших школах допускалось использование польского языка только при преподавании так называемого «закона божьего».

Изгнание польского языка из школы представляло собой важнейший шаг к удушению польской культуры и германизации польских земель. Оно сопровождалось принудительным онемечиванием польских имён и фамилий, переименованием на немецкий лад названий польских городов и деревень. Учителя-поляки стали изгоняться из школ. Употребление польского языка на собраниях вызывало грубые нарекания администрации. Затрагивая интересы всего польского народа, эти меры в сочетании с преследованиями духовенства и последовавшим вскоре полным устранением польского языка в судопроизводстве, местном самоуправлении и в сношениях местных властей с населением вызвали особо острое чувство протеста со стороны крестьян. Для польской деревни её родной язык являлся воплощением национальной самобытности, условием существования. Преследование германизаторами польского языка послужило толчком, приведшим крестьянство к активному противодействию всей прусско-германской политике. Ввиду слабости польского пролетариата на землях прусского захвата в авангарде борьбы против национального гнёта здесь оказалось именно крестьянство. «Крестьяне, раньше равнодушные к национальному движению, стали националистами, когда немецкое правительство затронуло их права на родной язык»[2].

Не польская буржуазия, слабая в Познаньщине и других землях прусского захвата, и не помещики, которым главным образом противодействие и заносчивость прусского юнкерства мешали онемечиться, а польское крестьянство оказалось силой, сорвавшей германизацию польских земель, находившихся под прусским владычеством. Польское крестьянство Познаньщины, Поморья, Западной Пруссии, Силезии, польской части Восточной Пруссии ответило на поход немецких националистов против самих устоев существования польского народа упорной защитой своего языка и своей земли. Изучая положение поляков на территории прус-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 372.
[2] Ленинский сборник, XXX, стр. 77.

ского захвата в конце XIX — начале XX в., В. И. Ленин отметил и выделил имеющий важное историческое значение факт «... *передвижения* национального движения сверху (от шляхты) вниз (к крестьянству)»[1].

Национальное движение польского крестьянства особенно усилилось и окрепло, когда прусские юнкеры и помещики дополнили свою политику войны против польского языка попытками подрыва и ликвидации польской экономики, польского хозяйства на землях прусского захвата.

Провал «культуркампфа», рост рабочего движения в Германии, переход к политике исключительных законов против социалистов и заинтересованность в сотрудничестве с католической церковью — мощной силой реакции — побудили германское правительство отделить католический вопрос от польского. Пойдя на примирение с католической церковью, германские поработители замыслили прибегнуть к политике массового изгнания поляков, ликвидации польского землевладения и заселения польских земель немецкими колонистами. Серию соответствующих мероприятий открыло правительственное распоряжение от 26 марта 1885 г. о высылке из Пруссии всех поляков, не являвшихся германскими подданными. До конца 1885 г. высылке подверглось более 30 тыс. человек, многие из которых родились и безвыездно жили на территории прусского захвата. Затем прусское правительство выступило с проектом создания фонда в целях скупки принадлежащей полякам земли и передачи её немецким переселенцам. Принятый 26 апреля 1886 г. в соответствии с этим предложением закон «о внутренней колонизации польских провинций Пруссии» предусматривал образование Колонизационной комиссии, в распоряжение которой отпускалось 100 млн. марок.

Колонизационная комиссия, прикрываясь лживыми фразами об «оттеснении немецкого элемента польским», без промедлений приступила к своему делу. Уже к концу 1886 г. ей удалось скупить за 7 млн. марок до 12 тыс. *га* земли. В сделки с Колонизационной комиссией охотно вступали польские аристократы, прельщённые возможностью выгодно сбыть свои имения. На месте польских имений, скупленных Колонизационной комиссией, возводились поселения немецких колонистов.

Новая фаза германизации таила в себе опасность обезземеливания польского крестьянства и превращения его в бесправных, угнетаемых, обречённых на вымирание париев. Если часть польских помещиков продала свои земли Колонизационной комиссии, если другая часть помещиков стала создавать общества взаимного кредита с целью поддержать имения, владельцы которых находились в затруднительном финансовом положении, то только польское крестьянство в жестокой борьбе за сохранение экономической основы своего существования прибегло к активной защите

[1] Ленинский сборник, XXX, стр. 75.

своего землевладения и к противодействию немецкой колонизации всеми законными способами. «Немецкая переселенческая политика открыла борьбу крестьян за польскую землю», — отмечал В. И. Ленин в одном из своих конспектов [1]. «Дворяне, — писал он дальше, — не сумели бороться против, но крестьяне (объединившись в союзы, кредитные товарищества и пр.) сумели. Крестьяне и пр. создали польские банки, которые бросились на земельные операции»[2].

Для того чтобы противостоять натиску германского государства, польское крестьянство земель прусского захвата было поставлено перед необходимостью сорганизоваться и объединить свои силы в различные кредитные товарищества и союзы, ссудные кассы, кооперативы и т. д. Естественно, что, несмотря на массовый охват польского крестьянства, эти организации служили в первую очередь и главным образом интересам деревенской буржуазии. Весьма видную роль во всех этих союзах и товариществах играло духовенство, составлявшее основную образованную силу деревни. «Крестьянские и рабочие союзы поляков по форме демократичны. На деле полная олигархия *попов*»[3], — отмечал там же В. И. Ленин.

Руководство церковников и кулаков ограничивало крестьянскую «борьбу за землю» узкими рамками экономической деятельности, скупкой земли, распродажей её среди поляков, выдачей ссуд и т. п. и мешало политическому самоопределению крестьянства, освобождению его от влияния консервативных помещичьих групп. В значительной, подавляющей своей части выгодами от крестьянских организаций и проводившейся ими мобилизации земель воспользовалось кулачество. Кое-что выиграли и польские помещики: повышение цен на землю, вызванное конкуренцией польских обществ с Колонизационной комиссией, улучшало положение крупного землевладения. Некоторое усиление польской деревенской буржуазии происходило параллельно росту средних слоёв — мелкой и средней польской буржуазии и буржуазной интеллигенции городов.

Через несколько лет после образования Колонизационной комиссии прусские власти убедились, что им не удалось добиться каких-либо существенных успехов в подрыве польского землевладения. После краткого периода «примирительной» политики во время канцлерства преемника Бисмарка Каприви (1890—1894), антипольская политика приобрела ещё больший размах.

Глубокие изменения в экономической структуре Германии, сближение интересов юнкерства и буржуазии, рост колониальной экспансии, милитаризма и внешнеполитической агрессии находили своё выражение и в усиливавшейся антипольской пропаганде.

---

[1] Ленинский сборник, XXX, стр. 79.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 81.

Подлинным центром этой пропаганды и сопровождавших её гонений на поляков стал образовавшийся в 1894 г. Пангерманский союз. Выдвигая и разрабатывая планы международной агрессии, Пангерманский союз изображал поляков как внутреннего врага, полное сокрушение которого должно стать первоочередной задачей всей германской политики. Для руководства всем инспирированным германскими империалистами антипольским движением возникло специальное «Общество для поддержки немцев в восточных провинциях». По начальным буквам фамилий учредителей — Ганземана, Кеннемана и Тидемана — это общество получило ходячее название «Гаката».

«Гаката» вела гнусную националистическую кампанию против поляков. Антипольская пропаганда, поддерживаемая и вдохновляемая правительственной печатью, министрами, кайзером, экс-канцлером Бисмарком, военщиной, юнкерами, капиталистами, буржуазными учёными, становилась как бы своеобразной школой немецкого шовинизма, непременным элементом воспитания немецкой молодёжи в духе национального превосходства и пренебрежения к другим народам.

В удушающей обстановке «гакатизма» в польской политической жизни наметились некоторые сдвиги. Помещичье-консервативные круги, нераздельно господствовавшие в «польском коло» в рейхстаге и прусском ландтаге, проводили угодническую политику в отношении германского империализма, за что заслужили в польских либеральных кругах прозвище «придворной партии». Когда в 1893 г. в рейхстаге создалось два враждовавших блока, из которых ни один не мог получить перевеса без поддержки «польского коло», то «коло» отдало свои голоса правительственной программе усиления германского военно-морского флота и при этом даже не выдвинуло таких элементарных национальных требований, как требования о ликвидации Колонизационной комиссии или о восстановлении преподавания на польском языке. Поведение польских консерваторов вызвало глубокое возмущение среди крестьян и польских городских торгово-промышленных элементов. С помощью духовенства консерваторам удалось сохранить роль главной польской политической силы, но их влияние стали оспаривать националистические группы, находившиеся под идейным воздействием национал-демократов. Органом этих групп отразивших интересы польской деревенской буржуазии и средних слоёв городского населения, стала газета «Oredownik» («Заступник»), ранее стоявшая на лойяльных по отношению к правительству позициях.

К 80-м годам относится появление на землях прусского захвата первых рабочих кружков, организаторами которых были преимущественно выходцы из Королевства Польского. Прусские власти всячески препятствовали организации рабочего движения. Но непрерывное увеличение численности польского пролетариата в Силезии, а также в индустриальных центрах Западной Герма-

нии и в Берлине постепенно способствовало росту политического самосознания польских рабочих.

Однако национальный гнёт отвлекал польских рабочих от классовой борьбы и создавал почву «...для лживой проповеди о «гармонии интересов», для затушёвывания классовых интересов пролетариата, для духовного закабаления рабочих»[1]. Политику духовного закабаления рабочих проводили католическая церковь, польские буржуазно-националистические и социал-националистические группы.

В 1893 г. на территории прусского захвата сложилась Польская социалистическая партия (ППС). Маловлиятельная, она в течение ряда лет являлась частью общегерманской социал-демократии.

Германская социал-демократия стремилась привить польским рабочим представление о том, что их коренные интересы не имеют ничего общего с вопросом о самостоятельном национальном польском государстве и идут по линии, всецело совпадающей с линией германской социал-демократии, которая всё в большей степени превращалась в оппортунистическую, реформистскую партию. В своих выступлениях по польскому вопросу К. Каутский, слывший в 90-х годах «ортодоксом» марксизма, убеждал польских трудящихся, что польское национально-освободительное движение вполне закономерно и естественно в Королевстве Польском, но что в Галиции или на землях прусского захвата оно якобы угрожает интересам прогресса. Ввиду отказа лидеров германской социал-демократии от защиты национальных интересов польских трудящихся и превращения их в агентуру германского империализма, польские рабочие западных польских земель видели в германской социал-демократии враждебную им силу. Правда, подавляющее большинство германских пролетариев относилось сочувственно к тяжёлому положению польского народа и оставалось глухо к призывам шовинистов. В самой германской социал-демократии были группы, осуждавшие сползание на позиции реформизма, оппортунизма, национализма. В этих группах видную роль, наряду с Кларой Цеткин, Францем Мерингом и другими, играли находившиеся в Германии польские деятели — Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Л. Тышка. Польские социал-демократы в Германии, много сделавшие для установления дружеских отношений между польским и немецким народами, занимали позиции на левом фланге германской социал-демократии и стяжали себе заслуженное уважение международного рабочего движения борьбой против бернштейнианства. Но в этой борьбе они не были последовательными и сами допускали грубейшие ошибки, в частности в национальном вопросе. Отказывая польскому народу в праве на национальное самоопределение, они не считали нужным вести особую работу по сплочению

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 309.

польских трудящихся на западных землях. Пользуясь этим, здесь подвизались социал-националисты из ППС Королевства Польского. Руководители германской социал-демократии тем охотнее поощряли происки агентуры ППС, что эта последняя свой национализм обращала лишь против России и русского революционного движения. ППС Германии фактически превратилась в представительство ППС Королевства Польского и социал-демократической партии Галиции и Силезии.

ГЛАВА XVIII

Подъём рабочего движения в Королевстве Польском в 1901—1904 годах

На переломе от «свободного» капитализма к империализму, в конце XIX в., Европа была охвачена промышленным кризисом. В первые годы XX в. этот кризис распространился на Россию, а в том числе — и на Королевство Польское. Отдельные предприятия стали закрываться, разорялись мелкие ремесленники и кустари, усилилась безработица. Вместе с тем в целом промышленное производство продолжало расти за счёт увеличения норм выработки, интенсификации производства и других методов эксплоатации пролетариата.

Королевство Польское в промышленном отношении прочно занимало по размерам производства третье место среди промышленных районов России и было теснейшим образом связано со всей остальной империей. За переходное время от «свободного» капитализма к империализму резко возросли число рабочих и годовая продукция промышленности королевства. С 1877 по 1903 г. число предприятий возросло с 8,3 тыс. до 13,2 тыс., т. е. на 58%, число рабочих — с 90,7 тыс. до 252,1 тыс., т. е. на 178%, а годовая продукция — со 103,4 млн. руб. до 420,4 млн. руб., т. е. 316%. Эти данные свидетельствуют о концентрации производства. Крупные промышленные предприятия и объединения полностью господствовали в польской промышленности. Акционерные компании и банки, сросшиеся с промышленностью, захватившие руководство ею, входили в систему всероссийских финансово-монополистических объединений, а частично принадлежали иностранному капиталу.

Переход к империализму ознаменовался повсеместным наступлением реакции.

Царизм усиливал национальный гнёт. «Стонут угнетённые нации и вероисповедания в России, — писал И. В. Сталин в 1901 г. в грузинской газете «Брдзола», — в том числе гонимые со своей родины и оскорблённые в своих святых чувствах поляки...»[1].

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 22.

Ухудшение условий существования вызывало отпор со стороны польских рабочих. Значительное влияние на них оказывало расширявшееся революционное движение русского пролетариата: «Обуховская оборона» 1901 г., забастовка и демонстрация рабочих в Батуме в 1902 г. и крестьянские движения на Украине и в Поволжье.

Революционные выступления рабочих и крестьян показывали, что в России назревает и близится революция. В авангарде революционной борьбы русского пролетариата шла ленинская «Искра», развернувшая широкую кампанию за революционную социал-демократию, против всех и всяких оппортунистов. В своей знаменитой книге «Что делать?» (1902) В. И. Ленин разработал идеологические основы марксистской партии, разгромил идеологию оппортунизма, показал, что история поставила перед российским пролетариатом ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было страны — свержение царизма и установление демократических порядков, что сделало русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата.

Влияние В. И. Ленина, ленинской «Искры», ленинских идей давало себя знать в польском рабочем движении, усиливало тяготение его передовых кругов к союзу и дружбе с русским рабочим классом. СДКПиЛ ещё энергичнее, чем раньше, указывала польским рабочим на единство их интересов с интересами их русских братьев, всех трудящихся обширной России. В первомайском воззвании 1903 г. СДКПиЛ писала: «Во всём государстве царя, от границ польских до Сибири, от Невы до Кавказа — всюду бурлит рабочий люд... Не сами идёте на борьбу, революционная армия выросла во всей России, сотрясается уже непрочная стена царской неволи... Не сами идёте на борьбу — пролетарии всех народностей и всей России идут с вами...»

Вдохновляя польский пролетариат примером борьбы российского пролетариата, воспитывая польских рабочих в духе интернационализма, СДКПиЛ выдвигала вслед за Лениным и ленинцами общую всем пролетариям России задачу низвержения самодержавия и социальной революции.

Встревоженная заметным подъёмом рабочего движения, польская буржуазия всё в большей степени льнула к самодержавию. Основная буржуазная партия — эндеки — выдвинула в 1903 г. новую программу, содержащую в себе не требования независимости и подготовки освободительного восстания, как то указывали документы партии в 90-е годы, а лишь использования легальных средств в борьбе за расширение прав польского народа. Своё сближение с царизмом эндеки пытались прикрыть шовинистической пропагандой, показной борьбой за культурные и иные интересы польского народа, якобы осуществимые на почве сотрудничества с властями.

Тогда как крупная буржуазия всё плотнее смыкалась со всей системой русского военно-феодального империализма, низы буржуазной интеллигенции, в связи с неуклонно проводившейся русификацией лишённые доступа в администрацию, учебные заведения и т. п., мелкая буржуазия, испытывавшая конкуренцию развивавшейся крупной промышленности, видели своё спасение в быстрейшем отделении от России, в освобождении Королевства Польского из-под власти царизма. Для этих кругов идеалом политического устройства представлялась Галиция.

Мелкобуржуазные элементы в большинстве своём примыкали к ППС. Становясь «социалистами», они намеревались использовать пролетариат для завоевания «независимости», для отделения от революционной России и создания «национального» буржуазно-помещичьего государства. Признанным вожаком этих буржуазных националистов, рядившихся под социалистов, был Юзеф Пилсудский. Ярый враг социализма, Пилсудский ненавидел русское революционное движение и в своих выступлениях неизменно отождествлял царизм с Россией и русским народом, культивировал звериную злобу ко всему русскому.

В ППС всё в большей степени росли влияние и роль «Боевой организации», создававшей военно-террористические группы и навязывавшей партии тактику индивидуального террора, диверсий и саботажа по отношению к царизму и всем его представителям. Эта тактика отвлекала трудящихся от борьбы с классом угнетателей, со всей системой угнетения и переключала их революционную энергию на борьбу с отдельными представителями господствующей системы. Вместо того чтобы ориентировать польский народ на совместную с русским народом борьбу за низвержение самодержавия и буржуазно-помещичьего господства, такая тактика, вытекавшая из классовых позиций руководства ППС, уводила рабочий класс в сторону мелких частных выступлений и в конечном счёте больше подрывала силы самого рабочего класса, чем его врагов. Но привлечённые возможностью прямыми и непосредственными действиями выразить свою лютую ненависть к царизму, многие классово несознательные рабочие позволяли ППС вовлекать их в «Боевую организацию».

Подготавливая свои террористические группки, главари ППС с опасением отмечали влияние подъёма русского революционного движения на польский пролетариат. Как самого опасного врага они рассматривали создававшуюся В. И. Лениным марксистскую партию русского рабочего класса. В своей агитации и пропаганде они клеветнически утверждали, будто русская социал-демократия не желает освобождения Польши и призывает поляков терпеливо сносить национальный гнёт, так как этого якобы требуют интересы русской социальной революции

В ответ на такого рода статью, напечатанную в выходившем в Кракове органе ППС «Przedświt» («Перед рассветом»), В. И. Ленин в июле 1903 г. опубликовал в «Искре» статью «На-

циональный вопрос в нашей программе», содержащую в себе всестороннюю постановку польского вопроса применительно к эпохе империализма и пролетарских революций.

Изложение своих взглядов и критику позиции ППС в национальном вопросе Ленин начал с общего рассмотрения отношения пролетариата к вопросу о самоопределении наций. Он указал, что всякое абстрактное, огульное требование национального самоопределения, исходящее из одних нравственных принципов самоопределения, порывает с исторической почвой и оказывается несвязанным с классовой борьбой пролетариата. «Интересам именно этой борьбы, — писал Ленин, — должны мы *подчинять* требование национального самоопределения. В этом именно условии и состоит отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его»[1].

Переходя к рассмотрению положения Польши, Ленин отметил, что особые социальные условия прежде сделали из Польши революционную часть России, Австрии и Пруссии. Поэтому Маркс и Энгельс рассматривали борьбу за независимость Польши как самый верный способ поколебать реакционные режимы в угнетавших Польшу странах. Но, указывал Ленин, «...теперешнее положение польского вопроса коренным образом отличается от того, что было 50 лет тому назад»[2]. «*Тогда* революционною была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства... *Тогда* Польша была действительно оплотом цивилизации против царизма, передовым отрядом демократии. *Теперь* правящие классы Польши, шляхта в Германии и Австрии, промышленные и финансовые тузы в России выступают в качестве сторонников правящих классов в угнетающих Польшу странах...»[3].

В России, в отличие от прежнего положения, сложился пролетариат, который оказался в авангарде международного революционного движения. Искусственное разделение между борьбой польского пролетариата и борьбой русского пролетариата ставило бы в неблагоприятное положение в первую очередь польский пролетариат, как более слабый, уменьшало бы его шансы на победу, приводило бы к распадению революционных сил и в конечном счёте способствовало бы продлению существования самодержавия и господства русских и польских капиталистов и помещиков. Поэтому, писал Ленин, «...мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения»[4].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 414.
[2] Там же, стр. 417.
[3] Там же, стр. 416.
[4] Там же, стр. 420.

Исходя из анализа положения различных классов в Польше и в России, Ленин пророчески указывал, что «...восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно...»[1]. Он с возмущением отвергал гнусные инсинуации главарей ППС по поводу того, что русская социал-демократия якобы предлагает полякам ждать социальной революции, а до того терпеливо сносить национальный гнёт: «Это прямая неправда, — писал Ленин. — Не только не советовали никогда ничего подобного русские социал-демократы, а, напротив, они сами борются и зовут весь русский пролетариат бороться против всякого национального гнета в России, они ставят в *свою* программу не только полную равноправность языка, национальности и проч., но и признание права за каждой нацией самой определить свою судьбу»[2]. Программа русской социал-демократии, указывал Ленин, «...нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна»[3].

Так Ленин ориентировал польский рабочий класс на боевой революционный союз с русским рабочим классом, констатировал переход правящих польских классов на сторону угнетателей Польши, устанавливал прямую зависимость дела национального освобождения Польши от победы пролетарской революции и доказывал, что польский вопрос может быть разрешён только в условиях пролетарской революции в России. «...свобода Польши, — формулировал Ленин, — невозможна без свободы России»[4].

Взгляды В. И. Ленина по польскому вопросу являлись частью ленинского учения по национальному вопросу. Они давали польскому рабочему движению величайшую революционную теорию, вооружали польский рабочий класс пониманием целей, задач и методов его борьбы. Но у польского пролетариата не оказалось партии, способной подняться до восприятия ленинской теории.

Главари ППС продолжали свою антинародную, контрреволюционную националистическую пропаганду в рабочем классе. СДКПиЛ боролась с ППС, но оставалась на своих неправильных позициях по национальному и другим вопросам.

В период подготовки созыва II съезда РСДРП руководящие органы российской социал-демократии поставили перед СДКПиЛ вопрос о её отношении к РСДРП. Происходивший летом 1903 г. IV съезд СДКПиЛ решил на определённых условиях объединиться с РСДРП. В соответствии с этим, II съезд РСДРП, собравшийся в июле 1903 г., постановил пригласить на съезд делегатов от СДКПиЛ, предоставив им совещательный голос. Делегаты от СДКПиЛ выступили против утверждения разработан-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 417.
[2] Там же, стр. 419.
[3] Там же, стр. 418.
[4] Там же, т. 15, стр. 241.

ной Лениным программы партии ввиду того, что в ней содержался пункт о признании права наций на самоопределение. Упорствуя в своих заблуждениях, они утверждали, что самоопределение Польши невозможно и что включение этого пункта в программу РСДРП является «уступкой» национализму, в частности — ППС. «Возражение против этого требования в программе — было равносильно предложению — отказаться от пролетарского интернационализма, стать пособником национального гнёта»[1]. Съезд принял предложенную Лениным программу. Представители СДКПиЛ покинули съезд. Они не пожелали считаться с доказательствами Ленина и ленинцев о том, что вопрос о праве наций на самоопределение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Разъясняя ленинскую национальную программу российской социал-демократии, И. В. Сталин указывал, что пролетариат господствующей национальности должен бороться за представление угнетённым национальностям возможности самоопределения, но после получения права на самоопределение «чужая» национальность сама должна решить, полезна или вредна для неё «национальная независимость» и если полезна, то в какой форме следует её осуществить[2].

После съезда лидеры СДКПиЛ, продолжая борьбу с ленинцами по национальному вопросу и по организационному вопросу, приблизились к позиции противников Ленина — меньшевиков. Р. Люксембург, отдавшаяся работе в германской социал-демократии, но продолжавшая идейно руководить СДКПиЛ, вмешалась в борьбу ленинцев-большевиков с меньшевиками и высказалась против большевиков. «При этом было брошено обвинение по адресу большевиков в ультрацентрализме и бланкистских тенденциях. Впоследствии эти пошлые и мещанские эпитеты были подхвачены меньшевиками и разнесены по всему миру»[3].

Р. Люксембург не понимала руководящей роли партии в революционной борьбе рабочего класса. Она навязывала СДКПиЛ тактику стихийности. Как и Р. Люксембург, партийное руководство —Главное правление СДКПиЛ — находилось в Берлине и было плохо связано с местными организациями. Против такого положения выступил бежавший из ссылки Ф. Дзержинский. Ему удалось оживить партийную жизнь, создать нелегальный партийный орган «Czerwony Sztandar» («Красное знамя»).

Вопреки многим ошибочным теориям своих руководителей, СДКПиЛ в своей практической деятельности оказывалась ближе к большевикам, чем к меньшевикам. В СДКПиЛ выросли такие выдающиеся деятели, как М. Каспшак, захваченный царизмом во время стычки с полицией, обнаружившей партийную

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 40.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 51—52.
[3] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 353—354.

подпольную типографию; он был повешен в 1905 г. по приговору царского суда.

Русско-японская война 1904—1905 гг. и продолжавшийся подъём русского рабочего движения сопровождались ростом массового рабочего движения в Королевстве Польском. В то время как меньшевики в России скатывались на позицию поддержки царизма в его борьбе с Японией, СДКПиЛ приближалась к ленинской оценке войны и задач рабочего класса. Она выдвинула лозунги: «Долой войну! Долой самодержавие!»

Главари ППС, пытаясь отвратить надвигавшуюся революцию, намеревались использовать русско-японскую войну для организации националистического восстания. Руководитель «Боевой организации» ППС Пилсудский отправился в Токио, где вёл переговоры с японским генеральным штабом о сотрудничестве. Авантюристические планы ППС чрезвычайно напугали польских прислужников царизма. Лидер эндеков Роман Дмовский поторопился в Токио уверить японцев, что восстание не встретит поддержки среди населения и не причинит вреда царизму. Так польские националисты пресмыкались перед империалистами — одна группа целиком связывала себя с русским военно-феодальным империализмом, а другая — с его империалистическими противниками. Это различие в ориентировке не мешало верхам ППС и эндеков вступать в контакт между собой и с русскими буржуазными и мелкобуржуазными партиями — кадетами, эсерами и др.

Только СДКПиЛ занимала классовую, революционную позицию и ориентировала польский рабочий класс на боевой союз с русским пролетариатом в назревавшей в России революции. В самом королевстве нарастала революционная активность масс. Учащались забастовки и демонстрации. В декабре 1904 г. в ряде промышленных городов произошли вооружённые столкновения между рабочими и войсками — это были отклики на славную стачку руководимых И. В. Сталиным бакинских пролетариев, которая послужила сигналом к революционным выступлениям по всей России.

ГЛАВА XIX

Революция 1905—1907 годов в Королевстве Польском

Расстрел мирной рабочей демонстрации в Петербурге 9 (22) января 1905 г. послужил началом революции в России.

На следующий день после петербургских событий СДКПиЛ призвала польский рабочий класс ко всеобщей политической забастовке. Партия рекомендовала рабочим бороться за политические и экономические права, добиваться преобразования России в демократическую республику, которая обеспечит самоуправление или автономию для Польши, созыва Учредительного собра-

ния, увеличения заработной платы, установления 8-часового рабочего дня. СДКПиЛ нацеливала польский рабочий класс на развёртывание революции, на победу русского рабочего класса.

Иной тактической линии держалась ППС. Она нацеливала польский рабочий класс на изоляцию от революции в России и рекомендовала ограничиться узконациональной задачей — созывом польского сейма. Такая тактическая линия не имела ничего общего с интересами социального и национального освобождения Польши, которое не могло произойти без разгрома царизма и поддерживавших его помещиков и капиталистов, т. е. без победы русской революции.

С 27 января 1905 г. по почину варшавских рабочих в большинстве промышленных центров королевства начались массовые забастовки. Во многих местах забастовки сопровождались кровавыми столкновениями с войсками. Расстрелы забастовщиков и демонстрантов не сломили рабочих. Власти и капиталисты сочли за лучшее пойти на некоторые уступки: несколько повысить грошовую заработную плату, сократить рабочий день, признать рабочие комитеты (фабричные делегации) на предприятиях. Январские и февральские стачки укрепили силы рабочего класса Польши, показали ему общность интересов и действий рабочих России и Польши, привели к росту влияния СДКПиЛ в массах.

Борьба рабочего класса нашла отклик в деревне и усилила движение польской интеллигенции, особенно учащейся молодёжи.

В деревне под впечатлением рабочих выступлений произошли стачки сельскохозяйственных рабочих и батраков, охватившие свыше 20 уездов из общего количества в 83. Широкие круги бедняцкого и середняцкого крестьянства стали на путь открытой порубки помещичьих и казённых лесов, использования помещичьих и казённых пастбищ, введения польского языка в гминном делопроизводстве и т. д. Но за исключением одиночных случаев СДКПиЛ не пыталась оказать крестьянству и сельскохозяйственным рабочим помощь со стороны пролетариата и продолжала отрицать политику революционного союза рабочих и крестьян.

Без прямого влияния СДКПиЛ оставила также борьбу учащейся молодёжи, с февраля до мая 1905 г. не посещавшей руссифицированных средних учебных заведений. В апреле и мае царское правительство увидело себя вынужденным пойти на удовлетворение некоторых польских требований в отношении права пользоваться родным языком и пообещать городское и земское самоуправление.

В день 1 мая в Варшаве и других городах происходили большие рабочие демонстрации. Организатором грандиозной для того времени 20-тысячной варшавской демонстрации являлся Ф. Дзержинский. «В Варшаве в результате расстрела демонстрации было несколько сот убитых и раненых. На расстрел в Варшаве рабочие по призыву польской социал-демократии ответили общей забастовкой протеста. В течение всего мая не прекращались

Разгон демонстрации в Варшаве в 1905 г.

стачки и демонстрации». С исключительным упорством вели борьбу лодзинские рабочие. «Особенно острый характер приняла борьба в крупном промышленном центре Польши — городе Лодзи. Рабочие Лодзи покрыли городские улицы десятками баррикад и три дня (22—24 июня 1905 г.) вели уличные бои с царскими войсками. Вооружённое выступление слилось здесь с общей забастовкой. Ленин считал эти бои первым вооружённым выступлением рабочих в России»[1]. Ленин восторгался подвигами «...геройского пролетариата геройской Польши...»[2].

Лодзинское рабочее восстание, вызвавшее широкое движение солидарности в Петербурге, Москве, Варшаве, привело к окончательной поляризации сил и полному выявлению роли отдельных классов и партий в королевстве. Главари ППС заняли в отношении лодзинских событий изменническую позицию, срывали забастовки и выступали против восстания. Они пытались отвлечь рабочий класс от революционной борьбы развёртыванием индивидуального террора и экспроприаций. Часть рабочей молодёжи, не находившая удовлетворения своим национальным чувствам в деятельности СДКПиЛ, давала себя втягивать в диверсионно-террористические акты, которым главари ППС пытались придать окраску партизанской войны с самодержавием. Многие из «бое-

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 57.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 506.

Баррикады на улицах Лодзи, 1905 г.

вых» выступлений ППС оказывались просто уголовными преступлениями. Всей своей деятельностью главари ППС причиняли огромный вред польскому рабочему классу. Они затемняли в сознании масс классовый характер происходивших событий.

Польская буржуазия перед лицом взявшегося за оружие рабочего класса искала «... сближения с господствующими классами в России и с царской монархией *из боязни* перед революционным пролетариатом ...»[1].

Эндеки открыто заняли процаристскую позицию. Они старались создать свою агентуру в рабочем классе и крестьянстве, по примеру русских черносотенцев формировали дружины погромщиков, устраивали избиения передовых рабочих, социал-демократов, евреев. Прямой агентурой эндеков в рабочем классе явился созданный ими «Национальный рабочий союз»; под их влиянием находилась также образованная весной 1905 г. крестьянская по составу организация «Польский народный союз». В королевстве польская буржуазия выступала как передовой отряд контрреволюционных классов России.

Только СДКПиЛ отстаивала интересы рабочего класса и всех трудящихся Польши. Она проводила тактику боевого революционного союза польского рабочего класса с русским рабочим классом, добивалась свержения царизма, создания подлинно демократического режима в России, который обеспечил бы автономию Польши. Значительное влияние на её работу оказывал опыт русского рабочего движения, партия большевиков. Для руководства борьбой польского рабочего класса в королевство возвратились

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 214.

Ю. Мархлевский и Р. Люксембург. После кратковременного ареста ей пришлось уехать в Германию.

Успехи СДКПиЛ обесценивались ввиду отсутствия у партии правильной революционной теории. Руководство партии боролось против тактических основ марксистской партии, разработанных Лениным, принятых III съездом РСДРП и обоснованных Лениным в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Как известно, в этой работе Ленин выдвинул теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Созданием этой теории Ленин обогатил марксизм и заложил основы той революционной тактики, при помощи которой пролетариат нашей страны одержал в 1917 г. победу над капитализмом.

Руководители СДКПиЛ не только не оценили великого исторического значения новой ленинской теории, но повели против неё борьбу. Совместно с германским левым социал-демократом Парвусом Р. Люксембург сочинила «... утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства... В дальнейшем эта полуменьшевистская схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма»[1].

Заняв антиленинскую позицию в понимании вопроса о характере и движущих силах революции, СДКПиЛ не смогла до конца использовать революционные возможности польского пролетариата и не мобилизовала его резервы и союзников в лице крестьянства и мелкой буржуазии городов. Ряд руководителей партии, оставаясь в плену теории стихийности и рассматривая всеобщую стачку как высшую форму революционной борьбы, не уделял необходимого внимания организационной и технической работе, полагаясь на самотёк, принижал роль партии и тем самым мешал использованию всех сил рабочего класса и направлению всей его борьбы в сторону подготовки вооружённого восстания. В то же время в партии росли руководители большевистского типа, стоявшие на ленинских позициях. К числу таких деятелей, в первую очередь, принадлежал Ф. Дзержинский. Арестованный в июне 1905 г., но освобождённый из-под ареста в октябре, он неутомимо организовывал стачки, демонстрации и другие выступления рабочих, создавал местные партийные организации, руководил ими, объезжая всю страну.

С осени 1905 г. массовое движение вступило в новую фазу, приближался решающий период революции. Польская буржуазия, представленная «угодозцами», образовавшими «партию реальной политики», эндеками и др., полностью и безоговорочно сотрудничала с самодержавием в деле борьбы с революцией.

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 354.

ППС изнутри подрывала рабочее движение, всячески пыталась увести его в русло «общенациональных» задач, навязывала ему террористические выступления и т. п. Но и внутри этой партии происходили значительные сдвиги. Немало рядовых рабочих, вовлечённых в ППС, давило на партийное руководство, требуя от него участия в классовых боях русского и польского пролетариата. В 1905 г. руководство ППС перешло к «левым».

В ноябре 1905 г. царское правительство объявило Польшу на военном положении. Репрессии, сыпавшиеся на польский пролетариат и передовые круги крестьянства, усилились. В знак солидарности с польскими трудящимися рабочие Петербурга ответили политической забастовкой.

В период вооружённого восстания в декабре 1905 г. в Москве польские рабочие широким стачечным движением помогали повстанцам. Особым упорством и организованностью отличалась забастовка в Домбровском каменноугольном бассейне, проведённая под руководством Ф. Дзержинского.

Поражение декабрьского восстания знаменовало собой перелом в развитии революции. Во всей Польше свирепствовали карательные экспедиции. Всё же в годовщину событий 9 января и в последующие месяцы продолжались массовые забастовки. Предприниматели всё чаще переходили в контрнаступление, отнимая у рабочих сделанные им уступки.

Не ограничиваясь в своей борьбе с революцией мерами репрессий, царское правительство решило прикрыть свою политику созывом Государственной думы. Ещё в начале революции, когда царизм рассчитывал оторвать от революции умеренные слои народа созывом законосовещательной думы, большевики объявили бойкот этой думе. Против большевиков выступали меньшевики, признававшие необходимым участвовать в думе. СДКПиЛ отмежевалась от меньшевиков и по этому вопросу стала на большевистские позиции. Такую же позицию польская социал-демократия заняла во время выборов в I Государственную думу в 1906 г. ППС также бойкотировала выборы, но не из революционных соображений, а лишь в виду нежелания участвовать в общероссийском «парламенте».

На выборах по королевству 30 мест из 32 получили эндеки. Победа эндеков была отчасти следствием бойкота выборов со стороны СДКПиЛ и ППС, отчасти следствием давления на избирателей со стороны предпринимателей, отчасти тем, что, как отмечал В. И. Ленин, в отличие от России, в Польше буржуазия ещё опиралась на некоторые группы трудящихся. «Буржуазия, — писал он, — искусно играя в Польше на национальном угнетении всех поляков, на религиозном угнетении всех католиков, — буржуазия ищет и находит известную опору в массах»[1]. В Государственной думе эндеки совместно с депутатами

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 45.

от «партии реальной политики» составляли национальную фракцию — «польское коло», которая по всем основным вопросам политики выступала вместе с русскими реакционными буржуазно-помещичьими партиями.

По ходу революционных боёв 1905—1906 гг., по ряду практических вопросов СДКПиЛ всё дальше отходила от меньшевиков и приближалась к большевикам. События революции выявили перед самыми широкими массами польского рабочего класса общность интересов русского и польского пролетариата, силу русского пролетариата, его авангардную роль в международном рабочем движении, разбили многие из националистических заблуждений, бытовавших в сознании широких кругов польского народа.

Ф. Э. Дзержинский (Краков, 1911 г.)

В СДКПиЛ усилилось стремление к объединению с РСДРП. Главное правление польской социал-демократии молчаливо отказалось от своей позиции в отношении национальной политики большевиков и вступило в переговоры с руководством РСДРП. На IV Объединительном съезде РСДРП в апреле 1906 г. в Стокгольме СДКПиЛ была принята в состав РСДРП. Это событие Ленин оценил как крупное политическое дело, которое «...в громадной степени усилит мощь пролетариата всех народов России»[1]. На съезде с вождями большевистской партии В. И. Лениным и И. В. Сталиным впервые встретился Дзержинский. Как представитель СДКПиЛ, он вошёл в редакцию центрального органа РСДРП. В связи с этим назначением Дзержинский в течение августа—октября 1906 г. работал в Петербурге, участвуя в заседаниях ЦК РСДРП, а также в заседаниях большевистской фракции Государственной думы. Частые аресты надолго вырывали его из революционной жизни.

Вступление СДКПиЛ в РСДРП открывало новую страницу в польском рабочем движении, создавало возможности для усиления непосредственного влияния большевистской партии и лично В. И. Ленина и И. В. Сталина на польское революционное дви-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 345.

жение. После IV Объединительного съезда СДКПиЛ решительнее прежнего поддерживала большевиков в их борьбе с меньшевиками. Пошла она за большевиками по вопросам о борьбе с буржуазными контрреволюционными партиями и разоблачению либеральных буржуазных партий. После разгона царизмом I Государственной думы СДКПиЛ восприняла указание большевиков об участии в выборах во II Государственную думу и т. д. На V съезде РСДРП (апрель—май 1907 г.) польская социал-демократия была представлена 45 делегатами. «Причём, — как указывает И. В. Сталин, — все поляки определённо примыкали к большевикам»[1].

В выступлении на V съезде РСДРП В. И. Ленин с удовлетворением отметил, что «... мы, большевики, всё время сходились и теперь сходимся с поляками в двух самых коренных вопросах. Во-первых, мы сходимся на том, что во имя социалистических задач пролетариата безусловно необходимо его классовое обособление по отношению ко всем остальным, буржуазным партиям... Во-вторых, мы сходимся на том, что признаём право и обязанность рабочей партии вести за собой на борьбу не только против самодержавия, но и против предательской либеральной буржуазии мелкобуржуазные демократические партии, крестьянские в том числе»[2]. На V съезде РСДРП Ф. Дзержинский был избран в ЦК партии. Принимая деятельное участие в русских партийных делах, Ф. Дзержинский, до последнего своего ареста, произошедшего в сентябре 1912 г., продолжал непосредственно руководить подпольными организациями СДКПиЛ.

3 июня 1907 г. царизм осуществил государственный переворот в интересах помещиков и капиталистов. Царский министр Столыпин покрыл виселицами всю страну. С новым рвением царские палачи злодействовали на польских землях. В пору наступившей реакции усилились колебания и шатания в СДКПиЛ.

В годы первой русской революции резко проявились противоречия между, в основном, пролетарским составом ППС и её буржуазно-националистическим руководством. Эта партия переживала сильнейший идейный разброд. Её лидеры неоднократно меняли свои лозунги и установки. Размах русского революционного движения, солидарность пролетариата России с польскими трудящимися опрокидывали стену, которой социал-националисты пытались отделить польский пролетариат от его русских братьев.

Теряя позиции среди рабочего класса, ППС пыталась укрепиться за счёт крестьянства. Летом 1905 г. она выдвинула аграрную программу. Для современного момента эта программа

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 51.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 422.

допускала национализацию одних лишь удельных, государственных и духовных земель и предусматривала сохранение в незыблемости помещичьей собственности. *«В постановке ближайших целей программа ППС не революционна. В своих конечных целях она не социалистична»*, — писал Ленин[1].

Внутри ППС возросла самостоятельность «боевой организации». Именно после неудачи декабрьского вооружённого восстания в Москве и наступившего перелома в развитии революции националисты из ППС перестали опасаться победы русского пролетариата и решили вовлечь польский пролетариат в националистическое восстание. Лидер галицийских социал-демократов — пилсудчик Дашинский прямо потребовал от ППС преобразования «боевой организации» в «министерство войны», полномочное вести вооружённую борьбу против царизма, за «независимость» Польши. Попытки вызвать национальное восстание являлись антинародной авантюрой, чуждой классовым интересам пролетариата. Укрепление русской и польской контрреволюции неизбежно привело бы к массовому истреблению участников восстания.

Состоявшийся в начале 1906 г. съезд ППС под давлением низов осудил авантюристические планы пилсудчиков. В руководстве партии усилились манёвры «левых», словесно осуждающих пилсудчиков.

Между руководством ППС и «боевой организацией» стали учащаться конфликты. 15 августа 1906 г. «боевая организация» провела «кровавый день» — нападения на полицейских и солдат в Варшаве, Лодзи, Радоме и других больших и малых городах. Терроризм пилсудчиков отвлекал трудящихся от борьбы с угнетателями бесполезными для революции убийствами отдельных прислужников угнетателей и подставлял под удар рассвирепевшего самодержавия много честных польских пролетариев.

Бессмысленность новых жертв, навязывавшихся пролетариату пилсудчиками, вызывала возмущение среди широких кругов ППС. В сознании рядовых социалистов под влиянием русской революции и пропаганды большевиков наметился переход на классовые позиции. По требованию пролетарских элементов собравшийся в ноябре 1906 г. IX съезд ППС распустил «боевую организацию». Пилсудчики не подчинились этому решению и заявили о своём уходе из партии. В марте 1907 г. они создали новую организацию, назвав её ППС — «революционная фракция». В отличие от этой ППС, основное ядро партии стало называться ППС-левица.

ППС-левица объявила своей целью завоевание для Польши «широкой автономии». Не став ни интернационалистической, ни революционной, ППС-левица представляла собой польскую

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 287.

разновидность меньшевизма. Образование ППС-левицы отражало процесс преодоления национальной ограниченности и буржуазного преобладания в польском рабочем движении.

Поражение русской революции 1905—1907 гг. на время отодвинуло возможность национального и социального освобождения польских трудящихся. В то же время революция подтвердила правильность ленинской постановки польского вопроса и практически претворила в жизнь боевой революционный союз русских и польских пролетариев.

ГЛАВА XX

Королевство Польское в годы реакции и подъёма рабочего движения перед первой мировой войной

После нескольких лет застоя, в 1909—1910 гг., начался экономический подъём в России, охвативший также Королевство Польское. Наряду с общим ростом выпуска промышленной продукции и численности рабочего класса продолжались глубокие внутренние изменения в самой структуре капиталистического хозяйства, наметившиеся ещё в конце XIX — самом начале XX в. Происходила концентрация производства, росли монополии, усиливался финансовый капитал, образовывались синдикаты, выступавшие деятельными соучастниками общероссийских организаций финансово-монополистического капитала. Продолжалось и расширялось сращивание русской и польской экономики. Локаутами, террором, голодом польская буржуазия пыталась сломить рабочее движение.

Буржуазная перестройка русской деревни подталкивала развитие капитализма в польском сельском хозяйстве. Наличие ряда пережитков феодализма в польской деревне углубляло и осложняло процесс дифференциации крестьянства.

Торжествуя победу над революцией, царизм усилил руссификаторскую политику в Королевстве Польском. Несмотря на угодливость буржуазно-помещичьего «польского кола» в Государственной думе, правительство отказывало в каких-либо уступках в вопросах языка, преподавания и т. п.

В новых условиях, созданных победой контрреволюции, польские буржуазные партии начали несколько менять свою тактику. Для них оказывается выгодным в отдельных случаях демонстрировать своё неодобрение самодержавию. Внутри партии эндеков стали возникать «фрондирующие» группки. В соответствии с внешнеполитическими планами русского империализма лидер эндеков Дмовский развернул панславистскую и антигерманскую кампанию. Он пытался доказать царскому правительству, что уступками в пользу польской буржуазии оно улучшит положение России по отношению к Германии. После того как

царизм и буржуазно-помещичье большинство III Государственной думы отвергло предложение эндеков о предоставлении королевству автономии, Дмовский сложил депутатские полномочия. Конфликт с царизмом эндеки использовали для укрепления своих позиций в мелкобуржуазных кругах.

Вслед за разгромом революции царизм и буржуазно-помещичьи партии начали большое и разностороннее наступление в области идеологии. Всякого рода грязные и низкие идеи привносились в рабочий класс с целью отравить его сознание, разложить пролетариат идеологически. Духовная реакция свирепствовала в королевстве с неменьшей силой, чем политическая. Но если прямыми и непосредственными носителями последней выступали царские чиновники, то идейно-политическую обработку народных масс царизм проводил руками своих польских союзников — капиталистов, помещиков, церковников, буржуазно-шляхетской интеллигенции.

Националистическая пропаганда, имевшая целью оторвать польских трудящихся от сотрудничества с русскими рабочими и крестьянами, достигла огромных размеров. Откровенно погромный, антипролетарский, черносотенный характер она носила со стороны «Национального рабочего союза» и различных клерикальных, христианско-католических союзов и организаций.

На поводу буржуазных контрреволюционеров шли растерявшиеся, подавленные поражением случайные попутчики революции из числа мелкобуржуазных интеллигентов. Эти элементы сеяли упадочничество и неверие в революцию, изнутри разлагали рабочий класс.

Утратив влияние на рабочий класс, ППС — «революционная фракция», или «фраки», как их обычно называли, начиная с 1908 г., перенесли центр своей деятельности на организацию военных школ и кружков, в которые вербовали молодёжь. «Фраки» обосновались в Галиции, где пользовались покровительством и помощью австро-венгерских властей и использовались австрийцами в шпионских целях. «Фраки» имели свои тайные группы на территории королевства.

ППС-левица всё более явно обнаруживала свою меньшевистскую природу. Потеряв веру в революцию, её лидеры мечтали приспособить рабочее движение к царскому режиму, получить возможность легально защищать самые ограниченные и скромные требования рабочих. Они не допускали возможности нового подъёма рабочего движения и плелись вслед за русскими ликвидаторами. В августе 1912 г. представители «левицы» участвовали в антибольшевистской конференции ликвидаторов, где заявили о готовности к полному объединению с РСДРП (меньшевиков). Проведённый «левицей» депутат в IV Государственную думу примкнул к меньшевикам.

Против ППС-левицы продолжала выступать СДКПиЛ, представлявшая революционное направление в польском рабочем

движении. Но и в руководстве этой партии период реакции породил глубокие колебания. Формально партия поддерживала большевистскую установку на новую революцию, но в действительности её лидеры сползали на позиции меньшевиков. «В политике партии, — писал Ленин, — пошла эра беспринципности и шатаний...»[1]. Руководство партии во главе с Тышкой, опиравшимся на поддержку Р. Люксембург, пыталось воспрепятствовать распространению большевистского влияния на польский рабочий класс и его социал-демократию. Примирительно относясь к ликвидаторству, Главное правление (Центральный комитет) партии подавляло недовольство в партийных рядах своей оппортунистической политикой.

С начала 1911 г., в условиях наметившегося подъёма рабочего движения, против Главного правления выступил ряд организаций СДКПиЛ. «Во главе «бунта», — отмечал Ленин в 1913 г., — стала Варшавская организация, самая важная и сильная и, главное, самая выдержанная в революционном отношении и с 1905 года по сей день занимавшая левое крыло в польской социал-демократии[2]. Проводя фракционную политику, Главное правление выдвинуло против варшавской организации СДКПиЛ ряд клеветнических обвинений и объявила её распущенной. Это был прямой удар против большевизации польского рабочего движения.

Руководство варшавской организации, поддержанное лодзинской организацией, отказалось подчиняться раскольническому решению Главного правления партии. Тотчас же вслед за своим антипартийным актом Главное правление осудило большевиков за их борьбу с ликвидаторами и отказалось от сотрудничества с большевиками и от участия в созывавшейся Лениным большевистской конференции в Праге.

Варшавская организация СДКПиЛ, которую Тышко и компания окрестила как «раскольническую» («розламовскую»), стала сплачивать вокруг себя все здоровые элементы. СДКПиЛ раскололась. Одна группа, во главе с Главным правлением, скатывалась к ликвидаторам, другая, «розламовская», приближалась к большевикам. Беспринципная позиция Главного правления, обвинявшего руководителей «розламовцев» в провокации, расширяла раскол.

«Розламовцы» энергично организовывали поднимающееся рабочее движение. Первомайские стачки 1912 г. в Варшаве показали верность передовых групп польского рабочего класса делу революции, делу пролетарского интернационализма. Мощным толчком к подъёму рабочего движения послужил расстрел приисковых рабочих на Лене и вызванная этой расправой нараставшая волна стачек по всей России. «Выстрелы на Лене, — писал

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 449.
[2] Там же, стр. 450.

Краковское совещание деятелей большевистской партии под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина, 1912 г.

«Червоны Штандар», — попали в пролетариат Польши и России как в один общий организм, вызвали из груди общий крик боли и протеста, как будто одна общая кровь текла в жилах рабочих Польши и России, как будто оживляло их движение одного, общего, великого сердца». Под руководством «розламовцев» прошли выборы по рабочей курии в Варшаве в IV Государственную думу, закончившиеся победой социал-демократов.

Ленин и партия большевиков, сожалея о расколе в СДКПиЛ, полностью солидаризировались с «розламовцами». В ряде печатных и устных выступлений Ленин поддержал «розламовцев». Он опубликовал две статьи в их органах печати — в «Gazeta Robotnicza» и в «Дискуссионном письме»[1]. Переехав в июне 1912 г. на жительство поближе к России, в Краков, В. И. Ленин получил возможность ближе и непосредственно ознакомиться с политической жизнью в Польше. Во время пребывания Ленина в Кракове, а затем в Поронино, близ Закопане, эти места превратились в важнейшие политические центры: тут происходили исторические совещания ЦК большевиков, тут принима-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр., 132—138, 376—383.

лись решения по важнейшим вопросам рабочего движения. Сюда, в Краков, дважды на свидание с Лениным приезжал И. В. Сталин.

«Розламовцы» приветствовали решения Пражской конференции большевиков, положившей начало партии нового типа, партии ленинизма. «Розламовцы» приняли участие в совещании большевиков в Поронино в октябре 1913 г.

В марте 1914 г. «розламовцы» создали новый общепартийный центр — «Краевое правление», выступавшее как руководящий орган партии. «Краевое правление» не представляло собой единого целого и, несмотря на близость к большевикам, не было большевистским. Упорствуя в антиленинской позиции по национальному вопросу, оно продолжало в этом отношении разделять взгляды Р. Люксембург. «Розламовцы» не сделали выводов из написанной в конце 1912 — начале 1913 г. работы И. В. Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия» («Марксизм и национальный вопрос»). В этом выдающемся труде, содержавшем марксистско-ленинское учение по национальному вопросу, давался специальный анализ положения Польши. И. В. Сталин указывал, что «...за последние 50 лет произошли глубокие изменения в сторону экономического и культурного сближения России и Польши». «Это, — предупреждал он, — не исключает, конечно, возможности появления известных внутренних и внешних конъюнктур, при которых вопрос об отделении Польши снова может стать на очередь»[1].

Раскол СДКПиЛ и оформление «розламовской» краевой организации проходили на фоне роста рабочего движения во всей России, массовых забастовок в Варшаве, Лодзи и авангардных революционных выступлений рабочего класса, прерванных первой мировой империалистической войной.

ГЛАВА XXI

Польские земли под прусским игом в период довоенного империализма

Вступление Германии в период империализма сопровождалось глубокими изменениями в экономической структуре страны. Бурно выросли её промышленность, тесно связанная с банками, её внешняя торговля, её вооружённые силы. Германский юнкерско-буржуазный империализм решительно брал ставку на передел мира в целях захвата новых колоний, рынков сбыта и сырья.

Первоочередной задачей своей внутренней политики германские империалисты считали наряду с борьбой с рабочим движением полное удушение польского народа.

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 313.

Германские империалисты рассматривали полное онемечивание польских земель как предварительное и совершенно необходимое условие успешного «натиска на Восток», нового похода против славянских народов.

Преследования польского народа в Германии принимали самые грубые и дикие формы. В 1901 г. в городе Вжесне доведённая до возмущения постоянными придирками и поношениями со стороны учителей-немцев группа детей отказалась изучать «закон божий» по-немецки, вместо практиковавшегося до того времени обучения этому предмету по-польски. Дети были подвергнуты порке.

Воспользовавшись заступничеством возмущённых родителей, власти инспирировали большой судебный процесс. Суд вынес беспощадные, свирепые приговоры родителям избитых и изувеченных детей.

В обстановке неистовой антипольской кампании, поднятой немецкой националистической печатью, Колонизационная комиссия, учреждённая ещё при Бисмарке, получила в 1902 г. новую правительственную субсидию в 150 млн. марок. В том же 1902 г. эта комиссия скупила 22 тыс. *га,* в 1903 г. — 42 тыс. *га,* в 1904 г. — 33 тыс. *га* земли.

Усилия немецких колонизаторов сводились на нет упорной борьбой польского крестьянства. Организованное в кооперативы, кредитные товарищества и т. п., крестьянство энергично противодействовало Колонизационной комиссии, перехватывало у неё продававшиеся участки и поместья, парцеллировало и распродавало их среди зажиточных кругов польского крестьянства. На основании изучения борьбы польского крестьянства за землю Ленин отмечал чрезвычайно характерное явление: «...образование своего рода «крестьянской республики» поляков в Германии в виде тесного сплочения всяческих кооперативов и прочих союзов *польских* крестьян в борьбе за национальность, за религию, за «польскую» землю»[1].

Немецкие империалисты решили поставить поляков даже юридически в неравное положение с другими приобретателями земли. В 1904 г. прусский ландтаг, а за ним и рейхстаг приняли закон, запрещающий всякое поселение на землю без свидетельства местных властей о том, что это поселение не противоречит целям, предусмотренным законом 1886 г. «О внутренней колонизации польских провинций Пруссии». Не запрещая прямо купли-продажи земли поляками, новый закон предоставлял администрации право не допускать возведения построек на приобретённых участках, т. е. делал невозможным хозяйственное освоение этих земель.

Немецкий гнёт всё беспощаднее душил поляков.

Русская революция 1905—1907 гг., революционная борьба в

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 22.

Королевстве Польском способствовали усилению движения протеста против германизации. По западным польским землям прокатилась волна забастовок, охватившая Рацибуж, Катовице, Гнезно, Познань и другие промышленные центры. С осени 1905 г. забастовки и уличные демонстрации стали приобретать ярко выраженный политический характер: рабочие выражали солидарность с русской революцией, требовали демократизации Пруссии, отмены запрещения употреблять польский язык и т. д. 19 апреля 1906 г. во Вроцлаве произошли кровавые столкновения между участниками демонстрации локаутированных рабочих и напавшей на них полицией.

Особые социальные условия на землях прусского захвата и особый характер немецкой угнетательской политики, охватывавший все стороны польской жизни — духовную, политическую, экономическую, — порождали специфические формы национального движения поляков. Наиболее ярким выступлением против разнузданной германизации явилась массовая «стачка» школьников Познаньщины в 1906—1907 гг., охватившая свыше 100 тыс. детей и продолжавшаяся весь учебный год.

Торопясь использовать подавленное настроение широких кругов польского народа, вызванное поражением русской революции 1905—1907 гг., прусское правительство решило перейти к принудительному отчуждению польских земель. Эта исключительная мера, угрожавшая разорением и полным разрушением польского сельского хозяйства, получила силу закона в 1908 г. Тогда же фонд Колонизационной комиссии был увеличен ещё на 275 млн. марок. В том же году был принят закон, запретивший употребление польского языка в общественных собраниях. Временное исключение делалось для местностей, где «иноплемённое» население превышало 60% от общего числа жителей.

Чудовищный национальный гнёт задерживал оформление политически независимого от буржуазии и помещиков движения польских рабочих и крестьян. «Немецкий гнет, — писал Ленин, — сплотил поляков, обособил их, пробудив национализм сначала шляхты, потом буржуа, наконец крестьянской массы...»[1].

Руководящую роль в польском политическом движении играла городская и деревенская буржуазия. Ей удалось организовать и повести за собой широкие круги крестьянства и польского пролетариата. От выборов к выборам росли голоса, подававшиеся за польских буржуазно-националистических кандидатов в рейхстаг и ландтаг. Эти кандидаты, собрав на выборах в рейхстаг в 1898 г. 244 тыс. голосов, на выборах 1903 г. получили 348 тыс. голосов, в 1907 г. — 454 тыс. голосов, а в 1912 г. — 442 тыс. голосов.

Успех польских буржуазных националистов, тесно связанных с действовавшими в Королевстве Польском народовыми демокра-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 422.

тами, в значительной степени был обеспечен оппортунистической и националистической политикой германской социал-демократии. Её руководство, как и большинство руководящих деятелей II Интернационала, отказывало полякам в признании права на самоопределение.

«Некоторые лидеры II Интернационала, — говорит товарищ Сталин, — дошли даже до того, что право на самоопределение превратили в право на культурную автономию, т. е. в право угнетённых наций иметь свои культурные учреждения, оставляя всю политическую власть в руках господствующей нации. Это обстоятельство вело к тому, что идея самоопределения из орудия борьбы с аннексиями рисковала превратиться в орудие оправдания аннексий»[1].

Осуждая великодержавный национализм германской социал-демократии, ППС земель прусского захвата отделилась от неё и стала на выборах противопоставлять её кандидатам своих кандидатов. От этой борьбы германской социал-демократии и ППС в выигрыше оказывались только польские и германские капиталисты. Основательно обвиняя германскую социал-демократию в «социал-гакатизме», ППС прусского захвата всё в большей степени скатывалась к социал-национализму, к превращению в придаток ППС Королевства Польского. Но для польского пролетариата Германии ППС Королевства Польского была чуждой и враждебной партией уже по одному тому, что в своей антирусской политике она была прогерманской партией. Поэтому ППС в польских землях Германии встречала вполне заслуженное ею враждебное отношение со стороны польских рабочих Силезии, Познаньщины и других земель прусского захвата.

СДКПиЛ вела весьма незначительную деятельность на территории прусского захвата, лучшие страницы которой связаны с именем Каспшака, а также с созданной Розой Люксембург в 1902 г. в Познани «Народной газетой». Задавленный нуждой, нещадно эксплоатируемый, угнетаемый во всех своих элементарных национальных нуждах и интересах, польский рабочий в Германии не имел должного партийного руководства. Между тем численность польского пролетариата непрерывно росла по мере того, как Силезия превращалась во второй по значению промышленный район Германии и притягивала к себе обездоленные, пролетаризующиеся слои деревни.

Польская буржуазия в прусском захвате умело использовала выгодное для неё положение и подчинила своему идейно-политическому влиянию широкие круги польских трудящихся. Находившаяся в нелегальном положении «Национальная лига» руководила буржуазно-националистическим движением. Своё влияние буржуазные националисты поддерживали антисемитской и клерикальной агитацией, уличными демонстрациями, голосова-

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 139.

ниями в рейхстаге против правительственных предложений. Но как и для националистов других марок и направлений, «национализм» польской буржуазии на территории прусского государства не мешал ей льнуть к германским империалистам и поддерживать их в главном и решающем вопросе своего времени — развязывании мировой империалистической войны.

ГЛАВА XXII

Польские земли Галиции в период довоенного империализма

Развитие Галиции в период довоенного империализма проходило под знаком возраставших социальных и национальных противоречий.

Экономика страны принимала всё более уродливый, колониальный характер. В то время как по территории Галиция занимала 28% Цислейтании (т. е. австрийской части монархии Габсбургов), а её население составляло 28% населения Цислейтании, на её долю приходилось только 15,8% общего числа промышленных предприятий, 10,1% числа рабочих и всего 5,5% лошадиных сил в двигателях промышленных предприятий.

На территории самой Галиции промышленность концентрировалась в нескольких центрах Западной Украины, где было сосредоточено не менее 70% общего количества промышленных предприятий и до 70% лиц наёмного труда. Количество промышленных предприятий продолжало непрерывно возрастать и к 1912 г. дошло до 4,3 тыс. против 850 в 1903 г. Общее число рабочих превысило 100 тыс. человек, из которых около 17 тыс. работало на горнозаводских предприятиях. Мелких мастерских ремесленного типа с 1—5 рабочими в 1912 г. было около 169 тыс Из этих данных проистекает, что в галицийской промышленности в период довоенного империализма преобладали мелкие предприятия и что в общем развитии она резко отставала от состояния промышленности Королевства Польского или Силезии.

Для галицийской польской буржуазии, несколько окрепшей и усилившейся, чрезвычайно остро стояла проблема рынка. Конкуренция промышленных изделий Чехии и собственно Австрии, а также Германии сужала поле деятельности для галицийской промышленности и ремесла, ограничивала их доходы. Но разрешить важные для неё хозяйственные вопросы без изменения политических условий галицийская буржуазия не могла. Поэтому она ставила вопрос о возведении политических и экономических барьеров между Галицией и остальными землями Австрии; более того, её привлекали планы создания обширного польского государства, которое соединило бы польские земли и обеспечило бы польской буржуазии «свой рынок».

Не без колебаний она начала отходить от Габсбургов, осуждая в первую очередь их политику экономического и политического подчинения Австро-Венгрии милитаристской, промышленно развитой Германии, и вслед за буржуазией Королевства Польского стала тянуться к русскому самодержавию, под властью которого сложился и окреп польский капитализм. «Национализм» галицийской польской буржуазии тянул её к одному из поработителей Польши — царизму, тогда как «национализм» галицийской польской аристократии, шляхты, интеллигенции тянул их в сторону других поработителей Польши — Австро-Венгрии и Германии.

Интересы польской галицийской буржуазии отражала окончательно сложившаяся в 1896 г. национально (народово)-демократическая партия (эндеки). В идейном отношении создание этой партии было подготовлено деятельностью буржуазных националистов из Королевства Польского. Галицийские эндеки добивались по меньшей мере такого изменения автономии Галиции, которое отдавало бы её в распоряжение буржуазии. Они вели систематическую ожесточённую травлю украинцев и евреев и разжигали националистические настроения среди польских мелкобуржуазных и ремесленных масс.

Теснимая австро-немецким капиталом, галицийская польская буржуазия осуждала внешнюю политику Габсбургов, низводивших Австро-Венгрию до положения зависимости от Германии, и выступала с протестами против преследований поляков в Пруссии. Выступления эндеков против национального гнёта в Пруссии, равно как выступления других польских националистов против национального гнёта в России, носили только показной характер. Всех польских националистов объединяла вражда к другим народам и стремление к господству над ними.

Заинтересованные в расширении галицийского рынка, эндеки поддерживали верхушку польского крестьянства в его борьбе с помещиками за землю и за долю в эксплоатации деревенских тружеников.

Сельское хозяйство Галиции переживало хронический кризис, порождённый преобладанием крупной и крупнейшей собственности, полуфеодальной системой эксплоатации бедноты, нищетой и придавленностью крестьянства. Количество безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств продолжало увеличиваться. В Восточной Галиции 19,1% крестьянских хозяйств располагали участками земли до 1 *га*, 23,5% — от 1 до 2 *га;* на обе эти группы, составляющие вместе 42,6% всех крестьянских хозяйств, приходилось лишь 5,5% всей земельной площади. Эмиграция стала постоянным явлением: за 1900—1910 гг. в США, Канаду и другие страны переехало до 500 тыс. человек, из которых не менее половины составляли украинцы.

Крестьянская беднота всё в большей степени оказывалась в кабальной задолженности у помещиков, кулаков и ростовщиков. Летом 1902 г. значительную часть Восточной Галиции охватила

стачка батраков. Состояние глубокого возбуждения, готового при первом серьёзном толчке вылиться в выступления против помещиков, не покидало деревню. В деревне накопилось не менее 1,2 млн. «лишних людей». Ареной крупных забастовок и демонстраций стал Львов. 2 июля на львовских улицах произошли ожесточённые столкновения рабочих с войсками.

Галицийский сейм, в котором продолжали преобладать консерваторы, принял некоторые решения, направленные к частичному удовлетворению требований кулачества: с 1904 г. начались работы по ликвидации чересполосицы и сведению в одно целое разбросанных крестьянских хозяйств (коммасация), была создана новая комиссия по предоставлению кредита собственникам хозяйств размером от 5 до 60 *га* и т. п., а в 1906 г. была предпринята безуспешная попытка остановить процесс катастрофически нарастающего малоземелья путём ограничения права дробления земли. «Парцелляционный банк» начал с 1902 г. скупать земли украинской бедноты и предоставлять их на льготных условиях польским колонистам.

Русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. вызвала значительный подъём народного движения в Галиции и во всей Австрии. Во Львове и других городах произошли крупные забастовки. Вновь разразилась стачка батраков. Одно из центральных мест в политической жизни страны заняла борьба за всеобщее избирательное право. Украинское население устраивало огромные демонстрации с требованием политического равноправия. Из польских партий на позициях формального равноправия стояли только людовцы и социал-демократы, а все остальные требовали обеспечения особых привилегий для поляков. Вынужденное частично уступить давлению демократических сил, венское правительство пошло на избирательную реформу, но вместе с установлением всеобщего избирательного права осуществило ещё один шаг в сторону углубления своей традиционной политики противопоставлением одних национальностей другим и выделения некоторых привилегированных национальностей.

Избирательный закон от 26 января 1907 г. устанавливал во всей Цислейтании всеобщие, прямые и тайные выборы в рейхсрат, к участию в которых допускались все мужчины, достигшие 24 лет и проживавшие в одной общине не менее года, но не состоявшие на воинской службе, содержании попечительства о бедных, не находящиеся под надзором полиции и др. За каждой из национальностей, входивших в состав Цислейтании, закреплялось определённое количество мандатов, «национальная квота», в рейхсрате. Эта квота устанавливалась не в соответствии с удельным весом отдельных национальностей, а в соответствии с различными политическими соображениями. В результате, украинцы, которые по официальной статистике составляли 13,2% народонаселения австрийских земель, получили только 6,4 % мест. Вся Галиция была разделена на 70 избирательных округов, состав-

ленных таким образом, что в 34 из них было обеспечено преобладание поляков, а в остальных 36 была создана специальная система. Согласно этой специальной системе достаточно было собрать 1/4 всех поданых голосов, чтобы оказаться избранным наряду с представителем большинства избирателей от этих округов. Установление особых привилегий для польского национального меньшинства в Восточной Галиции имело целью облегчить положение польских элементов, сохранить их привилегии. В результате этих «польских привилегий», доставшихся польским помещикам и буржуазии, один польский депутат приходился на 46 тыс. жителей, а один украинский — на 94—100 тыс. жителей. Избирательная реформа 1907 г. обострила национальные противоречия во всей Австрии, а особенно в Галиции, и до известной степени способствовала политическому и социальному размежеванию.

Первые же выборы в рейхсрат, происходившие на основе закона 1907 г., обнаружили резкое ослабление консерваторов, проведших всего 15 депутатов, усиление людовцев, получивших 16 мест, и эндеков, получивших 14 мест. Заметного успеха добилась христианско-католическая партия. Социал-демократическая партия Дашинского провела 4 депутатов, 1 депутата провела группа независимых социалистов, находившаяся под влиянием СДКПиЛ. Украинские кандидаты разных политических направлений получили 27 мандатов.

В «польском коло» рейхсрата, в состав которого людовцы первоначально не вошли, руководящую роль стали играть эндеки. Их лидер проф. Гломбиньский стал председателем коло. Усилилось влияние эндеков и в галицийском сейме, избранном в 1908 г. по старой пятикуриальной системе.

Аннексия Австро-Венгрией в октябре 1908 г. Боснии и Герцеговины открыла собой полосу территориального передела Европы, привела к резкому обострению международных отношений. В порядок дня всё явственнее становилась опасность войны между двумя блоками великих империалистических держав. В целях обеспечения наиболее благоприятной для себя расстановки сил венское правительство прибегло к различным манёврам. Оно особенно желало примирить украинскую верхушку со своим господством и из соображений военно-политических стало на путь заигрывания с украинской буржуазией. Напуганная накоплявшейся ненавистью трудового народа и вызревавшим у него стремлением к социальной революции, украинская буржуазия готова была на сделку с венскими властями. Она верноподданнически осудила убийство галицийского наместника графа Потоцкого, совершённое украинским террористом в 1908 г., и выступления студентов-украинцев Львовского университета. Новый наместник «станчик» Бобжинский пытался проводить курс на сближение с украинской буржуазией, но это вызывало резкие протесты различных польских групп.

Людовцы, которые в целях скорейшего уничтожения куриальной системы, в галицийском сейме соглашались сотрудничать с украинскими буржуазными депутатами, в рейхсрате перешли к политике полного сотрудничества с эндеками. Эндеки осуждали внешнюю политику правительства и выступали против заигрывания с украинцами; подоляки, требуя террористической политики в отношении украинцев и в этом вопросе сближаясь с эндеками, были решительно враждебны выдвигавшимся последними требованиям реорганизации сейма и т. д. Словом, внутриполитические отношения в Галиции всё более обострялись борьбой клик и направлений, в основе которых лежали предельно напряжённые национальные и социальные противоречия, создавшие острый революционный кризис.

Стремясь отвратить от себя нараставшую опасность выступлений трудящегося населения и особенно предотвратить возможность союза польских и украинских трудящихся, все польские помещичьи и буржуазные партии, невзирая на разделявшие их частные вопросы, вели разнузданную националистическую пропаганду. Главным содержанием этой националистической пропаганды являлись полонизаторские стремления в отношении украинцев, распространение лживых представлений о том, что в создавшихся условиях необходимо самое тесное сближение всех классов польского общества, так как якобы приближается время, когда галицийские поляки в союзе с Габсбургами и Гогенцоллернами начнут борьбу за освобождение Королевства Польского из-под власти царизма, а, следовательно, за распространение на него австро-прусского господства. При этом за лучший способ разрешения «польского вопроса» выдавались предложения о преобразовании Австро-Венгрии из дуалистического в триалистическое государство, в котором Галиция займёт равное положение с Австрией и Венгрией, расширится за счёт Королевства Польского и обрастёт колониями за счёт украинских земель. В этой пропаганде принимали участие все без исключения польские политические партии Галиции. Не поддерживая её пронемецкую направленность, эндеки особенно изощрялись в человеконенавистнических выступлениях против украинцев и евреев: смягчая её антиукраинское и антиеврейское содержание, галицийские социал-демократы и обосновавшиеся в Галиции «фраки» особенно заостряли националистическую пропаганду в отношении России.

Ориентируясь на мещанство, на мелкобуржуазные слои, на полуремесленную верхушку рабочего класса, пропитанную национальными предрассудками и чуждую понимания классовых интересов пролетариата, польские социал-демократы Галиции выступали как националистическая буржуазная партия. Свой национализм они прикрывали болтовнёй о социализме и о необходимости борьбы с царизмом, как якобы самой реакционной силой Европы. Они мешали галицийским рабочим понять, что царизм давно перестал быть жандармом Европы, что с ним прекрасно

уживались польские капиталисты, что Россия, пережив революцию 1905—1907 гг., была чревата новой, ещё более грозной революцией, что самой реакционной силой Европы стала империалистическая Германия и что коренные интересы трудящихся требовали соединения пролетариев всех стран против общих врагов.

Галицийская социал-демократия находилась под сильным влиянием ППС — «революционной фракции». Главари «фраков» перенесли центр своей деятельности в Галицию. Там в 1908 г. Пилсудский и Казимир Сосновский стали создавать военизированные группы для диверсионных действий на территории Королевства Польского. Свои кадры, разбросанные как в Галиции, так и в Королевстве Польском, Пилсудский вербовал преимущественно среди интеллигентской и мелкобуржуазной молодёжи. Австро-венгерский генеральный штаб и другие австрийские органы были вполне осведомлены о действиях пилсудчиков и оказывали им содействие деньгами и оружием. Используя помощь властей, Пилсудский в 1910 г. развернул свою военно-диверсионную группу в «Стрелецкий союз». Выступая как боевая националистическая организация, «Стрелецкий союз» в действительности являлся шпионской агентурой австрийских империалистов и их германских союзников. Через Пилсудского, Сосновского, Владислава Сикорского и других австро-германские империалисты подчиняли своим агрессивным планам и ставили себе на службу всю мелкобуржуазную националистическую «левицу» Галиции и «левицу» Королевства Польского.

Итало-турецкая война 1911 г. открыла полосу войн, непосредственно переросших в первую мировую империалистическую войну.

Военная опасность усилила внутреннее напряжение в монархии Габсбургов. Венские власти досрочно распустили рейхсрат. Выборы в Галиции среди польских избирателей знаменовались резкой поляризацией сил между консерваторами и людовцами, ставшими крупнейшей фракцией «польского коло».

Людовская партия, «Польске строництво людове» (ПСЛ), выросла в борьбе за всеобщее избирательное право и реформу галицийского сейма. Лидер партии Ян Стапиньский под влиянием русской революции 1905—1907 гг. выдвигал требование отчуждения поместий без выкупа. Но против Стапиньского и возглавлявшегося им радикального крыла партии росла оппозиция со стороны верхушки деревенской буржуазии, интересы которой могли бы только пострадать от всяких социальных потрясений. Лидером правого крыла ПСЛ выступал земельный спекулянт и нефтепромышленник Длугош, и его единомышленники повели открытую борьбу со Стапиньским и крестьянскими радикалами, против которых также действовала клика Пилсудского.

По инициативе Пилсудского, стремившегося подчинить своему влиянию все националистические «левые» группы, в январе 1912 г. в Закопане образовалась «Временная комиссия сконфеде-

Домик в Поронино (Галиция), где жил В. И. Ленин с августа 1913 г. по сентябрь 1914 г.

рированных партий независимости». В состав этой комиссии, призванной играть роль единого руководящего центра националистических, агрессивных и пронемецких партий Галиции и Королевства Польского, вошли от ППС Пилсудский, Л. Василевский, В. Славек, от социал-демократической партии Галиции и Силезии — Диаманд, Морачевский, М. Кукель, от прогрессивной партии — Сикорский, от «Национального рабочего союза» — Попель и др.

Проживавший в то время в Галиции В. И. Ленин внимательно наблюдал деятельность различных польских политических партий и группировок. В письме А. М. Горькому он, изобличая превращение пилсудчиков в австро-германских наймитов, писал, что «фраки» «...несомненно, *за* Австрию и станут воевать за нее» [1].

После того как Балканские войны 1912 г. вплотную подвели мир к схватке блоков империалистических держав, «Временная комиссия» в декабре 1912 г. приняла обращение к полякам. В этом программном документе указывалось, что интересы поляков якобы требуют содействия с их стороны Австро-Венгрии в предстоящей войне между ней и Россией. Стремясь отожествить интересы польского народа с интересами элементов, целиком перешедших на службу к Австро-Венгрии, «Временная комиссия»

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 48.

увлекала поляков на пагубный путь служения блоку центральных держав. Спекулируя на справедливой ненависти поляков к царизму, она стремилась сделать из них слепое оружие венско-берлинской политики, не только чуждой национальным польским интересам, но прямо враждебной самому существованию поляков и готовой сотрудничать с ними лишь поскольку это оказывалось удобным для поддержания монархии Габсбургов или облегчало осуществление планов нового «Drang nach Osten».

Чудовищная антинациональная политика Пилсудского с созданием «Временной комиссии» втягивала в свои сети довольно значительные польские круги. К участию во «Временной комиссии» пилсудчики привлекли также ПСЛ в лице её правых деятелей Бойко, Тетмейера, Витоса.

Правые людовцы при поддержке пилсудчиков повели клеветническую кампанию против Стапиньского и людовской левицы. В 1913 г. они добились раскола ПСЛ. За правой частью расколовшейся ПСЛ закрепилось название её центрального органа — газеты «Пяст». Главарями «Пяста» выступали деревенские буржуа, участники крупных акционерных обществ, враги экспроприации помещичьих земель

Раскол ПСЛ очень ослабил галицийскую буржуазную демократию, потерявшую, в частности, ряд мест на выборах 1913 г. в галицийский сейм.

Венские бюрократы и галицийские консерваторы воспользовались ослаблением буржуазной демократии и огромным распространением националистической и воинственной пропаганды, вовлекавшей поляков на службу австро-германским интересам, для того, чтобы провести назревшую реформу порядка выборов в галицийский сейм с наименьшими для себя потерями. Новый избирательный закон вводил тайное, прямое и всеобщее избирательное право, распространявшееся также на женщин, но сохранял и создавал новые курии и путём перераспределения мест, права двойного голосования для некоторых категорий избирателей, ущемления украинского населения обеспечивал сохранение преобладания в сейме за представителями реакционных классов. Реформа вызвала огромное возмущение в массах. Но не имевшие во главе революционной партии, трудящиеся поляки, украинцы и евреи не смогли использовать слабость режима, нараставший развал монархии Габсбургов для защиты своих прав и интересов.

Выборы галицийского сейма на основе нового избирательного закона не состоялись: 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Грабительское нападение Австро-Венгрии на Сербию, продиктованное не в последней степени распоряжениями из Берлина, имело целью сокрушить независимость одного из славянских народов и развязать мировую империалистическую войну. Немедленно «Временная комиссия» выпустила прокламацию, утверждавшую, что поляки не могут оставаться бездеятельными и должны помочь Вене.

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России, 3 августа — Франции, 4 августа в войну против Германии вступила Англия. Среди империалистов всех стран, развязавших войну, наибольшую опасность для жизненных интересов польского народа представлял австро-германский блок. Но, попирая национальные интересы, пилсудчики 6 августа 1914 г., ещё за несколько часов до объявления состояния войны между Австро-Венгрией и Россией, нарушили русско-австрийскую границу и совершили вооружённое вторжение на территорию Королевства Польского.

ГЛАВА XXIII

Польша и польский вопрос в первые годы первой мировой войны

Первая мировая война расширила и углубила общий кризис капитализма. Она придала важное международное значение польскому вопросу. Польша стала театром военных действий между Россией, с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией — с другой. Впервые со времён последнего раздела Польши, совершённого Венским конгрессом в 1815 г., державы — соучастницы раздела — оказались в войне между собой. В условиях войны все польские буржуазно-помещичьи и соглашательские партии заняли реакционные и антинациональные позиции.

В самом начале войны, 14 августа 1914 г., верховный главнокомандующий царской армией великий князь Николай Николаевич обратился к полякам с воззванием, которое провозглашало одной из задач войны соединение всех частей Польши под властью русского царя. Таким образом царизм стремился привлечь на свою сторону польское население обещанием распространить своё господство на части Польши, находившиеся в составе Германии и Австро-Венгрии. Эта аннексионистская программа царизма была одобрена союзными России правительствами Англии и Франции и восторженно поддержана буржуазно-помещичьими партиями Королевства Польского. В ноябре 1914 г. в Варшаве образовался «Польский национальный комитет», в состав которого вошли крупнейшие помещичье-буржуазные деятели — князь Любомирский, эндеки Дмовский и Вл. Грабский, бывший член ППС Войцеховский и др. Комитет агитировал среди поляков за содействие царизму, доказывая, будто воссоединение Польши осуществимо лишь в случае победы одного из её угнетателей — царской России.

Воззвание русского верховного главнокомандующего представляло собой весьма выигрышный ход со стороны царского правительства, так как ни Германия, ни Австро-Венгрия не могли ответить на него обещанием соединить все части Польши воедино, не задевая тем самым интересов друг друга.

Тогда как большая часть польской буржуазии заняла с начала войны «руссофильскую» позицию, меньшая активно выступила на стороне Австро-Венгрии и Германии. Как уже отмечалось, 6 августа 1914 г. за несколько часов до объявления войны между Россией и Австро-Венгрией, предводительствуемые Пилсудским отряды «стрельцов» вторглись на территорию Российской империи. В тот же день пилсудчики распространили в Кракове листовку, извещавшую о том, что в Варшаве якобы сложилось польское национальное правительство, вручившее всю военную власть Пилсудскому. Эта наглая мистификация понадобилась пилсудчикам для того, чтобы прикрыть свою службу врагам польской независимости — австро-венгерским и немецким империалистам. Однако все попытки пилсудчиков вызвать в королевстве антирусские восстания оказались безуспешными.

16 августа 1914 г. в Кракове австрофильские группы буржуазии и мелкой буржуазии создали «Главный национальный комитет» с участием Дашинского, Витоса и др. «Главный национальный комитет» был связан с Пилсудским и ставил своей целью соединение Королевства Польского с Галицией под властью Габсбургов. Австро-венгерское верховное командование разрешило «Главному национальному комитету» создание на время войны двух «национальных» польских легионов. Основной кадр этих легионов составили отряды «стрелков».

Совершенно лойяльную позицию в отношении Германии с начала войны заняли польские помещики и капиталисты Силезии, Познаньщины и других польских земель прусского захвата.

Победа любой из империалистических держав в войне неизбежно должна была для Польши свестись к новому переделу, но отнюдь не к национальному возрождению. Расположенная между великими империалистическими державами, Польша не только служила театром военных действий, но и должна была стать добычей будущего победителя.

Освобождение Польши из-под чужеземного ига могло прийти не от победы одной из групп империалистов, а в результате поражения обоих империалистических блоков и победы пролетарской революции. Этот единственный путь разрешения польского вопроса был с исключительной силой и последовательностью вскрыт В. И. Лениным.

В первом же документе, вышедшем из-под ленинского пера после начала первой мировой войны, — в резолюции группы социал-демократов, Ленин указал на грабительский, империалистический характер войны со стороны обоих воевавших блоков. Перед русской социал-демократией, перед всем международным пролетариатом Ленин выдвигал задачу борьбы за социалистическую революцию, за республику немецкую, польскую, русскую[1].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 4.

Всем и всяким захватническим, шовинистическим, оборонческим программам Ленин противопоставил программу пролетарской революции, существенной частью которой считал борьбу за право на свободу отделения и образования самостоятельных государств для всех угнетённых и неполноправных наций, находившихся под властью империалистов различных стран.

С беспредельной верой в силы русского рабочего класса и партии большевиков, в скорую победу революции Ленин писал: «когда сами будем правительством», то предоставим полную свободу отделения угнетённым народам. Ленин одновременно выражал надежду, что польские рабочие очень скоро после отделения убедят свой народ в том, что «...экономический расчёт, равно как инстинкт и сознание интернационализма и демократизма, требует скорейшего сближения и слияния всех наций в социалистическом обществе»[1].

СДКПиЛ не заняла чёткой революционной позиции в отношении войны и задач пролетариата. Часть её руководства сползала к меньшевистской оборонческой позиции. Оборонческие позиции заняла ППС-левица. Социал-националисты из ППС-правицы, прикрываясь лозунгом об освобождении Польши из-под власти царизма, превратились в открытых прислужников австро-германских империалистов. Ведя борьбу с фальшивым национализмом ППС-правицы, на деле помогавшей осуществлению аннексионистской политики империалистов Германии и Австро-Венгрии, руководители СДКПиЛ продолжали занимать антиленинскую позицию в национальном вопросе, приобретшем особое значение в ходе войны. Они видели разрешение противоречия между интересами мирового хозяйства и стремлением к национальному суверенитету — одного из противоречий империализма — не в свержении капитализма, а в недопущении образования новых национальных государств. Выступая против принципа самоопределения наций и даже добиваясь от большевистской партии отказа от признания за Польшей права на самоопределение, польские социал-демократы выступали как непоследовательные интернационалисты, усугубляли свои ошибки и облегчали происки социал-националистов.

В. И. Ленин уделял огромное внимание разъяснению польским социал-демократам их ошибок. Он опубликовал ряд работ по национальному вопросу, в которых детально разработал вопросы стратегии и тактики польского пролетариата в создавшихся условиях. В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» В. И. Ленин в октябре 1916 г. писал: «Польские социал-демократы не могут ставить теперь лозунга независимости Польши, ибо как пролетарии-интернационалисты поляки *ничего* сделать для этого не могут, не впадая, подобно «фракам», в низкое прислужничество *одной* из империалистских монархий. Но рус-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 56.

ским и немецким рабочим *не* безразлично, будут ли они участниками аннексии Польши (это означает воспитание немецких и русских рабочих и крестьян в духе самого подлого хамства, примирения с ролью палача чужих народов) или Польша будет независима.

Положение безусловно очень запутанное, но из него есть выход, при котором *все* участники остались бы интернационалистами: русские и немецкие социал-демократы, требуя безусловной «*свободы* отделения» Польши; польские социал-демократы, борясь за единство пролетарской борьбы в маленькой и в больших странах без выставления для данной эпохи или для данного периода лозунга независимости Польши»[1].

Лишь под влиянием большевиков и давлением рабочих масс руководство СДКПиЛ начало воспринимать ленинскую оценку войны и выдвигавшиеся Лениным задачи международного рабочего движения. В результате огромной разъяснительной работы большевиков в СДКПиЛ произошёл определённый сдвиг влево. В ноябре 1916 г. состоялось воссоединение партии — «розламовцев» и сторонников Главного правления.

Война принесла Польше огромные бедствия. В результате многих крупных сражений значительная часть страны была опустошена. Начался развал промышленности. Летом 1915 г. в связи с военными поражениями царское правительство приступило к вывозу части предприятий и массовой принудительной эвакуации польских рабочих на Урал, в Поволжье и другие внутренние районы России. Вместе с добровольно эвакуировавшимся населением в Россию переехало более 1 млн. поляков. Польская промышленность катастрофически свёртывалась. В условиях хозяйственного и политического развала разорялось трудящееся крестьянство.

В июне 1915 г. царские войска оставили занятый было ими Львов, а 5 августа германские войска вступили в Варшаву. Вскоре вся территория Королевства Польского была оккупирована германскими и австро-венгерскими войсками. Оккупирующие державы осуществили раздел королевства на австрийскую и германскую зоны. Линия раздела королевства между Германией и Австро-Венгрией примерно совпадала с границей раздела Речи Посполитой, произведённого в 1795 г. между Пруссией и Австрией.

Обе оккупирующие державы установили в своих зонах военный режим. Немецко-австрийская оккупация обострила внутриполитическое положение в королевстве. Буржуазно-помещичье и мелкобуржуазное население разделилось на два направления: активистов и пассивистов. Пассивисты, ни в чём не противодействуя оккупантам, отказывались от широкого политического сотрудничества с ними. Ядром пассивистов были эндеки, выра-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 335—336.

жавшие интересы буржуазных кругов, потерявших довоенные рынки сбыта и придавленных экономической политикой оккупантов. Активисты были сторонниками всестороннего и полного сотрудничества с оккупантами. Ядром активистов являлись пилсудчики. Их показной национализм на деле свёлся к услужению германскому империализму — злейшему врагу свободы, независимости и самого существования польского народа. Они показали себя не только как «...националисты худшей марки...»[1], но и как прямые лакеи немецкой империалистической буржуазии[2].

Из всех польских политических направлений именно пилсудчики оказались в самом привилегированном положении в условиях австро-германской оккупации. Они были особо тесно связаны с германским командованием. Они располагали своей партией — «революционной фракцией» ППС, имели военное формирование — легионы, наконец, ими была создана тайная «Польская военная организация» («Польска организация войскова» — ПОВ). ПОВ представляла собой шпионско-диверсионную организацию. Её агентура засылалась в тылы русской армии. Она внедрялась во враждебные и соперничавшие с пилсудчиками политические группы и течения. Через ПОВ пилсудчики создали разветвлённую осведомительную и террористическую службу, проникшую в большинство польских политических, культурных, военных и иных организаций. С помощью ПОВ пилсудчики часто прибегали к провокациям, вызывали внутренние распри у своих противников, уничтожали наиболее опасных для себя людей.

При попустительстве оккупантов пилсудчики опутывали в сети своей политики значительную часть населения. В интересах оккупантов они пытались создать представление о том, будто разгром России и победа немецких держав обеспечат разрешение «польского вопроса». Их напускной национализм, бесцеремонная «социалистическая» фразеология мешали широким народным массам разобраться в подлой роли пилсудчиков — прислужников австро-германских империалистов.

Пилсудчики до некоторой степени сумели подчинить своему влиянию создавшуюся в 1915 г. на территории королевства полулегальную крестьянскую организацию «Вызволене». «Польске стронництво людове «Вызволене» («Польская народная партия «Освобождение») выдвигала требование раздела помещичьей земли среди крестьян на основе компенсации бывших собственников. Она стояла в оппозиции к оккупантам. Образование этой партии отражало процесс роста политической активности крестьянства, которым, ввиду отсутствия правильного пролетарского руководства, стремились воспользоваться буржуазно-кулацкие элементы.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 334.
[2] Там же, т. 23, стр. 45.

Ослабление Австро-Венгрии, с одной стороны, и заинтересованность обоих империалистических партнёров в расширении людских резервов — с другой, вызвала с их стороны ряд манёвров в «польском вопросе». 5 ноября 1916 г. германский генерал-губернатор в Варшаве и австрийский генерал-губернатор в Люблине опубликовали от имени своих монархов манифест о создании «независимого» польского государства. Согласно австро-германскому тайному соглашению, в состав этого «государства» включалась лишь часть территорий бывшего Королевства Польского. К Германии и Австро-Венгрии должны были отойти на западе новые польские земли, а польское «государство» — получить «компенсацию» за счёт Украины и Белоруссии.

Внешняя политика этого «государства» и его вооружённые силы подлежали контролю со стороны Германии. Манифест обоих генерал-губернаторов предусматривал создание только одного элемента польской «государственности» — армии, в которой нуждались оккупанты.

В целях лучшей маскировки своей колонизаторской политики австро-германские оккупационные власти 6 декабря 1915 г. образовали Временный государственный совет в составе 15 человек, назначенных германским генерал-губернатором, и 10 — его австрийским коллегой. В состав этого совета был введён и Пилсудский. Созданную оккупантами систему Ленин назвал «ублюдком государства»[1].

С созданием польского «государства»-ублюдка усилилось давление оккупантов на население, выкачка материальных ценностей, насильственный увоз рабочих в Германию, реквизиции продовольствия и т. д.

Союзные России в первой мировой войне правительства Франции, Англии и Италии официально считали польский вопрос, во всём, что касалось прусской и австрийской частей Польши, областью специальных и исключительных интересов царского правительства. 14 февраля 1917 г. между Россией и Францией было заключено тайное соглашение, по которому Франция в обмен на русскую помощь в деле установления послевоенной французской восточной границы обязалась поддержать Россию во всём, что будет касаться установления после войны её западной границы. Практически французское правительство обязывалось помочь распространению царской власти на все или большую часть польских земель, находившихся под властью Германии и Австро-Венгрии. Тем самым Франция, не один раз демонстрировавшая свои показные симпатии к полякам, полностью соглашалась с захватническими планами русского самодержавия.

Используя польский вопрос в интересах своей империалистической политики, французское правительство в то же время

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 205.

втайне от своего русского союзника через принца Сикста Бурбона Пармского вело зимой и весной 1917 г. переговоры о сепаратном мире с Австро-Венгрией. Австрийское требование о сохранении за монархией Габсбургов довоенных границ, т. е. Галиции, встретило сочувственное отношение в Париже. Здесь и не думали считаться с тем, что такая основа переговоров шла вразрез и с недавно заключённым русско-французским соглашением и с жизненными интересами польского народа. В то же время французское правительство считало для себя небесполезным заигрывать с польскими политическими кругами в России и в Западной Европе.

Среди большого числа польских эмигрантов в Западной Европе и Америке велась пропаганда, в целом совершенно благоприятная планам царского правительства. Одним из центров этой пропаганды был возникший в январе 1915 г. в Швейцарии, в Веве, «Генеральный комитет помощи жертвам войны в Польше», под председательством знаменитого польского писателя Генриха Сенкевича. При деятельном участии выдающегося польского пианиста и композитора Игнация Падеревского отделения «Комитета в Веве» были созданы в Париже и Лондоне, а затем и в США и в других странах.

Другим центром польской пропаганды в Западной Европе было созданное в Лозанне «Бюро печати», находившееся в тесной связи с «Польским национальным комитетом», переехавшим из Варшавы в Петроград. Этот комитет в конце 1915 г. направил за границу ряд своих деятелей, в том числе Р. Дмовского, посетившего Лондон, Париж, Рим и Ватикан. В Ватикане его убеждали, что будущее Польши неразрывно связано с католической монархией Габсбургов.

Кризис русского самодержавия побуждал польских буржуазных деятелей антантофильского направления добиваться укрепления своих позиций при правительствах западных держав. Состоявшаяся 26 января — 2 февраля 1917 г. в Лозанне конференция польских буржуазных деятелей решила создать специальную организацию для проведения соответствующей политики при правительствах Антанты. Эти решения получили одобрение «пассивистских» кругов оккупированного центральными державами Королевства Польского.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России, совершённая восставшими рабочими и солдатами, ликвидировала одного из злейших врагов свободы польского народа — царизм. В результате этой революции в России сложилось двоевластие: диктатура буржуазии в лице Временного правительства и власть рабочих и крестьян в лице Советов рабочих и солдатских депутатов.

14 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял внесённое большевистскими депутатами обращение к польскому народу. Это обращение, опубликованное

16 марта 1917 г. в органе Центрального Комитета и Петроградского Комитета партии большевиков — газете «Правда», начиналось с указания на то, что царский режим, в течение полутора веков угнетавший польский народ одновременно с русским, низвергнут. Извещая польский народ об этой победе, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил, что «Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении». В конце обращения выражался братский привет польскому народу и пожелания успеха «в предстоящей борьбе за водворение в независимой Польше демократического республиканского строя».

Обращение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов говорило о том, что рабочие и крестьяне России безоговорочно признают за Польшей право на полную независимость. Иную позицию в этом вопросе заняло Временное правительство. 29 марта оно обратилось с воззванием к полякам, в котором, прикрываясь пустыми фразами о признании польской независимости, устанавливало, что решение польского вопроса должно принадлежать русскому Учредительному собранию, т. е. власти русских помещиков и капиталистов, издавна угнетавших Польшу.

В. И. Ленин, вернувшийся 3/16 апреля 1917 г. из эмиграции в Россию, разоблачал захватнический характер политики Временного правительства, собиравшегося «...отвоевать назад у немцев Польшу...»[1].

На Апрельской конференции большевистской партии, нацелившей рабочий класс и беднейшее крестьянство на подготовку социалистической революции, И. В. Сталин, вернувшийся к руководящей партийной деятельности после многолетней ссылки, отстаивая линию Ленина, указал в докладе по национальному вопросу, что угнетённым народам, входящим в состав России, «...должно быть предоставлено право самим решить вопрос — хотят ли они оставаться в составе Российского государства или выделиться в самостоятельные государства»[2]. Последовательная позиция партии большевиков, боровшейся за полное равноправие наций, за уничтожение всех форм национального гнёта, за предоставление угнетённым народам права на свободное отделение и на образование самостоятельного государства, обеспечила партии симпатии и поддержку угнетённых национальностей.

Значительная часть польских трудящихся, проживавших в России, активно включалась в борьбу за социалистическую революцию. Польские капиталисты и помещики, представленные в «Польском национальном комитете», всецело поддерживали политику Временного правительства. С согласия этого

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 328.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 51.

последнего они приступили к формированию в составе русской армии национальных польских воинских частей. Целью этого мероприятия являлась попытка изолировать солдат польской национальности от революционного движения русских солдат и создать из польских национальных частей ударную силу русской и польской контрреволюции. Формированием польских национальных частей ведал, под общим руководством военного министра Временного правительства, особый Главный польский военный комитет, возглавлявшийся Ст. Рачкевичем. Командиром созданного летом 1917 г. первого польского корпуса в России был назначен бывший царский генерал Довбор-Мусницкий. Совместно с русскими контрреволюционерами — врагами свободы и независимости Польши — польские буржуазно-помещичьи круги замышляли разгромить Советы и преградить дорогу социалистической революции в России.

Французские империалисты, особенно заинтересованные в соответствующем их планам решении вопроса о Польше — восточном соседе Германии — по согласованию с Временным правительством, решили «на время войны» создать польскую армию во Франции. Соответствующий декрет был подписан французским президентом 4 июня 1917 г. Командующим «польской армией» во Франции вскоре стал генерал Галлер.

15 августа 1917 г. в Париже польскими буржуазно-помещичьими деятелями был создан «Польский национальный комитет» в целях «унифицирования» усилий польских организаций Франции, Англии и Америки. В состав комитета вошли Р. Дмовский — председатель, Э. Пильц, Ян Кордан-Розвадовский, М. Сейда и др. Извещая правительства Франции, Англии и Италии о своём создании 28 августа, комитет испрашивал у них признания его в качестве «официальной польской организации». Рассчитывая использовать «Польский национальный комитет» в Париже как инструмент своей политики, французское правительство 20 сентября 1917 г. признало этот комитет «официальной польской организацией». В этом качестве комитет был признан Англией 15 октября, Италией 30 октября, США 10 ноября 1917 г.

Революционная борьба рабочего класса и трудящегося крестьянства России находила мощный отклик в оккупированном Германией и Австро-Венгрией Королевстве Польском. Уже через несколько дней после низвержения царизма, 28 марта 1917 г., на ряде предприятий Варшавы начались массовые забастовки. Требования повышения заработной платы, улучшения продовольственных и жилищных условий сочетались во время этих забастовок с протестом против оккупации, продолжения империалистической войны и призыва в созданный оккупантами «Польский вспомогательный корпус». В листовке, выпущенной в апреле 1917 г. Главное правление СДКПиЛ, призывая польских рабочих к усилению борьбы против угнетателей, подчёркивало зна-

чение революционного почина русского пролетариата и его авангарда — партии большевиков. «Братский пролетариат России под руководством революционной социал-демократии, — говорилось в обращении, — свергнул мерзкий царизм... Социал-демократия России открыла вновь дорогу к борьбе за социализм». В июле 1917 г. в Варшаве состоялись крупные уличные демонстрации, вылившиеся в нескольких местах в баррикадные бои польских рабочих с оккупантами. Оккупанты стремились сломить нараставшее революционно-освободительное движение массовыми репрессиями и разгромом возглавлявшей рабочее движение СДКПиЛ.

Нарастание социалистической революции в России, усиление революционно-освободительного движения в Польше, явно обнаружившаяся неспособность Германии добиться победы в войне, перспектива её поражения, особенно в связи с вступлением США в апреле 1917 г. в войну на стороне Антанты, вызвали заметные сдвиги в расстановке политических сил внутри Польши. В июле 1917 г., стремясь отделиться от ненавидимого народом Временного государственного совета, из состава этого германо-австрийского учреждения вышел Пилсудский. Вскоре часть легионеров отказалась принести воинскую присягу, связывавшую их обязательствами в отношении Германии. По приказу германского генерал-губернатора генерала Безелера не присягнувшие легионеры были интернированы в концентрационных лагерях. Затем германские власти арестовали Пилсудского и Сосновского, которые были увезены в Германию, сначала в Везель, затем в Магдебург. Эта мера, предпринятая германскими властями в целях устрашения своих заколебавшихся сторонников и агентов, в дальнейшем послужила поводом для безосновательной реабилитации прогерманской антинациональной деятельности Пилсудского.

В то же время некоторые «пассивисты», особенно эндеки, встревоженные растущим революционным движением, в поисках опоры для поддержания своих социальных и политических привилегий, перешли к прямому и открытому сотрудничеству с германо-австрийскими оккупантами.

12 сентября 1917 г. германский император от своего имени и от имени австрийского императора подписал рескрипт о создании вместо вышедшего в августе 1917 г. в отставку Временного государственного совета «верховной власти» в «Королевстве Польском». Согласно особому патенту, этой властью наделялся Регентский совет (Рада Регенцыйна), поставленный под контроль представителей оккупационных держав. Регентский совет получал право образовать «правительство». 15 октября 1917 г. членами Регентского совета были назначены А. Коковский, архиепископ Варшавский, князь Зд. Любомирский, входивший до того в «Польский национальный комитет», и крупный помещик Юз. Островский. Новый манёвр германо-австрийских оккупантов, направленный к сохранению кабальной зависимости

Польши от Австро-Венгрии и Германии, был поддержан всеми польскими партиями, кроме СДКПиЛ и ППС-левицы.

Развитие первой мировой войны, приближавшейся к своему решающему, переломному моменту, ясно обнаружило, что ни одно из воевавших государств, ни одна из коалиций не ставила своей целью возрождение независимой и единой Польши и что именно перераспределение, передел Польши представляли собой одну из действительных, подлинных целей политики воевавших империалистических держав. Не победа одной из империалистических держав, а только победа социалистической революции могла открыть Польше путь к свободе и независимости.

ГЛАВА XXIV

Великая Октябрьская социалистическая революция — решающее и основное условие восстановления польского государства

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, открыв новую эру в истории человечества, привела к коренному перелому и в судьбах польского народа. Без победы Великой Октябрьской социалистической революции первая мировая империалистическая война свелась бы для Польши только лишь к новому переделу. Только установление советской власти в России создало необходимые условия для разрешения польского вопроса и формирования польского государства.

В первом же акте советской власти — декрете о мире, принятом по предложению главы Советского правительства В. И. Ленина 8 ноября 1917 г. II съездом Советов, — провозглашалось право каждой малой или слабой народности решать без малейшего принуждения вопрос о формах своего государственного существования. Всем своим существом декрет этот был направлен против раздела, оккупации, угнетения Польши. Развитием этого декрета явилась опубликованная 15 ноября 1917 г. за подписями В. И. Ленина и И. В. Сталина ими же разработанная «Декларация прав народов России». «Декларация прав народов России» провозглашала принципы советской политики в национальном вопросе, в том числе право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

В целях претворения в жизнь своей политики в отношении польского народа Советская Россия во время брестских переговоров с Германией и её союзниками требовала увода австро-германских войск из Польши и предоставления всему польскому народу, т. е. и полякам австрийской и прусской частей Польши, возможности самостоятельно решать свою судьбу. В декларации, оглашённой на конференции представителем Народного комис-

В. И. Ленин.

сариата по делам национальностей, главой которого являлся И. В. Сталин, указывалось на предоставление Советским правительством полной свободы польскому народу; в этом же документе говорилось о том, что границы будущего суверенного польского государства должны быть установлены путём голосования и соглашения с соседним, заинтересованным в этом населением.

Ведя тяжёлую борьбу с хищниками германского империализма, Советское государство подверглось нападению со стороны бывших союзников России — Англии, Франции, США, Японии и других стран, предпринявших антисоветскую вооружённую интервенцию. В тяжёлых условиях гражданской войны, иностранной интервенции и германского нашествия Советское правительство продолжало неуклонно отстаивать и защищать интересы польского народа. Ленин и Сталин предписывали всем советским

органам обеспечить учёт и сохранность культурных и исторических ценностей польского народа в целях последующей передачи их Польше. Особые меры принимались в интересах многочисленных групп польского населения в России, для удовлетворения специальных интересов которого в системе Народного комиссариата по делам национальностей 28 ноября 1917 г. был создан особый Польский комиссариат. Многие польские трудящиеся в России, как из числа постоянных жителей, так и из числа эвакуировавшихся из Королевства Польского, принимали деятельное участие в борьбе за установление и укрепление Советского государства. В Красную Армию влился ряд воинских частей, составленных из солдат-поляков, мужественно защищавших социалистическую родину всех трудящихся и видевших в победе советской власти путь к завоеванию свободы и независимости Польши. Юноши и девушки, мужчины и женщины из числа польского населения Советской республики стали под боевые знамёна Октября. Начиная свой путь пролетарской революционерки, добровольцем-санитаркой вступила в молодую Красную Армию 16-летняя Мальгоржата Форнальска, ставшая одним из славных бойцов польской рабочей партии. Видные руководители польского пролетариата — Б. Веселовский, Ю. Мархлевский, старый «пролетариатец» Ф. Кон и многие другие — укрепили славу польского народа беззаветным служением советской власти.

Нерасторжимое единство передовых, революционных сил Польши с революционной Россией, с партией большевиков нашло своё высшее воплощение в бессмертном служении Великой Октябрьской социалистической революции выдающегося сына польского народа — Ф. Э. Дзержинского. Один из лучших руководителей и бойцов старой ленинской гвардии, ближайший соратник В. И. Ленина и И. В. Сталина, возвратившийся к активной революционной работе после 5-летнего пребывания на царской каторге, он входил в Партийный центр по руководству восстанием, а после победы советской власти был поставлен на ответственнейший пост руководителя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

И. В. Сталин характеризовал Дзержинского как героя Октября, верного сына большевистской партии[1].

После победы Великой Октябрьской социалистической революции и крушения первых попыток свергнуть власть Советов империалисты западных стран сочли для себя выгодным выступить с заявлениями, которые должны были показать, что они склонны допустить образование независимого польского государства. При этом Польша, как указывал В. И. Ленин, нужна была империалистам Антанты лишь в качестве «...тарана против Советской республики»[2].

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 192—193.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 281.

5 января 1918 г. премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж заявил, что независимая Польша, «включающая в себя все исключительно польские элементы, которые пожелают стать её частью», составит «необходимое условие стабилизации Восточной Европы». В 13-м пункте американской программы мира, обнародованной 8 января 1918 г. в послании конгрессу США президента США Вильсона, указывалось, что должно быть создано независимое польское государство, располагающее свободным и надёжным выходом к морю, «которое должно будет включать территории, заселённые неоспоримо польским населением». Оба эти заявления по существу своему были не столько пропольскими, сколько пронемецкими: не имея возможности после победы Великой Октябрьской социалистической революции отвратить появление независимого польского государства, руководители держав Антанты заранее отказывались допустить включение в состав Польши исконных западных польских территорий, среди населения которых в результате длительной германской колонизации поляки перестали составлять большинство. Так ещё в ходе войны с Германией империалисты США и Англии оберегали интересы германских империалистов, предназначая им крупную роль в борьбе с Советской Россией.

Французское правительство, не делая оговорок в отношении западных границ польского государства, высказывалось за восстановление Польши «в рамках её исторических пределов». При этом имелось в виду вернуть Польше границы 1772 г., когда Польша уже растеряла свои основные западные земли в пользу Пруссии, но включала в свой состав в качестве колоний Литву, Белоруссию и часть Украины.

Такая обширная, искусственно сколоченная антисоветская Польша, построенная на угнетении других народов, нуждалась бы в постоянной внешней поддержке и, по предположениям французских империалистов, безропотно должна была бы следовать в фарватере французской внешней политики. Французское правительство продолжало создавать польские вооружённые силы на территории Франции.

В июне 1918 г. державы Антанты опубликовали декларацию о необходимости создания польского государства. Но это не помешало империалистам Антанты и США торговать вопросом о самом существовании Польши. Так, именно после победы социалистической революции в России между западными державами и Австро-Венгрией были начаты новые секретные сепаратные переговоры. На этот раз переговоры с представителем венского двора вёл британский представитель, южноафриканец генерал Смэтс. С одобрения Ллойд-Джорджа Смэтс выразил согласие не только на сохранение двуединой монархии, но и на распространение власти Габсбургов на всё Королевство Польское.

Польский вопрос империалисты Англии, Франции, США и других стран рассматривали лишь как объект для всяких сделок

и торгов. Не независимость и свобода Польши, а только прибыли империалистов и борьба с социалистической революцией интересовали все империалистические правительства в их польской политике.

Победа Великой Октябрьской революции принудила империалистов Германии и Австро-Венгрии прибегнуть к целому ряду ухищрений для поддержания своего господства на оккупированных польских землях.

Буржуазия оккупированного австро-германцами Королевства Польского, не так давно ещё пресмыкавшаяся перед царизмом и не помышлявшая о независимости Польши, после установления советской власти в России резко изменила свою ориентацию. Она стала всячески домогаться отделения Польши от революционного Российского государства и видела спасение в сотрудничестве с германским империализмом. Польские помещики и капиталисты в России стали искать спасения у германских империалистов. К германским интервентам примкнул контрреволюционный польский корпус Довбор-Мусницкого. Подрывную деятельность против советской власти развернули в России польские националистические и социал-националистические группки. На территории, оккупированной австро-германцами, они состязались между собой в грязной клевете на советскую власть.

Регентский совет торопился укрепить положение оккупантов мерами, имевшими целью поддержать видимость своей независимости.

26 ноября 1917 г. Регентский совет создал «правительство» без ведомств иностранных дел и национальной обороны, а 4 февраля 1918 г. принял решение о созыве государственного совета, часть членов которого должна была избираться местными органами и больше чем на половину состоять из членов по должности и членов по назначению Регентского совета.

Дружественная освободительная политика Советского правительства, несмотря на все меры властей, становилась известной в самых широких массах польского народа. Народные массы жаждали союза с Советским правительством, чтобы с его помощью установить свободную и независимую Польшу, и всё активнее втягивались в борьбу против иноземных поработителей. Огромный подъём освободительных стремлений, вызванный в Польше социалистической революцией в России и национальной политикой советской власти, принуждал Регентский совет к новым манёврам.

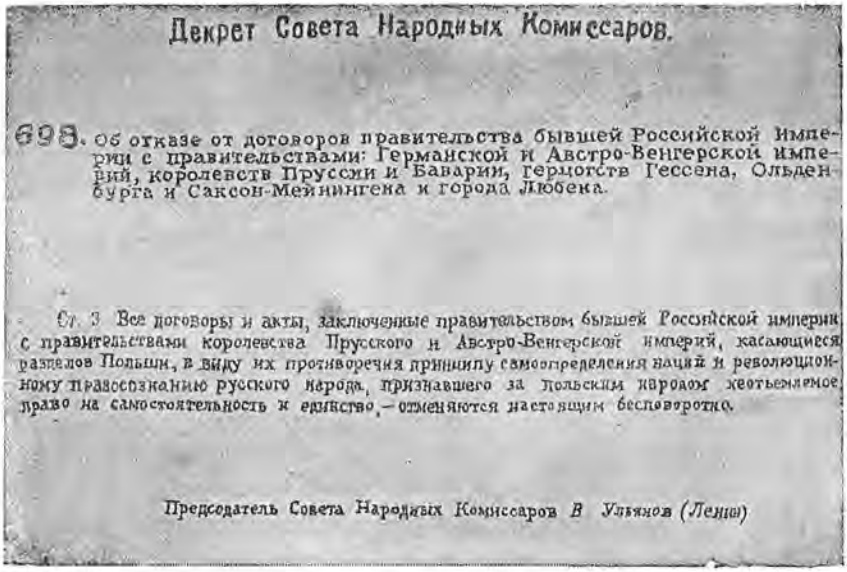
Не уведомив своих польских ставленников, Германия и Австро-Венгрия, в целях создания антисоветского союза с контрреволюционной Украинской радой, согласились передать под власть этой последней Хелмщину, которая до того рассматривалась как часть «независимой» Польши. Регентский совет, близко принимавший интересы польских помещиков Хелмщины, выпустил 14 февраля манифест, осуждавший отношение оккупирующих держав

к польским интересам и квалифицировавший их договор с Украинской радой как новый раздел Польши. Однако конфликт между оккупантами и их ставленниками имел целью лишь ввести в заблуждение народные массы. Те же цели преследовали некоторые выступления против оккупантов со стороны членов открывшегося 22 июня 1918 г. государственного совета. Существование этого учреждения сделалось неудобным для его организаторов: 31 июля сессия совета была прервана и более не возобновлялась.

Польские буржуазно-помещичьи партии, в том числе и пилсудчики, собирались посадить на польский «трон» одного из австрийских эрцгерцогов. Немцы добивались от польских властей добровольного отказа от претензии на устье Вислы и Гданьск и требовали установления послевоенной польско-германской границы по линии Варта Нотец. Разоблачение содержания этих переговоров, направленных против национальных интересов польского народа, вызвало огромное возмущение в оккупированной стране.

Режим, созданный оккупантами в Королевстве Польском, находился в состоянии явной агонии. Под прямым влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и ленинско-сталинской национальной политики советской власти в Королевстве Польском начался подъём революционно-освободительного движения. СДКПиЛ и ППС-левица выразили солидарность с Великой Октябрьской социалистической революцией и с борьбой рабочих и крестьян России. В особой декларации СДКПиЛ провозгласила единство интересов польского народа в Королевстве Польском, в Галиции, Познаньщине и Силезии и потребовала увода оккупационных войск из всей Польши и ликвидации всех органов власти, созданных оккупантами. СДКПиЛ последовательно и правильно определила высший классовый и интернациональный долг польского пролетариата, повелевающий ему вести непримиримую борьбу с врагами русской революции, защищать её от международной буржуазии. «Пусть никто не посмеет сказать, что мы, которым русская революция несет свободу, не защищали её до последней капли крови», — говорилось в одном из воззваний СДКПиЛ. В то же время СДКПиЛ не поняла, что коренной поворот в истории человечества, совершённый Великой Октябрьской социалистической революцией, требует от неё стратегического поворота и выдвижения лозунга борьбы за независимую, социалистическую Польшу, связанную союзом и дружбой с Советской Россией.

Частью под руководством СДКПиЛ, частью стихийно в Королевстве Польском усилилось движение против оккупации, возросло количество массовых забастовок и выступлений безработных. Под влиянием ленинского декрета о земле развернулась борьба крестьянской бедноты и сельскохозяйственных рабочих за землю. В Тарнобжегском уезде произошло крестьянское восстание.



Декрет Совета Народных Комиссаров.

698. Об отказе от договоров правительства бывшей Российской Империи с правительствами: Германской и Австро-Венгерской империй, королевств Пруссии и Баварии, герцогств Гессена, Ольденбурга и Саксон-Мейнингена и города Любека.

Ст. 3. Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империй, касающиеся разделов Польши, в виду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство,—отменяются настоящим бесповоротно.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*

Декрет Совета Народных Комиссаров.

В середине января 1918 г. в Варшаве произошла мощная забастовка коммунальных рабочих, развязавшая забастовочное движение в Лодзи, Домбровском каменноугольном бассейне, Люблине и других городах. В ряде мест забастовки и антинемецкие демонстрации сопровождались столкновениями с вооружёнными силами оккупантов.

Среди передовых групп рабочего класса Польши всё большее признание получала идея создания Советов рабочих депутатов и пролетарской Красной гвардии.

Новым толчком к росту революционно-демократического движения в Польше явился акт Советского правительства от 29 августа 1918 г.

Советское правительство, преисполненное глубоким пониманием интересов польского народа, стремилось к ликвидации вековечных раздоров между польским и русским народами, создававшимися соперничеством и угнетательской политикой эксплоататорских классов, к установлению между братскими народами Советского государства и Польши отношений взаимного уважения, равенства, дружбы и братства. В декрете от 29 августа 1918 г., скреплённом подписью основателя большевистской партии и Советского государства В. И. Ленина, устанавливалось, что «все договоры и акты, заключённые правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революцион-

ному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство,— отменяются настоящим бесповоротно».

Для истерзанной, измученной Польши, веками служившей предметом сделок и соглашений со стороны других держав, этот ленинский акт явился декларацией вольности, создавшей твёрдые юридические и политические основания свободы и независимости польского народа.

Вскоре после этого акта Советского правительства последовали капитуляция Болгарии (29 сентября 1918 г.) и обращение Австро-Венгрии (4 октября) и Германии (5 октября) к США и другим вражеским странам с просьбой о мире. Предстояла капитуляция Германии и Австро-Венгрии. Связанные с ними польские буржуазно-помещичьи круги заметались в поисках способов сохранения своей власти, своих привилегий.

7 октября, вслед за обращением центральных держав к противнику, Регентский совет опубликовал манифест, провозглашавший «независимость» Польши. Эта пустая декларация немецких ставленников ничего не меняла в действительном положении вещей и имела целью лишь затормозить революционно-освободительное движение.

Ухищрения господствующих кругов не были в состоянии сдержать массовое движение. В рабочих центрах началась подготовка к созданию Советов рабочих депутатов, крестьяне решительно требовали ликвидации оккупационно-регентского режима.

Торопясь перехватить революционно-демократическую инициативу поднявшихся на борьбу народных масс, кипучую деятельность развернули социал-националисты и другие партии и организации, до той поры безропотно прислуживавшие Габсбургам и Гогенцоллернам. В Кракове и в других городах стали возникать многочисленные буржуазно-помещичьи комитеты и комиссии. Развивая бурную шовинистическую пропаганду, эти комитеты и комиссии стремились вовлечь народные массы в русло национализма и завоевательной борьбы против украинского, белорусского, русского, литовского и чешского народов. Во второй половине октября 1918 г. польские националисты подняли мятеж в Западной Украине против украинского национально-освободительного движения.

Тем временем произошёл распад Австро-Венгерской империи, взорванной революционным и национально-освободительным движением, развернувшимися под прямым воздействием Великой Октябрьской социалистической революции. В начале ноября революция охватила Германию. Хотя эта революция была буржуазной, но ликвидация монархии и широкий размах рабочего движения, направленного к созданию Советов, явились факторами, усиливающими революцию и освободительную борьбу польского народа.

Полным пренебрежением со стороны Англии, Франции и США к национальным польским интересам явились продиктованные Германии в Компьене и принятые последней 11 ноября 1918 г. условия капитуляции. Согласно этим условиям, Германии предписывалось отвести войска на линию своей восточной границы, существовавшей к моменту начала первой мировой войны, тогда, когда этого потребуют победители. Следовательно, западные «союзные» правительства, в нарушение даже своих недавних деклараций, соглашались продлить господство уже капитулировавшей Германии над всеми польскими территориями, захваченными ею как до 1914 г., так и в годы первой мировой войны. Тем самым эти последние рассматривались не более как разменная монета во взаимных отношениях держав-победительниц при разделе добычи, как плацдарм для борьбы против Советского государства. Одна из статей Компьенского перемирия устанавливала, что победители будут иметь свободный доступ на захваченные германскими империалистами территории через Данциг или Вислу «для поддержания порядка». Разоблачая подлинный смысл подобных планов «поддержания порядка», В. И. Ленин писал: «Мы знаем, что это за порядок. Это значит, что англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции»[1].

После капитуляции Германии и краха германской и австрийской оккупации в Польше дальнейшее развитие Польши и обеспечение свободы и независимости, предоставленной ей Великой Октябрьской социалистической революцией, оказывалось в прямой зависимости от организованности, сплочённости, революционной последовательности польских рабочих и крестьян, от их способности вырвать у эксплоататорских классов власть и отвратить угрозу превращения Польши в игрушку сил империализма и реакции. Октябрьская революция покончила с одним из угнетателей Польши — царизмом, она нанесла смертельный удар всей системе капитализма и положила начало освобождению всего трудящегося и угнетённого человечества.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции подтвердила положение, выдвинутое В. И. Лениным о том, что польский вопрос может быть разрешён только в связи и на почве пролетарской революции в России, что свобода Польши невозможна без свободы России.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 140.

ПОЛЬША — БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЕ ГОСУДАРСТВО

ГЛАВА XXV

Восстановление Польши как буржуазно-помещичьего государства

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на польский рабочий класс. СДКПиЛ безоговорочно выразила свою солидарность с Великой Октябрьской социалистической революцией и выдвинула лозунг создания Советов в Польше. Но партия всё ещё не преодолела своих глубоких ошибок в национальном и аграрном вопросах, в вопросе о гегемонии пролетариата, о роли пролетарской партии в революции и других важнейших вопросах марксистской теории и в результате этого не могла завоевать на свою сторону большинство рабочего класса и обеспечить создание рабоче-крестьянского союза.

Передовой и наиболее сплочённой силой польского рабочего класса являлись горняки Домбровского каменноугольного бассейна. 3 ноября 1918 г. рабочие Домбровского каменноугольного бассейна приступили к образованию Совета рабочих депутатов. Раньше других свой Совет создали рабочие г. Домброва. На первом заседании этого Совета, происходившем 3 ноября, были приняты приветствия Советскому правительству России и германским революционерам во главе с Карлом Либкнехтом и было решено призвать рабочих к повсеместному созданию Советов и Красной гвардии. 5 ноября образовался Совет в Люблине, а 11 ноября образовался Совет рабочих депутатов в Варшаве, после чего Советы возникли в Лодзи и других городах. Но за исключением Домбровского района, Советы, раздираемые внутрипартийной борьбой и разлагаемые националистической пропагандой, не стали органами власти. Располагавшие во многих Советах большинством голосов пепеэсовцы и бундовцы стремились парализовать стихийное тяготение рабочих к борьбе за социализм и использовать Советы как прикрытие буржуазно-помещичьей контрреволюции. Они стремились совместно с буржуазными партиями к быстрейшему формированию буржуазно-помещичьего государственного аппарата.

7 ноября 1918 г. в Люблине, в условиях фактически рухнувшей австро-венгерской оккупации, образовалось правительство во главе с лидером галицийской социал-демократии пилсудчиком Игнацием Дашинским. Это правительство обратилось с прокламацией к рабочим, крестьянам и солдатам, в которой провозглашало образование «польской народной республики», объявляло восстановление независимой Польши, а власть Регентского совета — низложенной. Вопросы о земельной реформе и национализации ряда отраслей производства, социальном законодательстве и других мерах, соответствовавших социальным интересам рабочего класса и крестьянства, объявлялись подлежащими рассмотрению только Учредительного сейма.

Люблинское правительство считало своей главной задачей установление буржуазно-парламентского строя в Польше и предотвращение в ней социалистической революции. В своей прокламации оно выражало восхищение Пилсудским и предназначало ему роль руководителя польской армии.

Помимо Дашинского, в состав люблинского правительства вошли пилсудчики — легионер Арцишевский, закончивший свою политическую карьеру предателя на посту «премьер-министра» польского эмигрантского фашистского правительства в Лондоне, легионер Морачевский, руководитель ПОВ Рыдз-Смиглы, лидер партии «Вызволене» Тугутт, а также лидер партии «Пяст» Витос и др.

Считая установки программной прокламации люблинского «народного правительства» слишком радикальными, Витос незамедлительно отмежевался от этого правительства. Он с особым рвением инспирировал деятельность образовавшейся 28 октября 1918 г. в Кракове Ликвидационной комиссии. Ликвидационная комиссия в центре своей деятельности поставила вооружённую борьбу против украинского национально-освободительного движения, приведшего к провозглашению 18 октября 1918 г. Западно-Украинской народной республики. 1 ноября против этой республики подняли мятеж реакционные националистические польские организации во Львове.

В Варшаве между тем заканчивал своё существование созданный оккупантами Регентский совет.

В предвидении краха своей оккупации, обеспокоенные возможностью распространения на Польшу социалистической революции, германские власти принимали все зависящие от них меры к укреплению положения польских помещиков и капиталистов. Они решили прибегнуть к помощи своего испытанного союзника Пилсудского, который через своего агента Залесского в течение всей войны поддерживал тайные отношения также и с английскими империалистами.

Руководящее положение, которое занимал Пилсудский в ряде военизированных легальных и полулегальных формирований, его связи с лидерами социал-националистских организаций, создан-

ная ему репутация «жертвы» германских преследований, колебавшая убеждение передовых рабочих и крестьян в том, что вся его деятельность соответствовала интересам немецко-австрийских империалистов, наконец, его беспринципность и политическая ловкость — делали его весьма удобной фигурой для борьбы с разраставшимся в Польше революционным движением. Уже 8 ноября германские власти специально отрядили за находившимся в Магдебурге Пилсудским графа Гарри Кеслера, внебрачного сына Вильгельма II. После переговоров в Берлине, совпавших с провозглашением в Германии республики и бегством Вильгельма II в Голландию, Пилсудский в сопровождении Кеслера был доставлен специальным поездом в Варшаву.

Когда стало известно о капитуляции Германии и повсеместно началось разоружение населением немецких оккупационных войск, Регентский совет 14 ноября передал Пилсудскому всю полноту власти и прекратил свою деятельность. Пилсудский, понимая, что удержать власть он сможет только пообещав считаться с пожеланиями народа, немедленно объявил о том, что им будет создано временное правительство и созван учредительный сейм. Формирование правительства Пилсудский поручил Дашинскому.

Вместо отпора преемнику немецких ставленников и в сущности такому же немецкому ставленнику, каким был Регентский совет, люблинское «народное правительство» признало Пилсудского главой государства и в свою очередь прекратило деятельность. Краковская Ликвидационная комиссия тоже не выразила никакого протеста против прихода Пилсудского к власти. Социал-шовинисты в Советах и в других рабочих организациях утверждали, что Пилсудский обеспечит удовлетворение всех нужд польских трудящихся и спасёт Польшу от «большевистской опасности».

Итак, все усилия польского народа получить свободу и независимость увенчались лишь тем, что его судьбу теперь вершил немецкий ставленник, заклятый враг пролетарской революции, свободы и независимости Польши.

Между германским военным командованием и Пилсудским было условлено, что немцы эвакуируют свои войска с польской территории. Под польской территорией договорились считать землю, лежащую между довоенной русско-германской границей на западе и на севере, и линией, проходящей вдоль железной дороги Ковель—Брест—Белосток—Граево, — на востоке. Это соглашение, соответствовавшее в вопросе о западных границах Польши условиям Компьенского перемирия, сохраняло за немцами всю территорию прусского захвата Польши и явилось актом предательства пилсудчиками коренных национальных польских интересов. В то же время это соглашение имело целью сохранить зону немецкой оккупации между Советской Россией и Польшей и тем самым облегчить положение польских помещиков и капиталистов.

В связи с противодействием эндеков и других крайних правых кругов Дашинскому не удалось составить правительства. Тогда Пилсудский 17 ноября назначил Морачевского премьером. На следующий день Морачевский образовал кабинет, присвоивший себе лживое наименование «временного рабоче-крестьянского правительства Польской республики». 28 ноября был обнародован декрет, оформивший диктатуру Пилсудского, как «начальника государства».

«Рабоче-крестьянское правительство» и «начальник государства» незамедлительно развернули борьбу с революционным движением рабочих и крестьян. Для того чтобы задержать развёртывание революционного движения, правительство в отдельных случаях придавало силу закона некоторым решениям Советов, ввело 8-часовой рабочий день (23 ноября), инспекцию труда (3 января 1919 г.), страхование на случай болезни (11 января) и сделало ряд незначительных уступок, прикрываясь которыми, равно как и ссылками на то, что Учредительный сейм разрешит более существенные вопросы, власти разворачивали репрессивные действия против передовых революционных сил города и деревни.

Буржуазия и националистическая печать, ведя главным образом антисоветскую шовинистическую пропаганду, стремились отвлечь массы от проведения насущных социально-экономических преобразований крикливыми призывами к созданию «великой» Польши, Польши от «моря и до моря». 19 ноября контрреволюционные банды разгромили редакцию центральной газеты СДКПиЛ «Наша трибуна», а в декабре в Пултуске, Замостье и некоторых других местах буржуазно-помещичьи власти применили вооружённую силу для разгрома местных Советов. Упорная борьба между польской контрреволюцией и силами революционного рабочего класса развернулась в Домбровском бассейне. Сформировав Красную гвардию, домбровские пролетарии более полутора месяцев отбивали карательные экспедиции буржуазно-помещичьих вооружённых сил.

Контрреволюционная политика Пилсудского — Морачевского наталкивалась на усиливавшееся сопротивление передовых групп рабочего класса. Революционные силы заметно возрастали в связи с возвращением из России эвакуированного населения и демобилизованных солдат бывшей царской армии, находившихся под влиянием ленинско-сталинской большевистской партии.

16 декабря 1918 г. на конференции в Варшаве произошло объединение СДКПиЛ и большинства ППС-левица на основе программы революционной, интернационалистской социал-демократии. Объединённая партия выдвинула задачу борьбы за диктатуру пролетариата и призвала к созданию Советов рабочих депутатов в городах и сельских местностях.

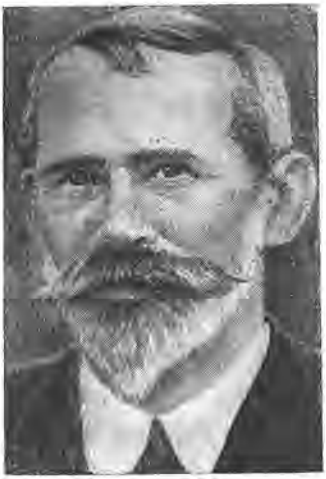
В обращении к пролетариату Польши объединительный съезд призывал к борьбе за диктатуру пролетариата, за социальную

Демонстрация в декабре 1918 г. на улицах Варшавы под лозунгом борьбы за диктатуру пролетариата.

революцию. Обращение подчёркивало, что объединённая партия считает себя одним из отрядов революционного Интернационала, идущего на последний, решительный бой против капитала. «Героический пролетариат России был первым, который в двух революциях, в марте и ноябре прошлого года, сокрушил господство капитала»; подчёркивая международное значение революции в России, обращение указывало, что примеру русских рабочих следуют пролетарии других стран, борющиеся за власть Советов рабочих депутатов и что героические рабочие России борются «за своё и наше освобождение от ярма капитала».

Осуждая проводившуюся правительством войну в Восточной Галиции (Западной Украине), направленную против рабочих и крестьян, в защиту польских магнатов и их земельных владений, разоблачая буржуазные партии и особую вредоносность деятельности «фраков» Пилсудских и Морачевских, предупреждая, что Польше угрожает путь нищеты, бедствий, войны с рабочей Россией и революционной Германией, обращение указывало, что только социальная революция, ликвидация власти буржуазии, поддерживаемой международной империалистической контрреволюцией, и установление власти Советов рабочих депутатов города и деревни отвечает интересам польского народа.

Весьма характерно для этого программного документа, несомненно проникнутого глубокой верой в дело рабочего класса, преданностью пролетарской революции в Польше и чувством интернационального долга пролетариата всего мира в отношении победоносного рабочего класса России, то, что он обходил молча-



Ю. Мархлевский.

нием социально-экономические проблемы и вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством. Даже советы в деревне, как вытекало из обращения, должны были явиться советами рабочих депутатов.

Обращение объединительного съезда к пролетариату Польши ярко демонстрировало сильные и слабые стороны авангарда польского пролетариата, его революционной партии. Закрепление и дальнейшее развитие лучших черт партии, преодоление ошибок и слабости, освоение марксизма-ленинизма, большевизация партии — таковы были её задачи. Объединённая партия приняла название Коммунистической Рабочей Партии Польши, заменённое в 1925 г. названием: Коммунистическая Партия Польши (КПП).

Представители польской коммунистической партии, во главе с выдающимся деятелем польского и международного рабочего движения Юлианом Мархлевским, принимали участие в образовании III, Коммунистического Интернационала.

Создание партии, объединившей революционное крыло рабочего класса, было важным шагом вперёд, сделанным польским рабочим классом под непосредственным влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления в России диктатуры пролетариата.

Вместе с тем молодая коммунистическая партия была ещё очень далека от подлинного усвоения марксизма-ленинизма и опыта большевистской партии, приведшей рабочий класс России к победе пролетарской революции. В ряде вопросов, имевших решающее значение для революционной борьбы польского рабочего класса, она продолжала оставаться на люксембургианских позициях. Так, поставив своей ближайшей целью борьбу за диктатуру пролетариата и власть Советов в Польше, партия игнорировала необходимость союза рабочего класса и трудящегося крестьянства и не поддерживала крестьянских требований о разделе помещичьей земли. Хотя в понимании национальных интересов польских трудящихся в позиции партии произошёл сдвиг, однако, она недостаточно чётко определила своё отношение к вопросу о независимости и ничего не сделала для разоблачения предательской, антинациональной политики пилсудчиков по отношению к западным польским землям. Оставив крестьянство без руководства со стороны рабочего класса, преклоняясь перед стихийностью, недооценивая возможность победы пролетарской революции в Польше до победы революции в западноевропейских

странах, недооценивая свою собственную организующую роль, коммунистическая партия не смогла организационно закрепить глубокое доверие к себе со стороны рабочего класса и добиться изоляции буржуазно-националистических и соглашательских элементов, подвизавшихся в рабочем классе.

Объединение СДКПиЛ и ППС-левицы имело и некоторые отрицательные последствия — вместе с «левицей» в объединённую партию проникло немало националистов, реформистов, провокаторов, пилсудчиков и иных скрытых врагов рабочего класса. Эти элементы выступали против большевизации и мешали деятельности коммунистов.

Самоотверженная борьба коммунистов за интересы трудового народа до известной степени восполняла ошибки, допускавшиеся ими в постановке решающих вопросов польского революционного движения. Очень скоро под влиянием коммунистов оказались 15 профессиональных союзов, объединявших свыше 36 тыс. членов, в то время как под руководством ППС находилось 26 профсоюзов с общим числом членов в 37 тыс. человек. В едином Варшавском совете рабочих депутатов, созданном в середине декабря по требованию рабочих, коммунисты получили 297 мандатов против 353 у ППС и 125 у Бунда.

Первые же недели деятельности коммунистической партии говорили о том, что она становится серьёзной политической силой.

Все буржуазные и соглашательские партии с полным единодушием принялись травить коммунистов. В то же время между буржуазными партиями происходила острая борьба за власть. Эндеки и пястовцы критиковали «левые» партии — ППС и «Вызволене» — за якобы допускавшееся ими попустительство рабочему и революционному движению, за политику, угрожавшую «анархией» и «хаосом». Социалисты-пилсудчики, а также вызволенцы объявляли себя защитниками народа, упрекали правые партии в классовом эгоизме и состязались с ними в безудержной антисоветской пропаганде.

Для молодого польского государства вопросы внешней политики приобретали исключительное значение. Разрешение одной из коренных проблем национального развития — освобождения западных земель — могло произойти только в борьбе с германским империализмом. Вопреки интересам страны, Пилсудский пошёл на установление дипломатических отношений с буржуазно-юнкерской Германией. Этот новый антинациональный акт польских правителей ставил Польшу в положение нейтральной страны, не претендующей на участие в предстоявшей в Париже мирной конференции.

Пронемецкая политика правившей группировки использовалась эндеками и другими партиями, преимущественно придерживавшимися французской ориентации. Эти партии стремились объединить вокруг себя антинемецки настроенные круги национали-

стической мелкой буржуазии и интеллигенции, вызывали еврейские и украинские погромы и вели пропаганду в пользу «Польского национального комитета» в Париже. «Польский национальный комитет» добивался признания его польским правительством. Он разрабатывал планы организации антисоветского похода.

Между тем германская оккупация в Белоруссии и на Украине потерпела полный крах. В самой Германии усиливалось рабочее движение. Ввиду этих обстоятельств, а также в связи с недовольством, выражавшимся правительствами Франции и Англии польско-германским сотрудничеством и бурными антинемецкими народными выступлениями, варшавские власти 15 декабря 1918 г. порвали дипломатические отношения с Германией. Но попрежнему они ничего не предпринимали для освобождения западных польских земель.

27—30 декабря 1918 г. в Познани и некоторых других городах, продолжавших находиться под прусским господством, началось антинемецкое восстание. Несмотря на то, что это восстание не встретило поддержки варшавских властей, оно закончилось освобождением восточной части Познаньщины из-под немецкого ига. Созданное в Познани местное временное правительство находилось под руководством эндеков и относилось неприязненно к варшавским властям. В центре внимания этих последних были планы захвата советских земель.

Советское правительство, проводя последовательную политику признания за каждой нацией права на самостоятельное государственное существование, представив польскому народу независимость, предприняло несколько попыток завязать дипломатические отношения с установившимся в Варшаве режимом. Но польские правители тщательно утаивали от своего народа все поступившие от Советского правительства предложения. 18 декабря 1918 г., тотчас же по прибытии в Варшаву, была арестована миссия российского «Красного креста». Демонстрация протеста, организованная трудящимися польской столицы, подверглась обстрелу. 2 января 1919 г. члены российской миссии «Красного креста», возглавлявшейся Б. Веселовским, в прошлом одним из организаторов и видных деятелей СДКПиЛ, принимавшим личное участие в Октябрьской революции, были расстреляны белополяками.

Возмущением рабочих антисоветской и пронемецкой политикой Пилсудского—Морачевского попытались воспользоваться эндеки. В ночь с 5 на 6 января 1919 г. они предприняли неудавшуюся попытку государственного переворота. Опасность захвата власти крайними правыми партиями и контрреволюционная политика правительства вызывали растущий отпор передовых кругов трудящихся. Маневрируя под давлением рабочих масс, соглашательские фракции Варшавского совета рабочих депутатов 15 января высказались за поддержку внесённого коммунистами предложе-

ния о созыве общепольского съезда Советов. В декларации, оглашённой представителями коммунистической фракции, говорилось: «В качестве главного лозунга современного периода коммунистическая рабочая партия Польши выдвигает лозунг социальной революции, диктатуры пролетариата и борьбы за власть Советов рабочих депутатов... В будущей победе революционного интернационала, в единстве революционных задач международного пролетариата, в братском союзе с рабочим правительством Советской России и борющимся под знаменем «Спартака» пролетариатом Германии, коммунистическая рабочая партия Польши видит опору в своей борьбе и гарантию победы пролетариата нашей страны». Далее в декларации разоблачалась ППС и созданное ею правительство, «являющееся покорным слугой, орудием и ширмой польской контрреволюции». Революционная интернационалистская программа коммунистов завоёвывала поддержку рабочих. В январе 1919 г. при выборах в объединённый Совет рабочих депутатов Домбровского промышленного района коммунисты получили абсолютное большинство голосов. Но эти частичные успехи не могли изменить того положения, что отсутствие у КПП чёткой программы по национальному вопросу и революционной программы по крестьянскому вопросу дезориентировало широкие массы трудящихся и широко использовалось социал-националистами и людовцами различных оттенков. Эта буржуазная агентура, умело используя неудержимое тяготение польского народа к созданию суверенного государства, клеветнически кричала о якобы существовавшей угрозе независимости Польши со стороны Советского государства и польских коммунистов.

Все силы польской контрреволюции с глубокой тревогой констатировали рост влияния коммунистов как в городе, так и в деревне. Интересы помещиков и капиталистов требовали консолидации представлявших их партий в целях развёрнутого наступления на рабочий класс и трудящееся крестьянство и осуществления антисоветских великодержавных планов. Объединения сил польской контрреволюции также решительно требовали правительства Антанты и США, подготовлявшие расширение вооружённой интервенции против Советского государства и предназначавшие Польше роль базы и ударной силы в борьбе против Советской России.

Под давлением иностранных империалистов и исходя из потребностей польской контрреволюции, варшавские власти и «Польский национальный комитет» в Париже договорились о полном сотрудничестве. В соответствии с этой договорённостью Пилсудский 16 января 1919 г. уволил в отставку Морачевского и его кабинет, а прибывший ещё в декабре в Варшаву Падеревский 17 января 1919 г. составил новое правительство, опиравшееся на широкий эндеко-пилсудчиковский блок. Лидеры ППС («фраков»), отразившие первый натиск польских трудящихся на буржуазно-помещичий строй, не вошли в состав нового кабинета:

они стали в положение «оппозиционной» партии для того, чтобы продолжать обман части рабочего класса и мелкой буржуазии, ведя её по пути контрреволюции и национализма.

Правительство Падеревского провело 26 января 1919 г. на территории бывшего Королевства Польского и Западной Галиции выборы в Учредительный сейм. Происходившие в обстановке осадного положения, введённого в основных пролетарских центрах, отсутствия единого закона о гражданстве, произвола властей и бойкота со стороны коммунистической партии, недооценившей необходимость использовать выборы для мобилизации передовых сил народа и для приобретения парламентской трибуны, выборы не могли отразить действительной воли избирателей.

В открывшийся 10 февраля Учредительный сейм, помимо избранных депутатов, вошли в качестве представителей земель прусского захвата польские депутаты рейхстага. Рассматривая как часть польского государства Западную Украину, против которой велась захватническая война, польские власти включили в состав сейма польских депутатов рейхсрата от восточных округов бывшего королевства Галиции и Лодомерии.

Крупнейшей по количеству депутатов в Учредительном сейме была фракция эндеков, или «национально-народного союза», как они стали себя официально именовать. К 109 эндекам примыкали 29 депутатов христианско-демократической партии труда, 15 депутатов «национальной рабочей партии» и др. Центр сейма представляла фракция кулацкой партии «Пяст», насчитывавшая 101 депутата; к левой части сейма принадлежали 57 депутатов — «вызволенцев», 33 «социалиста» и др. Оформление партий и направлений не завершилось ко времени открытия сейма, и в дальнейшем состав фракций подвергался существенным изменениям. В связи с переходом из других партий в 1920 г. в сейме оказалось 2 депутата-коммуниста. Фракция «социалистов» объединила представителей ППС — «революционной фракции», ППС бывших прусских земель и социал-демократии Галиции и Силезии, вскоре слившихся в единую общепольскую ППС.

Одним из первых постановлений сейма явилось принятие «малой» или «краткой» конституции, которая возлагала на Пилсудского дальнейшее отправление должности «начальника государства», но несколько ограничивала его права.

С созывом Учредительного сейма окончательно определился буржуазно-помещичий характер возникшего польского государства. С помощью социал-националистов буржуазии удалось расколоть рабочее движение, предотвратить пролетарскую революцию, ослабить и парализовать Советы, удержать большую часть рабочего класса на точке зрения социал-патриотизма [1]. Лидеры социалистов сорвали созыв общепольского съезда Советов и взрывали Советы. Систематически прибегая к массовым арестам

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 153.

коммунистов и передовых рабочих, разгону и расстрелу демонстраций, вооружённому подавлению стачек, буржуазно-помещичье правительство задушило Советы, которые летом 1919 г. один за другим прекратили существование. Решающую роль в удушении польских Советов сыграли социал-националисты: 20 июня 1919 г. Главный совет ППС принял решение о выходе «социалистов» из Советов.

Крестьянское движение, развёртывавшееся много медленнее, чем движение рабочего класса, достигло значительного размаха к лету 1919 г. Лишённое руководства со стороны потерпевшего поражение пролетариата, предаваемое кулацко-буржуазными партиями, подавляемое карательными экспедициями, крестьянство не сумело добиться земли, стихийно возникавшие советы батраков и крестьянские советы были разогнаны; крестьянское восстание в Западной Галиции было подавлено. С целью дезориентировать крестьянство Учредительный сейм 10 июля 1919 г. принял большинством в один голос закон об ограничении размеров земельных владений. Но этот акт не предусматривал ни практических способов отчуждения излишков земли, ни способов её распределения.

Разгром революционных демократических сил, образование основных звеньев административного аппарата, создание армии, служившей интересам угнетения народа и делу внешних захватов, укрепили буржуазно-помещичий строй в Польше. Восстановленная в результате Великой Октябрьской социалистической революции Польша сложилась, ввиду слабости пролетариата и раскольнической, предательской деятельности социал-националистов и людовцев, как буржуазно-помещичье государство.

ГЛАВА XXVI

Антисоветские захватнические войны Польши в 1919—1920 годах

Со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции все помыслы польских правителей были направлены к тому, чтобы задушить молодое Советское государство и овладеть украинскими, белорусскими, русскими и литовскими землями.

Однако на первых порах существования польского буржуазно-помещичьего государства правящие в нём круги не располагали достаточными силами для одновременной борьбы с революционным движением внутри Польши и для проведения широких захватнических действий против страны Советов. Немало сил польской реакции поглощала начатая с первых дней крушения австро-германской оккупации захватническая война против Западно-Украинской народной республики. Острый спор из-за Тешинской Силезии и некоторых других пограничных районов

между Чехословакией и Польшей временами доходил до вооружённых столкновений.

Англия, Франция, США оказывали польскому буржуазно-помещичьему правительству, признанному ими 21 февраля 1919 г., разностороннюю помощь. В результате содействия этих стран польские власти в течение зимы 1918—19 г. создали армию, насчитывавшую не менее 170 тыс. солдат и офицеров. С февраля 1919 г. эти вооружённые силы были двинуты против Советского государства. Пользуясь тем, что основные силы Красной Армии были заняты борьбой с войсками Колчака, белополяки добились некоторого успеха: 4 февраля войсковая группа Рыдз-Смиглого захватила Ковель, 9 февраля польские войска заняли Брест, 21 апреля обманным путём они овладели Вильно, 9 августа, после длительных упорных боёв с частями Красной Армии, ворвались в Минск, а затем продвинулись до Житомира и рек Березина и Западная Двина. В начале сентября 1919 г. белополяки переправились было через Березину. Выдвинувшаяся группировка была разгромлена Красной Армией и отброшена за Березину. Всю эту советскую территорию Польша захватила без объявления войны.

На захваченных советских землях белополяки восстанавливали помещичье-буржуазный строй. Ответом белорусского народа на порабощение страны польскими захватчиками явилась освободительная партизанская война. Действовавшие в подполье группы большевиков повели широкую разъяснительную работу среди польских солдат, объясняя, что они являются орудием гнусной империалистической политики. Среди солдат росло понимание захватнического, грабительского характера войны против Советского государства. Командование белопольских войск прибегло к самым жестоким расправам, беспощадно расстреливая солдат даже за малейшее проявление сочувствия к угнетённому населению захваченных советских земель.

В апреле 1919 г. в Польшу были доставлены из Франции около 70 тыс. польских солдат и офицеров армии генерала Галлера. Созданные на французские средства, части «галлерчиков» были тотчас же по прибытии в Польшу брошены на западно-украинский фронт. В июле 1919 г. польским силам удалось оккупировать всю территорию Западной Украины вплоть до реки Збруч на востоке и до украинских земель, захваченных на юге Румынией.

В то время как развёртывалась эта агрессия, в Париже на мирной конференции империалистических держав-победительниц в первой мировой войне среди других проблем решался вопрос о польских границах. Франция стремилась к созданию на востоке обширного польского государства, которое служило бы барьером, отделяющим Западную Европу от Советской России, и в то же время было бы достаточно сильным для того, чтобы угрожать Германии. США и Англия целиком были соли-

дарны с Францией в политике превращения Польши в ударную антисоветскую силу империализма, но противились усилению Польши за счёт Германии. Они добились отмены первоначального решения о передаче Верхней Силезии Польше. Рассматривая Польшу как разменную монету при разрешении своих противоречий, главные империалистические державы торговали жизненными интересами Польши и в конечном счёте договорились о сохранении в составе Германии подавляющей части польских земель из территорий бывшего прусского захвата. Даже Гданьск — естественный порт национальной польской реки Вислы не был возвращён Польше. Его выделили в особое «свободное государство Данциг». В качестве выхода к морю Польша получила полупустынную полосу морского побережья протяжением в 70 *км*. К этому побережью вёл узкий коридор, проложенный сквозь широкий массив германских владений.

Оставляя за Германией богатейшие польские земли и свыше двух миллионов польского населения, эта граница, причудливо извиваясь, проходила в непосредственной близости от основных жизненных центров Польши и сохраняла за немцами к северу от Варшавы военный плацдарм Восточной Пруссии. Такая граница как бы предназначала Польшу к роли первой жертвы новой германской агрессии. На некоторых польских землях (Верхняя Силезия, Вармия, Мазуры), оставленных в составе Германии, предстояло провести плебисцит по вопросу о государственной принадлежности.

Несмотря на то, что установленная в Париже польско-германская граница не соответствовала обязательствам, взятым США и другими державами по отношению к Польше и грубо попирала коренные национальные интересы польского народа, польское правительство согласилось с прогерманским решением держав-победительниц. 28 июня 1919 г. Падеревский и Дмовский от имени Польши подписали Версальский мирный договор.

Идя на этот предательский акт, попиравший жизненные интересы нации, польское буржуазно-помещичье правительство не только повиновалось диктату главных империалистических держав, но проводило определённую классовую политику, рассчитанную на союз с западными империалистическими державами против Советского государства. Во имя своих антисоветских планов оно не оказало помощи освободительному польскому восстанию, разразившемуся в августе 1919 г. на территории Силезии, и предательски позволило немецким империалистам расправиться с повстанцами.

Версальский мирный договор оставил открытым вопрос о восточных границах Польши. Но одновременно с заключением этого договора произошло подписание между Польшей, с одной стороны, и Англией, Францией, США и рядом других стран — с другой, особого договора «о защите прав национальных меньшинств в Польше». Этот договор, являвшийся составной частью Версальского мирного договора, был навязан Польше державами Антанты. Он предусматривал предоставление национальным меньшинствам Польши равных прав с польским населением, запрещал какую-либо дискриминацию по национальному признаку, гарантировал свободное пользование родным языком, свободу вероисповедания, право создавать свои школы, общественные и религиозные организации.

шинств» в польском государстве. В этом договоре устанавливалось, что Польша осуществляет суверенитет «над частью бывшей Российской империи, населённой в большинстве поляками». Следовательно, согласно этому договору, требовалось установить линию, за пределами которой поляки перестают составлять большинство населения.

Советское правительство многократно предлагало польскому правительству мирно урегулировать все интересовавшие обе страны вопросы. Но польские правящие круги продолжали свою завоевательную политику. Они вынашивали авантюристические планы создания обширной польской колониальной державы от Балтийского моря до Чёрного, включающей по крайней мере земли, входившие в феодально-крепостническую Речь Посполитую до 1772 г. Польские господствующие классы пытались использовать лозунг восстановления исторических границ того периода, когда польское государство, растеряв исконные польские земли на западе, держало под своей властью украинские, белорусские, литовские земли. Польские господствующие классы стремились прикрыть этим лозунгом свою политику отказа от защиты национальных интересов и оправдать свою агрессию против Советского государства, предоставившего Польше свободу и независимость. Главари «социалистов», спекулируя на националистических предрассудках значительной части населения, дополняли болтовню о возвращении к историческим границам лживыми уверениями о том, будто в борьбе против Советского государства находят своё развитие традиции освободительной борьбы польского народа с царизмом.

При содействии правительств главных империалистических держав польские правители к осени 1919 г. довели численный состав армии до 600 тыс. человек. Боевую подготовку польская армия проходила под руководством англо-французской военной миссии в составе 9 генералов, 28 полковников, 668 офицеров других рангов и 2 500 рядовых и унтер-офицеров. Все главные поджигатели и организаторы антисоветской интервенции уповали на белополяков как на силу, которая сокрушит Советское государство. Черчилль ратовал за представление польским империалистам средств, способных обеспечить захват ими Москвы. Гувер специально прибыл в Варшаву, чтобы посредством так называемой «Американской организации помощи» закабалить Польшу и использовать её для осуществления антисоветских планов США. Папский нунций Ахилл Рати (будущий Пий XI) мобилизовывал все силы католической церкви на содействие белополякам. В целях более широкой подготовки к войне против Советской страны на смену вышедшему в отставку 9 декабря кабинету Падеревского пришло 13 декабря 1919 г. правительство близкого к эндекам Скульского.

8 декабря 1919 г. Верховный совет держав-победительниц в первой мировой войне принял декларацию по поводу времен-

ной восточной границы Польши в духе договора «о защите прав национальных меньшинств». Порождённая противоречиями между державами-победительницами, имевшая целью показать главарям русской контрреволюции, что западные правительства якобы не разделяют великодержавных польских планов, эта декларация даже не была сообщена Советскому правительству. Она не оказала ровно никакого влияния на агрессивные антисоветские замыслы империалистических держав, рассматривавших Польшу после разгрома Красной Армией первого и второго походов Антанты как главное орудие своей интервенционистской политики.

Проводя политику мира, вожди большевистской партии и Советского государства В. И. Ленин и И. В. Сталин постоянно предупреждали о военной опасности, угрожавшей Советской стране со стороны империалистической Польши. В своём выступлении 6 марта 1920 г. Ленин указал на прямую связь между возможностью нападения панской Польши и всё более осложнявшимся внутриполитическим положением буржуазно-помещичьего угнетательского Польского государства, толкающим правящие классы на поиски выхода из кризиса на путях новых внешнеполитических авантюр против Советской России. «Польские помещики и капиталисты не знают даже сами, что они сделают завтра, — говорил Ленин. — Внутреннее положение Польши настолько тяжёлое, что именно из очевидной опасности классового положения, только чувствуя свою гибель, они могут пойти на подобную авантюру»[1].

Политический и экономический кризис польского государства всё усиливался. К весне 1920 г. ежемесячное производство чугуна составляло лишь 10,2%, стали 11,6%, железа 10,2% по сравнению с соответствующими данными за 1913 г. Подготовка к новым захватническим походам привела к фактическому финансовому краху. Внешний долг Польши достиг 709,1 млрд. марок. Курс марки непрерывно падал. Трудящиеся задыхались от нищеты и бедствий. Число зарегистрированных безработных в апреле 1920 г. превысило 350 тыс. чел. США использовали хозяйственный развал Польши для захвата экономики страны. В. И. Ленин говорил в 1919 г.: «Польша скупается агентами Америки. Нет ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной отрасли промышленности, которые бы не были в кармане американцев»[2].

Разуверившись в буржуазно-помещичьей республике, всё более широкие массы трудящихся воспринимали революционные призывы загнанной в подполье коммунистической партии.

11 марта 1920 г. в Варшаве произошла крупная забастовка под антивоенными лозунгами и под лозунгами борьбы против правительства, террора и дороговизны. 19 марта разразилась забастовка в ряде промышленных центров страны. В эти же дни

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 385.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 135.

произошло крупное национально-освободительное восстание украинского крестьянства на Волыни.

Польское государство шаталось под действием раздиравших его противоречий. Лучшим способом укрепления своего господства и помощи всей капиталистической системе польские помещики и капиталисты считали ликвидацию советской власти, самое существование которой в действительности являлось основным условием существования Польши. Империалисты Антанты и США строили планы нового похода против Советской страны. «На этот раз интервенты решили использовать, с одной стороны, Пилсудского, буржуазного контрреволюционного националиста, фактического главу польского государства, и, с другой стороны, генерала Врангеля, собравшего в Крыму остатки деникинской армии и угрожавшего оттуда Донбассу, Украине.

По выражению Ленина, панская Польша и Врангель — это были две руки международного империализма, пытавшегося задушить Советскую страну.

У поляков был план: захватить правобережную часть Советской Украины, захватить Советскую Белоруссию, восстановить в этих районах власть польских панов, расширить пределы польского государства «от моря до моря», от Данцига до Одессы, и за помощь, оказываемую им Врангелем, — помочь Врангелю разбить Красную армию и восстановить в Советской России власть помещиков и капиталистов.

Этот план был одобрен государствами Антанты»[1].

Новые мирные предложения Советского правительства Польше от 22 декабря 1919 г. и 28 января 1920 г. остались без положительного ответа. 2 февраля 1920 г. Всероссийский Центральный исполнительный комитет принял обращение к польскому народу. «Враги польского и русского трудового народа, — говорилось в начале этого обращения, — не довольствуясь тем, что пятилетней войной они залили мир кровью и разорили человечество, пытаются ныне толкнуть польские и русские народы друг против друга». Разоблачая лживую пропаганду организаторов интервенции о том, что после разгрома Колчака, Деникина и Юденича русский народ подготовляет завоевание Польши и хочет водворить коммунизм на польской земле штыками русских красноармейцев, ВЦИК в своём обращении подчёркивал и разъяснял, что свобода Польши является необходимым условием свободного развития России, и призывал к установлению мирных и добрососедских отношений между народами Польши и Советской России.

22 февраля 1920 г. Украинская Советская республика обратилась с мирным предложением к Польше. 6 марта Советское правительство сделало ещё одно мирное предложение правительству Польши. «Попытки Советского правительства открыть

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 230.

Демонстрация трудящихся Плоцка против реакционной и антисоветской политики буржуазно-помещичьего правительства (1920 г.).

переговоры с Польшей для сохранения мира и предотвращения войны не дали никаких результатов. Пилсудский не хотел разговаривать о мире. Пилсудский хотел воевать. Он рассчитывал, что уставшие в боях с Колчаком и Деникиным красные войска не выдержат нападения польских войск»[1]. Тем временем империалисты завершили подготовку к новому, третьему походу Антанты. Белополяки помимо Врангеля имели своими союзниками украинских контрреволюционеров во главе с Петлюрой.

Для того чтобы обеспечить своей армии преимущество внезапного нападения, польские правители в конце марта 1920 г. выразили готовность к переговорам с Советским правительством. Вместе с тем они выдвинули совершенно неприемлемые предварительные условия. 25 апреля 1920 г. белополяки перешли повсеместно во внезапное наступление. Это была не только политика разбоя в отношении Советского государства, но и проявление преступной вражды к национальным интересам польского народа.

1 мая польские коммунисты успешно организовали во многих городах крупные демонстрации, проходившие под лозунгами защиты Советской России и борьбы за диктатуру пролетариата в Польше.

7 мая белополякам удалось овладеть Киевом; одновременно они развернули наступление в направлении Одессы. Начав вскоре контрнаступление в Белоруссии, Красная Армия сорвала дальнейшие операции белополяков на Украине. Подтянув резервы, Красная Армия 5 июня прорвала линию польского

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 230.

фронта и развернула мощное контрнаступление. Освободив Киев, советские войска приступили к изгнанию захватчиков.

Первые же поражения польской армии на советском фронте вызвали глубокие отголоски во всей Польше. Активизировалась деятельность коммунистической партии, усилилось антивоенное движение в среде рабочих и крестьян. 9 июня правительство Скульского подало в отставку. Правительственный кризис разрешился только 23 июня созданием кабинета во главе с одним из старейших лидеров эндеков В. Грабским. 1 июля верховная власть в государстве перешла к совету обороны государства во главе с Пилсудским.

Красная Армия продолжала изгонять белопольские войска с украинской и белорусской земель. 10 июля начался новый этап наступления советских войск — преследование белополяков в направлениях на Варшаву и Львов. 11 июля 1920 г., в день освобождения Минска от польских захватчиков, происходил плебисцит по вопросу о государственной принадлежности на части земель прусского захвата. За присоединение к Польше было подано ничтожное количество голосов. Результат голосования отражал осуждение участниками плебисцита пилсудчиковско-эндековской политики.

Страх перед возможностью соединения победоносного наступления Красной Армии с революционным движением внутри Польши принудил Учредительный сейм принять 15 июля «исполнительные правила» к закону о земельной реформе от 10 июля 1919 г., никаких практических последствий не имевшему.

Добиваясь привлечения Чехословакии к совместной борьбе против Советского государства, правители Польши пошли на уступки в Тешинском вопросе: с их согласия конференция послов главных империалистических держав 20 июля 1920 г. приняла решение о разделе Тешинской Силезии и некоторых других спорных районов между Польшей и Чехословакией. Но спор из-за линии границы в районе Высоких Татр продолжался между этими странами до 1924 г. Не желая мириться с уступками, сделанными в период тяжёлого кризиса, польские правители в дальнейшем возобновили свои притязания на Тешинскую Силезию, что было одной из причин вражды между буржуазно-помещичьими Польшей и Чехословакией.

Наступление Красной Армии ставило помещичье-буржуазную Польшу перед лицом катастрофы и угрожало всей системе империалистических отношений, установившихся в Европе после первой мировой войны. Как указывал Ленин, «...наступая на Польшу, мы тем самым наступаем на самую Антанту; разрушая польскую армию, мы разрушаем тот Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений»[1]. Правительства империалистических держав уси-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 281.

лили военную помощь Польше. Рабочий класс ряда европейских стран, выступив в защиту Советской России, препятствовал доставке в Польшу вооружения, боеприпасов, обмундирования. Тогда руководители главных империалистических держав, собравшись на конференции в Спа, решили потребовать от Советского правительства приостановить наступление не доходя 50 *км.* до линии, установленной декларацией держав от 8 декабря 1919 г. Линия эта, как указывалось в ноте британского министра иностранных дел Керзона, вручённой 12 июля Советскому правительству, приблизительно должна была пройти у Гродно — Яловки — Немирова — Брест-Литовска — Дорогуска — Устилуга, восточнее Грубешова, западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат. В случае перенесения военных действий в пределы этой линии, получившей в дальнейшем название «линии Керзона», английское правительство и его союзники угрожали прибегнуть к открытой «помощи» Польше всеми средствами, имевшимися в их распоряжении.

Советское правительство считало возможным согласиться на установление советско-польской границы по «линии Керзона». Однако для Советского правительства было ясно, что империалисты путём предъявления английского ультиматума стремились лишь дать передышку панской Польше и выиграть время для новой агрессии. Об этом красноречиво говорили военные приготовления западных правительств, посылка в Польшу французской военной миссии генерала Вейгана, приезд в Варшаву английского посла в Берлине д'Абернона, содержавшееся в ноте Керзона ультимативное требование о заключении перемирия между Советской Россией и Врангелем, помощь США белополякам, превышавшая 40 млн. долларов, политика польского правительства, уклонявшегося от прямых переговоров с Советским правительством.

В целях предотвращения новых авантюр со стороны буржуазно-помещичьей Польши, Советское правительство видело себя вынужденным перенести военные действия к западу от «линии Керзона». «... мы, — говорил И. В. Сталин, — вынуждены были, в интересах обороны власти рабочего класса, пойти на Варшаву»[1].

Наступление Красной Армии обостряло политический кризис в Польше. 24 июля кабинет Грабского уступил место широкой правительственной коалиции во главе с лидером «Пяста» Витосом. В новый кабинет совместно с лидером эндеков Грабским вошёл лидер ППС Дашинский. Таким образом открыто создался единый фронт всех основных партий польской буржуазии, от открыто реакционных до социал-националистов включительно.

Правительству польской контрреволюции противостояла новая, революционная власть: в Белостоке, на освобождённой

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 265.

Нелегальная печать польской коммунистической партии.

Красной Армией польской территории, образовался Временный польский революционный комитет во главе с видными коммунистами Ю. Мархлевским, Ф. Дзержинским и др. Временный польский революционный комитет проводил большую работу по удовлетворению насущных нужд рабочего класса и разъяснению общности интересов трудящихся Польши и Советской России. Он провозгласил лозунг создания Польской Советской Республики и указывал польским трудящимся на отсутствие у Советской России каких-либо захватнических целей по отношению к Польше.

На освобождённых территориях Революционный комитет создавал органы революционной власти пролетариата и приступил к созданию польской рабоче-крестьянской армии. Но в своей деятельности он допустил ряд серьёзных ошибок, крупнейшей из которых явился отказ от проведения раздела помещичьих земель среди крестьян (помещичьи владения предполагалось превратить в государственную общенародную собственность). Ф. Дзержинский возражал против такой аграрной политики, настаивал на необходимости раздела помещичьих земель среди крестьян и создания для этой цели крестьянских комитетов. Позиция, занятая большинством членов Революционного комитета, не воспринявшим ленинского учения о союзе рабочего класса и трудящегося крестьянства, не понявшим уроков Вен-

герской советской республики 1919 г., помешала развязать крестьянскую войну против помещиков.

В создавшейся сложной обстановке часть коммунистической партии, действовавшая по ту сторону фронта, в тылу империалистических белопольских армий, не сумела разъяснить польским трудящимся, что Красная Армия несёт им свободу и подлинную независимость, давала превратное освещение империалистической политике Пилсудского. ППС воспользовалась тем, что компартия в тылу не стояла в те дни на высоте своего положения, и, развернув бешеную шовинистическую и клеветническую кампанию против Советской России и Красной Армии, сумела вовлечь в сети своего обмана даже некоторые слои рабочих.

Части Красной Армии приближались ко Львову и к Варшаве. Дело шло к полному поражению белопольских войск.

Но действия врагов советского народа Троцкого и его сообщников сорвали успехи Красной Армии: по их вине наступление частей Красной Армии происходило неорганизованно, без подтягивания резервов и тылов; они воспрепятствовали Красной Армии взять Львов, вывели Конную армию — главную силу южного, галицийского фронта — из состава фронта. В боях 16—17 августа 1920 г. на подступах к Варшаве польским войскам, опиравшимся на поддержку Антанты, удалось прорвать советский фронт, после чего оставшиеся без боеприпасов части Красной Армии вынуждены были отступить. Временному польскому революционному комитету пришлось вскоре прекратить свою деятельность. По прошествии нескольких дней наступление польских войск было остановлено, и части Красной Армии стали готовиться к новому контрудару. Не имея сил продолжать войну и опасаясь нового наступления Красной Армии, польское правительство пошло, наконец, на мирные переговоры с Советским правительством. Местом переговоров первоначально являлся Минск, а затем Рига.

В августе 1920 г. правители Польши оставили без помощи и поддержки второе антинемецкое восстание в Силезии.

Вскоре после начала советско-польских переговоров, правители Польши совершили агрессию против Литвы: польско-литовским договором от 7 октября 1920 г. польское правительство признало литовские права на Вильно и прилежащие территории, но уже через два дня, 9 октября, по приказу Пилсудского генерал Желиговский вторгся в Литву и захватил Вильно. В результате этого вероломного агрессивного акта между Польшей и Литвой возник конфликт, который оставался вплоть до начала второй мировой войны одной из причин постоянных беспокойств в Восточной Европе.

После длительных переговоров 12 октября 1920 г. был подписан договор о перемирии и прелиминарных (предварительных) условиях мира между РСФСР и УССР с одной стороны, и Польшей — с другой.

Сразу же после заключения прелиминарного договора на Советскую территорию вторглись находившиеся на содержании польского правительства банды Петлюры, Булак-Балаховича и других белобандитов. Разгром этих банд Красной Армией и в особенности ликвидация белогвардейской армии Врангеля показали польским правителям безнадёжность расчётов на успех нового нападения на Советское государство. Однако правящие польские круги всё ещё уклонялись от подписания окончательного мирного договора с Советским правительством и надеялись на возобновление Антантой вооружённой интервенции. В феврале 1921 г. Пилсудский совершил поездку в Париж, во время которой выяснилось, что Антанта и США были не в состоянии начать новое нападение на Советское государство.

Ближайшим результатом поездки Пилсудского явилось оформление существовавших польско-французских отношений подписанием в Париже 19 февраля 1921 г. договора о союзе между Францией и Польшей. В течение многих лет этот договор играл роль краеугольного камня антисоветской политики империалистов. Непосредственным продолжением франко-польского договора явился польско-румынский союзный договор, подписанный 3 марта 1921 г. в Бухаресте, причём в связи с существовавшим военным союзом Румынии с Чехословакией и Югославией все эти договоры создавали целую цепь антисоветских соглашений. Центральным звеном в антисоветском «санитарном кордоне» вдоль западных границ Советского государства была буржуазно-помещичья Польша.

Тяжёлым ударом для Польши явился результат происходившего 12 марта 1921 г. плебисцита в Верхней Силезии: более половины всех голосовавших высказались за сохранение Верхней Силезии в составе Германии. Несомненно, что на результаты голосования повлияли не только давление германских властей, которым содействовали английские и американские представители и Ватикан, но и нежелание многих верхнесилезских поляков стать орудием авантюристической, антинародной политики правивших Польшей помещиков и капиталистов. Результаты верхнесилезского плебисцита, противоречившие расчётам империалистов Франции на ослабление Германии, вызвали длительные международные переговоры. 2—3 мая 1921 г. произошло новое восстание наиболее активных антинемецких элементов среди верхнесилезского населения. Но как и два предшествовавших восстания, это выступление также осталось без поддержки со стороны польского правительства. В октябре 1921 г. совет послов империалистических держав принял решение о разделе Верхней Силезии; только её меньшая часть была возвращена Польше.

18 марта 1921 г. в Риге, наконец, состоялось подписание советско-польского мирного договора, по которому Польша сохраняла за собой ряд украинских и белорусских земель, нахо-

Образование польского буржуазно-помещичьего государства (1918—1921 гг.).

дившихся к востоку от «линии Керзона». Однако «рижская линия» высвобождала из-под польского господства значительную часть украинских и белорусских земель, находившихся под властью поляков до «похода на Киев», и тем самым отражала факт военного поражения, понесённого Польшей в 1920 г.

В итоге длительных вооружённых действий против Советского государства буржуазно-помещичьи правители Польши,

оставив вне западных пределов страны значительные группы польского народа и неоспоримо польские территории, установили восточную границу много восточнее естественных и этнических рубежей польской земли. Искусственно смещённая на восток, включавшая в свой состав народы, насильственно отделяемые от своих национальных государств, буржуазно-помещичья Польша сложилась как военно-захватническое антисоветское государство. Из 388 тыс. *кв. км,* составлявших поверхность Польши, не менее 180 тыс. *кв. км* приходилось на украинские, белорусские и литовские земли. В то же время более 100 тыс. *кв. км* польской земли оставалось под властью Германии.

Результатом восстановления Польши как буржуазно-помещичьего военно-захватнического антисоветского государства явился ряд факторов, постоянно действовавших в польской внутренней и внешней политике. Подчинение и угнетение украинцев, белорусов, литовцев и других национальных меньшинств, составлявших вместе около половины населения страны, влекло за собой установление режима злейшего гнёта, распространявшегося и на польских трудящихся. Образование Польши, как военнозахватнического многонационального государства предопределяло состояние постоянного напряжения в советско-польских отношениях; облегчало продвижение к власти в Польше самых реакционных, авантюристических, антисоветских клик; определяло ориентацию правивших польских кругов на любых врагов СССР; делало Польшу орудием антисоветской политики главных империалистических держав. Другим последствием восстановления Польши как буржуазно-помещичьего захватнического антисоветского государства являлась её военная, дипломатическая, финансовая, экономическая зависимость от иностранных империалистов.

В статье, опубликованной в октябре 1920 г., И. В. Сталин относил буржуазно-помещичью Польшу к числу тех государств, независимость которых «...есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную зависимость этих, с позволения сказать, государств от той или иной группы империалистов»[1].

ГЛАВА XXVII

Обострение внутренних противоречий и нарастание революционного подъёма в 1921—1923 годах

Определяя основные черты польского буржуазно-помещичьего государства, И. В. Сталин указывал, что Польше присущ «...ряд коренных противоречий, которые, развиваясь далее, неминуемо должны создать в Польше непосредственную революционную ситуацию. Эти противоречия проходят по трём основ-

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 353.

ным линиям: по линии рабочего вопроса, по линии крестьянского вопроса, по линии национального вопроса»[1].

Буржуазно-помещичья Польша представляла собой отсталую многонациональную угнетательскую аграрную страну. Поляки составляли лишь половину населения страны. Вторую половину составляли притеснённые, бесправные, гонимые украинцы, белорусы, евреи, литовцы. По данным переписи 1927 г. 9,2% самодеятельного населения было занято в промышленности, 7,3% — в ремёслах, 6,4% — в торговле и транспорте и свыше 64% — в сельском хозяйстве. Подавляющее большинство рабочего класса было сосредоточено в нескольких промышленных районах страны: Силезском воеводстве, где с промышленным производством было связано 46% населения, Варшаве, Лодзинском воеводстве. Из общего числа в 980 тыс. рабочих (1928) наиболее многочисленной группой являлись текстильщики — 189 тыс. чел.; затем шли рабочие горной промышленности — 150 тыс. чел.; пищевой промышленности — 118 тыс. чел.; металлообрабатывающей — 117 тыс. чел. и т. д. Общее число занятых рабочих даже в годы наиболее высокой конъюнктуры не превышало, по официальным данным, 790 тыс. чел. (1928), что соответственно означало наличие не менее 190 тыс. постоянных безработных, или 17% от общей численности рабочего класса. Но так как за вычетом нескольких лет число занятых рабочих не доходило до 500 тыс. чел., то, как правило, безработные составляли до половины общей численности рабочего класса.

По своему жизненному уровню польские рабочие занимали одно из самых последних мест в капиталистической Европе и в некотором отношении приближались к положению промышленного пролетариата таких колониальных стран, как Индия.

Пострадавшая от войны польская промышленность восстанавливалась чрезвычайно медленно. Одной из решающих причин этого являлся проводившийся польскими правителями искусственный отрыв Польши от советского рынка. Общий индекс промышленной продукции до начала мирового экономического кризиса не достиг даже уровня, соответствовавшего промышленному производству в 1913 г. на землях, вошедших в состав польского государства (в 1926 г. он составлял 71,6% по отношению к 1913 г., в 1929 г. — 99,3%, в 1930 г. — 89,0%, в 1931 г. — 65,1% и т. д.). Выплавка стали и чугуна, добыча нефти, годовое потребление хлопка в текстильной промышленности и т. д. ни разу не достигали уровня 1913 г.; отдельные отрасли производства (производство электроэнергии и производство сахара) превышали уровень 1913 г., а такие, как химическая, электротехническая и другие, создавались вновь.

Основные командные позиции в польской промышленности захватил иностранный капитал, ускорявший формирование

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 170.

картелей и монополий и усиливавший эксплоатацию трудящихся масс.

Конец военных «успехов» режима Пилсудского способствовал высвобождению рабочего класса из-под националистических, буржуазных влияний и открыл собой новую полосу острых классовых боёв. Одним из проявлений этой борьбы была волна стачек, в которых принимало участие в 1921 г. 479 тыс. чел, в 1922 г. — 607 тыс. чел. и в 1923 г. — 849 тыс. чел. (считая неоднократное участие одних и тех же рабочих в нескольких забастовках на протяжении одного года).

Одновременно с массовым рабочим движением усилилась борьба крестьянства.

Обещанная аграрная реформа оказалась пропагандистской уловкой пилсудчиков. Помещичье землевладение фактически осталось незатронутым. Перепись 1921 г. отразила характер земельных отношений, закрепившихся в буржуазно-помещичьей Польше. Так, из общего числа в 3 261 тыс. сельских хозяйств 1 108 тыс. (т. е. 34%) располагали участками до 2 *га* и в целом владели 3,5% всей частной земельной площади; 1 002 тыс. сельских хозяйств размером каждое от 2 до 5 *га* составляли 30,7% от общего числа хозяйств и владели 11,3% земли. Таким образом, бедняцкие хозяйства (64,7% всех сельских хозяйств) владели только 14,8% всей частновладельческой земельной площади. Середняцкие хозяйства размером в 5—10 *га* составляли 22,5% всех хозяйств, владели 17% частновладельческой земли. Следовательно, трудовое крестьянство, к которому относилось 87,2% всех хозяйств, располагало лишь 31,8% частновладельческой земли. С другой стороны, кулаки и мелкие и средние помещики, размеры хозяйств которых колебались от 10 до 100 *га*, составляли 12,2% от общего числа землевладельцев и владели 22,9% земли, а горстка в 18 тыс. крупнейших землевладельцев (0,6% всех сельских хозяйств) владела 44,8% всей частновладельческой земли.

Безземелие, голод, нищета были уделом польского крестьянства. Даже через несколько лет после окончания войны, в 1927 г., в условиях относительно благоприятной конъюнктуры, 43,8% сельских хозяйств не имели лошадей, 30,7% не имели свиней, а 14,2% — коров. Трудовое крестьянство находилось в кабале у кулаков. Отработки, издольщины и другие пережитки феодально-крепостнических порядков являлись обычными формами буржуазно-помещичьей эксплоатации деревенской бедноты и малоземельного крестьянства.

В исключительно тяжёлом положении оказались крестьяне белорусских, украинских, литовских земель. В северо-восточных воеводствах (Виленском, Новогрудском, Полесском, Волынском) крупнейшие польские помещики — 0,8% общего числа сельских хозяйств в этом районе — владели 54,1% земли, тогда как 39,5% мелких и мельчайших крестьянских хозяйств занимали

здесь всего 9,5% земли, а на Западной Украине мелкие и мельчайшие хозяйства — почти 90% хозяйств — владели только 10% земли.

На восточных «окраинах» буржуазно-помещичьей Польши — «кресах» — социальный гнёт был неразрывно связан с национальным и религиозным. Здесь аграрный вопрос выступал в форме национального вопроса, и это ещё более обостряло порождавшиеся им противоречия.

После окончания захватнических войн Польша оказалась в состоянии глубокого экономического и политического кризиса. В январе 1921 г. «социалисты» вышли из кабинета Витоса.

Чтобы помешать народу искать революционный выход из кризиса и несколько сгладить остроту социальных и национальных противоречий, Учредительный сейм придал конституции, принятой 17 марта 1921 г. (как раз накануне подписания Рижского мирного договора), видимость буржуазно-демократического строя.

Верховная власть по конституции провозглашалась принадлежащей народу и осуществляемой им через избираемые на основе всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального голосования сейм и сенат. Избирательные права в сейм предоставлялись всем гражданам, кроме военнослужащих, причём к избранию послов в сейм допускались граждане, достигшие 21 года, а к избранию сенаторов — достигшие 30 лет и проживающие в одном и том же избирательном округе не менее года. Сейм и сенат, действуя как национальное собрание, избирали президента, который совместно с ответственным перед палатами правительством отправлял исполнительную власть.

Государственным языком признавался только польский язык, а господствующей религией — римско-католическая. Отражая клерикально-католические устремления польских помещиков и капиталистов, конституция предусматривала заключение с папой особого договора — конкордата (подписание которого произошло в феврале 1925 г.) и обязательное изучение религии в школах и религиозное воспитание в армии. Помимо обычных в буржуазно-демократических конституциях «гражданских прав и гарантий», конституция 1921 г. содержала статьи о социальном страховании, охране труда, защите материнства и младенчества, наделении крестьян землёй.

Однако «права» и «гарантии», даровавшиеся конституцией 1921 г., практически никогда не соблюдались. В частности, коммунистическая партия не получила возможности развернуть легальную работу.

Принятие конституции не могло остановить и не остановило развития политического и экономического кризиса. Росла инфляция. Непрерывно уменьшалась реальная заработная плата, снижался жизненный уровень трудящихся. Среди правивших

кругов усиливалась борьба вокруг вопросов о методах преодоления нараставшего революционного кризиса.

13 сентября 1921 г., непосредственно после всеобщей забастовки железнодорожников, кабинет Витоса подал в отставку. Пришедший на смену ему кабинет пилсудчика А. Пониковского продержался у власти с 19 сентября 1921 г. до 6 июня 1922 г.

Во время пребывания у власти правительства Пониковского была предпринята многократно повторявшаяся впоследствии попытка создания антисоветского «Балтийского блока» под руководством Польши и при участии Финляндии, Эстонии и Латвии. Польские правящие круги продолжали разнузданную антисоветскую политику. Они сыграли решающую роль в срыве созванной по инициативе Советского правительства Московской конференции по разоружению (декабрь 1922 г.). Сменивший Пониковского кабинет пилсудчика Сливинского просуществовал всего несколько недель. Обострявшийся в связи с общим кризисом буржуазно-помещичьего государства конфликт между отдельными правящими группировками нашёл выражение в резолюции недоверия «начальнику государства», внесённой правыми партиями и отклонённой 25 июля 1922 г. большинством всего лишь нескольких голосов. 31 июля к власти пришёл кабинет пилсудчиков и пястовцев во главе с видным деятелем «Пяста» Новаком. Перед этим кабинетом стояла задача проведения выборов в сейм и сенат.

На выборах антипилсудчиковские буржуазно-помещичьи партии эндеков, христианских демократов (партии клерикальных кругов ремесленников и мелких торговцев) и другие составили блок, названный «христианским национальным единством» (ХЕН), а в просторечии — «хиена», т. е. гиена. Этот блок, выступавший под лозунгами, направленными против национальных меньшинств, на выборах во второй сейм 5 ноября 1922 г. получил 169 мест из общего числа в 444, а на выборах в сенат 12 ноября 1922 г. 47 мест из 111.

ППС провела в сейм 41 депутата, «Вызволене» — 48 депутатов, 83 места получили буржуазные и мелкобуржуазные партии национальных меньшинств, в целом связанные с пилсудчиками, и др. Коммунистическая партия, выступавшая через полулегальную избирательную организацию «Союз пролетариата городов и деревень» провела только двух депутатов из девяти выставленных. Эта неудача партии была результатом не только террора властей, но и «левацких» ошибок её руководства, изолировавшего партию от масс и подрывавших её роль революционного авангарда. В дальнейшем в сейме совместно с коммунистами постоянно выступала группа послов от трудящихся национальных меньшинств, всего 25—26 человек.

Происходивший в сентябре 1923 г. II съезд коммунистической партии при товарищеской помощи большевистской партии и Коминтерна сумел пересмотреть отношение партии к наци-

ональному и аграрному вопросу, осудил люксембургианские ошибки и принял решения, выраженные в марксистско-ленинском духе. Съезд указал, что действительную независимость польскому народу может принести только победа революции, признал право на самоопределение за угнетёнными национальностями польского буржуазно-помещичьего государства, поставил задачу установления союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, высказался за переход помещичьих земель к трудовому крестьянству. Съезд сменил часть руководства и нацелил партию на создание широкого фронта рабочих, крестьян, солдат, трудящейся интеллигенции для борьбы против наступления реакции, за защиту интересов народных масс. Но после отстранения «левых» к руководству партией проникли правые элементы, навязывавшие партии хвостистскую тактику, искажавшие задачи создания единого фронта и подменявшие его беспринципным заигрыванием и поисками сделок с щеголявшими «левизной» группировками внутри ППС.

В развитие решений съезда по национальному вопросу сложились автономные организации — в 1923 г. Коммунистическая партия Западной Украины, а в 1924 г. — Коммунистическая партия Западной Белоруссии. Обе эти организации вписали немало славных страниц в совместную борьбу польских, украинских, белорусских трудящихся против общих угнетателей, за свободу и социализм.

9 декабря 1922 г. после острой парламентской борьбы президентом был избран пилсудчик, деятель партии «Вызволене» Г. Нарутович. ХЕН открыло против президента ожесточённую кампанию травли. 16 декабря Нарутович был убит эндеком. Это событие, раскрывавшее глубину кризиса верхов, не привело, однако, к открытому разрыву двух основных конкурировавших клик: в новый кабинет близкого к эндекам Вл. Сикорского наряду с Вл. Грабовским (министр финансов) вошёл пилсудчик К. Сосновский (военный министр), а президентом 20 декабря был избран выходец из ППС, близкий к эндекам Войцеховский, формально входивший в партию «Пяст». Соединив в своих руках пост премьера и министра внутренних дел, Сикорский, опираясь на широкую парламентскую коалицию, повёл решительную борьбу против массового рабочего и крестьянского движения. Вместе с тем он проводил активную антисоветскую политику, пытаясь открыто вмешиваться во внутренние дела СССР.

Стремясь поскорее ликвидировать неустойчивое внутреннее положение, партии правого шовинистическо-клерикального блока вошли в сделку с «Пястом». Эта сделка была оформлена особым договором, подписанным 15 мая 1923 г. в поместье Ланцкорона. Главным пунктом в Ланцкоронском пакте было обязательство о ежегодной парцелляции, разделе до 200 тыс. *га* помещичьей земли, которая должна была перейти в руки кулаков. Создание блока ХЕН — «Пяст» давало явный перевес клике правых партий над

кликой мнимо левых, пилсудчиковских партий и привело к формированию нового сеймового большинства. На основе этого большинства сложился 23 мая 1923 г. кабинет Витоса с участием видных эндеков Грабского, Сейды, а затем Дмовского и др. Пилсудский был вынужден уйти в отставку со своих постов в армии и тем самым перешёл как бы во внутренний резерв польской реакции.

Экономическое положение Польши продолжало ухудшаться. Инфляция достигала невиданных размеров: доллар, который в конце 1919 г. котировался в 119 польских марок, в октябре 1923 г. стоил 1 675 тыс. польских марок. Дороговизна жизни втягивала в борьбу против буржуазно-помещичьей политики всё более широкие массы рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии. Одна за другой происходили мощные стачки. В рабочем классе созревала идея штурма существовавшего ненавистного режима. Министр внутренних дел Керник широко использовал вооружённые силы для борьбы с рабочим классом. В Борославе и Тарнуве выступления рабочих привели к вооружённым столкновениям и расстрелу демонстрантов полицией и войсками. Рабочий класс готовился ко всеобщей забастовке.

Массовая политическая забастовка началась 5 ноября 1923 г. в большинстве промышленных центров страны. 6 ноября 1923 г. попытка разгона демонстрации в Кракове привела к восстанию. Местный гарнизон оказал слабое сопротивление, произошло массовое братание рабочих с солдатами, и один из крупнейших польских городов оказался во власти трудящихся. Но коммунистическая партия, руководство которой оказалось у правооппортунистических элементов, заняла хвостистскую позицию. Её лидеры, извращая тактику единого фронта рабочего класса, стремились к верхушечным сделкам с предательским контрреволюционным руководством ППС и не возглавили борьбу рабочего класса. Краковские события оказались для них неожиданными. Они ничего не сделали для разоблачения правых лидеров ППС, которые, скрыв от народа события в Кракове, под предлогом предстоящего удовлетворения некоторых требований рабочих, дали указания о прекращении всеобщей забастовки. Лидеры ППС обманным путём убедили краковских рабочих сложить оружие. После этого генерал Желиговский подтянул к Кракову новые воинские части и беспощадно расправился с повстанцами.

Краковское восстание обнаружило неисчерпаемую потенциальную революционную энергию польского рабочего класса, которому нехватало лишь правильного руководства и организации для победы; оно показало, что политика господствовавших классов чревата угрозой пролетарской революции. Стабилизация реакционного режима становилась главной задачей помещиков и капиталистов. Для осуществления этой задачи вместо вышедшего в отставку 11 декабря 1923 г. кабинета Витоса 21 декабря было создано «надпартийное» правительство эндека Грабского

ГЛАВА XXVIII

Провал политики стабилизации и установление фашистской диктатуры Пилсудского

Начавшаяся в 1924 г. капиталистическая стабилизация, носившая временный, непрочный, шаткий, гнилой характер и расшатывавшаяся в ходе дальнейшего развития общего кризиса капитализма, до некоторой степени захватывала и Польшу. Но ввиду присущей буржуазно-помещичьей Польше особой остроты внутренних противоречий, переход её к частичной капиталистической стабилизации затягивался продолжавшимся глубоким политическим и экономическим кризисами.

Отбив при помощи предательской политики правых социалистов и людовцев революционный натиск рабочих, крестьян и трудящихся угнетённых национальностей, польские помещики и капиталисты не смогли, однако, приостановить дальнейшего обострения положения в стране. Промышленное производство продолжало сокращаться. Финансовое положение государства непрерывно ухудшалось, прямые налоги покрывали лишь 8% государственных расходов, подавляющая часть которых падала на содержание огромного аппарата угнетения — армии, полиции, охранки, чиновничества. Инфляция принимала катастрофический характер; лишь за первую неделю января 1924 г. биржевой курс доллара поднялся с 6,5 млн. польских марок до 11,5 млн. марок. С каждым днём росла дороговизна жизни, увеличивалось количество безработных, разорялись новые группы ремесленников, мелких торговцев, мелких и средних крестьян.

Несмотря на все ухищрения буржуазно-помещичьих кругов и их «социалистической» агентуры, выдающиеся успехи молодого Советского государства становились широко известны трудящимся Польши. В их среде росло понимание того, что трудящиеся России во главе с рабочим классом и его авангардом — великой партией большевиков, показали единственный путь, по которому должны идти угнетённые и обездоленные всех стран.

Смерть вождя и организатора Советского государства, великого друга польского народа Владимира Ильича Ленина, вызвала глубокую скорбь у трудящихся Польши. Преодолевая правительственный террор, рабочие и безработные Варшавы, Лодзи, Домбровского бассейна почтили память Ленина рядом собраний и митингов.

Весной 1924 г. в промышленных центрах произошёл ряд крупных забастовок, а на восточных окраинах усилилось партизанское движение.

В целях проведения стабилизационной политики правящие круги нуждались в некотором оздоровлении экономики, в первую очередь в отказе от продолжавшейся безудержной инфляции.

Кабинету Грабского сейм, голосами всех партий, кроме коммунистов и примыкавших к ним, предоставил диктаторские полномочия в области финансовой политики. Рядом мер, обращённых против трудящихся, Грабский подготовил финансовую реформу; с 1 мая 1924 г. в обращение был введён злотый, приравненный к одному швейцарскому франку и к 1 800 тыс. прежних польских марок.

Стабилизация валюты оказалась непрочной и не вызвала ликвидации застоя в промышленности и торговле. Необходимость защиты отечественного производства, не выдерживавшего в новых условиях конкуренции с импортными изделиями, привела к экономической войне с Германией, пытавшейся всецело подчинить себе польский рынок. Принятие плана Дауэса, направленного к возрождению сил злейшего врага Польши — империалистической Германии, равно как и последовавшие вскоре Локарнские соглашения резко ухудшили международное положение польского государства. Взяв курс на использование Германии в качестве главной антисоветской силы, империалисты Англии, США, Франции отводили Польше роль коридора для будущего германского нашествия на СССР.

В поисках выхода из внутренних затруднений правительство заключало соглашения о новых займах за границей, распродавало иностранным империалистам естественные богатства страны, предоставляло им отдельные монополии.

Деятельность КПП, рост влияния СССР, глубокие социальные и национальные противоречия обусловили в Польше дальнейший революционный подъём.

Коммунисты смело и последовательно боролись в первых рядах трудящихся Польши, добивались единства действий с рядовыми рабочими — социалистами и католиками, вели работу среди крестьянства и национальных меньшинств.

Разворачивавшийся процесс большевизации партии наталкивался на значительное сопротивление окопавшихся в руководящих органах партии оппортунистических элементов. Своей политикой эти элементы в лице Валецкого, Варского, Кострэвы создали в партии кризис, толкали партию в болото ревизионизма, попытались ударить по ЦК большевистской партии, поддержать оппозицию в РКП(б) и в коммунистической партии Германии. Для помощи польским коммунистам V конгресс Коминтерна создал в июне 1924 г. польскую комиссию под председательством И. В. Сталина. В состав комиссии входили В. М. Молотов, Ф. Э. Дзержинский, Терначини и др. Выступая на заседании польской комиссии Коминтерна, 3 июля 1924 г. И. В. Сталин дал глубокий анализ оппортунистической политики официальных лидеров компартии Польши и показал пути для преодоления внутрипартийного кризиса в КПП. «Дело идёт, — говорил Сталин, — о перестройке повседневной работы партии, её практики, в том направлении, чтобы каждый шаг партии и

каждое её действие естественно вели к революционному воспитанию масс, к подготовке революции»[1]. И. В. Сталин указывал, что борьба в партии должна пойти по линии изоляции оппортунистического крыла компартии Польши[2].

Преодоление антиленинской позиции у части руководства КПП затруднялось двурушничеством и лживостью этих элементов. На словах признав справедливость критики и пообещав исправить делом свои ошибки, правотроцкистские элементы продолжали вести свою линию.

III съезд КПП, происходивший в марте 1925 г., сыграл большую роль в идеологическом укреплении партии, в преодолении остатков люксембургианства и меньшевистского социал-демократизма, в усвоении указаний И. В. Сталина и Коминтерна.

С ещё большей энергией, чем прежде, коммунисты вели героическую борьбу по организации трудящихся масс и воспитанию их в революционном духе. На партию сыпались непрерывные репрессии, её деятелей арестовывали, пытали, уничтожали. Не довольствуясь методами открытого террора, охранка, пилсудчиковская ПОВ, правые пепеэсовцы засылали в партийные ряды провокаторов. Партия объявила беспощадную борьбу провокаторам, за чистоту своих рядов. В памяти польских трудящихся остались светлые имена коммунистов Владислава Гибнера, Владислава Кневского, Генриха Рутковского, Нафталия Ботвина, комсомольца Энгеля, казнённых по приговору реакционного суда за расправу с провокаторами.

Несмотря на вред, причинённый партии провокаторами и правотроцкистскими элементами, её сила и влияние продолжали быстро расти. Одним из важных признаков растущего влияния партии были симпатии, с которыми к ней стали относиться деревенская беднота и малоземельное крестьянство.

Польская деревня бурлила. На горьком опыте многих лет хозяйничанья различных партийных коалиций крестьянство убеждалось в том, что ни так называемые «левые» партии, ни «Пяст», ни тем более правые партии не способны и не хотят утолить земельный голод крестьянства, покончить с нищетой и бесправием деревни. Признаком её политической активизации являлись непрерывные расколы, переформирования, возня в «крестьянских» партиях, лидеры которых искали способов сохранения влияния в деревне. В конце 1924 г. от «Вызволенья» отделилось радикальное крыло, образовавшее Независимую крестьянскую партию. Эта партия, легально просуществовавшая до весны 1927 г., представляла интересы деревенской бедноты, тянувшейся к сотрудничеству с рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией. Среди деятелей Независимой

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 269.
[2] Там же, стр. 271.

крестьянской партии выделялась последовательной защитой интересов деревенского люда фигура Владислава Ковальского, в последующие годы маршала сейма народно-демократической Польши.

Правые круги «Вызволенья», ППС и других «левых» партий изощрялись в борьбе против создания рабоче-крестьянского союза под руководством КПП. Эти «левые» партии, не прекращая потока гнусных, клеветнических измышлений о СССР и КПП, в целях укрепления своего шаткого положения усиливали критику политики правившего блока правых партий, заигрывали с угнетёнными национальностями, сулили им преобразования Польши на «федеральных началах», кричали о необходимости оздоровления политической и экономической жизни. Несомненно, такими методами «левым» партиям удалось дезориентировать некоторые группы трудящихся и улучшить свои позиции.

Борьба между правыми партиями и «левыми» партиями официальной, легальной оппозиции сопровождалась острыми столкновениями внутри этих направлений. В обоих направлениях росли фашистские тенденции. Эти тенденции усиливались по мере того, как обострение классовой борьбы и ухудшение экономического положения обостряло кризис верхов. Внешними признаками кризиса верхов являлись: оргии взяточничества и казнокрадства, непрерывные частичные правительственные кризисы, грызня различных политических группировок.

Для господствовавших классов в порядок дня выдвигалась задача ликвидировать создававшуюся непосредственную революционную ситуацию переходом к фашистской диктатуре. Наиболее утончённо и гибко подготовляли условия для фашизации страны «левые» партии. Они не скупились на социальную демагогию и стремились обратить в свою пользу ненависть народных масс к правящему блоку правых партий с «Пястом» во главе. Они имели признанного претендента в фашистские диктаторы в лице Пилсудского. Вокруг имени этого националиста, выросшего на содержании иностранных разведок и после нескольких лет бонапартистского правления оказавшегося не у дел, создавалась реклама, утверждавшая, что только он может «спасти» Польшу и избавить от катастрофы это раздираемое противоречиями, неустойчивое государство.

Правотроцкистская агентура, подвизавшаяся в КПП, смыкалась с правыми социалистами и другими пилсудчиками. Сбивая партию с правильных классовых позиций, она изображала Пилсудского как представителя мелкой буржуазии, бунтующей против господства финансового капитала и крупных помещиков, в то время как в действительности пилсудчики представляли одно крыло польского фашизма, а другое его крыло формировалось вокруг эндеков.

Эндеки добивались ликвидации существовавших элементов буржуазной демократии, проводили открытую расистскую коло-

низаторскую политику, требовали пересмотра конституции и установления откровенно террористического, фашистского режима. За время пребывания у власти они не только заслужили лютую ненависть национальных меньшинств, но и растеряли своё влияние на часть польских мелкобуржуазных и трудящихся масс. Блокировавшийся с эндеками «Пяст» также потерял к себе всякое доверие. В армии свили прочное гнездо пилсудчики. Эндеки не имели ни достаточной массовой опоры, ни надёжной вооружённой силы для установления террористической диктатуры под своим руководством.

Временным разрешением вопроса о власти явилась замена вышедшего 13 ноября 1925 г. в отставку кабинета Грабского и сформирование 20 ноября правительства Скшинского с участием представителей ХЕН, «Пяста», пилсудчика Желиговского (военный министр) и др. Вскоре в состав этого кабинета вошёл Барлицкий, один из лидеров ППС, слывший левым. Новая коалиция, объявившая своей целью оздоровление финансов, оказалась нежизнеспособной. Она не смогла остановить нарастания кризиса. Этот кризис принимал всё более острые формы. Национально-освободительное движение на «кресах» дополнялось движением сотен тысяч безработных. Постепенно стал крепнуть боевой союз рабочих и крестьян. Но народному движению нехватало органической взаимосвязи борьбы рабочих и крестьян с борьбой трудящихся национальных меньшинств. Правившая коалиция спешно провела через сейм новый закон об аграрной реформе. Принятый 28 декабря 1925 г. закон «о парцелляции и коммасации» (разделе земли и ликвидации чересполосицы) послужил лишь делу усиления колонизации восточных «кресов» военными поселенцами-осадниками и проводившемуся в соответствии с интересами кулачества землеустройству. Обращённые против украинских и белорусских крестьян «парцелляция» и «коммасация», при проведении которых деревенскую бедноту пересаживали на худшие земли и при этом уменьшали размеры участков, вскоре же стали источником усиливавшейся пролетаризации трудящегося крестьянства и обострения классовой борьбы в деревне.

Положение господствовавших классов осложнялось разложением, охватившим государственный аппарат. В мае 1926 г. правительственная коалиция развалилась. 11 мая к власти пришёл совершенно скомпрометированный в глазах масс блок ХЕН — «Пяст» во главе с Витосом. Особенностью этого кабинета было то, что впервые пост военного министра занял противник пилсудчиков генерал Малчевский.

Анализируя сложившуюся летом 1926 г. в Польше обстановку, И. В. Сталин говорил: «Дело в том, что польское государство вступило в фазу полного разложения. Финансы летят в трубу. Злотый падает. Промышленность парализована. Непольские национальности угнетаются. А вверху, в кругах близких к руководящим слоям, царит вакханалия хищений, как говорят об этом

без всякого стеснения представители всех и всяких сеймовых фракций. В связи с этим, перед буржуазными классами стоит дилемма: **либо** разложение государства дойдёт до того, что откроет глаза рабочим и крестьянам и толкнёт их на необходимость революционного преобразования власти против помещиков и капиталистов, **либо** буржуазия должна поторопиться с тем, чтобы прекратить развал, ликвидировать вакханалию хищений и, таким образом, предупредить, пока не поздно, вероятный взрыв революционного движения рабочих и крестьян»[1].

Решающую роль в спасении польских помещиков и капиталистов от революции сыграла клика пилсудчиков. Её организующим центром являлась ПОВ, члены которой занимали многие руководящие посты в государственном аппарате, армии и внутри различных политических партий. Открытой опорой пилсудчиков были «Союз легионеров», «Стрелецкий союз» и другие организации. ППС, «Вызволенье» и ряд других соглашательских мелких партий играли роль приводных ремней пилсудчины к массам. Представляя одну из фракций помещиков и капиталистов, пилсудчики вели шумную кампанию против правящей клики, изображая свою борьбу за власть как защиту интересов всего народа. Они демагогически требовали «моральной революции», «оздоровления», «санации». Вскрывая действительную сущность конфликта между ХЕН — «Пяст» и кликой пилсудчиков, И. В. Сталин говорил: «Борьба имеет целью укрепление, стабилизацию буржуазного государства, а не защиту интересов рабочих и крестьян, интересов угнетённых национальностей»[2].

Серьёзное значение для пилсудчиков имела позиция англо-американских империалистов: проводя политику возрождения германского империализма, англо-американские империалисты были заинтересованы в разрушении созданной Францией системы военных союзов и переходе власти в Польше к пронемецким элементам. Намереваясь в 1927 г. возобновить вооружённую интервенцию против СССР, английские империалисты считали, что именно издавна связанные с ними пилсудчики смогут в наибольшей степени обеспечить участие Польши в затевавшемся ими новом антисоветском походе.

Непосредственно перед захватом власти Пилсудский отрядил своего посланца, одного из лидеров ППС Диаманда, для переговоров с видным представителем германского империализма Г. Штреземаном. Во время этих переговоров было установлено, что обе стороны сближает ненависть к СССР и что Германия окажет поддержку пилсудчикам в их антисоветской политике, а пилсудчики, как и раньше, не станут возбуждать вопрос о западных польских землях и предоставят Гданьск собственной участи. Так возобновлялся союз пилсудчиков с

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 168—169.
[2] Там же, стр. 168.

злейшими врагами польского народа — германскими империалистами.

Опираясь на содействие английских империалистов, выполняя волю польских помещиков и капиталистов, стремившихся к созданию «сильной» власти, способной подавить революционное движение и в то же время своей демагогией и шовинизмом временно увлечь за собой часть рабочих и крестьян, пилсудчики осуществили 12—13 мая 1926 г. государственный переворот. Обманутые пилсудчиковскими лозунгами «морального оздоровления», требованиями «честного, экономного правительства», «подлинной внесеймовской демократии», участия рабочих в руководстве производством», «земли для крестьян», масса мелкой буржуазии и некоторые слои рабочего класса были вовлечены лидерами ППС, «Вызволенья» и других партий в содействие заговорщикам.

Не встретив серьёзного сопротивления со стороны эндекопястовского блока, пилсудчики после непродолжительных уличных боёв в Варшаве овладели государственной властью. Сейм и сенат в отсутствии части депутатов 31 мая избрали Пилсудского президентом. Желая сохранить известную свободу рук, Пилсудский отказался от этого поста, и по его указанию 1 июня 1926 г. президентом был избран Мосьцицкий. Фактическим же главой государства до самой смерти, последовавшей в мае 1935 г., оставался Пилсудский, занявший высший военный пост главного инспектора вооружённых сил. Вскоре после захвата власти Пилсудский совершил форменное паломничество к подлинным правителям Польши — он посетил имение Несвиж, где получил указания от съехавшихся туда крупнейших магнатов.

Майский государственный переворот поставил у власти одну из наиболее реакционных, наиболее авантюристических, наиболее агрессивных, наиболее антинародных и антисоветских клик, призванных к власти польскими помещиками и капиталистами, а также иностранными империалистами для спасения прогнившего режима. Установившаяся диктатура Пилсудского и его клики носила фашистский характер. Однако фашистский режим в Польше имел свои особенности.

Острота раздиравших Польшу социальных и национальных противоречий, непрерывные конфликты между отдельными группировками господствующих классов, революционизирующее влияние соседства с Советским Союзом затрудняли установление в фашистской Польше тоталитарного режима. Поэтому захват власти Пилсудским не сопровождался формальным отказом от атрибутов парламентского управления, подавлением всякой оппозиции и запретом всех в какой-то степени оппозиционных партий. Более того, слабость польского фашизма вынуждала его прикрываться существованием сейма и легальной «оппозиции», осуществлявшей совместно с правившей кликой «санации» единую политику защиты интересов помещиков, капиталистов и иностранных хозяев Польши. Хороший урожай 1926 г., всеобщая заба-

стовка и длительная стачка горняков, происшедшие в Англии, вызвали увеличение экспорта польского угля и дополнительную загрузку польской промышленности. Займы, полученные у Англии и США, помогли пилсудчикам укрепиться у власти. В августе 1926 г. они провели частичное изменение конституции, увеличившее власть президента и ограничившее права законодательных органов.

Узость социальной базы польского фашизма, непрерывное нарастание внутренних и внешних осложнений, сопровождавших его господство, вызывали острую борьбу группировок в составе самой правившей фашистской клики и отражались в частых сменах кабинетов, в сущности проводивших единый политический курс. Так за первым кабинетом «санации», образовавшимся в мае 1926 г. во главе с профессором Бартелем, 2 октября 1926 г. пришёл кабинет во главе с самим Пилсудским, который 26 июня 1928 г. опять передал руководство правительством Бартелю.

Фашистские лидеры содействовали оппозиционной деятельности руководства ППС, «Вызволенье» и других партий, поскольку такого рода «оппозиции» помогали сохранять буржуазное влияние на некоторые круги трудящихся и мелкой буржуазии. В то же время они беспощадно громили классовые рабочие и крестьянские организации. Кровавый террор обрушился на коммунистическую партию. Огромную помощь КПП оказало выступление И. В. Сталина 8 июня 1926 г. перед рабочими Тифлисских железнодорожных мастерских с докладом: «Об английской забастовке и событиях в Польше». И. В. Сталин раскрыл основные противоречия, раздирающие империалистическую Польшу, показал причины, побудившие буржуазию и помещиков установить фашистский режим, разоблачил и заклеймил преступную политику польских троцкистов.

Выступление И. В. Сталина помогло марксистско-ленинскому ядру КПП в борьбе с троцкистами, сумевшими, однако, причинить ещё немало вреда партии. IV съезд КПП, состоявшийся в сентябре 1927 г., дал глубокий анализ внутренних и внешних предпосылок майского переворота, определил фашистский характер этого переворота и показал, что он является одной из попыток англо-американских империалистов укрепить капитализм и начать войну против СССР.

Уже вскоре после майского переворота коммунисты через голову троцкистских последышей начали борьбу за низвержение фашистской диктатуры «санации». Под руководством коммунистов и некоторых левых деятелей ППС рабочий класс в ряде забастовок выразил протест против нового режима. Используя фашистскую диктатуру, буржуазия ликвидировала почти все социальные завоевания трудящихся и добилась резкого усиления эксплоатации. В деревнях, особенно на «кресах», помещики, кулаки и военные поселенцы-«осадники» захватывали земли бедноты. Усилился национальный гнёт.

Нападение правых социалистов-пилсудчиков на рабочую демонстрацию, проходившую под коммунистическими лозунгами 1 мая 1928 г. (Варшава).

Осуществляя заказ англо-американских империалистов и польских правящих кругов, в первую очередь помещиков восточных воеводств, так называемых «зубров», «санация» развернула неудержимую антисоветскую кампанию. После того как 26 мая 1927 г. английское консервативное правительство Болдуина — Чемберлена разорвало дипломатические и торговые отношения с СССР, 7 июня 1927 г. в Варшаве был злодейски убит советский полномочный представитель П. Л. Войков. Решительная позиция, занятая СССР, осуждение антисоветской политики польскими трудящимися, многие тысячи которых явились на посмертное прощание с Войковым, наконец, соображения самосохранения побудили «санацию» уклоняться от навязывавшейся из Лондона политики новой антисоветской военной авантюры.

В обстановке разнузданной антисоветской пропаганды и террора произошла подготовка выборов в третий сейм. «Санация» создала объединение ряда группировок в «надпартийной» фашистской организации: обширном «Беспартийном блоке сотрудничества с правительством» («ББ»). К «ББ» примкнула часть пястовцев, часть «социалистов» во главе с Морачевским и др. В целом лидеры ППС, опасаясь лишиться доверия со стороны находившихся под их влиянием рабочих, отказались войти в «ББ». Всецело действуя в интересах господствовавших классов и фашистского режима, они пытались привить трудящимся и мелкобуржуазным элементам представление о мнимых расхождениях между «санацией» и Пилсудским, уверяли, что в отличие от всей

правящей клики Пилсудский якобы стоит на страже интересов простого народа, лидеры ППС насаждали культ диктатора.

Несмотря на исключительное давление со стороны властей на избирателей, происходившие 4 марта 1928 г. выборы в сейм закончились провалом «ББ»: он получил 123 места из 444; 53 мандата получил ППС, 40 — «Вызволенье», 37 — эндеки, 34 — «Пяст» и т. д. Значительного успеха добились кандидаты, выдвигавшиеся и поддерживавшиеся коммунистической партией: несмотря на дикий террор и подтасовку результатов голосования, они собрали около 1 млн. голосов и располагали в сейме вместе с примыкавшими к ним 16 мандатами.

Расколотый на 22 фракции, к тому же, как правило, имевший внутри себя правительственных пилсудчиковских агентов, сейм не оказал противодействия фашистской диктатуре. Сеймовое большинство вступало с ней в мелкие конфликты и стычки и, в сущности, помогало «санации» сохранять власть, так как отвлекало народные массы от внепарламентских методов борьбы против режима террора, грабежа и эксплоатации.

Начавшийся в конце 1929 г. мировой экономический кризис привёл к резкому обострению внутренних противоречий и международного положения Польши.

ГЛАВА XXIX

От мирового экономического кризиса 1929 года до сентябрьской катастрофы 1939 года

Для экономики Польши, в которой переплетались наиболее высокие формы организации капиталистического производства — картели и тресты, со значительного удельного веса мелким ремеслом и полуфеодальными отношениями, — экономический кризис оказался более глубоким и опустошительным, чем для экономики других, среднего уровня развития капиталистических стран. Большая острота кризиса в Польше, его исключительно затяжной характер были обусловлены всесторонней зависимостью Польши от иностранного капитала и искусственной оторванностью от советского рынка.

Раньше всего экономический кризис, развернувшийся на основе общего кризиса капитализма, охватил польское сельское хозяйство. Падение цен на сельскохозяйственные продукты, уменьшившее денежные доходы крестьянства, резко опережало падение цен на промышленную продукцию. Так, индекс цен на продукты сельского хозяйства составлял в 1934 г. 37,0 по отношению к 1928 г., тогда как индекс цен на промышленные изделия — 70,6. По данным Пулавского научно-исследовательского института, носившим официальный характер, доход члена крестьянской семьи за рабочий день, исчисленный в 1927—1928 гг. в 3,15 злота,

в 1929—1930 гг. составил 0,12 злота, а в 1932 г. трудовое крестьянское хозяйство не имело никаких доходов и поддерживало своё существование добровольной и принудительной продажей инвентаря, скота и земли. Разорение крестьянства завершили непрерывно возраставшие налоги.

В период кризиса в польской деревне образовалась огромная армия в 8—9 млн. «лишних людей», не имевших средств к существованию и обречённых на медленную голодную смерть. Польская деревня деградировала, возвращаясь к натуральному хозяйству.

В особо невыносимом положении оказалось крестьянство западных частей Украины и Белоруссии. В условиях кризиса «кресы» стали окончательно играть роль внутренней колонии польских помещиков и капиталистов. Страшный экономический гнёт здесь сочетался с гонениями на язык, литературу, обычаи, школы коренного населения. Украинское и белорусское крестьянство, доведённое до крайней степени нищеты и бесправия и воодушевлённое успехами своих единокровных братьев в Советской Украине и Советской Белоруссии, возобновило активную освободительную борьбу. «Санация» ответила кровавыми карательными экспедициями, издевательски названными умиротворением, «пацификацией» «кресов».

Вслед за сельским хозяйством кризис охватил промышленность. Производство стало сокращаться: добыча угля упала с 40,6 млн. *т* в 1926 г. (40,9 млн. *т* в 1913 г.) до 29,2 млн. *т* в 1934 г., выплавка стали соответственно уменьшилась с 1,4 млн. *т* (1,6 млн. *т* в 1913 г.) до 0,85 млн. *т*, выплавка чугуна — с 0,68 млн. *т* до 0,36 млн. *т* и т. д. Владельцы многих предприятий обанкротились. В 1931 г. в стране насчитывалось 1 337 неработавших фабрик. Как указывалось в воззвании КПП, выпущенном к 1 мая 1932 г., в то время как в СССР в течение 1931 г. было пущено 585 новых предприятий, в Польше за один лишь 1931 г. закрылось 598 фабрик и заводов, было потушено 20 доменных печей из общего числа 26. В целом, промышленная продукция сократилась в 1932 г. по сравнению с докризисным 1928 г. на 46%. Число безработных и полубезработных превышало $^3/_4$ общего количества рабочих. В результате ряда мероприятий правительства и предпринимателей заработная плата служащих в 1931 г. сократилась на 35%, а рабочих на 50% по сравнению с докризисным периодом. Более $^1/_3$ сокращённой заработной платы поглощала у трудящихся оплата квартир. Условия существования трудящегося населения становились нетерпимыми.

Проводя политику переложения тягот кризиса на плечи трудящихся масс и в особенности на трудящихся национальных меньшинств, правящие классы усиливали фашизацию страны. На смену кабинету Бартеля, реорганизованному в декабре 1929 г., после кратковременного пребывания у власти первого «прави-

тельства полковников» во главе со Свитальским 1 апреля 1930 г. пришёл кабинет руководителя «ББ» полковника Славека.

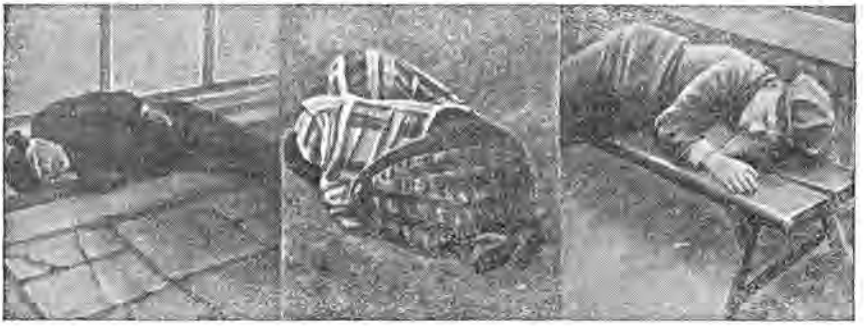
Славек и его кабинет представляли одну из ближайших к Пилсудскому «групп полковников», рассчитывавших милитаризацией государственного аппарата и подавлением всякой оппозиции помешать росту революционного движения.

Между тем напряжённость создавшегося положения и давление низов вынудили парламентское большинство, принадлежавшее к партиям «оппозиций», усилить критику правящего лагеря. Конфликты оппозиционных партий с «санацией» стали принимать острую форму. Партии «оппозиции» — ППС, «Пяст», «Вызволенье» и др. — составили блок. Этот блок буржуазных и мелкобуржуазных партий получил название «Центролева». Выступая против «санации» и тем самым завоёвывая поддержку масс, «Центролев» ограничивался лишь «критикой» правительства, но не решался на действительную борьбу с ним, а вёл подлинную борьбу лишь с истинными представителями народа — коммунистами. Коммунисты разоблачали слабость и непоследовательность «Центролева».

Используя столкновение «санации» с «Центролевом», активизировали свою деятельность эндеки. Часть их кадров была сгруппирована Дмовским ещё в конце 1926 г. в полулегальную террористическую организацию «Лагерь великой Польши».

Отдавая себе отчёт во внутреннем бессилии «Центролева», правительство третировало «оппозицию», срывало заседания сейма, прерывало и переносило его сессии. Пилсудский выступал с грубыми нападками на сейм, пытался изобразить его как помеху государственному управлению. Вместе с тем «санация» опасалась уничтожить сейм, чтобы слишком не оголить фашистскую диктатуру. Но в то же время сохранение сейма с оппозиционным большинством становилось для неё слишком неудобным. 25 августа 1930 г. Пилсудский принял на себя пост премьер-министра. 30 августа сейм и сенат были досрочно распущены. В ночь на 10 сентября 1930 г. отдельные главари «Центролева», эндеков и некоторых других, не входивших в «ББ» групп, общим числом в 18 человек, были арестованы и заключены в Брестскую крепость. Начавшаяся таким образом избирательная кампания в четвёртый сейм происходила в обстановке террора, особенно беспощадного по отношению к деятелям рабочего класса и национальным меньшинствам. Избирательные собрания оппозиции разгонялись, выставлявшиеся ею списки во многих округах аннулировались.

Путём насилия и обмана «санация» после выборов, происходивших в ноябре 1930 г., приобрела в сейме 249 мандатов, в сенате 75. Партии «Центролева» понесли тяжёлое поражение, которое явилось результатом не только террора, — несмотря на исключительно свирепые преследования, коммунисты провели в сейм 5 послов, — но и разочарования масс непоследователь-



Безработные на улицах Варшавы.

ностью этой оппозиции и отказом её от действенной борьбы с «санацией». Заметного успеха на выборах добились эндеки, подвергавшиеся меньшим преследованиям, чем другие партии, не входившие в «ББ» и использовавшие в своих интересах недовольство «санацией».

После выборов Пилсудский 4 декабря 1930 г. оставил пост главы правительства, который опять был занят Славеком. Личный конфликт между диктатором и одним из министров привёл 26 мая 1931 г. к отставке кабинета и созданию правительства во главе с полковником Пристором.

«Санация» использовала свою «избирательную победу» для дальнейшей концентрации власти. Сейм и сенат принимали законы, направленные к дальнейшей фашизации страны: было проведено законодательное уничтожение свободы собраний, во всех крупных промышленных центрах были ликвидированы выборные органы самоуправления, урезывались права рабочих и т. д.

Углубление экономического и политического кризиса сопровождалось нарастанием массового рабочего движения. Частые демонстрации безработных, начавшиеся в 1930 г., забастовки, возраставшие в огромном числе с 1931 г., нередко сопровождавшиеся занятием предприятий, своеобразные забастовки крестьян, прекращавших подвоз продовольствия в города, стали повседневными явлениями польской жизни. Как в руководстве стачками, так и в уличных выступлениях всё заметнее становилась роль коммунистов. Большое влияние они оказали на стачки горняков и трамвайщиков в 1931 г., на происшедшую в марте 1932 г. всеобщую стачку. По числу стачек, количеству стачечников и продолжительности стачек Польша оказалась на первом месте среди других капиталистических стран. Решающая заслуга в развороте антифашистского стачечного движения принадлежала КПП.

В 1932 г. произошли крупные крестьянские волнения на Волыни, в Краковском и других воеводствах. Частым явлением стали совместные митинги и демонстрации передовых групп

Расправа в Луцкой тюрьме (Западная Белоруссия, 1930 г.).

рабочих и крестьян, организовывавшиеся коммунистами. От обороны против нападений полиции и фашистов демонстранты в ряде случаев переходили к активной защите своего «права на улицу».

Коммунисты в своей повседневной героической деятельности умело противопоставляли упадку и развалу польской экономики и польской буржуазной культуры успехи социалистического строительства СССР, победно выполнявшего сталинские пятилетки, и расцвет советской, национальной по форме, социалистической по содержанию культуры.

В 1931 г. для борьбы с революционным движением были введены военно-полевые суды. В 1931—1932 гг. подверглись разгрому массовые крестьянские революционные организации как в собственно Польше, так и на Западной Украине, в Западной Белоруссии.

В борьбе против рабочих и крестьян пилсудчики усилили применение излюбленного ими метода политической провокации: создавая с помощью своих тайных агентов «сверхрадикальные» группировки, вызывая неподготовленные, преждевременные выступления трудящихся, они добивались ослабления сил революционного авангарда, подставляли его под удар полиции и жандармов. Органы преследования расширили вербовку к себе на службу неустойчивых элементов из массовых организаций, усилили засылку шпионов и провокаторов в рабочие союзы и партии, в том числе в нелегальную коммунистическую партию.

Но ни военно-полевые суды, ни «пацификации», ни провокации не были в состоянии остановить движение масс. Среди трудящихся усиливалась тяга к единому рабочему и крестьянскому фронту борьбы против фашизма, голода и нищеты. Коммунисты и рядовые социалисты, тянувшиеся к единству действий с коммунистами, выступали организаторами забастовок и демонстраций.

Обострение аграрного кризиса привело к сближению трёх основных крестьянских по составу партий: кулацкого «Пяста»,

середняцко-кулацкого «Вызволенья» и бедняцко-середняцкого «Стронництва хлопского». В 1931 г. эти три партии объединились в единую «Народную партию» («Стронництво людове»). В новой, объединённой партии главенствующую роль играли пястовцы Витос, Миколайчик и Ратай. Больше всего страшась революции, они всячески ограничивали размах крестьянского движения, выливавшегося в отдельные восстания (в Краковском воеводстве в 1932 г. и др.) и притупляли его антипомещичье острие, срывали забастовки батраков и бойкот торговли, пропагандировали рознь польского крестьянства с рабочим классом, с украинским и белорусским крестьянством «кресов».

Лишь разобщённость действий рабочих и крестьян, предательская профашистская тактика лидеров людовцев и социалистов — союзников фашизма — позволяли «санации» удерживать за собой власть.

В связи с ростом агрессивности германского империализма создавалась серьёзная опасность для Польши. Заинтересованный в поддержании мира, Советский Союз предложил Польше ещё в 1926 г. подписать договор о ненападении. Фактически отклонив это советское предложение, польское правительство с большой неохотой 9 февраля 1929 г. подписало московский протокол о досрочном введении в действие Парижского договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики («пакт Келлога-Бриана»). Только 25 июня 1932 г. последовало, согласно давнишнему предложению Советского Союза, подписание советско-польского пакта о ненападении. Этот поворот в сторону сотрудничества с СССР на деле оказался кратковременным, спекулятивным манёвром.

В конце 1932 г. во главе польского министерства иностранных дел стал один из ближайших сотрудников Пилсудского полковник Юзеф Бек. Новый министр иностранных дел представлял одну из самых авантюристических прогитлеровских группировок «санации», стремившихся развязать войну против СССР и на путях антисоветской войны преодолеть обострившееся политическое положение.

Захват гитлеровцами власти в Германии (январь 1933 г.) создал смертельную опасность для Польши.

Гитлеровцы не скрывали, что одной из своих первоочередных задач они считают уничтожение польского государства. СССР в целях укрепления мира стремился побудить польских правителей к проведению политики коллективной безопасности. Но преступно пренебрегая национальными польскими интересами и постоянно ориентируясь на ту из великих империалистических держав, которая в данных условиях возглавляла антисоветский лагерь, польские правители взяли курс на сотрудничество с исконным врагом польского народа — германским империализмом, с которым уже летом 1933 г. завели тайные переговоры. При этом главари «санации» делали вид, будто стре-

мятся укрепить и урегулировать советско-польские отношения. Предостерегая в отношении польской политики, И. В. Сталин говорил 26 января 1934 г. в отчётном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б): «В прошлом, как известно, с Польшей были у нас неважные отношения. В Польше убивали представителей нашего государства. Польша считала себя барьером западных государств против СССР. На Польшу рассчитывали все и всякие империалисты, как на передовой отряд, в случае военного нападения на СССР ... Неожиданности и зигзаги политики, например, в Польше, где антисоветские настроения ещё сильны, далеко ещё нельзя считать исключёнными»[1].

Как раз в тот же день, когда состоялось выступление И. В. Сталина, 26 января 1934 г., в Берлине произошло подписание польско-германского соглашения о ненападении сроком на 10 лет. В особой декларации заявлялось об установлении прочной польско-германской «дружбы» и об отказе обеих сторон от применения силы для разрешения спорных вопросов. Несмотря на свою «миролюбивую» личину, польско-германское соглашение было направлено против коллективной безопасности, в сторону развязывания войны. Имея своей целью притупление бдительности польского народа по отношению к германским агрессорам и представляя собой сделку с ними за счёт коренных интересов Польши, это соглашение являлось актом предательства национальных и государственных польских интересов со стороны «санации». После заключения этого соглашения польская дипломатия в соответствии с замыслами германских империалистов развернула кипучую деятельность по подрыву версальской системы и Лиги наций, по внешнеполитической изоляции СССР. Вместе с гитлеровской Германией она отклонила советское предложение о гарантии территориальной неприкосновенности и политической независимости прибалтийских стран, сорвала осуществление советско-французского предложения о Восточном пакте.

Чреватая гибельными последствиями для самого существования Польши, авантюристическая, антисоветская политика польских правителей вызывала беспокойство среди польских трудящихся. Дезориентируя народные массы, лидеры всех так называемых «оппозиционных партий» — от эндеков до ППС — выдавали сговор «санации» с гитлеровцами, направленный против самой Польши, за существенное достижение польской внешней политики. Только коммунисты разоблачали преступную политику правившей клики, вели кампанию против войны, за сотрудничество с Советским Союзом.

«Правящая санационная свора соединилась со смертельным врагом Польши — немецким фашизмом ... — говорилось в одном из воззваний коммунистической партии. — Не обращая внима-

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 435.

ния на грабительские планы, провозглашённые Гитлером на нюрнбергском съезде, санационные изменники готовы открыть ворота Польши для прохождения фашистской орды на восток, против Советского Союза — твердыни мира и защитника независимости всех народов». С полным основанием воззвание доказывало, что единственными сторонниками свободы и независимости Польши являются коммунисты. «Мы, коммунисты, наследники традиций великих вождей и учителей международного пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина, мы ученики Сталина, великого зодчего социализма, стоим на позиции независимости народа польского и права на самоопределение и государственную независимость каждого народа».

Несмотря на суровые репрессии и неистовство санационных палачей, голос коммунистов, клеймивших измену правящих клик и призывавших к борьбе за новую, свободную Польшу, дружественную СССР и признающую право на самоопределение за угнетёнными в Польше украинцами и белорусами, разносился по всей стране.

В непрерывных революционных боях коммунистическая партия крепла и мужала. Она очищала себя от троцкистов, переродившихся в контрреволюционную двурушническую клику, и других врагов марксизма-ленинизма. Преследуемая властями, травимая «социалистами» и людовцами, партия в условиях глубокого подполья продолжала большевизироваться на основе большевистской критики и самокритики.

V партийный съезд (сентябрь 1930 г.) определил задачи партии в условиях развернувшегося экономического кризиса; VI съезд (ноябрь 1932 г.) ознаменовался принятием партийной программы, выдержанной в духе марксизма-ленинизма и нацеливавшей партию на борьбу за диктатуру пролетариата, за победу коммунизма.

Несомненные успехи партии как в области марксистско-ленинской теории, так и в революционной практике всё же не привели к ликвидации разрыва между идейным влиянием КПП и организационным охватом ею передовых кругов рабочих, трудящегося крестьянства и трудящихся порабощённых народов.

Под влиянием коммунистов стачки 1934 г., в которых участвовало свыше 360 тыс. человек, проходили под политическими требованиями демократизации страны, разрыва с гитлеровской Германией, сотрудничества с СССР, солидарности с узником гитлеровцев, вождём германского народа Э. Тельманом. В огне стачечной борьбы по инициативе коммунистов создавался единый фронт с левыми, низовыми элементами ППС.

Социальная база польского фашизма непрерывно сужалась. Усиливалось разложение правящих классов, теряли остатки доверия у отсталых групп трудящихся верхи ППС и СЛ, украинские и другие националисты полностью изобличили себя как предатели и враги народа. В этих условиях сменявшиеся одно за другим правительства Енджейевича (апрель 1933 — май 1934),

Козловского (май 1934 — март 1935), Славека (март 1935 — октябрь 1935) завершали фашизацию страны. В 1934 г., использовав как предлог убийство эндековским террористом министра внутренних дел Перацкого, «санация» создала по гитлеровским образцам концентрационный лагерь в Березе-Картузской. Среди узников этого застенка вскоре оказалась значительная группа видных антифашистов и тысячи деятелей коммунистической партии; среди них Юлиан Рыдыгер и Теодор Дюрач, погибшие в дальнейшем в борьбе с гитлеровскими оккупантами, Францишек Юзвьяк и Роман Замбровский — впоследствии видные деятели Польской объединённой рабочей партии. В апреле 1935 г. «санация» навязала Польше новую конституцию, завершившую фашизацию государственной власти. Свыше 200 тыс. рабочих стачкой ответило на провозглашение новой конституции.

Конституция 1935 г. узаконивала режим личной диктатуры главы государства. Объявленный ответственным только перед «богом и историей», президент наделялся правом распускать сейм и сенат, назначать правительство, решать вопрос о мире и войне, руководить вооружёнными силами, отправлять законодательную деятельность путём издания декретов и даже правом выдвигать кандидата себе в преемники. Дополнивший конституцию новый избирательный закон ликвидировал право избирателей на выдвижение кандидатов, повышал возрастной ценз избирателей с 21 до 24 лет, сокращал число послов и сенаторов, устанавливал, что $^1/_3$ сенаторов подлежит назначению со стороны президента и т. д.

Выборы в сейм и сенат, происходившие в сентябре 1935 г. на основе нового избирательного закона, превратились в своеобразный плебисцит: несмотря на чудовищный террор, по всей стране приняло участие в голосовании только 37% избирателей, а в Варшаве «выборы» по официальным данным бойкотировало 73% избирателей, в Лодзи — даже 87%.

Провал, который принесли «санации» сентябрьские выборы, вызвал новую перегруппировку в правящем лагере — к власти пробилась «генеральская клика», к которой был близок Рыдз-Смиглый, занявший вскоре после смерти Пилсудского (май 1935 г.) пост генерального инспектора вооружённых сил. В кабинете, образованном генералом Зындрам-Косцялковским 13 октября 1935 г., сохранили свои министерские портфели Бек и некоторые другие представители «полковничьей группы».

«Генеральская группа» пыталась смягчить остроту положения обещанием всевозможных реформ. Пытаясь создать видимость какой-то перестройки, правящий лагерь объявил «ББ» распущенным. В мае 1936 г. на смену кабинета Косцялковского пришло правительство генерала Славой-Складковского.

Экономическое положение Польши продолжало оставаться крайне тяжёлым. Некоторый подъём промышленного производства, происходивший за счёт усиления эксплоатации рабочих,

крестьян и особенно трудящихся «кресов», не привёл к преодолению кризиса. Военно-инфляционная конъюнктура и прямые вложения государства в промышленность (так называемый «этатизм») сказывались лишь в отраслях производства, обслуживавших военные нужды. К иностранному капиталу перешли командные высоты польской экономики: в 1936 г., по официальным данным, 38,4% капитала польских акционерных обществ принадлежало иностранным фирмам. В 1938 г. в горной и горнообрабатывающей промышленности 62,5% вложений приходилось на долю иностранного капитала, в нефтяной промышленности 87,5%, в электротехнической — 66,1%, в электростанциях — 89,0% и т. д. Первое место среди иностранных вкладчиков капитала принадлежало капиталистам США, затем шли французские, германские и другие капиталисты. Полуколониальная эксплоатация польской экономики усиливала паразитизм и загнивание польского капитализма. Неурожаи 1936 и 1937 гг. совершенно подорвали сельское хозяйство.

Политический кризис, продолжавший углубляться в условиях экономической депрессии, обострял соперничество между «санацией» и эндеками. Эндеки, рассчитывая на реванш за поражение 1926 г., обвиняли «санацию» в потворстве всяким «разрушительным» силам, в либерализме по отношению к национальным меньшинствам, в неспособности к управлению. Следуя гитлеровским образцам, они устраивали погромы, распространяли расистский бред, разжигали шовинизм и, соперничая с правящей фашистской кликой, домогались ещё более тесного сотрудничества Польши с гитлеровской Германией в целях совместной войны против СССР.

Для маскировки своей изменнической антинациональной политики эндеки переименовали свою партию в «национальную партию» («Стронництво народове»). Крайне правое крыло эндеков образовало в 1934 г. обособленную организацию — «национально-радикальный лагерь», газета которой «Фаланга» призывала к физическому истреблению национальных меньшинств и коммунистов.

Прикрывая политику жестокого террора полулиберальными обещаниями, «санация» облегчала реакционным лидерам ППС и партии «Стронництво людове» манёвры в интересах помещиков и капиталистов. Но как в партии «Стронництво людове», так и в ППС заметно усиливались левые группы, склонявшиеся к сотрудничеству с коммунистами.

Вооружённая решениями VII конгресса Коминтерна (1935 г.), КПП добивалась создания единого рабочего фронта и народного антифашистского фронта. Стремления к единому фронту особенно возросли в низах ППС после расстрела забастовщиков в марте 1936 г. в Кракове и безработных в апреле 1936 г. во Львове. Под знаком борьбы за единый фронт прошли мощнейшие первомайские демонстрации. В мае и июне 1936 г. в различных местах

состоялись крестьянские митинги, на которых присутствовало более 1,5 млн. крестьян. В июле 1936 г. в Новосельцах крестьяне вручили диктатору Рыдз-Смиглому программу, в которой содержались требования отказа от конституции 1935 г., отказа от прогерманской внешней политики, проведения земельной реформы и др. В августе 1937 г. в 10 воеводствах прошла крестьянская «забастовка» в поддержку Новоселецкой программы. Бурно возросло число стачек на предприятиях. Широкого размаха достигло национально-освободительное движение в Западной Украине и Западной Белоруссии. В борьбу с фашизмом втягивалась польская интеллигенция.

В тяжёлых боях создавались предпосылки к созданию народного антифашистского фронта. Образование народного фронта было бы равносильно смертному приговору «санации». Поэтому по её указке активизировали свои раскольнические действия главари ППС и «людовцев», сильнее прежнего завозились троцкисты и всякого рода другие провокаторы и предатели, засылавшиеся охранкой в КПП, усилился правительственный террор.

Вызревание новой революционной ситуации подталкивало правящие классы к консолидации своих рядов. В феврале 1937 г. правящая клика объявила о создании вместо ранее распущенного «ББ» нового фашистского блока — «Лагеря национального объединения» (в просторечии — «озон»). Установки и тактика «Лагеря национального объединения» стирала всякую грань между «санацией» и эндеками. В союзе с польскими фашистами выступала буржуазно-кулацкая верхушка на Западной Украине и Западной Белоруссии. Она более всего боялась воссоединения этих земель с советскими республиками — Украиной и Белоруссией — и была готова служить любым врагам собственных народов.

В некоторых польских буржуазных кругах антинациональная, прогитлеровская политика правящей клики вызывала известные опасения. Эти круги в октябре 1937 г. объединились в «партию труда» («Стронництво працы»). Лидерами этой партии являлись генерал Галлер, К. Поппель; близки к руководству партии были проживавшие вне Польши Падеревский и Сикорский. Партия «Стронництво працы», клерикальная по своему характеру, препятствовала активной борьбе с фашизмом групп рабочих и мелкой буржуазии, находившихся под влиянием католической церкви, вместе с фашистами культивировала ненависть к СССР, но настаивала на сотрудничестве не с Германией, а с Францией и Англией.

Подлинный отпор польскому фашизму оказывали только следовавшие за коммунистами рабочие, трудящиеся крестьяне и трудящиеся угнетённых национальностей. Многие поляки во главе с генералом Вальтером (Кароль Сверчевский) заняли место в авангарде борьбы прогрессивных сил всего человечества, став в 1936 г. на защиту республиканской Испании от фашист-

ских мятежников и итало-германских интервентов. Кароль Сверчевский отважно и умело командовал интернациональной бригадой. Совершённые им подвиги сделали его любимым героем польских трудящихся, несмотря на цензуру и репрессии прекрасно осведомлённых о славных делах польских антифашистов в Испании. В последующие годы Сверчевский являлся одним из выдающихся борцов за свободную, социалистическую Польшу; в период борьбы за освобождение Польши от немецко-фашистских оккупантов он командовал II Армией Войска Польского. Сверчевский погиб в 1946 г. от пули презренных наймитов англо-американского империализма.

Генерал Вальтер (Кароль Сверчевский).

Тысячи отважных представителей польского народа, объединившихся в бригаду имени Ярослава Домбровского, вписали не одну героическую страницу в борьбу за свободу испанского народа, в борьбу за освобождение всего мира от язвы фашизма и породивших его сил.

Внутри страны коммунисты, несмотря на дикий террор господствующих классов, смело и самоотверженно продолжали бороться против фашизма, против изменнической политики «санации», за социальное и национальное раскрепощение польского народа. Болеслав Берут, Марцелий Новотко, Павел Финдер и тысячи других деятелей коммунистической партии поднимали трудящихся на борьбу с «санацией», последовательно разоблачали преступную контрреволюционную деятельность троцкистов и других провокаторов и агентов пилсудчиков, пытавшихся взорвать партию.

Усилиями своих лучших закалённых большевистских кадров партия завоёвывала признание народных масс, распространяла своё влияние и на левое крыло ППС, в котором заметную роль играли Адам Прухняк, Ванда Василевская, Станислав Дюбуа.

Польскому фашизму удавалось держаться у власти не потому, что он располагал значительными силами, а лишь потому, что антифашистский лагерь был распылён, что подавляющее большинство деятелей так называемых оппозиционных партий и групп вело профашистскую политику, препятствовало установлению боевого союза трудящихся классов во главе с рабочим классом.

EL VOLUNTARIO DE LA LIBERTAD
POR NUESTRA LIBERTAD Y LA NUESTRA
ZA WOLNOŚĆ WASZĄ I NASZĄ
OCHOTNIK WOLNOŚCI
ORGAN POLSKICH OCHOTNIKÓW REPUBLIKAŃSKIEJ ARMII HISZPAŃSKIEJ
Rok II № 5 (61)
26. lutego 1938
Brygada Dąbrowskiego znów w boju

Заголовок газеты польской добровольческой бригады им. Домбровского (республиканская Испания).

Огромные услуги «санации» оказывали троцкисты и другие агенты империалистических разведок, провокаторы и шпики, свившие гнездо в коммунистической партии и даже проникшие в её руководство. Парализуя деятельность партии, подставляя под удар её лучшие силы, располагая сведениями о её организациях, явках, подпольном хозяйстве, насаждая провокации, обливая клеветой стойких борцов за дело рабочего класса, проваливая партийные группы, партийные типографии, они причиняли партии огромный вред. Очищение партии от врагов и предателей, от провокаторов и шпионов становилось жизненной необходимостью, от которой зависела боеспособность партии, её роль авангарда и организатора рабочего класса в нараставших решающих боях.

Ввиду невозможности в условиях глубокой конспирации очистить партийные ряды от врагов, Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала летом 1938 г. принял решение о временном роспуске партии.

Накапливавшиеся противоречия, кризис экономики, вновь обострившийся со второй половины 1937 г., кризис финансов, кризис управления расшатывали фашистский режим в Польше. Фашистские силы Польши, в соответствии с интересами польских помещиков и капиталистов, пытались найти выход из надвигающегося краха в разжигании совместно с гитлеровской Германией новой мировой войны и втягивали Польшу в страшную катастрофу.

Незамедлительно вслед за захватом Германией в марте 1938 г. Австрии польское правительство предъявило ультиматум Литве, намереваясь захватить её. «Марш на Ковно» был сорван

благодаря предупреждению, сделанному правительством Советского Союза правительству Польши. Вынужденные воздержаться от нападения на Литву, польские фашисты усилили антисоветскую кампанию, призывая к разделу СССР. В то же время они включились в развёрнутую германскими империалистами античехословацкую кампанию, используя для этой цели «тешинский вопрос». Действуя по прямой директиве гитлеровского правительства, правители Польши 21 сентября 1938 г. предъявили Чехословакии ноту, содержавшую требование о разрешении «тешинского вопроса» по аналогии с изобретённым германскими и английскими империалистами «судето-немецким вопросом». Авантюристически рассчитывая на то, что гитлеровская Германия, готовясь к войне с СССР, оставит свои антипольские планы, польские правители не придавали значения нараставшим антипольским мероприятиям германских империалистов и активизации гитлеровских элементов среди немецкого населения в самой Польше.

Тотчас же за состоявшимся 30 сентября 1938 г. в Мюнхене сговором правительств Англии и Франции и направлявшего их деятельность правительства США с фашистскими диктаторами Германии и Италии Польша предъявила Чехословакии ультиматум. 2 октября 1938 г. она вслед за Германией ввела свои войска на чехословацкую территорию и оккупировала район Тешина.

Но 24 октября 1938 г. Гитлер предъявил Польше требование на присоединение «свободного государства Данциг» к Германии и на устройство через так называемый Польский коридор немецких экстерриториальных автострад и многоколейной железной дороги. Между Берлином и Варшавой завязались длительные переговоры. «Санация» попыталась использовать грозную внешнеполитическую обстановку для некоторого упрочения своего положения и с этой целью 6 ноября 1938 г. провела выборы в сейм. Демонстрируя свою ненависть к фашистскому режиму, более $^1/_3$ избирателей бойкотировало выборы.

Ликвидировав независимость Чехословакии (март 1939 г.), превратив Румынию в свой военно-экономический придаток, гитлеровская Германия готовилась к уничтожению польского государства. Рассчитывая использовать Польшу для новой сделки с Германией, правители Англии лицемерно заявили о заинтересованности в территориальной целостности польского государства, а в тайне торговали Польшей в своих переговорах с гитлеровцами. Отдавая себе отчёт в подлинной цене английских деклараций и ненужности заигрываний с правителями Польши, германские империалисты 28 апреля 1939 г. расторгли германо-польский договор о ненападении. Еще 24 апреля 1939 г. Гитлер уведомил римского папу, что он покончит с Польшей. Пытаясь сколотить единый антисоветский империалистический фронт, Ватикан требовал от польских правителей уступок гитлеровцам.

Продолжая между тем политику провоцирования войны между гитлеровской Германией и СССР, правительства Англии и Франции затеяли летом 1939 г. переговоры с Советским Союзом и в то же время втайне подталкивали Германию к войне и к нападению на СССР через Польшу. Заинтересованное в том, чтобы Польша не стала коридором для германской агрессии и сохранила свою государственную самостоятельность, Советское правительство предложило Польше свою военную помощь в случае нападения на неё Германии. 11 мая 1939 г. польское правительство официально уведомило о том, что «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР».

Так «санационная» клика, опираясь на антисоветские позиции эндеков и руководства всех партий легальной «оппозиции», действуя в угоду англо-французским и американским империалистам и в соответствии с расчётами гитлеровцев и Ватикана, полностью изолировала Польшу от СССР — единственной державы, жизненно заинтересованной в существовании польского государства, и тем самым подставила Польшу под удар гитлеровской Германии.

«Старые правители Польши, — говорит И. В. Сталин, — не хотели иметь союзных отношений с Советским Союзом. Они предпочитали вести политику игры между Германией и Советским Союзом. И, конечно, доигрались...»[1].

Несчастье польского народа состояло в том, что и перед лицом катастрофы он не сумел отстранить своих преступных правителей и повернуть развитие Польши на путь демократических преобразований, на путь союза и дружбы с СССР.

ГЛАВА XXX

Польша в первые годы немецко-фашистского ига

1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 минут утра Германия напала на Польшу. Правящие польские круги, преступно изолировавшие Польшу от СССР, уповали на помощь Франции и Англии. Правительства этих стран хотя и объявили 3 сентября войну Германии, не оказали никакой реальной помощи Польше. Поэтому немецкие империалисты получили возможность оставить на западной границе Германии заслон примерно в 10 дивизий, а против Польши бросить 70 дивизий.

Мобилизация, первоначально назначенная в Польше на 29 августа, по совету правительств Англии и Франции, была начата лишь в канун нападения, 30 августа. Польские вооружённые силы не были приведены в боевую готовность.

---

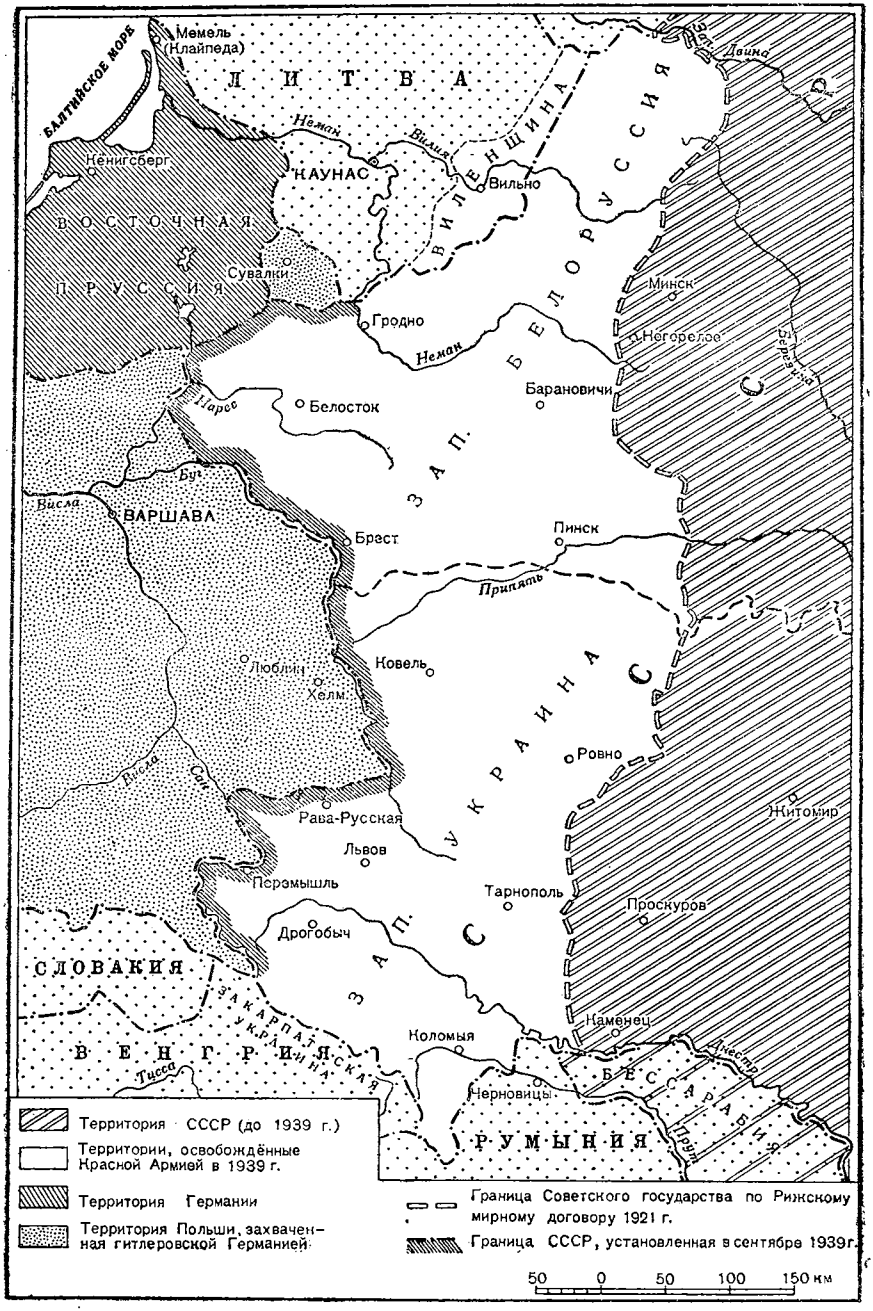
[1] И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1947, стр. 183.

Польская армия, слабая в технико-тактическом отношении и руководимая бездарным командованием, оказалась неспособной выдержать удар гитлеровской военной машины. Чванливое польское командование уже с третьего дня войны потеряло управление войсками. 6 сентября антинациональное, авантюристическое «санационное» правительство, принёсшее Польшу в жертву своей классовой ненависти к СССР, бежало из Варшавы. Патриотическое население Варшавы ещё более двадцати дней героически отражало натиск немецких войск.

Нападение Германии вызвало глубокий патриотический подъём среди польского народа. Для народных масс в войне с Германией дело шло не о защите прогнившего и обанкротившегося строя, а о спасении своего национального существования. Находившиеся в тюрьмах коммунисты требовали отправки на фронт. Вечным символом их революционного патриотизма стал подвиг Мариана Бучека, который, вырвавшись на свободу после 16-летнего заключения в тюрьмах «санации», героически погиб в вооружённой борьбе с гитлеровцами на подступах Варшавы. Гражданское население, рабочий класс по призыву коммунистов и левых социалистов вступили в вооружённую борьбу. Но развал фронта позволил создать только разрозненные очаги сопротивления. Германские войска, используя своё техническое превосходство и последствия хаоса и дезорганизации, вызванные бегством польского правительства и верховного командования, продвигались на восток, к границам СССР. Становились явными коварные расчёты правительств Англии и Франции, предавших Польшу и стремившихся тем самым создать дополнительные благоприятные условия для нападения Германии на СССР. Советское правительство не могло пройти мимо факта распада Польши и захвата её германскими фашистами.

В соответствии с задачей создания фронта против гитлеровской агрессии, исправления исторической несправедливости в отношении западных частей Украины и Белоруссии и недопущения их захвата Германией, по приказу Советского правительства советские войска 17 сентября 1939 г. перешли довоенную польскую границу и укрепились в основном вдоль «линии Керзона».

Поход, предпринятый Красной Армией в целях освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии, являлся также формой помощи со стороны Советского Союза многострадальному польскому народу: многие сотни тысяч поляков, как проживавших на бывших «кресах», так и хлынувших на восток в дни гитлеровского нашествия, нашло под защитой Красной Армии спасение от гитлеровского разбоя. Советское правительство тогда же в заявлении В. М. Молотова указало, что оно «намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью».



Территория Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленщины, освобождённая Красной Армией в 1939 г. после распада польского буржуазно-помещичьего государства.

Катастрофа, постигшая прогнившую буржуазно-помещичью Польшу, в наименьшей степени была обусловлена обстоятельствами военного характера: она была неизбежным завершением политического банкротства правивших Польшей классов.

Ещё в ходе войны гитлеровская Германия подвергла польскую территорию разделу: Познань, Поморье, Верхняя Силезия были присоединены к Германии, а польское население этих территорий изгнано на остальную польскую территорию, превращённую в гитлеровское «генерал-губернаторство». В период кратковременной сентябрьской кампании от военных действий и бомбардировок населённых пунктов пострадала почти вся территория Польши. Ватикан признал ликвидацию и порабощение Польши, подчинив оккупированную гитлеровцами территорию берлинскому нунцию. Овладев страной, оккупанты поставили себе целью захватить все полезные материальные ценности, использовать нужное количество трудоспособного населения в своих интересах, а всё остальное подвергнуть уничтожению.

С первых дней оккупации Польши немецкие фашисты начали систематически разрушать польское народное хозяйство, грабить культурные и исторические ценности и истреблять население. Политика порабощения и физического истребления польского народа непрерывно расширялась. Часть поляков угонялась на рабский труд в Германию или использовалась для военных и других работ на оккупантов. Польские города и сёла колонизировались немцами. Польское население было поставлено в условия невиданного унижения и бесправия.

Германские оккупанты намеревались к 1950 г. закончить истребление польского народа. Для осуществления этой чудовищной задачи на территории «генерал-губернаторства» была создана огромная сеть лагерей уничтожения, среди которых выделялись своего рода индивидуальные предприятия по истреблению в Майданеке под Люблином, в Тремблинке, в Освенциме.

За годы оккупации немецко-фашистские захватчики уничтожили на оккупированной ими территории польского государства 6,1 млн. человек (в том числе почти полностью было истреблено еврейское население Польши — около 3,2 млн. человек). В первую очередь уничтожению подвергались рабочие, демократическая интеллигенция. В результате этой истребительной политики, конец которой положила Советская Армия, разгромив немецких оккупантов, Польша потеряла до 22% населения, тогда как Франция потеряла в войне 1,5% своего населения, а Англия лишь 0,8%.

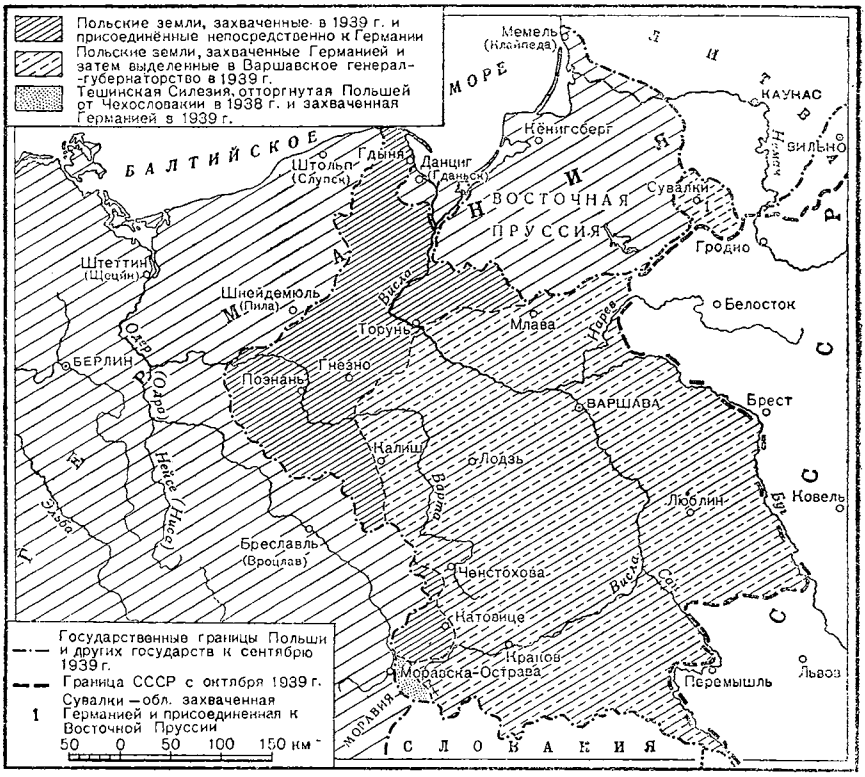
С первых дней своего хозяйничания в Польше оккупанты столкнулись с сопротивлением со стороны польского народа. Но стремление к активному освободительному движению парализовалось силами польской реакции. Значительная часть чиновников старого государственного аппарата открыто перешла на

службу к захватчикам и стала прислуживать палачам собственного народа. Оставшиеся в стране помещики и капиталисты заискивали перед оккупантами и рассматривали их как своих классовых союзников.

Большинство бывших наиболее видных руководителей Польши позорно бежало за границу, бросив свой народ на произвол судьбы. Бывший президент Мосьцицкий, укрывшись в Швейцарии, подданным которой он втайне состоял ещё до создания буржуазно-помещичьей Польши, назначил своим преемником бывшего председателя сената Рачкевича. Рачкевич поручил формирование «правительства» щеголявшему своей «оппозицией» к «санации» Сикорскому. В сколоченный в конце сентября 1939 г. «кабинет» Сикорского вошли матёрые фашисты — пилсудчики Соснковский и Залесский, эндек Сейда и др. Это «правительство», образовавшееся в эмиграции под крылышком англо-французских империалистов, первоначально находилось во французском провинциальном городе Анжере, а в июне 1940 г. в связи с капитуляцией Франции перед гитлеровской Германией, перебралось в Лондон.

Одним из первых дел эмигрантского правительства явился декрет, которым оно объявляло себя в состоянии войны с Советским Союзом. Так в условиях величайшей национальной трагедии главари польской реакции скатывались всё ниже в своей антисоветской и антинациональной политике. В решающем для польского народа вопросе — вопросе внешнеполитической ориентации — это эмигрантское правительство смыкалось с гитлеровцами.

Через сеть подпольных реакционных организаций, постепенно покрывших оккупированную Польшу, эмигрантское правительство стремилось разжечь ненависть не к оккупантам, а к Советскому государству и распространяло среди порабощённых немцами поляков гнусную и изменническую «теорию» о том, что от борьбы с немецкими оккупантами в выигрыше окажется только Советский Союз, что «высшие интересы» Польши требуют пассивного ожидания грядущей, якобы, с Запада свободы. Смысл этой пропаганды состоял в том, чтобы лишить польский народ воли к борьбе, сковать его силы, парализовать его активность: польские реакционеры понимали, что в случае развёртывания в стране освободительной антифашистской войны, опирающейся на помощь и содействие Советского Союза, народ не допустит восстановления досентябрьского строя и господства помещиков и капиталистов. Являясь дальнейшим выражением предательства польскими помещиками и капиталистами коренных национальных интересов польского народа, прогитлеровская пропаганда польской реакции отражала своекорыстные интересы польских угнетательских классов и ставила их в положение прямых соучастников немецко-фашистской политики истребления польского и других народов.



Захват польских земель гитлеровской Германией в 1939 г.

Военно-организационными центрами польской реакции в подполье явился «Союз вооружённой борьбы» («Звёнзек вальки збройней» — ЗВЗ). Эта организация, созданная пилсудчиковским офицерством бывшей польской армии, в дальнейшем стала основой объединения всех военизированных нелегальных группировок, сведённых в 1943 г. в так называемую «Внутригосударственную армию» («Армия Краёва» — АК). С первых дней возникновения ЗВЗ при нём было создано особое «Бюро политической информации», занимавшееся сбором сведений о прогрессивных организациях и лицах и наводившее на их следы гитлеровскую тайную полицию — гестапо.

Политической опорой реакционного польского эмигрантского правительства в оккупированной Польше были остатки буржуазно-помещичьих партий. ППС после сентябрьской катастрофы распалась. Её правые лидеры затем сколотили свою организацию «Свобода, равенство, независимость» («Вольность, рувность, неподлегалость» — ВРН), действовавшую в полном единстве с под-

польными фашистскими кликами. Несколько в стороне от польского фашизма стояла созданная центристскими и непоследовательными левыми элементами подпольная группка «Польские социалисты», в 1941 г. преобразовавшаяся в подпольную Рабочую партию польских социалистов (РППС). Возникшие позднее при «Польских социалистах» отряды «народной милиции» считались частью «Армии Краёвой».

Передовые круги польской демократии, авангард рабочего класса пытались организоваться для отпора оккупантам. Но с первых шагов своей полной героизма и бесстрашия борьбы они оказались перед лицом двух врагов — внешних захватчиков и смыкавшихся с ними сил польской реакции. В Варшаве, Лодзи и других центрах бывшими членами КПП были созданы разрозненные революционные группы «Серп и Молот», «Товарищество друзей Советского Союза», «Рабоче-крестьянская боевая организация» и др. Эти группы стремились вывести из оцепенения широкие народные массы, вселить в них веру в грядущее освобождение с помощью Советского Союза, на который уже готовилось разбойничье нападение гитлеровской Германии, и неустанно разоблачали преступную политику содействия оккупантам, проводившуюся всей польской реакцией.

НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

ГЛАВА XXXI

Польский народ в борьбе против немецко-фашистского ига в первые годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии

Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 г. положило начало Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских империалистов и явилось поворотным моментом в судьбах всех угнетённых гитлеровцами народов Европы, всего человечества. «Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей, — указывал И. В. Сталин, — является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»[1].

Вынужденные под давлением своих народов и в силу своих интересов пойти на создание антигитлеровской коалиции вокруг СССР, англо-американские империалисты использовали польское лондонское эмигрантское правительство в целях политики шантажа и прямого давления на СССР. По указанию и с одобрения Черчилля, Идена, Бевина, посла США Вайнанта и других английских и американских государственных деятелей, Сикорский 23 июня 1941 г. огласил декларацию, содержавшую ряд наглых требований к Советскому правительству, направленных против территориальной целостности Советского Союза.

Наглые домогательства польской реакции показывали, что англо-американские империалисты стремились к ослаблению своего союзника — СССР. Стремясь к консолидации сил всех противников гитлеровской Германии, Советское правительство считало целесообразным привлечь к создававшейся советско-англо-американской коалиции эмигрантские правительства, находившиеся в ту пору в Лондоне, чтобы тем самым подтолкнуть эти правительства к активной освободительной борьбе.

Только после того, как СССР в активной обороне сорвал гитлеровские планы молниеносной войны и проявил свои неисчисли-

[1] И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1947, стр. 16.

мые силы, способные разбить врага, польское эмигрантское правительство увидело себя вынужденным урегулировать отношения с правительством СССР. 30 июля 1941 г. в Лондоне состоялось подписание советско-польского соглашения, предусматривавшего оказание взаимной помощи и поддержки в войне против гитлеровской Германии. Правительство СССР выразило своё согласие на создание на территории СССР польской армии. Соответствующее соглашение между Верховным главным командованием СССР и верховным командованием Польши было заключено в Москве 14 августа 1941 г. Соглашение предусматривало, что общая численность польской армии в СССР составит 30 тыс. человек, причём в соответствии с предложением польской стороны было признано целесообразным, по мере того как та или иная польская дивизия будет подготовлена, немедленно направлять её на советско-германский фронт. Общий срок готовности польской армии был определён 1 октября 1941 г.

Для осуществления мероприятий, связанных с формированием польской армии, польским властям были предоставлены военные лагери. Советское правительство дало польскому правительству беспроцентный заём в сумме 65 млн. рублей, впоследствии увеличенный до 300 млн. рублей. Местные органы советской власти оказывали всяческое содействие представителям польского эмигрантского правительства в осуществлении задач по формированию на территории СССР польских вооружённых сил.

Создавая столь благоприятные условия для польского эмигрантского правительства и его армии, Советское правительство не упускало из виду классовой враждебности и особой ненависти к СССР кругов, верховодящих в польской реакционной эмиграции. Но оно полагало, что невыносимые муки польского народа и угрожавшее ему поголовное истребление побудят польское эмигрантское правительство изменить свою прогитлеровскую политику и в соответствии со своим национальным долгом и договорными обязательствами активно включиться в освободительную антифашистскую борьбу.

Ещё во время предварительных переговоров о советско-польском соглашении, демонстрируя свою звериную злобу к СССР, из состава правительства Сикорского вышли Соснковский, Залесский и некоторые другие фашисты. Их места заняли маскировавшиеся под демократов лица, вроде лидера реакционного кулацкого «Стронництва людового» Миколайчика.

В декабре 1941 г. Сикорский посетил Советский Союз. В результате происходивших переговоров 4 декабря 1941 г. И. В. Сталиным и Сикорским была подписана советско-польская декларация. Декларация намечала программу боевого сотрудничества СССР и Польши в борьбе с гитлеровской Германией и дальнейшего развития прочных дружественных отношений между обеими странами после войны. В соответствии с пожеланиями польской стороны Советское правительство соглашалось на уве-

личение контингента польской армии в СССР до 96 тыс. человек и о переводе её в южные районы СССР. Как впоследствии выяснилось, последнее пожелание было продиктовано вовсе не стремлением создать лучшие климатические условия для подготовки войск, а было связано с авантюристическими антисоветскими планами британских империалистов.

Кроме того, Сикорский получил разрешение на увод с территории СССР некоторых польских контингентов.

Вопреки взятым на себя обязательствам, во вред жизненным интересам польского народа, эмигрантское правительство вело коварную политику: прикидываясь участником антигитлеровской коалиции, оно на деле развязывало руки гитлеровским оккупантам в Польше. Вместо развёртывания партизанской борьбы на польской территории, являвшейся основным тылом гитлеровской армии и игравшей исключительную роль в её системе коммуникаций, эмигрантское правительство через свою агентуру продолжало бороться с освободительным движением польского народа. Оно вооружённым путём подавляло попытки патриотических и демократических элементов вступить в борьбу с гитлеровцами.

Отпор Советской Армии гитлеровским войскам, освободительная программа, выдвинутая вождём советского народа и трудящихся всего мира И. В. Сталиным в речи по радио 3 июля 1941 г., утвердили надежду польского народа на то, что Советский Союз избавит Польшу от немецко-фашистского ада. Усиливался боевой дух передовых польских кругов, их стремление к активному отпору оккупантам. Росло влияние окрепших подпольных коммунистических групп. Разгром немцев под Москвой в декабре 1941 г. сокрушил миф о непобедимости гитлеровской армии и показал могущество Советской Армии, сражавшейся за свободу и независимость всех народов, порабощённых империалистами.

В декабре 1941 г. действовавшая в Варшаве группа бывших членов КПП во главе с М. Новотко проявила инициативу в создании Польской рабочей партии (ППР), которая оформилась в январе 1942 г. ППР приняла декларацию, в которой констатировалось, что социальное и национальное освобождение польскому народу может принести только победа СССР над германским фашизмом. Декларация определила задачи польского народа в освободительной борьбе, призывала создать единый освободительный фронт без помещиков и капиталистов, подчёркивала руководящую роль рабочего класса в освободительном фронте и указывала на исключительное значение, которое должна иметь боевая партия рабочего класса. Выдержанная в духе марксистско-ленинского учения, тесно связавшая дело социальной революции с делом национального освобождения и создания вокруг СССР фронта свободолюбивых и демократических народов, выпущенная в период огромного подъёма, созданного первыми исто-

Марцелий Новотко.

рическими победами Советской Армии, эта декларация отражала созревшую необходимость поднять освободительное движение польских трудящихся на новую ступень.

ППР возникла как преемница лучших революционных и интернационалистских традиций партии «Пролетариат», СДКПиЛ и КПП. Идейные основы партии зиждились на принципах марксизма-ленинизма. Постепенно с ППР объединились и сочетали свои действия разрозненные революционные группы, существовавшие в различных местах страны.

Наряду с героической организационной и пропагандистской работой молодая партия принялась подготовлять вооружённые силы для борьбы с немецкими оккупантами и антинациональными угнетательскими классами. Вооружённые силы, созданные ППР — «Гвардия Людова» («Народная гвардия»), — в мае 1942 г. приступили к планомерным действиям против немецко-фашистских оккупантов. Деятельностью «Гвардии Людовой» руководил штаб во главе с Францишком Южвяком (Витольдом).

Немалую помощь польскому народу в его борьбе с оккупантами оказали отдельные отряды советских партизан, действовавшие на польской территории.

Развёртывавшееся под руководством рабочего класса и его авангарда — ППР — революционно-освободительное движение вело борьбу на два фронта: против оккупантов, с одной стороны, и эксплоататорских классов, предателей из рядов буржуазно-помещичьих партий — с другой. В ходе этой ожесточённой национально-освободительной и классовой борьбы укреплялся боевой революционный союз польских трудящихся с СССР. Польские реакционные классы, полные звериной ненависти к Советскому Союзу, добивались укрепления своего контрреволюционного союза с немецкими оккупантами и англо-американскими империалистами.

Смыкание польских реакционных классов с немецкими поработителями проявлялось как в карательных, террористических выступлениях польского реакционного подполья против ППР и «Гвардии Людовой», так и в политике правительства Сикорского. В 1942 г. активизировала свою деятельность террористическая организация «Национальные вооружённые силы» («Народове силы збройные» — НСЗ), специально выполнявшая задания оккупантов по борьбе с национально-освободительным движением.

Группа бойцов «Гвардии Людовой».

Вопреки взятым на себя обязательствам, польское эмигрантское правительство отказалось от направления своих частей на советско-германский фронт. Командующий польской армией в СССР генерал Андерс, старый пилсудчик, участник польского нападения на Советское государство в 1920 г., стремился превратить свои войска в ударную антисоветскую силу польского фашизма и его империалистических покровителей. Андерс, чины его армии и посольства эмигрантского правительства в СССР насаждали шпионские гнёзда и вели пораженческую, антисоветскую агитацию. Кроме того, они занимались спекуляциями. Некоторые чины армии Андерса перебежали к гитлеровцам. Отказавшись от участия польских войск в общей с советскими войсками борьбе против гитлеровской Германии, правительство Сикорского поставило вопрос об эвакуации армии Андерса из СССР. Действуя в полном соответствии с интересами Гитлера и прогитлеровских кругов США и Англии, оно в два приёма, в марте и августе 1942 г., т. е. в дни наступления немецко-фашистских войск на Сталинград, увело из СССР на Ближний Восток более 75 тыс. солдат и офицеров армии Андерса. Это была не простая эвакуация, а позорное дезертирство с фронтов антигитлеровской войны и низкое предательство по отношению к СССР и польскому народу.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и непрерывный рост мощи СССР явились величайшим источником

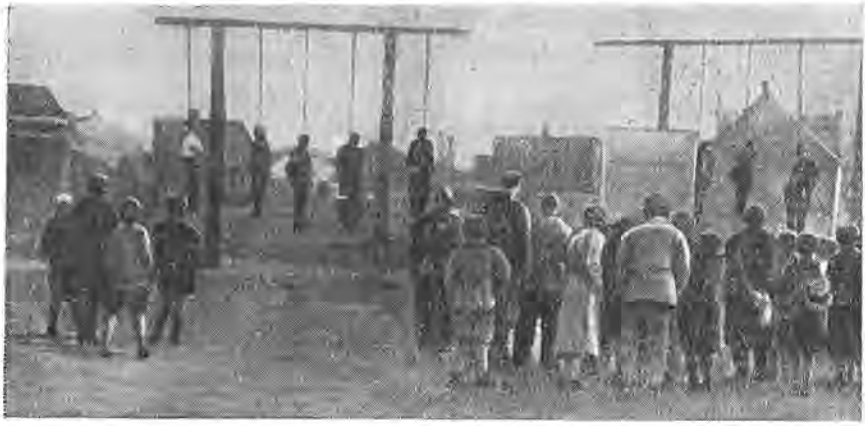
сил освободительной борьбы порабощённых гитлеровцами народов. Эти же факторы вызывали ярость и страх у реакционеров всего мира. В соответствии с интересами последних польское эмигрантское правительство стремилось облегчить правительствам Англии и США проведение политики срыва открытия второго фронта в Европе; оно домогалось разрыва антигитлеровской коалиции и изоляции СССР в целях ослабления его влияния на послевоенное устройство европейских государств и обеспечения возможности реставрации в Польше угнетательского буржуазно-помещичьего строя.

Рассчитывая вернуться к политике антисоветского «санитарного кордона», правительство Сикорского вынашивало проект о послевоенном федерировании ряда буржуазно-помещичьих европейских государств под покровительством Англии и США. Прибыв в декабре 1942 г. в США, Сикорский в переговорах с начальником штаба армии США Маршаллом и другими лицами обсуждал вопрос о возможности проведения в соответствующий момент переброски по воздуху войск эмигрантского правительства в Польшу для преграждения движения на запад наступавших советских войск.

25 февраля 1943 г. правительство Сикорского опубликовало заявление, в котором брало под защиту довоенную антисоветскую политику бывших польских правителей и выступило с официальным требованием о признании довоенных польских границ. Советские руководящие круги разоблачили в сообщении, опубликованном ТАСС 3 марта 1943 г., империалистические тенденции польского эмигрантского правительства, покушавшегося на украинские и белорусские земли и культивировавшего вражду между славянскими народами, и указали, что даже британский министр лорд Керзон, известный своей враждебностью к Советской республике, понимал, что Польша не может претендовать на украинские и белорусские земли.

Правительство Сикорского поддержало и подхватило гнусную провокацию гитлеровцев, распространивших 11 апреля 1943 г. сообщение о якобы имевшем место в 1940 г. массовом расстреле советскими органами польских офицеров в лагерях в Катынском лесу под Смоленском. Позиция правительства Сикорского и гитлеровского правительства полностью сошлись. Так как польское эмигрантское правительство скатилось на путь сговора с гитлеровским правительством, то Советское правительство 25 апреля 1943 г. сделало заявление о своём решении порвать отношения с польским эмигрантским правительством.

Разоблачая клеветнические измышления англо-американских реакционеров, И. В. Сталин 4 мая 1943 г. указал, что СССР безусловно желает видеть сильную и независимую Польшу и считает, что после войны отношения между СССР и Польшей должны базироваться на основе прочных добрососедских отноше-



Казнь гитлеровцами 50 деятелей польской рабочей партии и «Гвардии Людовой» (16 ноября 1942 г.).

ний и взаимного уважения, или, если этого пожелает польский народ, — на основе союза по взаимной помощи против немцев, как главных врагов Советского Союза и Польши[1].

Выступление И. В. Сталина было встречено глубоким одобрением польского народа.

Польские эмигранты в СССР постоянно чувствовали на себе заботу Советского правительства, создавшего для них такие трудовые и бытовые условия, какие могла создать только советская власть: в трудных условиях военного времени для польских детей были открыты польские школы, обеспеченные учебниками на польском языке, эмигранты были обеспечены работой, жильём, продовольствием, в стране выходил ряд польских печатных органов, трудящиеся Советского Союза с братским участием относились к польским эмигрантам, а советские органы оказывали им всестороннюю помощь.

Ещё при уводе из СССР армии Андерса несколько тысяч польских солдат и офицеров отказалось принять участие в этом дезертирстве и осталось в СССР, чтобы сражаться против гитлеровцев рука об руку с Советской Армией. Весной 1943 г. группа польских демократических деятелей (А. Лампе, В. Василевская и др.) создали «Союз польских патриотов», объединивший вокруг себя польских эмигрантов в СССР, стоявших на платформе борьбы за независимую, свободную, преобразованную Польшу. Получив разрешение Совета Народных Комиссаров СССР и материальную помощь со стороны соответствующих советских органов,

[1] И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1947, стр. 105.

Союз польских патриотов сформировал национально-освободительную войсковую часть — дивизию имени Тадеуша Костюшко. В июне 1943 г. Союз польских патриотов провёл свой съезд. Заверив в готовности поляков выполнить свой долг в борьбе с гитлеровской тиранией, Президиум съезда писал в обращении к И. В. Сталину: «Съезд Союза польских патриотов выражает горячую и искреннюю благодарность Советскому Правительству и Вам лично за Ваше согласие на формирование польской дивизии им. Тадеуша Костюшко, за всестороннюю помощь в её формировании, а также за Ваше доброжелательное отношение к делу организации помощи польским беженцам и обеспечение их культурно-просветительных нужд». Отвечая на приветствие этого съезда, И. В. Сталин писал: «Можете быть уверенными в том, что Советский Союз сделает всё возможное, чтобы ускорить разгром нашего общего врага — гитлеровской Германии, укрепить польско-советскую дружбу и всемерно содействовать воссозданию сильной и независимой Польши»[1].

Медаль в честь битвы под Ленино.

Слова главы Советского правительства стали боевой программой советского народа. Советская Армия приближалась к польской земле, неся спасение от гитлеровского ига и братскую помощь польским трудящимся. 12—13 октября 1943 г. у местечка Ленино на Смоленщине дивизия имени Костюшки приняла боевое крещение и одержала победу в первой битве против фашистских захватчиков. В ознаменование этого исторического события и стремясь сделать священными и незабываемыми братство по оружию и вечную дружбу между Вооружёнными силами Польской республики и героической Советской Армией — оплотом мира и социализма, день 12 октября в народно-демократической Польше почитается как День Польского Войска.

После победы у Ленино в бой вступили новые польские дивизии и части, составившие вскоре Польскую армию в СССР.

Значительной широты достигла освободительная борьба в самой Польше. Несмотря на свирепый террор оккупантов и ожесточённые преследования со стороны реакционных польских организаций, ППР окрепла и охватила своим влиянием передовую часть рабочего класса. В 1943 г. партия выпустила программную декларацию «За что боремся». Этот документ провозглашал

[1] «Правда», 17 июня 1943 г.

задачу последовательной борьбы с оккупантами и польской реакцией за создание демократической, дружественной СССР Польши, за осуществление национализации крупной и средней промышленности и земельной реформы. Тяжёлые жертвы, гибель генеральных секретарей партии Новотко и его преемника П. Финдера, одного из лучших партийных руководителей Малгоржаты Форнальской и многих других самоотверженных борцов рабочего класса не подорвала позиций партии. Партия неустанно разоблачала изменническую политику реакции и вела активную борьбу за новую Польшу. «Гвардия Людова» успешно развёртывала партизанскую войну, разрушала немецкие коммуникации, пускала под откос поезда, уничтожала склады, базы, отдельные немецкие отряды.

Павел Финдер.

Тяжёлое моральное поражение гитлеровскому оккупационному режиму нанесло восстание, поднятое в апреле 1943 г. населением еврейского гетто, созданного гитлеровцами в Варшаве. Одним из организаторов восстания был видный деятель коммунистической партии, руководитель группы ППР в гетто Юзеф Левартовский. Подвиг повстанцев, в течение 42 дней (вплоть до гибели последнего бойца) героически сражавшихся с гитлеровцами, послужил вдохновляющим примером самоотверженной борьбы за свободу.

В освободительную борьбу, движение сопротивления втягивались всё более широкие круги народа. Даже в ряде подпольных организаций, находившихся под реакционным руководством, честные элементы стали выступать против прогитлеровской тактики пассивного выжидания или «ограниченной борьбы». В 1943 г. группа крестьянских демократических деятелей создала свою организацию «Воля люду» («Свобода народа»), осуждавшую политику эмигрантского правительства. Под влиянием этой группы активизировались выступления крестьянской партизанской организации «Батальоны хлопски». Самоотверженно боролись с оккупантами и предателями примыкавшая к ППР молодёжная организация «Звензек вальки млодых» («Союз борьбы молодых»). Его организаторы Ганна Савицкая и Янек Красицкий героически погибли в борьбе с оккупантами в 1943 г.

Зверства оккупантов перестали устрашать население и лишь подталкивали его к сопротивлению. Как и раньше, огромным

Немецко-фашистский поезд, сброшенный под откос польскими партизанами.

препятствием освободительному движению являлась предательская деятельность реакционных сил, разжигавших в условиях оккупации гражданскую войну и зачастую открыто сотрудничавших с гитлеровцами в борьбе против собственного народа.

Агентура эмигрантского правительства, используя средства, широко представлявшиеся английским и американским правительствами, в подполье восстанавливала государственный аппарат, предназначенный для захвата власти в случае крушения немецкой оккупации. Часть вооружённых сил эмигрантского правительства была переброшена поближе к Польше, на территорию капитулировавшей в конце 1943 г. Италии.

Разгром гитлеровцев под Курском, наступление Советской Армии летом 1943 г. предвещали скорое освобождение Польши от немецкой оккупации. Усиленные приготовления польских буржуазно-помещичьих кругов к реставрации досентябрьского режима в Польше выдвигали перед польским рабочим классом задачу сплочения всех демократических сил и немедленного создания подпольных органов борьбы за власть народа во главе с рабочим классом. В октябре 1943 г. Центральный комитет ППР вступил в переговоры с представителями некоторых подпольных организаций — Рабочей партии польских социалистов (РППС), группы «Воля люду» и других — о создании общенационального представительного центра, который играл бы роль временного подпольного сейма. Часть деятелей РППС, продолжавших стоять на позициях буржуазного национализма и вражды к СССР, решительно отвергла предложения ППР. В РППС произошёл раскол.

Только в декабре 1943 г. ППР удалось договориться с рядом демократических организаций о создании в подполье временного верховного органа нарождавшейся народно-демократической власти — Краёвой Рады Народовой — КРН (Национального совета страны). 15 декабря 1943 г. по инициативе ППР был выпущен «Манифест общественно-политических и военных демократических организаций в Польше». Этот манифест констатировал, что польское эмигрантское правительство продолжает политику «санации», практически ведёт войну против СССР, добивается раскола антигитлеровской коалиции, разжигает гражданскую войну в стране. Манифест устанавливал необходимость создания представительства польского народа — Краёвой Рады Народовой — и намечал её главные задачи. Среди задач Краёвой Рады Народовой манифест выдвигал на первое место осуществление освобождения страны при помощи и в союзе с СССР, проведение в стране аграрной реформы, национализацию промышленности и естественных богатств. Манифест устанавливал, что Краёва Рада Народова будет добиваться объединения в границах Польши всех польских земель, онемеченных германской агрессией, и на основе дружественного соглашения с СССР определит восточную границу Польши согласно воле народов, населяющих эти земли.

Ф. Южвяк-Витольд.

В условиях глубокой конспирации, в ночь с 31 декабря 1943 г. на 1 января 1944 г. в Варшаве состоялось первое заседание КРН. КРН определила, что только она является полномочным представителем борющегося народа, и лишила эмигрантское правительство права представлять Польшу. КРН признала, что фашистская конституция 1935 г. не может иметь силы и что будущая Польша должна сложиться как государство рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, находящееся в наиболее тесном союзе с СССР. КРН отвергла домогательства польских помещиков и капиталистов на советские земли и в соответствии с историческими правами и жизненными интересами польского народа поддержала позицию ППР, призывавшей к борьбе за возвращение польских земель, остававшихся после первой мировой войны в составе Германии. Председателем КРН был избран руководитель ППР Болеслав Берут.

Со времени образования КРН началось создание в подполье зародышей первичных органов народно-демократической власти

на местах — местных рад народовых. КРН приступила к сведению всех активно боровшихся с оккупантами военных организаций в единую Армию Людову (Народная Армия).

Несмотря на широкий размах освободительной борьбы, польским внутренним силам не удалось добиться освобождения ни одного крупного центра, ни одного более или менее крупного района страны. Обескровленная, разорённая, расколотая агентурой врага, Польша могла быть спасена только Советской Армией.

В противовес КРН, подпольное представительство эмигрантского правительства, его «делегатура», создала нечто вроде подпольного парламента всех антинародных партий — «Раду едности народовой» («Совет национального единства»), а националистические группки «социалистов» и троцкистов, отколовшиеся от РППС, создали по заданию главарей польской контрреволюции диверсионный орган — «Центральный людовый комитет». Некоторые члены ППР обнаружили тенденцию к отказу от классовых, интернационалистских позиций, к сотрудничеству с «Центральным людовым комитетом». Против этой группки, возглавлявшейся Гомулкой, развернули последовательную борьбу основные, марксистско-ленинские кадры партии во главе с Б. Берутом. Реформистские, капитулянтские установки правых элементов, пытавшихся свернуть Польшу с пути борьбы за социализм, были преодолены. При помощи ППР продолжала крепнуть КРН.

Достигнув известных успехов в своей деятельности, КРН перебросила своих уполномоченных через линию фронта для установления контакта с Союзом польских патриотов и Советским правительством. 22 мая 1944 г. уполномоченные КРН были приняты главой Советского правительства И. В. Сталиным. Советское правительство оказало существенную помощь КРН, предоставило в её распоряжение большое количество различного вооружения и боеприпасов.

Ещё во время конференции в Тегеране с руководителями США и Англии (ноябрь—декабрь 1943 г.) Советское правительство указало на необходимость содействовать воссозданию польского государства, включающего в свой состав польские земли, остававшиеся после первой мировой войны у Германии. 11 января 1944 г. Советское правительство выступило с заявлением о советско-польских отношениях. Указав, что успехи советских войск приближают разгром гитлеровской военной машины и несут освобождение Польше, заявление подчёркивало, что теперь «открывается возможность возрождения Польши как сильного и независимого государства», которое должно возродиться путём установления советско-польской границы примерно по так называемой «линии Керзона» и возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель. Осуществление предложения Советского правительства открывало дорогу к коренному повороту в советско-польских отношениях, должно было способствовать превращению Польши в монолитное одно-

национальное государство, располагающее надёжной границей на западе и серьёзными позициями на Балтийском море.

Все польские демократические круги, равно как и демократические и миролюбивые элементы других стран, поддержали предложение Советского правительства. КРН полностью солидаризировалась с советской позицией, заключавшей в себе гарантию воссоздания новой, демократической Польши.

В осуществление великой освободительной миссии Советского Союза Верховный Главнокомандующий Советской Армией И. В. Сталин приказал 1 мая 1944 г. победоносным советским войскам, приближавшимся к западным рубежам страны, «...вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков...»[1].

ГЛАВА XXXII

Советский Союз — освободитель Польши и защитник её свободы и независимости

Советский Союз и его вооружённые силы двумя последовательными этапами освободили Польшу от власти немецких оккупантов. Первый этап освобождения Польши пришёлся на летние месяцы 1944 г.

Громя германские войска, Советская Армия в 1944 г. обрушила на них ряд последовательных сталинских ударов. Пятым из этих ударов, нанесённым в июне—июле 1944 г., Советская Армия наголову разбила немецкие войска, оборонявшиеся на территории Советской Белоруссии. Одним из основных результатов пятого удара явилось освобождение из-под ига немецко-фашистских оккупантов значительной части Польши и выход советских войск на Вислу. Советская Армия пришла в Польшу как союзник польских трудящихся; она не позволила польским реакционным классам захватить власть и помогла польской демократии во главе с рабочим классом установить свою, народную власть, начавшую в Польше дело народно-демократической революции.

Первым польским городом, освобождённым Советской Армией, был Хелм. Польский народ восторженно встречал армию-освободительницу и вступавшие вместе с ней на территорию Польши части Польской армии, сформированной в СССР. С приходом Советской Армии — освободительницы началось национальное и социальное возрождение Польши. Сочетание освободительной борьбы польских народных масс во главе с ППР и КРН с освободительной победоносной борьбой Советского Союза сделало возможным строительство революционной власти народных масс, руководимых рабочим классом и его авангардом — ППР. Эта власть — народная демократия — была

[1] «Правда», 1 мая 1944 г.

призвана при дружеском сотрудничестве с СССР обеспечить развитие Польши на пути к социализму.

КРН, ожидавшая прихода Советской Армии, 21 июля 1944 г. создала временный исполнительный орган народной власти — Польский Комитет Национального Освобождения (ПКНО). В состав ПКНО вошли руководящие деятели польского революционно-освободительного подполья и польской революционной эмиграции в СССР. В программном документе польской народной власти — Манифесте к польскому народу, принятом ПКНО 22 июля 1944 г., — была провозглашена задача создания нового, демократического польского государства. Манифест к польскому народу объявлял потерявшей силу незаконную фашистскую конституцию 1935 г. и временно, вплоть до созыва Учредительного сейма, восстанавливал в силе основные демократические положения конституции 1921 г. Манифест к польскому народу призывал поляков к более активному участию в борьбе за разгром гитлеровской Германии, определял основные направления внешней политики Польши, отвечавшей нуждам и интересам народа: проведение политики сотрудничества со всеми славянскими народами, неколебимый союз и дружба с СССР, урегулирование вопроса о советско-польской границе согласно принципу: польские земли — Польше, украинские, белорусские и литовские земли — Советской Украине, Советской Белоруссии и Советской Литве, возвращение Польши на земли, захваченные немцами на западе, создание в целях защиты от натиска германского империализма мощного славянского защитного вала, опирающегося на польско-советско-чехословацкое сотрудничество.

Наряду с коренным поворотом во внешней политике, провозглашённым ПКНО, Манифест к польскому народу намечал проведение решающих мер к коренному повороту в соотношении классовых сил и в классовом характере польского государства: устанавливалось, что повсеместно на освобождённых польских территориях власть может принадлежать только представителям ПКНО и местным радам народовым (национальным советам); новая власть ставила перед собой задачу немедленного улучшения условий жизни широких масс; вся бывшая немецкая собственность, а также вся брошенная собственность принималась государством; крупные земельные владения (размером свыше 50 *га*, а в Поморье и на Познаньщине — от 100 *га*), земли изменников народа и немцев, одновременно с мёртвым и живым инвентарём и строениями, объявлялись частью государственного земельного фонда, подлежащего в основном разделу среди малоземельных крестьян, середняков, мелких арендаторов и сельскохозяйственных рабочих; собственность мелких и средних предпринимателей, крестьян, торговцев, ремесленников, учреждений и церкви, захваченная немцами, подлежала возвращению законным владельцам; возвращение собственности вла-

дельцам крупных предприятий предусматривалось лишь по мере урегулирования экономических отношений.

Манифест к польскому народу создавал условия для сплочения демократических сил польского народа и расширение его борьбы за освобождение и преобразование страны. Правильное и последовательное претворение в жизнь принципов и задач, содержавшихся в Манифесте, открывало перед Польшей широкие перспективы движения в направлении к социализму. Реальной гарантией осуществления Манифеста к польскому народу мог служить только союз польских трудящихся классов, возглавлявшийся рабочим классом, с Советским Союзом.

Советское правительство в заявлении, сделанном 26 июля 1944 г. Народным комиссариатом иностранных дел СССР, определило цели своей политики в отношении Польши, вытекавшие из общей природы Советского социалистического государства. В этом заявлении указывалось, что «Советские войска вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши».

В тот же день, 26 июля, между правительством СССР и ПКНО было подписано соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши. Этим соглашением Советское правительство признавало власть ПКНО на всей освобождённой от неприятеля польской территории.

Признание ПКНО правительством де-факто (фактически действующим правительством) обеспечивало органам и представителям ПКНО поддержку советского командования в установлении своей власти на всей польской территории, освобождённой Советской Армией от немецко-фашистской оккупации и переставшей быть зоной непосредственных военных операций. Наличие такого рода соглашения между правительством СССР и ПКНО исключало возможность установления на какой-либо части освобождённой польской территории власти агентов польского лондонского эмигрантского правительства и срывало их попытки легализовать существовавшие в подполье звенья буржуазно-помещичьего государственного аппарата.

В первый период после освобождения Советской Армией части страны основной задачей польской демократии, сплотившейся вокруг рабочего класса, являлось строительство нового аппарата государственной власти. Строительство революционной власти народных масс происходило в результате разгрома Советской Армией гитлеровских оккупантов и аппарата их диктатуры. В то же время польская демократия во главе с рабочим классом вела ожесточённую борьбу по слому подпольного реакционно-фашистского аппарата власти и разгрому реакционно-фашист-

Встреча бойцов Советской Армии польским населением.

ских вооружённых сил, созданных польскими помещиками и капиталистами при содействии англо-американских империалистов и гитлеровских оккупантов.

Благодаря правильной политической линии ППР, опиравшейся на марксистско-ленинское учение и опыт пролетарской революции в России, становление новой государственной власти облегчалось тем, что ко времени вступления на территорию Польши Советской Армии-освободительницы существовал и действовал ряд звеньев нового народного государственного аппарата. ППР сосредоточила все свои силы на развёртывании этого аппарата власти: её члены были первыми работниками администрации, органов безопасности, Польского войска, созданного на основе соединения Польской армии в СССР с Армией Людовой. С первых шагов своего развития новая польская государственная власть явилась орудием в борьбе трудящихся против иностранных поработителей и против отечественных эксплоататорских классов. Разрешая задачи национального освобождения и коренных социально-экономических преобразований, новая власть сплачивала вокруг себя самые широкие круги польского народа.

Становление в Польше народной демократии как формы политической власти трудящихся во главе с рабочим классом сопровождалось постепенным раскрытием в её деятельности основных сторон диктатуры пролетариата, определённых И. В. Сталиным.

«1) Использование власти пролетариата для подавления эксплуататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовле-

чения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в социалистическое общество»[1].

В течение короткого времени власть ПКНО распространилась на обширную территорию с многомиллионным населением: 24 июля части Советской Армии освободили от немецко-фашистских оккупантов Люблин, ставший временной столицей Польши; 26 июля был освобождён Демблин; 27 июля — Белосток; 31 июля части Советской Армии, действовавшие на Варшавском направлении, овладели городом Минск-Мазовецкий; 3 августа советские войска, наносившие удар немецким войскам в районе Западной Украины и отбросившие их за Сан, форсировали Вислу, юго-западнее города Сандомеж, а 5 августа вступили в предгорье Карпат. Повсеместно на освобождённой территории советские войска обеспечивали установление безопасности и оказывали разорённому оккупантами населению всю возможную помощь. Для налаживания нормальной жизни на освобождённых территориях Советское правительство представляло ПКНО продовольствие, сырьё для сохранившихся промышленных предприятий и т. п.

На освобождённой польской территории одновременно с формированием органов власти, нового государственного аппарата развёртывалась широкая политическая деятельность демократических и антифашистских партий и массовых народных организаций. Расширялась и приняла новые формы деятельность блока политических партий, созданного по инициативе ППР и возглавленного ею ещё в условиях подполья. В ППР начался массовый приток новых членов. Несмотря на происки замаскированной вражеской агентуры во главе с Гомулкой, стремившейся расшатать партию и взорвать ее изнутри, ППР сплотила свои ряды.

ППР, проводя правильную марксистско-ленинскую политику, укрепляла союз рабочих и крестьян при руководящей роли рабочего класса.

РППС вскоре после освобождения Советской Армией восточных воеводств преобразовалась в Польскую социалистическую партию (ППС), группа «Воля люду» реорганизовалась в крестьянскую по своему составу партию «Стронництво людове», а демократические круги, представлявшие интересы передовых элементов буржуазной интеллигенции и мелкой городской буржуазии, создали партию «Стронництво демократычне». Блок этих политических партий, объединившихся вокруг ППР, был представлен в КРН, ПКНО и всех местных радах народовых и противостоял польскому реакционно-фашистскому подполью и

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 30.

поддерживавшим его помещикам и капиталистическим элементам города и деревни.

В то же время внутри самого блока демократических партий не было полного единства в понимании конечных целей революционно-освободительной борьбы. Тогда как основное, марксистско-ленинское ядро ППР, выражавшее коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся, боролось за развитие Польши по пути к социализму, некоторые деятели в ППР, а также социалисты, людовцы и члены «Стронництва демократичнего» ограничивали цели происходившей борьбы задачей национального освобождения Польши и установления в ней режима парламентской буржуазной демократии. Несмотря на наличие серьёзных расхождений в понимании конечных целей революционно-освободительной борьбы в Польше, марксистско-ленинское ядро ППР сумело сплотить силы демократического блока на осуществление своих исторических задач.

Вступление Советской Армии-освободительницы на территорию Польши и установление на освобождённых польских землях власти ПКНО нанесло тяжёлый удар по империализму, постоянно пользовавшемуся Польшей как орудием своей антисоветской политики. Утверждение в Польше народно-демократической власти, опиравшейся на сотрудничество с СССР, влекло за собой изменение в соотношении сил в Европе в пользу социализма. Не желая мириться с обозначавшимся выпадением Польши из системы капитализма, англо-американские империалисты прибегли к различным мерам, направленным к реставрации в Польше буржуазно-помещичьего режима.

Поскольку наличие советских войск на освобождённых польских землях исключало возможность как прямой английской вооружённой интервенции, так и переброски на эти территории сколько-нибудь значительных групп из состава вооружённых сил польского эмигрантского правительства, то соответствующие английские инстанции и органы польского эмигрантского правительства решили предпринять попытку захватить находившуюся ещё во власти немцев Варшаву. Захват Варшавы агентами англо-американских империалистов имел целью предотвратить освобождение польской столицы советскими войсками, воздвигнуть препятствие в движении советских войск на Берлин, создать в центре Польши противовес ПКНО и послужить рычагом к развёртыванию в стране гражданской войны. В соответствии с предписаниями из Лондона, подпольные польские реакционно-фашистские органы в Варшаве 1 августа 1944 г. дали сигнал о восстании. Организаторам этой кровавой диверсии удалось вовлечь в восстание широкие круги варшавян, которые были введены в заблуждение распространявшимся вожаками реакции слухом о мнимом согласовании восстания Варшавы с планами Советского командования, якобы заинтересованного в том, чтобы ему облегчили изгнание немецких захватчиков из польской столицы.

Одновременно с проведением восстания английское правительство послало в Москву Миколайчика, ставшего премьером эмигрантского правительства после гибели Сикорского в июле 1943 г. Миколайчик должен был использовать варшавские события и поддержку правительств Англии и США для того, чтобы угрозой серьёзных осложнений в советско-англо-американских отношениях вынудить Советское правительство отказаться от поддержки ПКНО и польских народных масс.

Приняв Миколайчика 3 августа 1944 г., глава Советского правительства И. В. Сталин высказал пожелание, чтобы вопросы положения в Польше были разрешены самими поляками в процессе переговоров представителей эмигрантского правительства и ПКНО.

Переговоры, происходившие в Москве 6 и 7 августа между представителями демократической Польши и делегацией эмигрантского правительства во главе с Миколайчиком, не дали никаких благоприятных для империалистов результатов: представители ПКНО, опиравшиеся на поддержку СССР и польской демократии, отвергли домогательства эмигрантского правительства о передаче ему власти и о восстановлении в силе незаконной конституции 1935 г.

Вскоре после московских переговоров выяснилось, что варшавская кровавая диверсия терпит провал.

Несмотря на то, что восстание в Варшаве было поднято без согласования с Советским правительством и вопреки советским и польским интересам и что основные операции советских войск в августе происходили в районе Кишинёв—Яссы и имели целью выбить Румынию из числа сателлитов гитлеровской Германии, а войска, действовавшие на территории Польши, нуждались в отдыхе, подтягивании тылов и налаживании коммуникаций, советское командование организовало помощь варшавским повстанцам оружием и продовольствием. 14 сентября советские войска при содействии 1-й польской дивизии имени Т. Костюшко, в результате шестидневных упорных боёв, овладели предместьем Варшавы — расположенной на правом берегу Вислы Прагой. Тотчас же ценой тяжёлых потерь была предпринята попытка форсировать Вислу в районе Варшавы и создать плацдарм на левом берегу реки. Освобождение советскими войсками Праги (Варшавской) окончательно срывало расчёты империалистов на превращение Варшавы в опорный пункт польской и международной реакции. Реакционно-фашистские руководители варшавского восстания вошли в соглашение с немецко-фашистским командованием и предали повстанцев.

В результате преступной и коварной диверсии, затеянной англо-американскими империалистами и польскими реакционно-фашистскими кругами, гитлеровцами было истреблено в Варшаве около 250 тыс. человек. Палач Гитлер приказал уничтожить столицу Польши.

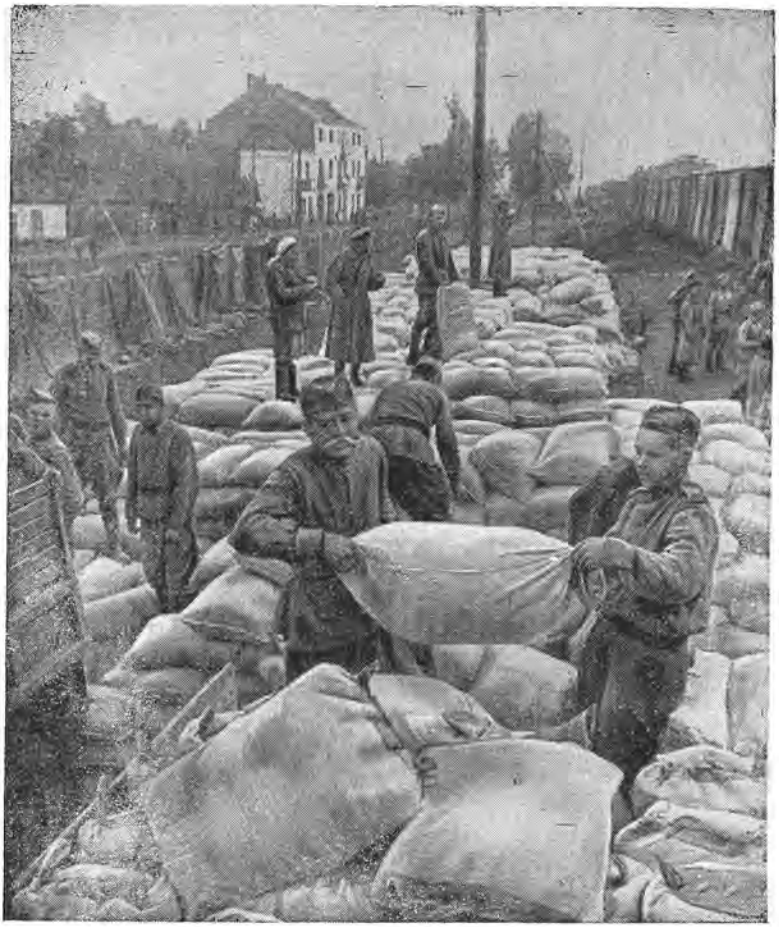
Население Праги (Варшавской) приветствует своих освободителей — бойцов Советской Армии.

Потерпев неудачу в своей преступной игре, английские империалисты попытались оказать прямое давление на Советское правительство с тем, чтобы добиться от него согласия на передачу власти на освобождённых польских землях от ПКНО к реакционно-фашистским элементам. Предпринятая с этой целью в октябре 1944 г. поездка в Москву британского премьер-министра Черчилля, министра иностранных дел Идена и премьера эмигрантского правительства Миколайчика оказалась безрезультатной: Советское правительство неизменно оберегало Польшу от всяких поползновений ко вмешательству в её внутренние дела.

Новая неудача, постигшая англо-американских империалистов и польских реакционеров, привела к перегруппировке в лагере реакционной эмиграции: Миколайчик вышел в отставку с поста «премьера», и новое эмигрантское правительство, созданное 30 ноября 1944 г. с участием открытых польских фашистов, возглавил социал-фашист, бывший легионер, главарь «ВРН» пилсудчик Арцишевский, входивший в кабинеты Дашинского и Морачевского в 1918 г.

Опираясь на СССР, ПКНО отразил давление со стороны империалистов и существенно укрепил своё внешнеполитическое положение.

Развивая дружеские отношения с соседними советскими республиками, ПКНО в сентябре 1944 г. заключил с ними соглашение об эвакуации польских подданных из Украины, Белоруссии и Литвы в Польшу и украинского, белорусского и литов-



В Прагу (Варшавскую) доставлена мука, безвозмездно переданная Советским правительством для населения.

ского населения соответственно в Советскую Украину, Советскую Белоруссию и Советскую Литву. Ликвидируя один из источников вековечных раздоров между соседними и братскими народами, меры, вытекавшие из этих соглашений, привели к превращению Польши в однонациональное государство.

Устанавливая основные черты, отличающие пролетарскую революцию от буржуазной, И. В. Сталин указал: «Буржуазная революция **завершается** обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь её **началом,** причём власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой»[1].

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 21.

Первые же шаги народно-демократической власти, равно как и самое её создание были тесно связаны с борьбой за перестройку старой экономики и организацию новой экономики. Эта борьба проявлялась в трудовых усилиях лучших представителей польского народа, отважно принимавшихся за восстановительные работы по горячим следам только лишь отшумевших боёв. Ещё складывавшаяся народно-демократическая власть не успела сказать своего слова по вопросу о собственности на средства производства, о характере производственных отношений, как сама жизнь повела эти отношения по линии коренных преобразований: для трудящихся национальное освобождение представляло собой составной элемент социального освобождения, и потому, приступая к восстановлению производства, рабочие подавляющего большинства предприятий первым делом брали под свою охрану фабрики и заводы, затем создавали свои временные органы управления или контроля, действовавшие в различных организационных формах. Рабочее управление, рабочий контроль закладывали основу становления новых производственных отношений в промышленности, построенных на преобладании общенародной, государственной собственности на средства производства. Процесс восстановления народного хозяйства, начавшийся одновременно с освобождением страны, являлся в то же время и процессом организации новой экономики. Под руководством ППР рабочий класс практически осуществил национализацию многих заводов, фабрик, шахт.

Проведя мобилизацию в Польское войско, продолжая строительство государственного аппарата, элементарно наладив жизнь трудящегося населения, установив с 1 сентября 1944 г. нормированное снабжение по твёрдым ценам основных контингентов потребителей, восстановив ряд предприятий, школ, больниц, ПКНО в процессе широкой и всесторонней деятельности в интересах рабочих и крестьян подошёл к главной задаче своей политики на данном этапе — проведению аграрной реформы. Декретом ПКНО о земельной реформе, принятым 6 сентября 1944 г., предусматривался раздел помещичьих земель между безземельными и малоземельными крестьянами и лицами некоторых других категорий.

Помещики и реакционно-фашистские элементы оказали ожесточённое сопротивление проведению реформы, прибегнув во многих случаях к применению оружия. Органы по проведению земельной реформы, составленные в основном из представителей «Стронництва людового», в котором в то время подвизалась кулацкая группа Анджея Витоса, сами зачастую саботировали проведение реформы. Создавшееся напряжённое положение, в котором новая власть держала ответственное испытание, осложнялось ошибочным исключением крестьян-середняков из круга лиц, подлежащих наделению землёй. ППР быстро уяснила обстановку и наметила пути к исправлению создавшегося положения: для ока-

Бойцы отрядов рабочей самообороны.

зания помощи трудящемуся крестьянству в деревни были направлены бригады рабочих, органы земельной реформы очищены от саботажников, к проведению реформы привлечено само трудящееся крестьянство; новым декретом ПКНО право получения дополнительного земельного надела распространено на многосемейных крестьян, имевших до 10 *га* земли. Благодаря ППР, энергично осуществлявшей политическое руководство проведением земельной реформы и подавление сопротивлявшихся реакционно-помещичьих элементов, к концу 1944 г. на освобождённой территории была ликвидирована помещичья собственность, около 216 тыс. *га* бывшей помещичьей земли передано 100 тысячам безземельных, малоземельных и середняцких крестьянских хозяйств.

Проведённые на освобождённых территориях ликвидация класса помещиков и наделение бывшей помещичьей землёй трудящегося крестьянства расширяло и углубляло союз рабочих и крестьян и придавало этому союзу особую прочность. Укрепление рабоче-крестьянского союза, как одно из важнейших завоеваний польской демократии, одержанное под руководством рабочего класса и его партии — ППР, поднимало авторитет и значение ПКНО. Одним из основных результатов его деятельности явилось то, что к концу 1944 г. на освобождённой части Польши не было ни помещиков, ни крупных капиталистов. Практически выявившиеся основные черты политики новой власти, власти трудящихся классов во главе с рабочим классом, сплотили вокруг неё широкие круги польского народа. Всё это потре-

бовало стабилизации режима путём преобразования ПКНО в полноправное правительство.

В соответствии с волеизъявлением широких народных масс освобождённой польской территории, КРН 31 декабря 1944 г. приняла решение о преобразовании ПКНО во Временное правительство Польской республики. 1 января 1945 г. было сформировано Временное правительство Польской республики.

Получив 4 января 1945 г. официальное уведомление о создании Временного правительства Польской республики, Президиум Верховного Совета СССР, следуя своей политике поддержания и укрепления дружественных отношений с демократической Польшей, принял решение признать Временное правительство Польской республики и установить с ним дипломатические отношения. Признание Советским Союзом Временного правительства Польской республики предопределяло незыблемость международного положения народно-демократической власти в Польше и наносило тяжёлый удар по планам англо-американских империалистов о возвращении Польши под власть эмигрантского правительства.

В то время как на освобождённой польской территории возрождалась на новой основе жизнь, на землях, всё ещё находившихся под властью оккупантов, продолжалась истребительная деятельность гитлеровцев. Злодейски разрушалась непокорённая Варшава. Остатки польских эксплоататорских классов, напуганные известиями о великом революционном преобразовании в восточной, освобождённой части страны, теснее сближались с гитлеровцами. Группки АК, НСЗ, ВРН при содействии гестапо усиливали преследования польских демократов. В глубоком подполье ППР мобилизовала силы рабочего класса для содействия ожидавшемуся новому наступлению Советской Армии и установлению народной власти в западных частях страны.

Образование Временного правительства и признание его Советским правительством непосредственно предшествовали второму, завершающему этапу освобождения Советской Армией Польши от немецко-фашистских оккупантов. 12 января 1945 г. Советская Армия возобновила наступление и обрушила на врага небывалый по силе удар на всём фронте от Балтийского моря до Карпат. Мощная оборона немцев, создававшаяся ими на протяжении ряда лет, была взломана. 13 января войска 1-го Украинского фронта, действовавшие в южных районах Польши, прорвали сильно укреплённую оборону немцев западнее Сандомежа и двинулись на запад, к 16 января войска 1-го Белорусского фронта, прорвав оборону противника, продвинулись далеко на запад южнее Варшавы, тогда же войска 2-го Белорусского фронта, перейдя в наступление севернее Варшавы, прорвали глубоко эшелонированную оборону противника.

17 января 1945 г. части 1-го Белорусского фронта, в том числе 1-я армия Польского войска, освободили от немецко-

фашистских захватчиков столицу Польши — многострадальную Варшаву. В ознаменование одержанной победы столица советской родины Москва от имени всего Советского Союза салютовала, согласно приказу Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, доблестным войскам, освободившим Варшаву, в том числе 1-й Польской армии.

Возвращённая польскому народу Варшава являла собой страшное зрелище: один из красивейших в довоенное время городов Европы лежал в развалинах. В исступлённой злобе на польский народ, на всё свободолюбивое человечество, возглавленное Советским Союзом, гитлеровские варвары превратили польскую столицу в руины. В хаотическом нагромождении кирпича, обгорелых, одиноко торчавших стен, обрывков проводов, провалов взорванных мостов лежали остатки славного города.

Сперва даже многие специалисты-градостроители безнадёжно смотрели на потерявшие всякий признак жизни останки Варшавы. Они приходили к заключению о невозможности восстановления столицы Польши. Но народ не мог примириться с тем, что от сердца польской родины останутся лишь омертвелые груды камней, металла и кучи пепла. Болью израненной души и глубокой верой в силы освобождённого народа веяло от надписи, сделанной на видном месте одним из немногих уцелевших в подполье героических борцов Варшавы: «Мы возродим тебя, родная Варшава!» Эта надпись недолго оставалась одинокой: под ней появилась другая, выражавшая веру польского народа в живительную силу союза и дружбы со своим освободителем — Советским Союзом: «Нам поможет Сталин!»

Великий друг польского народа И. В. Сталин с глубоким сочувствием отнёсся к страстному желанию польского народа возродить свою столицу, сделать её и лучше и красивее, чем она была до войны. И. В. Сталин указал, что нельзя учитывать только расчеты специалистов, надо считаться с волей народа и с сердцем народа, надо дать ответ не только немецким фашистам, но и всем тем, — раз и навсегда! — кто хочет уничтожать народы и города: нельзя уничтожить народ, нельзя уничтожить город, который создавался века руками, разумом, сердцем и любовью народа[1].

Тем временем доблестные войска Советской Армии продолжали вершить свое святое дело.

19 января части 1-го Украинского фронта штурмом овладели древней столицей Польши городом Краковом, а войска 1-го Белорусского фронта в тот же день овладели индустриальным центром Польши городом Лодзь. Ещё через два дня, 21 января, войска 1-го Украинского фронта, прорвав оборону немцев на юго-восточной границе Германии, вторглись в пределы Силезии, освобождая старинную польскую землю. 31 января части 1-го

[1] «Правда Украины», 5 марта 1949 г.

Белорусского фронта пересекли германскую границу, неся освобождение старинным польским землям над Одером. К концу января 1945 г. вся Польша, за исключением некоторых опорных пунктов немцев, была освобождена от ига оккупантов.

Невиданное по темпам и масштабам наступление Советской Армии сорвало планы англо-американских стратегов, рассчитывавших через территорию Чехословакии, в обход южных границ Германии, прорваться в Польшу и помешать расширению власти Временного правительства на западные районы страны.

Повсеместно на освобождённые территории распространялась власть Временного правительства.

Кровь, обильно пролитая героическими советскими бойцами, освобождавшими Польшу, цементировала нерушимую дружбу и боевой союз, установившиеся между советским и польским народами. Советский народ продолжал расширять материальную помощь и поддержку польскому народу. Одному только героическому населению Варшавы он принёс в дар 60 тыс. *т.* хлеба и много других продуктов.

В разрушенную столицу Польши из Люблина переехали Временное правительство и КРН. Польское правительство приступило к первоочередным восстановительным работам в Варшаве и по всей стране.

В такой же степени, как помощь советских вооружённых сил спасла польский народ от гибели и восстановила независимость польского государства, экономическая помощь Советского Союза позволила Польше быстро преодолеть хозяйственный хаос и разруху, укрепить народно-демократический режим.

Полное освобождение Польши Советской Армией, продолжавшей изгонять немцев из старинных польских земель, оставшихся после первой мировой войны в составе Германии, закрепило новое положение, сложившееся в польском государстве. Вместе с тем распространение власти Временного правительства на новые территории расширяло базу Временного правительства.

Видоизменяя свою тактику, правительства США и Великобритании попытались добиться от Советского правительства отказа от признания Временного правительства в обмен за отказ Вашингтона и Лондона от поддержки эмигрантского правительства.

На Крымской конференции руководителей СССР, США и Великобритании в феврале 1945 г. Советский Союз добился принятия решений, всецело отвечавших интересам польской демократии. Одним из этих решений было установлено, что в связи с полным освобождением Польши создалась возможность образования Временного польского правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, и что поэтому действовавшее в Польше Временное правительство

должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. С этим новым правительством, которое должно было именоваться польским Временным правительством национального единства, правительства США и Великобритании обязались установить дипломатические отношения, что предполагало прекращение ими отношений с польским эмигрантским правительством и прекращение существования этого правительства.

Другим решением главы трёх правительств установили, что восточная граница Польши должна идти вдоль «линии Керзона» с отступлениями от неё в некоторых районах от 5 до 8 *км* в пользу Польши и что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе, о размерах которого будет спрошено мнение нового польского Временного правительства национального единства.

Решения Крымской конференции о Польше представляли собой выдающуюся победу советской политики помощи и содействия польскому народу в создании сильного и независимого демократического государства. Сила этих решений состояла в том, что в основной своей части они были уже претворены в жизнь и в конечном счёте их осуществлению не могли помешать ни Великобритания, ни США. Более того, только ценой отказа от поддержки лондонского эмигрантского правительства правительства США и Великобритании могли рассчитывать оказать влияние на определение состава польского Временного правительства национального единства. Поскольку основу этого правительства должно было составить действовавшее Временное правительство, то даже присоединение к нему нескольких лиц, пользовавшихся особым доверием англо-американских империалистов, не могло оказать существенного влияния на его политику или поколебать политические и экономические основы народно-демократического польского государства.

Англо-американские империалисты потратили немало усилий на то, чтобы сорвать выполнение Крымских решений, но оказались бессильными перед последовательной и твёрдой политикой Советского Союза. Саботируя выполнение Крымских решений, правительства США и Великобритании воспрепятствовали допущению представителей Польши к участию в конференции в Сан-Франциско по учреждению международной организации для поддержания мира и безопасности. Их старания были направлены к тому, чтобы с помощью террористов и диверсантов изнутри поколебать силы польской демократии, запугать правые круги блока демократических партий и побудить их к капитуляции перед силами империализма. Сокрушительным ударом по обширному заговору англо-американских империалистов и польских реакционеров против свободы и независимости Польши явился арест весной 1945 г. в тылу у Советской Армии командо-

вания подпольной АК, «министров» подпольного фашистского правительства и других главарей контрреволюционного подполья.

Разгром основных центров реакционно-фашистского подполья пришёлся на время, когда на освобождённой западной территории Польши было начато проведение земельной реформы, приступлено к восстановлению промышленности, транспорта, связи, школ, больниц и т. п. К середине апреля 1945 г. старинные польские земли на Балтийском побережье, Одере и Ниссе Лужицкой (Зап. Нейсе) в целом были освобождены Советской Армией из-под многовекового немецкого господства. В соответствии с решениями Крымской конференции польское Временное правительство приступило к введению своей администрации на этих землях и к освоению их в интересах польского народа.

Таким образом, Советский Союз освободил Польшу из-под немецко-фашистского рабства, возвратил Польше старинные польские земли, воспрепятствовал англо-американским империалистам осуществить интервенцию, навязать Польше реакционный режим и развязать в стране гражданскую войну, оказал военную, экономическую, финансовую, продовольственную, медицинскую помощь, дипломатическую поддержку польской народной демократии, объединившейся вокруг рабочего класса. Новые отношения, сложившиеся между СССР и Польшей по ходу Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии и в результате установления в Польше народно-демократической власти, нашли своё формальное закрепление в договоре о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской республикой, подписанном 21 апреля 1945 г. в Москве. И. В. Сталин, по уполномочию Президиума Верховного Совета Союза ССР лично подписавший этот договор, указал, что «...этот договор является залогом независимости новой демократической Польши, залогом её могущества, её процветания»[1].

Новая, народно-демократическая Польша сложилась и окрепла в результате победы Советского Союза в Великой Отечественной войне над наиболее агрессивной силой империализма в условиях того времени — гитлеровской Германией. Без этой победы и непосредственной военной помощи со стороны СССР было бы невозможно ни спасение польского народа, ни установление в стране революционной народно-демократической власти.

---

[1] «Правда», 22 апреля 1945 г.

ГЛАВА XXXIII

Народно-демократическая Польша в период восстановления народного хозяйства

К окончанию второй мировой войны Польша пришла как возрождённая и преображённая страна, в которой сложился новый тип государства — народно-демократическая республика, опирающаяся на социалистическое государство рабочих и крестьян — Советский Союз. Основной и решающей предпосылкой, создавшей условия для того, чтобы польские трудящиеся взяли в свои руки управление страной и впервые в польской истории создали государство, отвечающее интересам народа, явилась победа Советского Союза над гитлеровской Германией и её союзниками и сателлитами, укрепившая СССР — оплот трудящихся всех стран и народов. Подавляя сопротивление эксплоататорских классов, организуя всех трудящихся вокруг пролетариата в целях проведения мероприятий, направленных к ликвидации эксплоататорских классов, народно-демократическая власть приближалась к выполнению функций диктатуры пролетариата. Таким образом, с первых дней своего существования народно-демократическая Польша вступила на путь, ведущий к социализму. Продвижение вперёд по этому пути проходило в условиях преодоления ожесточённого сопротивления остатков угнетательских классов внутри страны и их зарубежных империалистических союзников и покровителей.

Правительства США и Великобритании продолжали противопоставлять законному правительству Польши «правительство» реакционной эмигрантской банды. В связи с этим И. В. Сталин предупредил, что польский вопрос может быть разрешён лишь на основе крымских постановлений в порядке согласованности[1]. Неизменно дружеская политика СССР способствовала дальнейшему укреплению положения Временного правительства, которое явилось основным ядром для образования польского Временного правительства национального единства. Реконструированное таким образом польское Временное правительство национального единства было сформировано 28 июня 1945 г. В состав этого правительства был допущен бывший премьер эмигрантского правительства Миколайчик, лживо заявивший о признании Манифеста к польскому народу в качестве политической платформы развития польского государства. Создание польского Временного правительства национального единства снимало формальные препятствия, используя которые империалисты США и Великобритании пытались помешать разрешению некоторых существенных вопросов, касавшихся международного положения Польши.

Перед новой конференцией руководителей трёх держав, на которой правительствам США и Великобритании предстояло заручиться сотрудничеством СССР в особо важных для них вопросах, правительства этих стран оказались вынужденными при-

И. В. Сталин.

знать новое польское правительство. Это признание и соответственно отказ от признания польского эмигрантского правительства произошли 5 июля 1945 г. Польское эмигрантское правительство официально перестало существовать. Но оно продолжало и в дальнейшем играть роль центра всех польских реакционно-фашистских элементов, вело широкую подрывную работу против Польской республики и использовалось англо-американскими империалистами. Сохранялись и эмигрантские вооружённые силы, находившиеся на английском содержании.

Позиция СССР на Потсдамской (Берлинской) конференции руководителей трёх держав (июль—август 1945 г.) обеспечила благоприятное для народно-демократической Польши решение по территориальным вопросам.

[1] «Правда», 4 августа 1945 г.

Руководители СССР, США и Великобритании приняли согласованные решения о том, что «бывшие германские территории к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свинемюнде и оттуда по реке Одер до впадения реки Западная Нейса и по Западной Нейсе до чехословацкой границы», включая юго-западную часть Восточной Пруссии и территорию бывшего свободного государства Данциг, — «должны находиться под управлением Польского государства...» Немецкое население, оставшееся в Польше в её новых границах, подлежало перемещению в Германию.

Оценивая решение конференции, В. М. Молотов указывал, что «...Польша вернулась на свои древние земли, которые когда-то были колыбелью Польского государства»[1]... «Историческое значение Потсдамского решения заключается в том, что оно установило новые, справедливые границы польского государства»[2].

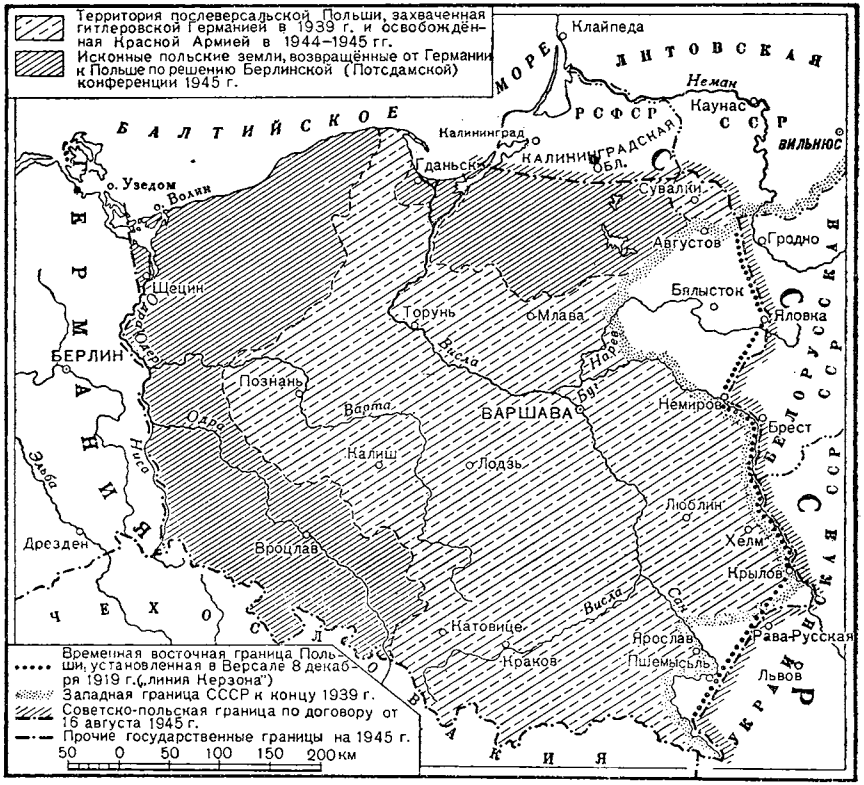
Несколько времени спустя после Потсдамской конференции, 16 августа 1945 г., между СССР и Польшей были заключены договор о советско-польской государственной границе, а также соглашение по вопросу о возмещении ущерба, причинённого германской оккупацией. Договор устанавливал советско-польскую государственную границу вдоль «линии Керзона» с отступлением от неё в пользу Польши в некоторых районах от 5 до 8 *км*, причём Советский Союз дополнительно уступал Польше часть территории Беловежской Пущи и территорию к югу от города Крылов до реки Западный Буг и реки Солокия. В Восточной Пруссии граница была установлена от восточного берега Данцигской бухты вдоль линии севернее Браунсберга-Гольдапа до стыка границ Литовской ССР, Польской республики и бывшей Восточной Пруссии.

Соглашение трёх держав о западной границе Польши и советско-польский договор о государственной границе утвердили великие исторические изменения в положении польского государства в Европе, отразившие коренной перелом в советско-польских отношениях. Изменилась роль Польши в международных отношениях. Место захватнического, антисоветского угнетательского государства, служившего коридором для нашествия на восток и трамплином для нападения на Советский Союз, заняла демократическая Польша, опирающаяся на СССР, возвратившая свои исконные земли по морю и на западе приобретшая устойчивые границы, соответствующие историческим, этнографическим, экономическим и стратегическим интересам польского народа.

В новых границах территория Польши составляет 311 700 *кв. км*, из которых 102 853 *кв. км*, т. е. 32%, приходится на земли, возвращённые Польше из-под немецкого господства: Нижняя Силезия, остававшаяся за Германией часть Верхней

[1] В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, Госполитиздат, 1948, стр. 428.

[2] Там же, стр. 432.



Образование Польской народно-демократической республики (1945 г.).

Силезии с Опольем, Любушская земля, Западное Поморье со Щецином, островом Волынь и частью острова Узедом, Гданьск, а также земля Вармийско-Мазурская (в бывшей Восточной Пруссии). Возвратившись на польский запад, став приморской державой с удобными сухопутными границами, Польша с возвращёнными землями приобрела большие природные богатства (каменный и бурый уголь, железная руда, свинцовая, медная оловянная, цинковая руды, керамическое сырьё и др.), обширные леса, огромные сельскохозяйственные площади, высокоразвитые коммуникации, разнообразную и высокоразвитую промышленность, которую стремительное наступление Советской Армии спасло от подготовлявшегося гитлеровцами разрушения.

Окончание войны и установление новых границ позволило выявить размеры ущерба, причинённого Польше немецкой оккупацией. В своей истребительной политике гитлеровцы уничтожили 6,1 млн. человек из населения Польши, проживавшего в пределах новой восточной и старой западной границы; кроме

того, среди оставшихся в живых оказалось 590 тыс. человек инвалидов и 1 140 тыс. человек тяжело больных.

Помимо потерь в населении, оккупация нанесла Польше огромный материальный ущерб, составляющий более половины польского национального имущества по его состоянию до второй мировой войны и в целом достигающий размера пятнадцатикратного национального дохода Польши в 1938 г. За время своего господства в стране немецко-фашистские империалисты разрушили около 30% жилых и общественных зданий, свыше 60% помещений школ, более 33% промышленных предприятий, 84% всех железнодорожных линий, причинили сельскому хозяйству ущерб более чем на 200 млрд. довоенных злотых и т. д. и т. п. Количество скота в сравнении с довоенным периодом к 1945 г. сократилось более чем на 50%, а свиней — более чем на $^2/_3$; 45% всех пахотных земель было заброшено. В период оккупации национальное богатство Польши уменьшилось на 38%.

Только живительная сила бескорыстной и дружеской помощи СССР и раскрепощение народа от помещичье-капиталистической эксплоатации спасли Польшу от медленного вымирания, беспросветной нищеты, голода и колониального угнетения империалистов; только поддержка Советского Союза обеспечила быстрое возрождение Польши.

Крупные работы по восстановлению народного хозяйства и реорганизации экономики в соответствии с интересами трудящихся классов, начатые народно-демократической властью ещё летом 1944 г., продолжались в возраставших масштабах после окончания войны. Среди всех больших дел, поглощавших энергию польских трудящихся, преобладали вопросы, связанные с завершением аграрной реформы, освоением возвращённых земель и восстановлением промышленности. На первое место по значению и по масштабам работ выдвинулась каменноугольная промышленность. Здесь впервые в истории Польши в апреле 1945 г. началось экономическое планирование, распространившееся затем на все отрасли экономики. В угольной промышленности, раньше чем в какой-либо другой, развернулось трудовое соревнование и борьба за повышение производительности труда. В сочетании с технической помощью СССР это новое отношение к труду и социалистическая организация производства ознаменовались заметными успехами: добыча угля, составлявшая в апреле 1945 г. 919 тыс. *т*, в ноябре того же года превзошла среднемесячный объём довоенной добычи на польских шахтах — 3 100 тыс. *т*, но составляла всё же лишь 39,4% общей добычи 1938 г. на польских и бывших немецких шахтах. Выдвигаясь на одно из первых мест в мире по добыче угля, Польша приступила к его экспорту и стала играть крупнейшую роль в качестве поставщика угля на мировой рынок. Успехи в угледобыче облегчали возрождение и перестройку других отраслей народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства.

Враждебно встретив образование революционно-демократической власти, зажиточная часть деревни, кулацкая верхушка, рассматривала её как временное явление, которое под нажимом англо-американских империалистов уступит место буржуазному правительству. Выступая против народно-демократической власти, кулачество в то же время не упускало возможности для того, чтобы захватить в свои руки часть парцеллировавшихся помещичьих земель и помещичьего инвентаря и обратить себе на пользу помощь, которую государство оказывало деревенской бедноте.

После образования Временного правительства национального единства рабочий класс, опираясь на деревенскую бедноту и в союзе с середняцкими слоями крестьянства приступил к некоторому ограничению капиталистических элементов деревни. Были введены натуральные поставки на сельскохозяйственные продукты в размере в среднем 18% от зерновой продукции хозяйства и 9% от сбора картофеля. Натуральные поставки создавали основу фондов нормированного снабжения рабочего класса. Они являлись своего рода взносом крестьянства в рабоче-крестьянский союз, обеспечивавший под руководством рабочего класса ликвидацию класса помещиков и переход помещичьей земли к трудящемуся крестьянству.

Ограничив свободу торговли, натуральные поставки ударили по кулачеству, по спекулянтам.

В новых условиях укрепления революционной власти и рабоче-крестьянского союза кулачество активизировало свою политику сопротивления народной демократии, выступая бок о бок с остатками помещиков и капиталистов и смыкаясь с реакционно-фашистским подпольем.

Обострение классовой борьбы было умело использовано англо-американской агентурой во главе с Миколайчиком.

В августе 1945 г. Миколайчик и группа деятелей деревенской и городской буржуазии создали новую партию — «Польске стронництво людове» (ПСЛ), опиравшуюся на кулачество и часть городской буржуазии. Первоначально ПСЛ удалось дезорганизовать позиции «Стронництво людове» и увлечь за собой значительную часть кадров этой партии. Представленная в правительстве, получившая ряд мест в КРН, ПСЛ стала активно бороться против всей правительственной политики. Она пыталась толкнуть Польшу на путь кабальных займов у США, на путь отказа от экономической независимости. ПСЛ добивалась возвращения частным лицам и обществам крупной промышленной собственности, взятой в ведение государства, стремилась ограничить аграрную реформу и подчинить её интересам лишь кулачества, срывала освоение возвращённых земель. Собирая вокруг себя все оппозиционные и контрреволюционные силы, главари ПСЛ вместе с главарями заговорщических организаций стремились осуществить контрреволюционный переворот.

В том же направлении, что и ПСЛ, действовала возобновившая своё легальное существование в сентябре 1945 г. партия «Стронництво праци». Прибывший из-за границы руководитель этой партии Попель долгое время входил в эмигрантское правительство. В Польше он попытался вместе с другими реакционными деятелями этой партии развернуть заговорщическую антинародную деятельность.

Для реакции особое значение приобретала деятельность правых элементов в ППС. После сформирования нового правительства в ППС вошли многие правые социалисты-пилсудчики, принадлежавшие к группе «ВРН». Заняв при попустительстве руководства ППС важные партийные посты, эти правые социалисты толкали ППС на отход от сотрудничества с ППР, выступали против укрепления народной демократии и дружбы с СССР.

Всю тяжесть борьбы с не ликвидированным ещё реакционно-фашистским подпольем и контрреволюционным руководством ПСЛ и правыми в ППС вынесла на себе ППР. Она привлекла лучшие силы рабочего класса на восстановительные работы в наиболее важные отрасли народного хозяйства, подняла угольную промышленность, организовала массовое переселение на возвращённые земли, продолжала проведение земельной реформы. Благодаря ППР, опиравшейся на всемирно-исторический опыт ВКП(б), польская народная демократия выдержала натиск реакции и поддерживавших её иностранных империалистов.

В декабре 1945 г. состоялся первый съезд ППР. К съезду ППР пришла как массовая марксистско-ленинская партия рабочего класса. Исходя из достигнутых успехов в укреплении рабоче-крестьянского союза и строительства народно-демократического государства, съезд наметил очередные задачи развития страны, среди которых особое место заняли решения о проведении национализации промышленности и разработке трёхлетнего перспективного плана восстановления народного хозяйства.

В соответствии с предложениями ППР, поддержанными всем рабочим классом, КРН, несмотря на противодействие депутатов от ПСЛ, 3 января 1946 г. приняла закон о национализации крупной и средней промышленности, транспорта и банков. Согласно закону, все банки без исключения и все промышленные и транспортные предприятия с числом рабочих, превышавшем 50 человек в одну смену, перешли в собственность государства. В горной, металлургической, энергетической и других наиболее важных отраслях промышленности национализации подлежали все предприятия. Возмещение за национализацию допускалось только для иностранных собственников путём специальных в каждом случае переговоров. Национализация промышленности, транспорта и банков была подготовлена после освобождения страны установлением временного государственного управления всеми банками и крупнейшими предприятиями. Важную роль в подготовке национализации сыграли раз-

личные формы государственного и рабочего контроля на других крупных предприятиях. Осуществление национализации формально завершило ликвидацию финансового капитала и зависимость от иностранных капиталистов. Класс капиталистов лишался главных устоев своего существования: более 3,6 тыс. предприятий перешло в собственность государства. Законом от 3 января 1946 г. определялось становление социалистического в своей основе уклада в промышленности, укреплялось народно-демократическое государство и роль рабочего класса в экономике и политике страны.

В сочетании с законом об аграрной реформе закон о национализации крупной и средней промышленности, банков и транспорта формировал экономические основы народной демократии и определял общественно-экономическую структуру польского народного хозяйства в период преобразования его в социалистическое.

В экономике сложилось три уклада: социалистический (банки, транспорт, крупные и средние промышленные предприятия, государственные земледельческие хозяйства, в значительной степени — коммунальные и кооперативные хозяйства), мелкотоварный (хозяйства трудящихся крестьян, мелкое ремесло), капиталистический (частные промышленные и торговые предприятия, кулацкие хозяйства и др.).

Национализация банков, транспорта, крупной и средней промышленности создала условия для перехода к плановой экономике. С четвёртого квартала 1945 г. все отрасли промышленности, находившиеся в ведении министерства промышленности, имели свои планы. В порядок дня становился переход к перспективному планированию в масштабах всей страны и всего народного хозяйства.

ПСЛ и все реакционно-фашистские элементы организовывали вредительство и саботаж, срывали выполнение государственных заданий, обостряли экономические трудности. ПСЛ домогалась ликвидации министерств общественной безопасности, промышленности, снабжения, игравших исключительную роль в поддержании и развитии режима народной демократии. Одновременно ПСЛ, используя затруднения Польши, толкала страну в кабалу американского и английского капитала. Правые элементы в ППС поддерживали антисоветскую клевету ПСЛ и вместе с ней домогались ликвидации ряда важнейших министерств, руководство которыми находилось у представителей ППР.

Успехи народно-демократической власти и провал усилий ПСЛ вызывали дикую ярость у империалистов. В клеветнической речи, произнесённой в марте 1946 г. в Фултоне (США), один из главных поджигателей войны Черчилль обрушился с нападками на СССР и страны народной демократии (в частности, по вопросам советско-польских отношений и о западных границах Польши) и позволил себе оскорбительные выпады

в адрес польских демократических лидеров. В интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи Черчилля И. В. Сталин, разоблачив причины ярости Черчилля, вызванные невозможностью играть больше Польшей в антисоветских целях, дал высокую оценку деятельности руководителей Польши. «Современной демократической Польшей, — сказал он, — руководят выдающиеся люди. Они доказали на деле, что умеют защищать интересы и достоинство своей родины так, как не умели это делать их предшественники»[1].

Используя в своих интересах клеветнические выпады Черчилля и других империалистов против руководителей народно-демократической Польши, ПСЛ, в связи с назревшим вопросом о выборах в сейм, поставила условием своего вхождения в избирательный блок с другими партиями предоставление ей $^3/_4$ мест в будущем сейме. Неслыханное по наглости требование ПСЛ было вызовом всей польской демократии. В ответ на домогательства ПСЛ сессия КРН в апреле 1946 г. приняла решение о проведении до выборов в сейм всенародного референдума. Референдум имел целью проверить отношение народа к политике блока демократических партий. На всенародное одобрение было выдвинуто три вопроса: 1) желает ли голосующее лицо, чтобы вместо двухпалатного парламента в Польше был однопалатный парламент (т. е. вместо сената и сейма только сейм); 2) одобряет ли голосующий проведённую земельную реформу и национализацию основных отраслей народного хозяйства при сохранении частной инициативы; 3) одобряет ли голосующий польские границы на западе.

Партии демократического блока призвали избирателей ответить утвердительно на все три вопроса референдума. ПСЛ, понимая, что открытое отрицательное отношение ко всем вопросам референдума лишило бы её возможности рассчитывать на поддержку кого-либо из переселенцев на возвращённые земли и крестьян, получивших землю в результате реформы, призвала избирателей ответить отрицательно на первый вопрос. При этом лидеры ПСЛ изображали себя защитниками конституции 1921 г., хотя в действительности именно Миколайчик долго и тщетно домогался от ПКНО полного отказа от конституции 1921 г. и восстановления фашистской конституции 1935 г.

В своём отношении к референдуму «Стронництво праци» внешне заняло промежуточную позицию: оно высказалось за одобрительный ответ на второй и третий вопросы, а в отношении первого вопроса предоставило своим сторонникам свободно определить своё отношение. Реакционно-фашистское подполье и руководители католической церкви вообще пытались сорвать референдум и во всяком случае требовали отрицательного ответа на все три поставленные вопроса.

---

[1] «Правда», 14 марта 1946 г.

Референдум, происходивший 30 июня 1946 г., закончился крупной победой польской демократии во главе с рабочим классом: в голосовании приняло участие 89,4% избирателей; положительный ответ на первый вопрос референдума дали 7,8 млн. человек, отрицательный — 3,6 млн. человек, на второй вопрос ответило «да» 8,8 млн. человек, «нет» — 2,6 млн. человек, на третий — соответственно 10,5 млн. человек и 0,9 млн. человек.

Итоги референдума показали, что подавляющее большинство народа сплочено вокруг народно-демократического режима. Вместе с тем они обнаружили, что реакционные, эксплоататорские классы, прямые сторонники германизации возвращённых земель, непримиримые враги демократической и независимой Польши, представляли собой ещё серьёзную силу.

Пытаясь облегчить подрывную деятельность польских фашистов, поощрить германские реваншистские круги, государственный секретарь США Бирнс выступил в сентябре 1946 г. в Штутгарте с речью, содержавшей требование пересмотреть польско-германскую границу в пользу Германии. Направленное против одного из устоев мира в Европе, это требование, в дальнейшем неизменно выдвигавшееся американскими и английскими империалистами, встретило решительный отпор со стороны СССР. На вопрос иностранного корреспондента, считает ли СССР границы Польши постоянными, И. В. Сталин дал недопускающий никаких дискуссий ответ: «Да, считает»[1].

Агрессивная антипольская политика англо-американских империалистов показала, что Миколайчик и другие лидеры ПСЛ рассчитывали в первую очередь именно западными землями расплатиться со своими империалистическими покровителями. Миколайчик пытался создать условия для интервенции США и Англии, сорвать строительство социализма, реставрировать помещичье-буржуазный полуколониальный режим. Разоблачения предательской политики главарей ПСЛ в отношении возвращённых земель и их прямого сотрудничества с остатками реакционно-фашистского подполья вызвали массовый отход от ПСЛ отдельных групп трудящегося крестьянства, введённого было в заблуждение Миколайчиком и его агентурой.

Помощь СССР обеспечила исключительно высокий темп восстановления польского народного хозяйства. К концу 1946 г. отдельные отрасли производства по валовому выпуску продукции превысили размеры польского производства в 1938 г. — по электроэнергии на 44%, по добыче угля на 24%, по паровозостроению в 5,4 раза и т. д. Восстановление польской промышленности происходило на расширенной основе: в некоторых отраслях производства удалось достигнуть превышения довоенной производительности труда, в строй вводились новые мощности, создавались новые отрасли промышленности, такие, как тракторостроение,

[1] «Правда», 30 октября 1946 г.

самолётостроение, некоторые виды химической промышленности и др.

Возвращённые земли, в момент освобождения их Советской Армией от немецкого господства представлявшие собой полупустынный край, панически брошенный основными контингентами немецкого населения, превращались в район кипучей созидательной деятельности, органически связанный с основной территорией польского государства. К 1,1 млн. поляков, ранее здесь проживавших, присоединилось в 1946 г. около 3 млн. переселенцев из основных воеводств, эвакуированные из Советского Союза, возвратившиеся из эмиграции.

Вдохновителем и организатором великого восстановления Польши из руин и развалин и преобразования её на основах, открывавших перспективу развития в направлении к социализму, являлась ППР. Учась у партии большевиков, ППР завоёвывала доверие все более широких кругов народа, убеждавшихся на собственном опыте в правильности линии партии, в правильности её политики.

В сентябре 1946 г. сессия КРН утвердила отправные позиции трёхлетнего хозяйственного плана, разработанного правительством по инициативе ППР. Влияние партии и её численный состав непрерывно увеличивались. Идеи партии проникали в самые широкие круги рабочих и крестьян, повсеместно встречая сочувствие и одобрение. Многие из рядовых членов социалистической партии и её левых лидеров, стоявших на позициях классовой борьбы, признали авангардную роль ППР и лежавшее в основе её деятельности великое непобедимое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. В рядах ППС усилилась тяга к единству с ППР, к сближению с передовой, марксистско-ленинской партией рабочего класса.

В ноябре 1946 г. руководства ППР и ППС подписали договор о единстве действий в центре и на местах.

Подписание договора о единстве действий ППР и ППС предшествовало началу избирательной кампании в сейм. Предвыборная кампания развёртывалась в условиях ожесточённой классовой борьбы. Предвидевшие своё поражение, лидеры ПСЛ совместно с остатками фашистских лесных банд пытались сорвать массово-агитационную работу ППР, терроризировать избирателей, взорвать блок демократических партий и профсоюзов, солидарно выступавших на выборах. Реакционным силам содействовали правые социалисты, всячески саботировавшие договор о единстве действий между ППС и ППР.

В условиях огромного подъёма политической активности масс, быстрого улучшения материального положения трудящихся лагерь реакции, всё ещё не оставлявший надежду на развязывание гражданской войны и реставрацию буржуазно-помещичьего строя, понёс сокрушительное поражение. 8 января 1947 г. органами безопасности был арестован «Согласительный комитет

польских подпольных организаций и партий». В этом комитете были представлены пилсудчики, эндеки, правые социалисты из «ВРН», правые людовцы. Материалы, захваченные при аресте, изобличили связь Миколайчика с центром террористов и заговорщиков, лишили ПСЛ доверия некоторых колебавшихся групп населения и усилили кризис внутри этой партии.

Стремясь во что бы то ни стало сорвать укрепление польской народной демократии и воспрепятствовать нормальному проведению выборов, правительства США и Великобритании сделали несколько попыток по вмешательству в польские дела. Но все эти попытки были резко пресечены правительством СССР.

Выборы в сейм, происходившие 19 января 1947 г., ознаменовались выдающейся победой блока демократических партий и профсоюзов. Во главе этого блока стояла ППР, блок получил 384 места из 444. ПСЛ провела в сейм всего 28 послов.

Со времени избрания сейма перестал действовать временный орган революционной власти — Краёва рада народова.

4 февраля 1947 г. открылась первая сессия сейма народно-демократической Польши. Президент КРН Болеслав Берут, один из самых выдающихся деятелей ППР, был избран президентом Польской республики. По поручению президента Юзеф Циранкевич, один из руководителей левого крыла ППС, сформировал правительство в составе представителей партий демократического блока. К демократическому блоку примкнула партия «Стронництво праци». В 1950 г. по желанию рядовых членов партии она прекратила существование ввиду подрывной деятельности значительной части её главарей.

19 февраля 1947 г. сейм принял «Конституционный закон об устройстве и сфере действий высших органов Польской республики», получивший название «Малой конституции», а 22 февраля — «Декларацию гражданских прав и свобод». Эти акты, законодательно закрепляли режим народной демократии — власть трудящихся во главе с рабочим классом.

Высшим законодательным органом, согласно Малой конституции, является Законодательный сейм, избираемый на пятилетний срок на основе всеобщего, равного, тайного, прямого и пропорционального голосования. К компетенции сейма относятся принятие конституции, законодательство, избрание президента, контроль над деятельностью правительства, определение основной линии политики государства.

Исполнительная власть принадлежит президенту, Государственному совету и правительству. Президент назначает и отзывает главу правительства и, по его предложению, министров, осуществляет верховную власть над вооружёнными силами, созывает, открывает, отсрочивает и закрывает сессии сейма, представляет государство во внешних сношениях и т. д.

Президент председательствует в Государственном совете, являющемся высшим коллегиальным исполнительным органом.

Б. Берут.

В состав Государственного совета входят: маршал (председатель) сейма, его заместители, председатель Верховной контрольной палаты и другие лица, избранные сеймом. Государственный совет имеет право законодательной инициативы, осуществляет верховный надзор и контроль над радами народовыми, утверждает правительственные декреты, имеющие силу законов, рассматривает отчёты Верховной контрольной палаты и т. п.

Распорядительную власть осуществляют правительство и министерства; Совет министров может принять законодательные акты, получающие силу закона лишь по утверждении Государственным советом, а затем и сеймом на его ближайшей сессии.

Органом контроля финансовой и народно-хозяйственной деятельности государственных властей, учреждений и предприятий является Верховная контрольная палата, председатель которой избирается сеймом. Верховная контрольная палата подчиняется Государственному совету.

До принятия закона 20 марта 1950 г. о местных органах государственной власти в каждой административной единице име-

лись рады народовы и не зависящие от них органы административной власти, назначенной президентом, правительством или его органами. Рады народовы состояли из представителей блока демократических партий и примыкающих к нему организаций — профсоюзов, Союза крестьянской взаимопомощи и др. В целях дальнейшего углубления демократии путём обеспечения ещё более полного участия трудящихся в управлении государством, законом 20 марта 1950 г., принятым в условиях успешного строительства фундамента социализма, рады народовы стали местными органами единой государственной власти. Их состав подлежит непосредственному избранию населением.

Декларация о гражданских правах и свободах устанавливала равноправие перед законом независимо от национальности, расы, вероисповедания, пола, происхождения, положения или образования; неприкосновенность личности, охрану жизни и имущества граждан; свободу печати, слова, союзов, собраний, совести и т. д.; гарантировала право на труд и отдых, на социальное обеспечение и т. д. В декларации указывалось, что законы будут направлены на предотвращение использования гражданских прав и свобод для борьбы с демократическим строем Польской республики.

Принятие основных законов законодательно закрепляло основные черты народно-демократического государства, как государства социалистического типа.

Победа народной демократии над силами реакции и империализма укрепляла международное положение Польши, её связи с другими народно-демократическими странами, сплотившимися вокруг СССР в единый антиимпериалистический и демократический лагерь. 10 марта 1947 г. между Польшей и Чехословакией был подписан договор о дружбе и взаимной помощи. Вслед за ним были заключены аналогичные договоры между Польшей и другими странами народной демократии. Все они основывались на сотрудничестве этих стран с СССР (договор Польши с Болгарией подписан 29 мая 1948 г., с Венгрией — 13 июня 1949 г., с Румынией — 26 января 1949 г.).

Буржуазно-помещичьи круги и их иностранные вдохновители временно перенесли центр тяжести своей борьбы с народной демократией в область экономики. Буржуазно-кулацким элементам удалось обострить весной 1947 г. затруднения в продовольственном снабжении и снабжении промышленности сельскохозяйственным сырьём. Разгул спекуляции поставил в тяжёлое положение потребительские группы трудящихся городов.

ППР быстро разобралась в создавшейся обстановке. По её предложению, поддержанному всеми трудящимися, правительство установило контроль над промышленной и торговой деятельностью частных предприятий, усилило борьбу со спекуляцией, стало развёртывать государственную торговлю. Упрочение народнохозяйственного положения позволило ликвидировать натуральные

Варшава. Памятник Братства по оружию, открытый в честь бойцов Красной Армии и Польского войска, павших в борьбе за освобождение Польши от немецких фашистов.

поставки. Для того чтобы эта мера, соответствовавшая интересам трудового крестьянства, не была всецело использована кулачеством, правительство укрепило государственный заготовительный аппарат и кооперацию.

Новые затруднения, вызванные засухой, поразившей Польшу летом 1947 г., были смягчены продовольственной помощью Советского Союза. В 1946—47 г. Советский Союз, несмотря на за-

труднения вследствие плохого урожая в ряде районов страны, поставил дружеской Польше в кредит свыше 700 тыс. *т* зерна.

2 июля 1947 г. сейм принял трёхлетний план экономического восстановления на 1947—1949 гг. Этот план как бы завершал собой ряд переходных планов. Основная целевая установка плана состояла в том, чтобы быстрыми темпами двинуть вперёд народное хозяйство, возродить разрушенные города, поднять жизненный уровень трудящихся выше довоенного.

План предусматривал увеличение производства средств производства на душу населения до 250% по отношению к 1938 г. и увеличение производства средств потребления — до 125%. План предусматривал достижение в конце 1948 г. самообеспечиваемости в области основных продуктов питания, за исключением молока и жиров, резкое увеличение посевных площадей, особенно значительный прирост сбора пшеницы, механизацию земледелия и т. д. В соответствии с общими задачами плана предусматривалась широкая подготовка квалифицированных кадров, развёртывание народного образования, расширение сети лечебных, научных, зрелищных и других учреждений.

В сущности, трёхлетний план далеко выходил за пределы восстановления хозяйства и создавал условия развёрнутого движения народно-демократической Польши в направлении к социализму.

Осуществление трёхлетнего плана началось в трудной обстановке. Однако империалистические державы, всеми способами пытавшиеся подорвать народно-демократический строй, терпели провал за провалом. В октябре 1947 г. англо-американская разведка вынуждена была убрать из Польши обанкротившегося главаря предателей и империалистических наймитов Миколайчика, трусливо бежавшего из страны.

Руководимый ППР польский рабочий класс со всё большей активностью и сознательностью разворачивал борьбу за выполнение трёхлетки. Ярким проявлением нового отношения к труду со стороны рабочего класса, поднявшегося до роли господствующего класса, явилось развитие в стране трудового, социалистического соревнования — основного метода строительства социализма. Выдающуюся роль в развитии социалистического соревнования сыграл передовик труда шахтёр Винценты Пстровский, положивший в июле 1947 г. начало индивидуальному социалистическому соревнованию. Вскоре в соревнование была втянута большая часть рабочего класса.

В 1947 г. промышленность перевыполнила задание в ценностном выражении на 3,4%.

Выполнение второго года трёхлетки началось под знаком исключительно важных советско-польских соглашений, подписанных в Москве 26 января 1948 г. Одно из этих соглашений предусматривало поставку Польше советского промышленного оборудования стоимостью в 450 млн. долларов на условиях среднесрочного

кредита; второе соглашение касалось вопроса о товарообороте между обеими странами в 1948—1952 гг. и устанавливало, что его общая сумма должна превзойти 1 млрд. долларов. Эти соглашения явились ещё одним проявлением дружеской и бескорыстной помощи СССР своему союзнику, направленной к укреплению его экономической независимости, всестороннему развитию народного хозяйства и увеличению промышленного потенциала. Советско-польские экономические соглашения явились полной противоположностью империалистической политике закабаления европейских стран с помощью грабительского плана Маршалла.

В 1948 г. объём промышленного производства достиг 140% по отношению к 1937 г. План второго года трёхлетки в ценностном выражении был перевыполнен промышленностью на 14%. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве поднялся с 45,5% в 1937 г. до 64% в 1948 г. Производство средств производства в валовой продукции промышленности составило 54% против 47% в 1937 г. В промышленности появились новые отрасли производства — судостроение и другие; промышленность оказала серьёзную помощь закреплению результатов аграрной реформы, успехи которой сделали возможным развитие механизации и электрификации сельского хозяйства.

В сельском хозяйстве к концу 1948 г. в основном завершилось землеустройство трудящегося крестьянства на старых и воссоединённых землях. Свыше 841 тыс. крестьянских хозяйств получило в целом 6 млн. *га* бывшей помещичьей и возвращённой земли. Класс помещиков, как и класс крупных промышленников, был полностью ликвидирован.

Валовая продукция трёх хлебных культур — ржи, пшеницы и ячменя — на душу населения составила в 1948 г. 122,1% против довоенного уровня. Впервые за послевоенные годы страна была обеспечена хлебом и даже располагала некоторыми излишками для экспорта.

Заметную роль в сельском хозяйстве стали играть предприятия социалистического типа — около 5 тыс. государственных земельных хозяйств, созданных на национализированных землях.

Успехи в сельском хозяйстве были достигнуты благодаря развитию и укреплению народно-демократического государства. Не ограничиваясь лишь проведением аграрной реформы и землеустройством на воссоединённых землях, государство оказывало трудящемуся крестьянству разностороннюю помощь и содействие. За три года, в 1945—1948 гг., крестьянам было предоставлено государственных кредитов на сумму свыше 53 млрд. злотых, выдано 2,7 млн. *т* искусственных удобрений, около 500 тыс. *т* семян, более 300 тыс. *т* посевного картофеля и т. д. Часть бывшего помещичьего инвентаря и скота была распределена среди крестьян, часть — передана крестьянской кооперации, ставшей важным фактором в жизни польской деревни. Используя переданный ей бывший помещичий инвентарь, а также сельскохозяй-

ственные машины, ставшие в большом числе поступать с предприятий государственной промышленности, сельскохозяйственная кооперация при помощи и под руководством государства создала машинопрокатные пункты и машинно-тракторные станции. Сельское хозяйство в 1948 г. использовало 14,5 тыс. тракторов.

По мере ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации и восстановления промышленности и сельского хозяйства повышался материально-культурный уровень трудящихся.

Рост промышленности сопровождался увеличением численности рабочего класса. Несмотря на общее уменьшение населения страны, число лиц, работающих по найму вне земледелия, возросло с 2,7 млн. чел. в 1938 г. до 3,6 млн. чел. в конце 1948 г. Удельный вес рабочих и членов их семей в общем составе населения за то же время повысился с 20% до 32%. Реальная заработная плата, составлявшая в 1946 г. всего 65% по отношению к заработной плате 1938 г., в декабре 1948 г. составляла уже 100% от довоенной. Вместе с тем стали сказываться новые факторы, существенно улучшавшие положение трудящихся: была полностью и окончательно изжита безработица — этот неизменный и постоянный бич трудящихся в капиталистических странах; увеличилось число работающих в семьях; в связи с перераспределением жилищ в интересах трудящихся и развёртыванием жилищного строительства улучшились бытовые условия населения; введены оплачиваемые отпуска; создана целая сеть оздоровительных и лечебных учреждений для трудящихся; установлена отвечавшая интересам трудящихся система социального страхования; обеспечены особые интересы трудящихся женщин, рабочей молодёжи, введены пособия для многодетных семей трудящихся и т. д.

Тысячи рабочих с производства заняли руководящие посты в хозяйственных и административных органах. Была создана широкая сеть профессионально-технических и общеобразовательных школ при предприятиях. В городах и деревнях развернулась энергичная борьба за ликвидацию одного из тяжёлых наследий прошлого — неграмотности взрослого населения. Количество детей в средних общеобразовательных школах составило в 1948 г. на каждые 100 человек населения 8 человек против 3 до войны, количество студентов выросло более чем в два раза и достигло 100 тыс. человек. В высших учебных заведениях, где дети рабочих и крестьян до войны насчитывались вообще лишь единицами, рабочая и крестьянская молодёжь составляла теперь половину общего числа студентов. Стала складываться и крепнуть новая интеллигенция, вышедшая из рядов трудового народа.

Подъём народного хозяйства был тесно связан с изменениями во внешнеэкономических связях. Внешнеторговые обороты, составлявшие в 1945 г. всего лишь 7,7% довоенных, в 1948 г. достигли 115,3% от довоенного уровня. Резко изменились номен-

клатура предметов ввоза и самое направление торговли. Первое и решающее место во внешней торговле народно-демократической Польши заняла её торговля с СССР. Польско-советские торговые обороты, достигнув в 1948 г. 1 212 млн. руб., более чем в сто раз превысили довоенный объём советско-польской торговли. Торговля с СССР приобрела исключительное значение для экономического развития и обеспечения политической независимости народно-демократической Польши.

Значительные накопления, образовавшиеся у народно-демократического государства, позволили с 1948 г. широко развернуть восстановительные работы в пострадавших от оккупантов сёлах и городах, в первую очередь — в многострадальной, героической, разрушенной Варшаве.

В то время как в промышленности, в результате коренных социально-экономических преобразований, утвердилось и победило социалистическое производство, в сельском хозяйстве продолжали сохраняться капиталистические отношения. Земельная реформа не могла привести к окончательному решению аграрного вопроса. Ликвидировав класс помещиков, она не уничтожила класс кулаков, не покончила с капиталистическими отношениями в деревне, не уничтожила условия, порождающие капитализм. Правда, запрещение купли, продажи и сдачи в аренду земли, специальная помощь государства наименее обеспеченным слоям крестьянства, соответствующая налоговая политика и политика в области цен на сельскохозяйственные продукты сдерживали развитие стихии капиталистических отношений. Но преобладание в стране индивидуального крестьянского хозяйства, рождающего капиталистов и капитализм, сохраняло базу для реставрации капитализма. Стихийно складывавшиеся рыночные отношения ещё играли крупнейшую роль в положении и развитии сельского хозяйства. Упрочение народной демократии и успешное строительство социализма невозможны без социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Народная демократия могла разрешить свою историческую задачу построения социализма только путём создания единой социалистической экономики, подобно тому, как это имело место в СССР в условиях осуществления новой экономической политики (нэп). И. В. Сталин в 1928 г. с гениальной прозорливостью указал, что «...нэп является неизбежной фазой социалистической революции во всех странах»[1].

Сущность экономической политики, рассчитанной на победоносное строительство социализма, была определена И. В. Сталиным: «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социали-

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 146.

стических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»[1].

ГЛАВА XXXIV

Народно-демократическая Польша на пути развёрнутого строительства фундамента социализма

В своём классическом труде «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» В. И. Ленин подчёркивал, что после завоевания пролетариатом политической власти, в период диктатуры пролетариата, классовая борьба не только не «затухает», но становится особенно резкой и острой. «Эксплуататоры разбиты, но не уничтожены, — писал он. — У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи. Энергия сопротивления их возросла, именно вследствие их поражения, в сотни и в тысячи раз»[2]. Изощряясь в способах сокрушения народно-демократической Польши, империалисты и внутренние враги польской народной демократии прибегали ко всё новым формам и методам подрывной деятельности. Особые надежды они возлагали на свою агентуру в польском рабочем движении — на правых социалистов.

Правые, социал-реформистские, социал-фашистские элементы в существовавшей в то время Польской социалистической партии на словах маскировались под социалистов и сторонников народной демократии. На деле же они являлись злейшими врагами социализма. Марксистско-ленинскому учению о классовой борьбе в условиях диктатуры пролетариата польские правые социалисты противопоставляли контрреволюционную теорийку о «затухании» классовой борьбы. Они пытались задержать поступательное движение страны к социализму, отстоять интересы эксплоататорских классов, в первую очередь, кулачества, взорвать рабоче-крестьянский союз и создать условия для реставрации буржуазно-помещичьего строя в Польше. Они изображали народную демократию как «синтез» капитализма и социализма, как строй, при котором якобы возможно сосуществование и мирное параллельное развитие капиталистических и социалистических элементов. Социал-фашисты всячески возбуждали националистические

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 364.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 95.

настроения, клеветали на СССР, на большевистскую партию, на Польскую рабочую партию.

Разгром и преодоление социал-реформистской, социал-фашистской идеологии, отравлявшей своим ядом некоторые круги интеллигенции и трудящихся, становились важнейшей задачей, от решения которой зависело дело дальнейшего развития Польши к социализму. Последовательную борьбу против предательской деятельности правых социалистов вела ППР.

Однако преодоление вражеской идеологии затруднялось происками группки Гомулки. В то время партии не было ещё известно, что эта группка состояла в тайном заговоре, направленном против свободы и независимости народно-демократической Польской республики Пользуясь этим, Гомулка попытался подвергнуть открытой ревизии в националистическом духе ленинскую оценку польского рабочего движения. Он возражал против анализа международного положения, сделанного во время совещания делегаций некоторых коммунистических партий в Варшаве в сентябре 1947 г. Он сопротивлялся принятию той части резолюции Информбюро коммунистических и рабочих партий о положении в югославской компартии, которая излагает марксистско-ленинские установки по вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Гомулка и небольшая группка его сторонников пытались отделить пути развития народной демократии от путей строительства социализма в СССР, стремились умалить международное значение СССР. Они утверждали, что режим народной демократии якобы открывает перед Польшей особый, «третий путь» развития, отличный и от капиталистического и от диктатуры пролетариата. Такая позиция была выражением оппортунистического перерождения, отражения «теорий» угасания классовой борьбы и мирного врастания в социализм.

Гомулка и его единомышленники навязывали ППР ликвидаторскую политику огульного, механического объединения с ППС. Политическая линия этой группки, направленная на реставрацию капитализма, диктовалась интересами империалистов и их польской агентуры. Эта группка скрытно помогала замаскированным врагам, провокаторам, диверсантам, изменникам вести свою подрывную деятельность. Как показал происходивший в августе 1949 г. будапештский процесс шпионского центра Райка — Бранкова, империалистические заправилы и их наймиты — титовцы — имели особые виды на носителей правых и националистических взглядов в ППР и связывали с их деятельностью свои далеко идущие контрреволюционные планы.

Польская рабочая партия сумела вскрыть правый и националистический уклон и повести против этого уклона беспощадную борьбу. Неоценимую помощь польскому рабочему движению, как и силам демократии во всём мире, оказало разоблачение в 1948 г. Центральным Комитетом ВКП(б) и Информационным бюро ком-

мунистических и рабочих партий предательской клики Тито в Югославии, проводившей политику фашизации страны и превращения её в вассала США.

На двух пленумах своего Центрального комитета в июне и в августе — сентябре 1948 г. ППР разгромила правый и националистический уклон. Генеральным секретарём ЦК партии был избран товарищ Берут. Преодолев правый и националистический уклон в условиях натиска мелкобуржуазной стихии и бешеной травли со стороны классового врага, ППР вышла из борьбы окрепшей, лучше вооружённой идеологически, более сплочённой и закалённой. В своих решениях, одобренных всей партией, Центральный комитет ППР подчеркнул, что обеспечить независимость и развитие страны в направлении к социализму возможно только на основе углубления дружбы и сотрудничества с СССР путём освоения опыта социалистического строительства в СССР, при проведении политики укрепления режима народной демократии, индустриализации страны и социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Решения пленумов Центрального комитета ППР вооружили польский рабочий класс и всех трудящихся марксистско-ленинским пониманием условий построения социализма в народно-демократической Польше. В сочетании с революционной практикой польского рабочего движения, построенной на принципах классовой борьбы и пролетарского интернационализма, решения Центрального комитета ППР открыли перед народно-демократической Польшей величественные перспективы поступательного движения в направлении к социализму. Осветив задачи польского рабочего класса, обосновав возможность для народно-демократической Польши полностью воспринять опыт СССР, эти решения укрепили партию и вдохновили всех трудящихся на новые трудовые подвиги, на беспощадную борьбу со всеми врагами союза и дружбы Польши с СССР.

В борьбе за осуществление генеральной линии ППР и намеченных ею конкретных мероприятий сплотились самые широкие круги рабочего класса и всех трудящихся. Разгром правого и националистического уклона в ППР поднял на новую ступень политическую жизнь страны и привёл к усилению идеологической борьбы со всеми буржуазными, социал-реформистскими, антиленинскими антинародными течениями и группками.

Под влиянием ППР передовые элементы в других политических партиях перешли в наступление против существовавших в их составе различных правых и националистических группировок. Левые в ППС переходили на позиции ППР, разоблачали социал-фашистские круги, изгоняли их из своей партии. Тем самым был сделан большой шаг вперёд к преодолению раскола в польском рабочем движении и объединению ППС и ППР на базе марксизма-ленинизма. Надежды империалистов на раскол польского рабочего класса провалились.

В декабре 1948 г. съезды ППР и ППС вынесли решение об объединении обеих партий. Состоявшийся вслед за тем объединительный съезд рабочих партий Польши создал единую марксистско-ленинскую партию польского рабочего класса — Польскую объединённую рабочую партию (ПОРП — Польска Зьединочона Партия Роботнича). Центральный Комитет ВКП(б) в приветствии Объединительному съезду ППР и ППС следующим образом оценил значение этого исторического события: «Образование единой рабочей партии, основанной на марксистско-ленинских идейных и организационных принципах, верной интернационалистическим традициям, является залогом дальнейших успехов в деле строительства новой демократической Польши и воплощения в жизнь идей социализма».

Создание Польской объединённой рабочей партии означало полную победу марксизма-ленинизма над реформизмом и национализмом в польском рабочем движении. В докладе Б. Берута «Об идеологических основах объединённой партии» и в идеологической декларации, принятой съездом, отмечалось, что государство народной демократии является одной из форм диктатуры пролетариата и осуществляет её функции, обеспечивающие развитие по пути к социализму. Съезд выдвинул великую историческую задачу развёрнутого строительства фундамента социалистического строя в Польше и в соответствии с этой задачей принял основные директивные установки нового, шестилетнего плана развития польского народного хозяйства на период 1950—1955 гг.

Образование Польской объединённой рабочей партии укрепляло руководящую роль партии рабочего класса в системе народной демократии, усиливало народно-демократическое государство, создало условия для строительства фундамента социализма.

«Партия, — учит товарищ Сталин, — есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата»[1]. В рядах Польской объединённой рабочей партии насчитывалось к моменту объединения до 1,5 млн. членов, представлявших авангард польского рабочего класса и его союзников из числа передовых людей деревни, передовых деятелей интеллигенции.

Результаты создания ПОРП и полного торжества марксизма-ленинизма в польском рабочем движении тотчас же сказались во всех областях общественной жизни. Усилилась борьба с буржуазными влияниями на идеологическом фронте. Известные решения Центрального Комитета ВКП(б) по идеологическим вопросам помогли передовым группам польской интеллигенции объединиться вокруг ПОРП в борьбе против упадочнического влияния распадающейся буржуазной культуры, против космополитизма — этой идеологии англо-американского империализма, против мракобесия, распространяемого Ватиканом. Огромную

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 35.

роль в этой борьбе играет ознакомление широких масс польского народа с достижениями советской социалистической культуры.

Новые творческие силы проявили себя в литературе, искусстве, науке. В стране развернулась подлинная культурная революция. Её участниками явились многомиллионные массы рабочих и крестьян, студенчество, интеллигенция. ПОРП возглавила великую созидательную деятельность по созданию национальной по форме, социалистической по содержанию культуры народно-демократической Польши. Великая теория марксизма-ленинизма, осваиваемая массами, становилась материальной силой, обеспечивающей новые успехи народной демократии.

После Объединительного съезда польских рабочих партий ряд новых процессов начался в развитии польской деревни.

Польская объединённая рабочая партия развернула широкую деятельность по мобилизации передовых кругов трудящегося населения на выполнение задач по поднятию уровня сельского хозяйства и зажиточности крестьянства путём социалистической реконструкции мелкотоварного крестьянского хозяйства и создания производственной сельскохозяйственной кооперации. Успехи социалистической индустриализации, начавшаяся широкая механизация и электрификация сельского хозяйства создали материальные предпосылки для социалистической перестройки деревни.

Посещение делегациями польских крестьян СССР, ответные визиты советских колхозников в Польшу, живой обмен опытом новой жизни наглядно показали польским крестьянам преимущества советского колхозного строя, создавшего нерушимые устои зажиточного, культурного существования крестьянства и открывшего дорогу к стиранию граней между городом и деревней.

ПОРП выступает против всяких попыток нажима или принуждения в деле создания коллективных крестьянских хозяйств. Последовательно пропагандируя коллективизацию сельского хозяйства, она считает, что темпы коллективизации зависят от самого крестьянства и от помощи, которую народно-демократическое государство может оказать деревне. При помощи ПОРП был преодолён раскол в крестьянских организациях; остатки очищенной от реакционеров и кулаков ПСЛ слились с «Стронництвом Людовым» и образовали в ноябре 1949 г. «Объединённую народную партию», признающую руководящую роль рабочего класса и его марксистско-ленинской партии в строительстве и развитии народной демократии.

Среди 2 200 сельскохозяйственных производственных кооперативов, действовавших в Польше к концу 1950 г. и обрабатывавших до 13% всей пахотной земли, имелись и товарищества по совместной обработке земли, и товарищества по совместному использованию сельскохозяйственных машин, и производственные кооперативы типа сельскохозяйственных артелей. Помощь государства сельскому хозяйству непрерывно растёт. Созданы государственные машинно-тракторные станции. Укрепление сельских

Крестьянские дети — новые хозяева бывшего помещичьего дворца.

организаций ПОРП и их руководящей роли в отношении массовых крестьянских организаций, неустанная помощь деревне со стороны рабочих бригад, развёртывание сети агротехнических и других учебных заведений, растущий поток техники, внедряющейся в сельское хозяйство, обеспечили новые успехи сельского хозяйства народно-демократической Польши.

Рабочий класс ознаменовал создание ПОРП рядом выдающихся производственных успехов. По призыву Объединительного съезда польских рабочих партий развернулась борьба за выполнение трёхлетки в 2 года и 10 месяцев. Социалистическое соревнование охватило подавляющее большинство рабочего класса. Широко распространилось движение передовиков производства по освоению опыта советских стахановцев и выдающихся новаторов производства. Новое отношение к труду, как к делу доблести и геройства, стало характерным для значительной части польских рабочих.

Передовые методы производства, социалистическое отношение к труду обеспечили крупные достижения на строительстве магистрали Восток — Запад в возрождающейся Варшаве, освоение Одера, восстановление промышленных предприятий Вроцлава, создание грузовых кораблей — первенцев польского судостроения и т. д.

Одно за другим отдельные предприятия, а затем и целые отрасли промышленности досрочно выполнили свои трёхлетние планы.

В целом трёхлетний план восстановления и развития народного хозяйства был выполнен к 1 ноября 1949 г., т. е. в 2 года и 10 месяцев.

Варшава. Новый мост через Вислу.

Выдающиеся достижения народно-демократической Польши позволили полностью отменить с 1 января 1949 г. карточную систему снабжения населения. Проведённые одновременно реформа системы заработной платы и снижение цен на ряд предметов потребления привели к новому росту реальной заработной платы в среднем на 10% и к укреплению злотого. После СССР Польша оказалась первым государством, успешно преодолевшим наиболее тяжёлые последствия войны и фашистской оккупации в области продовольственного снабжения населения.

Неуклонное повышение жизненного уровня трудящихся Польши и других стран народной демократии представляет резкий контраст с растущей нищетой масс Англии, Франции, Италии, США и других капиталистических стран. Непрерывный рост благосостояния населения — одно из проявлений преимущества социалистического строя над капиталистическим, свидетельство правильности пути, избранного польским народом под руководством своей марксистско-ленинской партии.

Рост социалистического сектора в промышленности, в торговле и в сельском хозяйстве непрерывно суживает сферу влияния рынка на крестьянское хозяйство. Вместо стихийно складывавшихся рыночных отношений всё более решающим фактором, влияющим на развитие сельского хозяйства, становится планово-регулирующая роль государства.

Капиталистические элементы в польской экономике в итоге выполнения трёхлетнего плана понесли существенный урон. В условиях острой классовой борьбы они оказались почти полностью

Реконструированные улицы Варшавы.

вытесненными из решающих сфер экономической жизни страны — промышленности и оптовой торговли — и существенно ограниченными в розничной торговле, в сельском хозяйстве. Выдающиеся завоевания польского народа во главе с рабочим классом, одержанные в период борьбы за выполнение трёхлетки, нашли выражение в коренном изменении классовой структуры населения.

Население, которое живёт доходами труда по найму, исключая сельское хозяйство, составило в 1949 г. 35,9% против 18,2% в 1938 г., за счёт земледелия жило 51,6% против 64,5% в 1938 г., за счёт ренты и пенсий — соответственно 2,9% и 2,2%, на городских капиталистов, ремесленников и людей свободной профессии приходилось 9,3% против 13,0%, а безработные, составлявшие в 1938 г. по фальсифицированным и преуменьшенным данным официальной статистики 2,1% населения, в 1948 г. вовсе исчезли.

Выполнение и перевыполнение трёхлетки создало прочные основания для осуществления шестилетнего плана 1950—1955 гг. — плана построения основ социализма. Шестилетний план, одобренный пленумом ЦК ПОРП в июле 1950 г. и ставший законом 21 июля 1950 г., предусматривает полное преодоление экономической отсталости страны, резкий подъём уровня производительных сил, индустриализацию страны, оснащение сельского хозяйства передовой техникой, дальнейший подъём материального и культурного уровня населения. Стоимость промышленной продукции на душу населения увеличится в 5 раз по сравнению с довоенным периодом, произойдёт коренная перестройка промышленности путём ликвидации диспропорций в народном хозяйстве, использовании сырьевых и водных ресурсов, индустриализации ранее отсталых аграрных районов. Коренная реконструкция произойдёт и в сельском хозяйстве в результате его механизации, электрификации, применения достижений советской агробиологии в условиях перехода к крупным коллективным хозяйствам и вытеснения, а в дальнейшем ликвидации кулачества как класса.

Варшава. Аллея имени И. В. Сталина.

В течение шести лет должен произойти более чем двукратный прирост промышленности продукции. Ежегодный прирост промышленной продукции будет составлять около 13% против предыдущего года. В 1955 г. промышленная продукция Польши в 4 раза превысит довоенный уровень.

В течение шестилетки предстоит выстроить 1 425 крупных народно-хозяйственных объектов. Новые заводы и фабрики будут размещены по всей стране. Недалеко от Кракова воздвигается гигант польской металлургии, производительность которого превысит производительность всей современной польской металлургической промышленности. Автомобильная промышленность выпустит в 1955 г. 25 тыс. грузовых и 12 тыс. легковых автомашин. Добыча угля будет доведена до 100 млн. *т* против 75,5 млн. *т* в 1949 г.; резко возрастёт добыча железных и цинково-свинцовых руд. Производство электроэнергии увеличится по сравнению с довоенным в 6 раз и достигнет в 1955 г. 19,3 млрд. *квт/ч,* выплавка стали составит 4,6 млн. *т,* или в 2 раза больше, чем в 1949 г., и в 3,2 раза больше, чем 1938 г.

Наряду с огромным увеличением производства средств производства возрастёт выпуск средств потребления. Укрепится оборонная мощь страны.

Резко возрастёт механизация сельского хозяйства; оно получит в течение шестилетки 76,1 тыс. тракторов; производство сельскохозяйственных машин и орудий почти утроится; намного увеличится снабжение деревни искусственными удобрениями.

Для удовлетворения потребностей растущей социалистической промышленности и населения продукция сельского хозяйства должна за шесть лет возрасти на 50% по сравнению с 1949 годом — годом высокого урожая; общая стоимость сельскохозяйственной продукции на душу населения будет на 61% выше, чем в 1937 г.

Оснащение сельского хозяйства новой техникой создаст условия для быстрого развития коллективизации крестьянского хозяйства. Окрепнет и усилится социалистический сектор в сельском хозяйстве — МТС и крупные государственные хозяйства, товарная продукция которых составит 22,1% всей товарной продукции трёх основных зерновых культур.

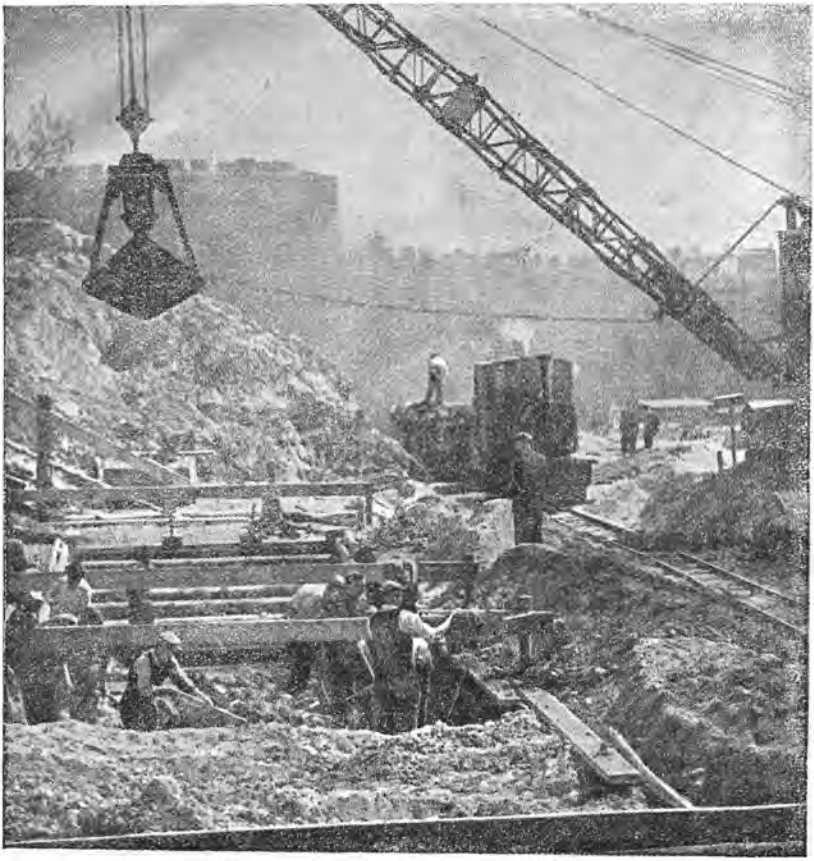
Высшей школе предстоит подготовить для нужд народного хозяйства десятки тысяч специалистов—инженеров, врачей, педагогов и других представителей социалистической интеллигенции.

Огромные сдвиги произойдут в течение шестилетки в материальном и культурном положении трудящихся масс. Потребление на душу населения, с учётом его прироста, поднимется на 67% по отношению к 1949 г. и в 2 с лишним раза превысит довоенный уровень. Сотни тысяч новых квартир, тысячи школ и больниц, сотни санаториев, институтов, библиотек широко откроют свои двери труженикам города и деревни.

Капиталистические элементы будут окончательно ликвидированы в промышленности, в основном вытеснены из торговли, ограничены в сельском хозяйстве. Построив основы социализма, народно-демократическая Польша в течение шести лет вплотную подойдёт к построению социалистического общества.

Разьёрнутый переход СССР к коммунизму, непрерывное укрепление его мощи и международного авторитета, усиление всего лагеря мира и демократии создают для Польши твёрдые гарантии победы социализма. Советский Союз оказывает Польше огромную помощь в строительстве социализма. Шестилетний план основывается на всесторонней помощи СССР: Советский Союз поставляет Польше оборудование для металлургического гиганта, для электростанций, для ряда химических, автомобильных и других заводов. 29 июня 1950 г. был подписан протокол об увеличении объёма товарооборота между СССР и Польшей, соглашение о взаимных поставках на 1953—1958 гг. и соглашение о поставках Польше промышленного оборудования в кредит на 1951—1958 гг., причём для частичного погашения поставок Советский Союз предоставил Польше крупные кредиты. При помощи СССР народнохозяйственный план за 1950 г. — первый год шестилетки — был выполнен промышленностью по стоимости в неизменных ценах на 107,4%, а стоимость продукции по сравнению с 1949 г. возросла в промышленности на 30,8%, в сельском хозяйстве на 13%.

Успешное развитие польской народной демократии и перспективы построения в Польше социалистического общества вызывают



Строительство метро в Варшаве.

звериную ярость со стороны империалистов. Они пускают в ход все свои чёрные силы для того, чтобы затруднить и сорвать дело строительства социализма. Ватикан, прислуживавший Гитлеру, попытался спасти от наказания палачей польского народа — гитлеровцев. В особом послании папа заверил германских реваншистов и американо-английских империалистов о непризнании западных польских границ.

Руководители католической церкви стали неприкрыто вмешиваться в политическую жизнь, выступать против мероприятий правительства, фабриковать «чудеса» в целях разжигания внутренней борьбы. Некоторые ксёндзы создали шайки диверсантов и террористов. Подрывная деятельность реакционных церковников вызывает глубокое возмущение со стороны трудящихся, в том числе и среди верующих. Государственные органы предупредили церковь о том, что не позволят врагам новой Польши без-

наказанно использовать церковные организации и учреждения для борьбы против народной демократии.

Ожесточённое сопротивление народно-демократическому государству оказывают кулаки, остатки городской буржуазии, агенты империалистических разведок. В докладе на пленуме Центрального комитета Польской объединённой рабочей партии в ноябре 1949 г. о задачах партии в борьбе за революционную бдительность в нынешней обстановке Б. Берут предупредил партию: «До сегодняшнего дня на базе многочисленных ещё обломков реакции в стране и за границей интенсивно организуется империалистическая кампания диверсий, шпионажа и заговоров с помощью сети агентур в отдельных звеньях нашего экономического и государственного аппарата». Шпионско-диверсионная деятельность отражает обостряющуюся борьбу классов. Попытки развёртывания этой деятельности составляют неотъемлемую часть авантюристической агрессивной политики американо-английских империалистов.

Судебный процесс в Будапеште над шпионским центром Райка—Бранкова и их сообщниками показал, что поджигатели войны и их титовские лакеи подготовляли против народно-демократических республик вооружённую империалистическую интервенцию и с помощью своих агентур стремились к организации контрреволюционных государственных переворотов. Специфические польские условия, где методы провокации издавна практиковались господствующими классами в борьбе против народа, до известной степени благоприятствовали планам империалистов и их наймитов. В соответствии со своей контрреволюционной установкой, рассчитанной на реставрацию капитализма, главари правонационалистической группки помогли империалистической агентуре обосноваться в ряде звеньев польского народно-демократического государства. Разоблачение этой агентуры органами безопасности позволило вскоре установить, что главари правонационалистической группки Гомулки являлись шпионско-диверсионной агентурой империалистов.

Пленум ЦК ПОРП отметил, что усиление бдительности становится одной из главных и самых неотложных задач партии. Рост наступательной силы партии, растущая политическая зрелость рабочего класса, укрепление связи партии с массами, освоение партией принципов большевистской революционной бдительности создали условия для полного разгрома замаскировавшегося врага.

Разворачивая беспощадную борьбу с открытыми врагами, с их замаскированной агентурой, с идейными шатаниями, с беспечностью, с оппортунизмом, ПОРП успешно ведёт народно-демократическую Польшу к новым победам. Чем прочнее и сильнее становится народно-демократическая Польша, тем явственнее выступают черты складывающейся новой польской

социалистической нации. Эта нация построена на основе союза рабочего класса и крестьянства, равноправия и свободного развития всего трудового народа, ликвидации остатков эксплоататорских классов, вытравливания остатков национализма, утверждения руководящей роли рабочего класса и его авангарда — ПОРП, победы марксистско-ленинской идеологии, торжества интернационализма и чувства единства со всеми угнетёнными и неполноправными нациями, беспредельной любви и преданности Советскому Союзу и вождю и учителю всего прогрессивного и свободолюбивого человечества — товарищу Сталину. Яркой демонстрацией крепнущего единства польского народа явились всенародные торжества в декабре 1949 г. по случаю семидесятилетия вдохновителя развития народно-демократической Польши по пути социализма — товарища Сталина.

Связанная неразрывными узами братства, дружбы и союза с великим Советским Союзом, народно-демократическая Польша заняла видное место в демократическом и антиимпериалистическом лагере. Объединившись вокруг СССР, Польша и другие страны народной демократии установили между собой дружеские, союзные отношения.

Как между Польшей и СССР, так и между Польшей и другими странами народной демократии установились тесные экономические отношения, направленные на взаимную помощь в деле быстрейшего развития производительных сил. В целях экономической деятельности и укрепления экономических отношений нового типа, сложившихся в возглавляемом СССР лагере демократии и социализма, в январе 1949 г. был создан с участием Польши Совет экономической взаимопомощи.

На международной арене народно-демократическая Польша активно поддерживает борьбу СССР за мир, против империалистической агрессии.

Твёрдо и настойчиво польское правительство отражает нападки империалистов США и Англии. Союз и дружба с СССР позволяют народно-демократической Польше быть спокойной за незыблемость своего суверенитета и своей территориальной целостности.

Представители Польши в Организации Объединённых Наций энергично отстаивают дело мира, совместно с представителями СССР добиваются сокращения вооружений и запрещения атомного оружия, разоблачают англо-американскую интервенцию в Греции, преступную войну американских империалистов против народа Кореи, кровавый фашистский режим Франко в Испании, протестуют против гнёта и насилия, чинимых империалистическими державами в зависимых и колониальных странах. В великой борьбе Советского Союза за мир, против американо-английских империалистов, организующих новую мировую войну, народно-демократическая Польша неизменно находится рядом с СССР.

Разоблачение националистической фашистской клики Тито—Ранковича нанесло сильный удар по происках империалистов, направленным против СССР и стран народной демократии. Делая свои выводы из будапештского процесса, польский народ констатировал, что, заключая в 1946 г. договор о дружбе и взаимной помощи с Польшей, югославские правители стремились лишь облегчить диверсионную работу против СССР и народно-демократической Польши. Ввиду того, что югославское титовское правительство своей политикой контрреволюционных заговоров растоптало и уничтожило польско-югославский договор, польское правительство заявило 30 сентября 1949 г. о том, что оно не считает себя более связанным этим договором.

Особое место в польской внешней политике занимают вопросы, имеющие отношение к Германии — соседу, который в течение многих веков проводил хищническую, истребительную антипольскую политику. Народно-демократическая Польша всецело солидаризировалась с решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, рассчитанными на искоренение фашизма, справедливое мирное урегулирование, сотрудничество всех народов в деле поддержания общего мира и безопасности.

Польское правительство неустанно противодействовало политике империалистических стран, направленной на подрыв мира и безопасности. В 1946 г. оно вместе с СССР разоблачило раскольнические действия США и Англии в Германии. В 1947 г. оно решительно отказалось принять участие в плане Маршалла и в полном единодушии с позицией СССР и других миролюбивых стран раскрыло действительное содержание этого плана, направленного к установлению гегемонии США в Европе и возрождению Германии как милитаристского и агрессивного государства. Польское правительство не один раз обращалось к правительствам США, Англии и Франции с нотами и заявлениями по поводу нарушения ими Потсдамского соглашения о единстве Германии и против срыва западными державами денацификации, демилитаризации и демократизации западных оккупационных зон. Польское правительство неоднократно заявляло об опасности, проистекающей от реваншистской и ревизионистской пропаганды, ведущейся немецкими империалистическими кругами и правыми социал-демократами при поддержке и поощрении со стороны англо-франко-американских оккупационных властей.

После неправомерных решений, принятых империалистическими державами на совещаниях в Лондоне летом 1948 г. о проведении новых мероприятий по расколу Германии с целью превращения её западной части в плацдарм и военно-промышленную базу для новой агрессии в Европе, польское правительство совместно с правительством СССР выступило с инициативой созыва совещания министров иностранных дел миролюбивых стран. Это совещание, состоявшееся в июне 1948 г. в Варшаве, установило способы разрешения германского вопроса в соответствии с инте-

В. М. Молотов перед отъездом из Варшавы по окончании совещания министров иностранных дел.

ресами всех народов и в том числе самого германского народа. В заявлении, опубликованном участниками совещания, специально подчёркивалось, что польская граница на Одере и Западной Нейсе является незыблемой границей — границей мира. В своих комментариях к этому заявлению польская печать отмечала, что участники Варшавского совещания признали нынешние границы Польши гарантией своей собственной независимости и безопасности.

Варшавское совещание министров иностранных дел СССР и примыкающих к нему миролюбивых стран Европы существенно укрепило международные позиции народно-демократической Польши. Покидая польскую столицу по окончании совещания, В. М. Молотов специально указал, что «польские друзья правы, когда видят в советско-польской дружбе лучшую гарантию независимости Польской народной республики, её мощи и процветания».

Возросший международный авторитет Польши, вытекающий из отношений народно-демократического государства к социалистическому Советскому Союзу, нашёл своё яркое выражение в успехе состоявшегося в августе 1948 г. в Польше Международного конгресса работников науки и искусства в защиту мира. Избрание местом проведения конгресса древнего польского города Вроцлава, центра воссоединённых польских земель, свидетельствовало о признании всеми прогрессивными кругами всего мира справедливости и незыблемости новых польских западных границ. Манифест, принятый конгрессом, призвал к мобилизации всех сил в защиту мира и сыграл видную роль в развёртывании мощного антивоенного движения во всём мире.

Разоблачая политику империалистических держав и их прислужников из числа германских милитаристов, народно-демократическая Польша в то же время дружески относилась к растущим демократическим силам германского народа. Твёрдая воля прогрессивных кругов Германии к созданию единого миролюбивого демократического германского государства находила полную поддержку со стороны народно-демократической Польши.

Когда в новых условиях, создавшихся после завершения раскола Германии англо-американскими империалистами и появления в Бонне марионеточного правительства ставленников Уолл-стрита, в Берлине 7 октября 1949 г. была провозглашена Германская демократическая республика, польский народ выразил своё одобрение этому акту передовых кругов немецкого народа.

С исключительным удовлетворением польский народ встретил заявление президента Германской демократической республики В. Пика и премьер-министра О. Гротеволя о том, что для Германской демократической республики граница по Одеру—Нейсе (Нисе) является границей мира.

Приветствие И. В. Сталина руководителям Германской демократической республики раскрыло перед всем миром историческое значение образования Германской демократической республики. В своих откликах на приветствие И. В. Сталина В. Пику и О. Гротеволю польская общественность отмечала, что советско-польский союз и дружба явились важной предпосылкой, содействовавшей созданию мирной и демократической Германской республики и что в результате сталинской внешней политики Советского Союза Польша впервые за всю свою историю приобрела дружественного и миролюбивого соседа на западе.

Вслед за решением Советского правительства об обмене дипломатическими миссиями с Временным правительством Германской демократической республики, аналогичное решение 19 октября 1949 г. было принято польским правительством.

Как выдающийся успех дела мира, демократии и социализма, польский народ приветствовал историческую победу

китайского народа и создание Китайской Народной Республики. 4 октября 1949 г. вслед за Советским Союзом народно-демократическая Польша признала правительство Китайской Народной Республики во главе с Мао Цзэ-дуном. Ещё в 1948 г. народно-демократическая Польша установила дипломатические отношения с Народно-демократической республикой Кореи, а в феврале 1950 г. — с Демократической республикой Вьетнам.

Выдающимся совместным вкладом народно-демократической Польши и Германской демократической республики в дело мира явилось подписание 6 июля 1950 г. в пограничном городе Згожелец польско-германского договора о демаркации установленной и существующей государственной границы по Одеру и Нисе Лужицкой. Подписание этого договора скрепило дружбу двух соседних народов, опирающихся в своём развитии на сотрудничество с СССР, и существенно затруднило планы американо-английских поджигателей войны.

Переход империалистов США и их союзников и сателлитов от подготовки агрессии к открытой агрессии против Кореи и Китая вызвал огромное возмущение широких народных масс Польши. В стране усилилось движение борьбы за мир. Сотни тысяч поляков принесли добровольные пожертвования в пользу детей — жертв империалистической агрессии в Корее. Свыше 18 млн. поляков, т. е. практически всё взрослое население страны, за исключением жалкой кучки отщепенцев, подписало Стокгольмское воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, требующее запрещения атомной бомбы и объявления военным преступником правительства, которое первым применит атомную бомбу. В грозном предостережении организаторам третьей мировой войны, с которым выступили все народы мира, голос польского народа, понёсшего по вине империалистов неисчислимые потери в годы второй мировой войны и спасённого от уничтожения благодаря победам СССР, прозвучал с особой силой.

Выдающуюся услугу делу борьбы за мир во всём мире народно-демократическая Польша оказала, создав все необходимые условия для работы Второго всемирного конгресса сторонников мира, предполагавшееся проведение которого в Шеффильде (Англия) в последний момент оказалось невозможным ввиду запретительных мер английского лейбористского правительства. В Варшаве, где 16—21 ноября 1950 г. заседал конгресс, посланцы 80 стран разработали программу дальнейшей борьбы за мир и создали Всемирный совет мира. Варшаве — символу мирного восстановления — была присуждена почётная премия Мира.

Польский народ решительно осудил американо-английскую политику сколачивания атлантического и других агрессивных блоков, ремилитаризации Западной Германии и Японии, вооружения титовской Югославии, формирования так называемой атлантической армии и т. п. Представители польского правитель-

ства приняли деятельное участие в Пражском совещании министров иностранных дел (октябрь 1950 г.), разоблачившем угрозу миру со стороны США, Англии и зависящих от них стран.

Польский народ вдохновенным трудом, освоением опыта советских новаторов сельского хозяйства и промышленности непрерывно крепит силы и мощь своей страны. Успехи строительства фундамента социалистической экономики, укрепление экономической независимости Польши от капиталистического хозяйства благодаря неуклонно развивающимся отношениям дружбы и братства с СССР создали условия для проведения в стране 30 октября 1950 г. денежной реформы, направленной против капиталистических элементов, в том числе и кулачества, и на возрастание покупательной силы трудящегося населения, на упрочение народно-демократического государства. Новый злотый, введённый в результате реформы, приравнен к советскому рублю и призван служить делу дальнейшего углубления экономических отношений Польши с СССР и странами народной демократии, делу дальнейшего успешного развития Польши на путях мира и социализма.

В соответствии с волей польского народа, Законодательный сейм 29 декабря 1950 г. одобрил предложения Всемирного конгресса мира, направленные на сохранение и укрепление мира и восстановление доверия между всеми странами, и принял Закон о защите мира, объявляющий преступлением, подлежащим компетенции военных судов, пропаганду войны или борьбу или клевету против движения сторонников мира.

Власть трудящихся во главе с рабочим классом и углубляющиеся дружба и братство с СССР обеспечили выдающиеся внутренние и международные достижения народно-демократической Польши. С уверенностью в новых победах польский народ строит фундамент социализма. Его вера в светлое будущее своей страны покоится на неразрывной связи с руководящей силой лагеря мира, демократии и социализма — победоносным Советским Союзом.

В сознание каждого польского трудящегося глубоко запали слова Болеслава Берута, раскрывающие основы исторических побед польского народа, успешного развития народно-демократической Польши по пути к социализму: «Дружба Советского Союза, помощь Советского Союза, пример Советского Союза — вот основные источники наших побед».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Часть 1.

Феодально-крепостническая многонациональная Речь Посполитая.

Глава I. Образование и развитие польского феодально-крепостнического государства с древнейших времён до середины XVIII в. 9

Глава II. Распад и разделы феодально-крепостнической Речи Посполитой 38

Глава III. Последние годы феодально-крепостнической Речи Посполитой 56

Часть 2.

Польша в период разделов и чужеземного ига.

Глава IV. Польша и польский вопрос в европейской политике 1795—1815 годах 77

Глава V. Королевство Польское в 1815—1830 годах 92

Глава VI. Восстание 1830—1831 годов в Королевстве Польском . . 105

Глава VII. Польская эмиграция 30—40-х годов XIX века . 113

Глава VIII. Краковская республика (1815—1846) 122

Глава IX. Прусские владения в Польше в 1815—1847 годах . . . 126

Глава X. Национально-освободительная борьба в Познаньщине в 1848 году 135

Глава XI. Королевство Польское в 1831—1863 годах 142

Глава XII. Национально-освободительное восстание 1863—1864 годов в Королевстве Польском 159

Глава XIII. Польские земли в составе империи Габсбургов в 1815—1867 годах 166

Глава XIV. Польские земли под прусским игом в период соединения Германии 184

Глава XV. Королевство Польское в период перехода от «свободного» капитализма к империализму 188

Глава XVI. Польские земли Галиции в период перехода от «свободного» капитализма к империализму 209

Глава XVII. Польские земли под прусским игом в период перехода от «свободного» капитализма к империализму 218

Глава XVIII. Подъём рабочего движения в Королевстве Польском в 1901—1904 годах 225

Глава XIX. Революция 1905—1907 годов в Королевстве Польском. . 231

Глава XX. Королевство Польское в годы реакции и подъёма рабочего движения перед первой мировой войной 240

Глава XXI. Польские земли под прусским игом в период довоенного империализма 244

Глава XXII. Польские земли Галиции в период довоенного империализма 248
Глава XXIII. Польша и польский вопрос в первые годы первой мировой войны 256
Глава XXIV. Великая Октябрьская социалистическая революция — решающее и основное условие восстановления польского государства 266

Часть 3.

Польша — буржуазно-помещичье государство.

Глава XXV. Восстановление Польши как буржуазно-помещичьего государства 277
Глава XXVI. Антисоветские захватнические войны Польши в 1919—1920 годах 287
Глава XXVII. Обострение внутренних противоречий и нарастание революционного подъёма в 1921—1923 годах 300
Глава XXVIII. Провал политики стабилизации и установление фашистской диктатуры Пилсудского 307
Глава XXIX. От мирового экономического кризиса 1929 года до сентябрьской катастрофы 1939 года 316
Глава XXX. Польша в первые годы немецко-фашистского ига . . . 330

Часть 4.

Народно-демократическая Польша.

Глава XXXI. Польский народ в борьбе против немецко-фашистского ига в первые годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии 339
Глава XXXII. Советский Союз — освободитель Польши и защитник её свободы и независимости 351
Глава XXXIII. Народно-демократическая Польша в период восстановления народного хозяйства 367
Глава XXXIV. Народно-демократическая Польша на пути развёрнутого строительства фундамента социализма 386

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
38	15 сверху	некатолическому,	некатолическому
141	3 снизу	1774	1794
150	16 снизу	1815	1855
159	2 снизу	пользовании, за	пользовании за
242	19 сверху	социал-демократии[2].	социал-демократии»[2].
333	18 снизу	индивидуальные	индустриальные
335	2 снизу	неподлегалость»	неподлеглость»
367	19 снизу[1]	сноску см. на стр.	368
380	23 снизу	междунардное	международное

Художник *Б. С. Никифоров.*

Редактор *А. М. Филиппов.*
Автор карт *Н. А. Киселев.*
Редактор карт *А. И. Агафонова.*
Техн. редактор *Н. Н. Махова.*

Подписано к печати 6/XII 1951 г. А-08156. Бумага 60×92¹/₁₆. Бумажных листов 12,75. Печатных листов 25,5. Учётно-издат. листов 26,44. Тираж 25 тыс. экз. Заказ № 2795. Цена без переплёта 7 р. 95 к. Переплёт бум. 80 к., переплёт коленкоровый 1 р. 75 к.

Типография № 3 ЛРТПП г. Рига, ул. Ленина, 137/139.

Цена 8 р. 75 к.
Цена [illegible] к.
по [illegible] 1892 г.